

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ДОННУ

ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 12

ТОМ 4:

Юриспруденция

Часть 2



Донецк -2020

ISSN 2522-4824

ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСК 12

ТОМ 4

Юриспруденция

Часть 2

Донецк – 2020

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 12, том 4: *Юриспруденция*, часть 2. – 263 с.

**Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**

Главный редактор – Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности

Зам. главного редактора – Дегтярев С.В., председатель Совета СНО

Ответственный секретарь – Самарёва Т.Н.

Технический редактор – Миронова А.К.

Члены редакционной коллегии:

Асланов П.В., канд. физ.-мат. наук, доцент

Гапотченко Н.Е., канд. филол. наук, доцент

Панчехина М.Н., канд. филол. наук, доцент

Разумный В.Н., к. ист. наук, доцент

Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент

Тимошенко Н.А., канд. юрид. наук, доцент

Воробьева Ю.С., ассистент

Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент

Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент

Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В двенадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 2-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4 в 2-х частях). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.* Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те, или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договора № 452-11/2018.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонНУ, к. 215;

Тел.: (062) 302-92-26;

E-mail: t.samareva@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/science/sno>

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
протокол № 2 от 06.03. 2020 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кудринская М.А.</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ	6
<i>Кулик И.С.</i> ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ СОБИРАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	10
<i>Кучерявых В.Э.</i> ВОПРОСЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	15
<i>Лахов Н.Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА	20
<i>Лашкевич А.В.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА И ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	26
<i>Лебединская А.С.</i> К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ ДИФФАМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	30
<i>Левицкая Т.А.</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО	33
<i>Литвинов Е.В.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРРУПЦИОННОГО НАРУШЕНИЯ	38
<i>Макарова М.С.</i> К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ	42
<i>Матвийчук А.О.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	46
<i>Мельниченко Д.Ю.</i> ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	51
<i>Моисеева К.Н.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	55
<i>Насирова Л.С.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	60
<i>Наумова И.И.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	64
<i>Нерובה Л.Р.</i> ОТГРАНИЧЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	68
<i>Нещадимова С.А.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОДРУЖЕСТВА	74
<i>Осташевская В.О.</i> БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ	79
<i>Острадчук С.С.</i> НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ	83
<i>Панин А.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОВЛЕКШИХ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ РАБОТЫ ТРАНСПОРТА	87
<i>Пасечник В.С.</i> РОЛЬ КОНВЕНЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	91
<i>Петривная Я.М.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОЖЕРТВОВАНИЯ КАК ОТДЕЛЬНОГО ВИДА ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	96
<i>Прокопенко Д.А.</i> ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ	100
<i>Резник А.А.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРУГА НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	105
<i>Роговая А.С.</i> ЗАМЕНА НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА В ДЕЛАХ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА ПРИЧИНЕННОГО РАБОТНИКОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	109
<i>Савенко Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ	113

<i>Савкина М.В.</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	117
<i>Свиридова К.Е.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	121
<i>Слайковский Е.А.</i> МЕСТО И РОЛЬ ИНСТИТУТА НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ГЕНЕЗИСЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	127
<i>Слизовский В.А.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АНТАРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ	133
<i>Сокур А.С.</i> ЭКОЦИД – ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	138
<i>Соловьёва А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	144
<i>Соловьёва А.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	147
<i>Соловьёва Д.Р.</i> ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ	151
<i>Стародубов Р.Р.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ	157
<i>Степанюк Т.В.</i> АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	161
<i>Стороженко А.А.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ: ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС И ГАРАНТИИ	166
<i>Таразанова К.С.</i> ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	170
<i>Тимошевский М.А.</i> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	174
<i>Толчеев Н.П.</i> О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИФИНИЦИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	177
<i>Толчеев Н.П.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СУТИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИНДИКАТИВНОГО МЕТОДА БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	182
<i>Торобцев А.Г.</i> СУБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	187
<i>Усатова А.А.</i> ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	191
<i>Фарафонова В.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	197
<i>Федосеева Я.О.</i> ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ	201
<i>Фоций А.С.</i> ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	205
<i>Харченко Д.С.</i> ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	209
<i>Черникова А.В.</i> ПОНЯТИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	213
<i>Чигарев Д.А.</i> ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА НЕУСТОЙКУ	219
<i>Чумаченко М.М.</i> ОБ ОБЯЗАННОСТИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА ПО УПЛАТЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ	225
<i>Шалаев В.В.</i> О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ	229
<i>Шарофост Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ	232

<i>Шумайлова Ю.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ К ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦ	235
<i>Щедрина Д.С.</i> НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ЛИЦА КАК ОБЪЕКТ ТОРГОВЛИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ	239
<i>Щекланова К.Э.</i> О ПРОЦЕДУРЕ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ	243
<i>Щипунова М.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	247
<i>Якубенко Б.А.</i> К ВОПРОСУ О НЕПРЕРЫВНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	251
<i>Яременко Д.А.</i> К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА	256

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Кудринская М.А.

*Научный руководитель: Максименко О.Б., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается эволюция научных концепций относительно квалификации посредничества во взяточничестве, а также связанный с ней вопрос разграничения соучастия и посредничества в взяточничестве. Также проанализированы точки зрения относительно проблемы разделения посредничества во взяточничестве на физическое и интеллектуальное посредничество, а соответственно относимости указания значительного размера взятки только ко второй форме посредничества или к обоим формам вместе.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, посредничество во взяточничестве, пособничество во взяточничестве, ответственность за посредничество.

Понятие посредничества во взяточничестве, определение в диспозиции правовой нормы его форм, регламентация уголовной ответственности за него неоднократно менялись, что подтверждает проблематичность уголовно-правового понимания данной деятельности.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в процессе уголовно-правовой оценки посредничества во взяточничестве правоприменители сталкиваются с множеством проблемных вопросов, которые заключает в себе сложная по структуре и описанию ст. 345 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР): уголовно-правовая характеристика действий, образующих различные формы посредничества, их отличие от соучастия в даче и получении взятки и другие. В Российской Федерации часть вопросов отражена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Верховным Судом Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) не изданы разъяснения к рассматриваемой правовой норме, что также подтверждает необходимость её более подробного изучения.

Данной теме уделили достаточно внимания такие ученые-правоведы как П. С. Яни, А. А. Гаджиева, А. А. Омаров, М. И. Моисеенко, М. С. Кочина, А. Н. Шалахов, В. И. Тюнин, С. Д. Белов и другие.

Целью исследования является изучение уголовно-правовой характеристики и проблемных аспектов квалификации посредничества во взяточничестве, выработка рекомендаций по усовершенствованию уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за исследуемое преступление.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи:

– провести анализ эволюции уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в истории отечественного законодательства, теории и практике уголовного права;

– произвести юридико-догматический анализ терминологии, используемой в отсылочной диспозиции ст. 345 УК ДНР, с учетом всего комплекса уголовно-правовых норм об ответственности за взяточничество;

– выявить теоретические и практические проблемы квалификации посредничества во взяточничестве и сформулировать предложения по их разрешению.

Основная часть. Вследствие проведенного анализа уголовного законодательства СССР, РФ и Украины против посредничества во взяточничестве, нами были отмечены следующие моменты. Впервые непосредственное указание на фигуру посредника появилось в Декрете СНК «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 года, где указывалось, что взятка могла быть получена не только лично, но и через посредника.

В дальнейшем на получение взятки через посредника обращается внимание в Уголовных кодексах УССР 20-х годов.

Обратим внимание на то, что УК УССР и УК РСФСР 1960 г. закрепляли ответственность за посредничество во взяточничестве уже в отдельной статье, при этом, определение содержания данной деятельности давалось в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о взяточничестве» (№ 9 от 31.07.62 г., №6 от 30.07.70 г., №16 от 23.09.77 г. и №3 от 30.03.1990 г.). Данные постановления Пленума только усложнили проблемную ситуацию в понимании форм посредничества во взяточничестве.

В юридической литературе рассматриваются две его формы – это физическое и интеллектуальное. М.И. Моисеенко формулирует физическое посредничество как непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, поскольку в этом случае посреднические действия заключаются в физическом влиянии на предмет взятки и осуществлении им только технической функции по передаче данного предмета от одного субъекта другому [5, с. 49]. Относительно интеллектуального посредничества П.С. Яни подчеркивает, что его правильно понимать как «иное содействие», то есть содействием лицу, давшему или получившему взятку, в достижении соглашения между ними о получении и даче предмета взятки за исключением самой непосредственной передачи данного предмета [8, с.24].

Характерным было то, что со временем подход Пленума к решению этого вопроса менялся. Так, в постановлении от 31 июля 1962 указывалось, что посредником является тот, кто, действуя по просьбе или по поручению взяткодателя или взяткополучателя, способствует достижению или осуществлению соглашения о дачи-получении взятки. Таким образом, допускалось как интеллектуальное, так и физическое посредничество. В постановлении же от 23 сентября 1977 посредник был определен уже как лицо, которое, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, только непосредственно передает взятку. Данное определение уже не охватывало различных видов интеллектуального посредничества и превращало посредника в физической исполнителя соглашения о даче-получении взятки.

Указанное понимание посредничества во взяточничестве сохранилось как в постановлении от 30 марта 1990 года, так и в постановлении Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о взяточничестве» №12 от 7 октября 1994 года. Считалось, что интеллектуальное посредничество полностью охватывалось признакам пособничества, а физическое – нет.

В РФ УК 1996 г. не содержал отдельной статьи, закрепляющей состав посредничества. На то время данное деяние квалифицировалось как соучастие в получении или даче взятки в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6.

Принятый в 1996 г. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ рекомендовал предусмотреть норму об ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 307), заключающийся как в интеллектуальном, так и в физическом посредничестве.

Проблемным вопросом был и остается вопрос разграничения соучастия и посредничества в взяточничестве. Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 7 октября 1994 разъясняло, что как посредничество следует квалифицировать действия лица, только непосредственно передающего взятку, но если оно выполняла наряду с этим и другую роль (роли), которые подпадают под признаки соучастия, то деяние оценивалось в целом как соучастие, а посредническая деятельность в расчет не бралась. При этом иногда указывается, что посредник во взяточничестве, который организовал дачу-получение взятки или который подстрекает к этому, теряет уголовно-правовое значение посредника и является организатором таких действий или

подстрекателем к их совершению. Однако приведенный подход сомнительным, ведь в соответствии с принципом полноты квалификации в «формуле квалификации» должны находить свое отражение все признаки совершенного деяния. В Украине проблематичность оценки посреднической деятельности во взяточничестве привела к исключению (но не декриминализации) отдельной статьи о данном составе преступления по Закону.

В РФ же Федеральным законом №97-ФЗ от 4 мая 2011 года данный состав был закреплён в УК РФ с целью устранения пробела в законодательстве, который ранее разрешался на основании постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. №6.

Поскольку в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) закреплена норма, аналогичная по содержанию ст. 291¹ УК РФ, то применение научных исследований ст. 291¹ УК РФ российскими учеными-правоведами целесообразно и к ст. ст. 345 УК ДНР.

Описательная диспозиция ч. 1 ст. 345 УК ДНР, закрепляющая основной состав посредничества, по своей сути закрепляет две его формы, которые, как было указано выше, в юридической литературе называются «физическим» и «интеллектуальным» посредничеством. Понимание посредничества во взяточничестве, основанное на правовом разграничении интеллектуального и физического посредничества и предоставлении этим его видам различного уголовно-правового значения, создает сложности при квалификации этого деяния.

Оканчивается диспозиция статьи на указание значительного размера. Поскольку в ДНР не издан комментарий к УК, а также нет разъяснений Пленума Верховного Суда ДНР относительно данного вопроса, то это вызывает неоднозначное трактование данной правовой нормы, ведь словосочетание «в значительном размере» можно отнести, как к первому виду посредничества, так и ко второму.

В связи с этим сложились две противоположные точки зрения. Первую отстаивает П.С. Яни, аргументированно обосновывая, что для деления на виды посредничества, а тем более их разделения нет никаких оснований. Он полагает очевидным то, что законодатель считает физическое посредничество частным случаем содействия лицу, дающему или получающему взятку, в достижении соглашения между данными субъектами [8, с. 24].

Этой же точки зрения придерживается высшая судебная инстанция РФ, что можно проиллюстрировать примером дела, рассмотренного Верховным Судом Российской Федерации в отношении Бирюкова И.В., который судом предыдущей инстанции был оправдан в инкриминируемом ему получении от С. денежных средств с целью последующей передачи их Матвеевой Т.Б., а также непосредственно передачи этих денег. Бирюков И.В. был оправдан по ч. 2 ст. 291¹ УК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления. Не соглашаясь с приговором, государственный обвинитель направил кассационное представление, в котором отметил, что при непосредственной передаче (получении) посредником взятки размер взятки для квалификации не имеет значения. Однако Судебная коллегия Верховного Суда не разделила его мнение, исходя из определения понятия посредничества во взяточничестве, закрепленного в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ. Обосновала коллегия данное решение тем, что как в случае физического, так и в случае интеллектуального посредничества, уголовная ответственность по данной статье наступает лишь в том случае, когда размер взятки является значительным [3]. Аналогичного мнения придерживаются также Борков В.Н. [2, с. 10], Тюнин В.И. [6, с. 22], Белов С. Д., Чекмачева Н.В. [1, с. 41].

Существует и противоположная точка зрения относительно вопроса отнесения указания на значительного размера. Она основана на том, что по общему правилу, союз

«либо» разделяет два альтернативных действия, образующих состав преступления. В соответствии с таким подходом, который разделяют авторы комментария к УК РФ, указание на значительный размер относится ко второму альтернативному действию ч. 1 рассматриваемой статьи, а именно – иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере [4, с.136]. Также данную точку зрения поддерживает М.И. Моисеенко, утверждая, что в качестве криминообразующего признака значительный размер взятки является только применительно к интеллектуальной форме посредничества во взяточничестве [5, с. 46].

Споры вызывает и в целом отношение к указанию законодателем значительного размера в качестве конститутивного признака в рассматриваемом составе. Например, по мнению В.Н. Боркова, использование законодателем значительного размера взятки в данном случае было справедливым. Он обосновывает это тем, что достижение согласия субъектами составов преступлений, закрепленных в статьях 290 и 291 УК РФ, можно воспринимать как приготовление к совершению данных деяний, а в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ ответственность наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению [2, с. 10]. М.И. Моисеенко высказал предложение по исключению указания на значительный размер взятки из основных признаков посредничества в ч.1 ст. 191¹ УК РФ и выделения данного признака в качестве квалифицирующего в отдельную часть [5, с. 50].

Подытоживая указанное, можно сделать следующие выводы. Посредник определяется в качестве того лица, которое выступает промежуточным звеном во взаимодействии между кем-либо или третьим, избранное сторонами для договоренности; а заниматься посредничеством значит быть связующим звеном между двумя сторонами. Посредник во взяточничестве (как интеллектуальный, так и физический) – это фигура особого рода, которую необходимо отличать от взяткодателя и взяткополучателя. Проблемным вопросом был и остается вопрос разграничения соучастия и посредничества в взяточничестве. Особенно остро он возникает при квалификации посредничества в передаче предмета взятки суммой ниже значительного размера, а именно 25 тысячи рублей.

В науке существует различное трактование вопроса о том, стоит ли разделять объективную сторону посредничества во взяточничестве на физическое и интеллектуальное посредничество, а соответственно относить указание значительного размера взятки только ко второй форме посредничества или к обеим формам вместе. Опираясь на судебную практику Верховного Суда РФ, поддерживаем точку зрения относительно того, что при обеих формах посредничества уголовная ответственность в данном случае наступает лишь в том случае, когда размер взятки является значительным. В таком случае, следует сделать вывод, что законодателем декриминализованы пособнические действия, если они были направлены на предмет взятки суммой менее значительного размера. А соответственно определенная категория лиц имеет возможность избежать уголовной ответственности.

Решение рассматриваемой проблемы возможно путем внесения изменений в статью 335 УК ДНР, исключив указание на значительный размер взятки из основных признаков посредничества в ч.1 данной статьи и выделив данный признак в качестве квалифицирующего в отдельную часть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов, С.Д., Чекмачева Н.В. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве / С. Д. Белов, Н.В. Чекмачева // Законность. 2011. №10 (924). С. 41-44.
2. Борков, В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В.Н. Борков // Уголовное право. 2011. №4. С. 9-14.

3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.10.2012 № 41-О12-65СП // Банк Судебных Решений Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=508766 (дата обращения: 05.02.2020).
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015.
5. Моисеенко, М.И. Актуальные вопросы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / М.И. Моисеенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. №4 (22). С. 45-55.
6. Тюнин, В.И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) / В.И. Тюнин // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 19-22.
7. Яни, П.С. Интеллектуальное посредничество во взяточничестве: начало и окончание / П.С. Яни // Законность. 2014. №12 (962). С. 23-29.
8. Яни, П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. 2013. №2 (940). С. 24-29.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MEDIATION IN BRIBERY

Annotation. This paper examines the evolution of scientific concepts regarding the qualifications of mediation in bribery, as well as the related issue of distinguishing between complicity and mediation in bribery. It also analyzes the points of view regarding the problem of the separation of mediation in bribery into physical and intellectual mediation, and, accordingly, the relevance of indicating a significant bribe size only to the second form of mediation or to both forms together.

Keywords: bribe, bribery, mediation in bribery, aiding in bribery, responsibility for mediation.

Kydrinskaya M.

Scientific adviser: Maximenko O., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: 014peanut@gmail.com

УДК 343.98

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ СОБИРАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Кулик И.С.

*Научный руководитель: Хань Г.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе проведено исследование проблемных аспектов использования технических средств при собирании криминалистической информации. Установлено, что востребованность использования технических средств при собирании криминалистической информации на данном этапе развития науки и техники достигла высокого уровня. Игнорирование проблемных вопросов использования наносит непоправимый ущерб авторитету государства в целом, а их положительное решение – наоборот, будет способствовать оптимизации данного процесса.

Ключевые слова: технические средства, требования законодательства, тактика, этика.

В современных реалиях развития науки и техники, технико-криминалистические средства достигли высокого уровня своего развития, однако практика их использования по-прежнему оставляет желать лучшего, невзирая на криминалистические разработки, накопленные за несколько десятков лет, что и является основной актуальной проблемой.

Данная проблема являлась предметом многих научных исследований криминалистов. Однако стоит отметить, что в советский период проблема рассматривалась наиболее полно в правовом и этическом аспектах. В настоящее же время, в связи с развитием общественных отношений, внедрением в науку и технику

новейших достижений человечества, проблема также должна рассматриваться и в техническом аспекте.

Итак, под «криминалистической информацией» в криминалистике понимается определенная совокупность систематизированных данных о средствах и способах совершения преступления, а также любых объектах материального мира, имеющих значение для расследования определенного преступления. Техническими средствами признаются такие приспособления, материалы или устройства, которые используются для собирания и исследования доказательств, либо создания определенных условий, которые бы затрудняли совершение общественно-противоправных деяний.

При этом стоит отметить, что на практике их использование является весьма затруднительным и противоречивым, по причине отсутствия у некоторых субъектов их использования определенных знаний о том, на что технические средства действительно способны. А это незнание, в свою очередь вызвано недостатком опыта. Когда же появится положительный опыт их применения – все «страхи» исчезнут. Не зря же некоторые ученые высказываются, что технические средства признаются «продолжением» руки и органов чувств человека [1, с. 396].

Считается целесообразным начать с правового аспекта проблемы, который заключается в соответствии технических средств требованиям законодательства, действующего на территории Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР). Применение технических средств будет признано правомерным, если их применение прямо предусмотрено или рекомендовано законодательством, либо по своей сущности не будет противоречить закону и другим нормативно-правовым актам. Статья 2 Уголовно-процессуального кодекса ДНР № 240-ІНС от 20.09.2018, действующая редакция по состоянию на 29.11.2019 (далее по тексту – УПК) [6], закрепляет основные задачи уголовного судопроизводства, тем самым определяя правовые основания для использования технических средств. В статье 22 УПК ДНР закреплено: «прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обстоятельства, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность». Для выполнения вышеуказанных задач необходимо прибегать к использованию всех предусмотренных законодательством средств, в том числе и технических. По мнению ряда ученых, допустимость технико-криминалистических средств зависит не только от их соответствия требованиям законности и научной обоснованности, но также и от их соответствия этике, так как использование указанных средств не должно унижать честь и достоинство граждан, либо создавать угрозу их здоровью и безопасности [2, с. 46].

Помимо этого, необходимо отметить, что на основании положений статьи 71 УПК ДНР, доказательства в уголовном деле – любые фактические данные, благодаря которым в определенном порядке, установленным законом, следователь, орган дознания и суд устанавливают наличие либо отсутствие преступления, виновность лица, которое совершило общественно опасное деяние, а также другие обстоятельства, имеющие значение для наиболее правильного разрешения конкретного дела. Эти данные устанавливаются: показаниями, заключением эксперта, протоколами следственных и судебных действий (с соответствующими приложениями при их наличии), вещественными доказательствами и другими документами. В связи с этим, возникает определенная сложность закрепления этических требований для вещей и людей, как источников определенной криминалистической информации. Соответственно, и правовой аспект при собирании этой информации будет различаться. Также не стоит забывать, что при нарушении этих требований криминалистическая информация может вовсе потерять свое доказательственное значение.

Как уже было отмечено, деятельность по собиранию криминалистической информации должна иметь определенные основания для ее проведения. Однако, даже при наличии признаков законности и правомерности проведения, полученная в результате информация будет использоваться в процессе доказывания совершенно по-разному. К примеру: статья 94 УПК ДНР закрепляет возможность применения киносъемки и видеозаписи при проведении следственного действия, но полученные таким образом источники материального мира будут являться лишь приложениями к протоколу следственного действия, не имея самостоятельного доказательственного значения. При использовании технических средств, процессуальному оформлению подлежит сам факт их применения, а также определенные материалы, полученные в результате их использования. Иными словами – конечный результат применения технических средств будет приниматься во внимание лишь в совокупности с протоколом следственного действия. Это свидетельствует о явной недооценке информации, полученной общепризнанными методами объективной фиксации, что впоследствии будет прямо влиять на сам процесс доказывания.

То есть, в уголовно-процессуальном законе в данный промежуток времени отсутствует специальная норма, определяющая правовые основы применения криминалистической техники. Существуют лишь нормы, которые косвенно предоставляют возможность в необходимых случаях использовать те или иные технические средства [3, с. 37]. В связи с этим, считается целесообразным законодательное закрепление материалов, полученных при производстве определенных следственных действий в результате использования технико-криминалистических средств, как самостоятельный источник доказательств по уголовному делу.

Помимо этого, некоторые ученые предлагают вовсе заменить участие понятых использованием технических средств и считают это позитивным нововведением [5, с. 173]. И что самое интересное – данная мысль, возможно, найдет свое дальнейшее закрепление на законодательном уровне. Поскольку, с одной стороны, такое нововведение позволило бы весьма упростить процедуру составления протоколов, как процессуальных документов (что на практике является весьма значимым, ведь более 70 % работы следователя связано с бумажными носителями). А с другой стороны – возможность наиболее полного и детального отображения очередности и порядка проводимого следственного действия, что в свою очередь является повышением гарантии прав лиц, в отношении которых проводится расследование.

Далее, говоря о тактическом аспекте, необходимо отметить, что нормативно-правовая база лишь допускает возможность применения технических средств, но никак не обязывает применять их, что может свидетельствовать о недостаточности применения специальных знаний для повышения эффективности расследования и раскрытия определенных преступлений. Например: статья 140 УПК ДНР регламентирует обязательное привлечение понятых (не менее 2) при производстве выемки, обыска, предъявления лиц и предметов для опознания, осмотра, воспроизведения обстановки и обстоятельств события, описи имущества. Однако на практике часто встречаются случаи фальсификации доказательств. Из-за огромной загруженности судов не представляется возможным вызова всех понятых, участвующих при производстве следственного действия по конкретному уголовному делу. Помимо этого, иногда это вовсе не считается целесообразным, например, при совершении преступления в состоянии очевидности. Но не стоит забывать, что порой понятые могут быть вовсе выдуманы, либо относящиеся к участию в следственном действии без должного внимания, пропуская существенные детали, в силу субъективных причин, либо в связи с отсутствием специальных познаний. Ведь понятыми могут быть любые лица, незаинтересованные в результатах дела (в основном соседи, либо люди, находящиеся вблизи на местности). При этом следует отметить, что

с нынешним уровнем правосознания граждан и отношением к данной процедуре, их основная (а в некоторых случаях и единственная) функция – расписаться в протоколе. Применяя же технические средства и фиксируя все на видеозаписывающие устройства, возможность фальсификации существенно уменьшается, даже более того – на практике встречаются случаи, когда следственные работники, по причине своей ограниченности, применяя видеозаписывающие устройства, сами же и «рушат» уголовное дело.

Вместе с тем, не представляется возможным предусмотреть все технические средства работы с доказательствами ввиду их обновления и постоянного совершенствования, ведь абсолютно ничего не стоит на месте, все находится в динамике, тем более наука и техника, развивающаяся в настоящее время весьма интенсивно. Исходя из этого, следователь должен самостоятельно, по своему усмотрению, избирать технические средства, используемые при проведении следственного действия, в зависимости от обстановки и специфики.

Этический аспект проблемы обусловлен тем, что технические средства, используемые при получении криминалистической информации, могут нарушать или ограничивать конституционные права и свободы граждан. Некоторые ученые высказываются, что использование технических средств допустимо, если при этом не нарушаются законные интересы и права человека, этические и нравственные требования [4, с. 51]. Однако почему-то вовсе не принимается во внимание, что у граждан существуют и определенные обязанности, например – оказывать содействие охране общественного правопорядка и не нарушать его. Увы, на практике, без ограничения прав, установить истину не представляется возможным, но конкретно по отношению к этому случаю – цель оправдывает средства. Помимо этого, технические средства могут являться важнейшим инструментом деятельности государственных органов по предотвращению преступлений, упреждению их совершения.

Что же касается бесконтактных средств получения информации от человека (фотосъемка опознаваемого лица, применение звукозаписи при допросе подозреваемого или обвиняемого) – то они вовсе не затрагивают, а тем более не нарушают неприкосновенность личности, и, исходя из этого, вовсе не противоречат этическим соображениям. Однако явно не будет вызывать никакого сомнения, что любой обман при использовании технических средств в уголовном процессе, какие бы благородные и справедливые цели он не преследовал, будет являться безнравственным и противоречащим этическим соображениям при установлении истины по конкретному уголовному делу.

Далее стоит затронуть технический аспект проблемы использования технических средств при собирании криминалистической информации, который заключается в опасности для здоровья лиц, участвующих в уголовном процессе. Практически все ученые-криминалисты стоят на позиции, что технические средства обязательно должны быть эффективны, безопасны в применении и научно обоснованы, а их использованием должны заниматься только уполномоченные законом на то лица [6, с. 67]. В техническом плане, используемые для собирания криминалистической информации средства, должны обладать некоторыми свойствами, среди которых необходимо выделить: экономичность, эффективность, безопасность. Но не стоит забывать, что изучение вышеуказанных свойств требует материальных средств и привлечения высококвалифицированных специалистов, чей труд также необходимо оплачивать. В реалиях нашего молодого государства, на данном этапе, сложно говорить о столь высоких финансовых затратах для улучшения технических средств. Однако, с другой стороны, это существенно упростит собирание информации, и ее дальнейшее применение при установлении наличия или отсутствия общественного опасного деяния и виновности лица, его совершившего.

Говоря иначе, как было отмечено выше, применительно к данному аспекту, цель также оправдывает средства, поскольку вышеуказанные меры могут послужить

улучшению криминогенной обстановки в нашей молодой Республике, что связано с существованием технических средств отдельно от субъекта, их применяющего и, соответственно, элемент субъективизма будет отсутствовать. Субъект лишь выбирает техническое средство в соответствии с целями своей деятельности, а исходя из этого, полученная информация будет максимально полной и объективной.

Кроме этого, актуальность проблемы также диктуется современными условиями интенсивного развития технических средств, которые предназначены для собирания криминалистической информации, придавая проблеме их применения еще большую значимость.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что игнорирование проблемных вопросов использования технических средств при собирании криминалистической информации наносит непоправимый ущерб авторитету всего государства в целом, а не отдельным субъектам их применения. А их положительное решение, наоборот, будет способствовать оптимизации данного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 781 с.
2. Селиванов Н. А., Леви А. А. Правовая регламентация применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве. – М, 1979. – 136 с.
3. Шепитько В. Ю. Криминалистика: Курс лекций. – Харьков: «Одиссей», 2003. – 352 с.
4. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. доктора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. – 748 с.
5. Логвин В. М. Криминалистическая техника: учебное пособие [Текст] / В.М. Логвин. – Минск, 2018. – 399 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 20.09.2018, действующая редакция по состоянию на 29.11.2019: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – Загл. с экрана.

THE PROBLEM OF USE OF TECHNICAL MEANS IN THE COLLECTION OF CRIMINALIST INFORMATION

Annotation. In this work, a study of the problematic aspects of the use of technical means in the collection of forensic information. It has been established that the demand for the use of technical means in collecting forensic information at this stage in the development of science and technology has reached a high level. Ignoring the problematic issues of use causes irreparable damage to the authority of the state as a whole, and their positive resolution, on the contrary, will help optimize this process.

Keywords: technical means, legal requirements, tactics, ethics.

Kulik I.

Scientific adviser: Han G., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: kulik2313@mail.ru

ВОПРОСЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кучерявых В.Э.

*Научный руководитель: Ушакова К.С., ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию проблем правоприменения при разрешении вопросов действия уголовного закона в пространстве. Установлено, что существует необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики в части определения уголовной юрисдикции.

Ключевые слова: уголовный закон, действие уголовного закона в пространстве, место совершения преступления, территориальный принцип, принцип гражданства.

Актуальность. Действие уголовного закона в пространстве определяет юрисдикцию уголовного законодательства по отношению к преступным деяниям, совершенным на территории Донецкой Народной Республики. Динамика развития общественных отношений в сфере определения пространственных пределов действия уголовного закона ставит перед законодателем задачу в виде разработки и принятия таких нормативно-правовых актов, которые установят статичный механизм разрешения вопросов уголовной юрисдикции. Актуальным также является вопрос об определении уголовной юрисдикции по отношению к преступным деяниям, преступный результат которых наступил в другом государстве, либо же части общественно опасного деяния были совершены на территории различных государств. Аналогично проблематичным представляется вопрос об определении гражданства Донецкой Народной Республики, поскольку на данный момент возникают трудности с определением нормативной базы института гражданства, а, следовательно, перед правоприменителями возникает вопрос о возможности реализации данного принципа.

Теоретические основы реализации института действия уголовного закона во времени и в пространстве рассматривались многими учеными, однако в рамках данного исследования целесообразно выделить таких ученых, как Архипову Е.Ю., Беляковича Е.В., Бойцова А.И.

В качестве цели данного исследования, целесообразно рассматривать необходимость разработки таких положений Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), которые будут способствовать формированию системы определения действия уголовного закона в пространстве. В сфере разрешения вопросов института гражданства возникает необходимость формирования системы источников данного правового института на территории Донецкой Народной Республики в переходный этап становления государственности в условиях особого правового положения на мировой арене.

Основная часть. На современном этапе теоретиками уголовного права предложены различные варианты решения вопроса об определении уголовной юрисдикции по отношению к преступным деяниям, преступный результат которых наступил в другом государстве, либо же части общественно опасного деяния были совершены на территории различных государства и вопроса о реализации принципа гражданства при определении уголовной юрисдикции. Для рассмотрения данных вопросов необходимо принять за основу такие нововведения в УК ДНР, которые способствовали бы в полной мере реализации задач, указанных в ст. 2 УК ДНР.

По нашему мнению, представляется уместным рассмотрение основополагающих понятий, которые способствовали бы реализации целей настоящего исследования, а

также выступали бы в качестве базиса для дальнейшего рассмотрения поставленных целей исследования. Поскольку именно юрисдикционная деятельность государства в лице государственных органов определяет пространственные пределы действия уголовного закона в пространстве, представляется целесообразным выделение понятия «юрисдикция». По нашему мнению, рационально выделить мнение Е.Ю. Архиповой, определяющей юрисдикцию как: «основанную на законе или иных нормативных-правовых актах совокупность полномочий государственных органов (должностных лиц), осуществляемых на определенной территории по регулированию общественных отношений в определенной правовой сфере» [1, с. 13-18].

Стоит также отметить, что пространственный предел уголовной юрисдикции государства определяется государственной территорией. Так, Е.В. Белякович утверждает, что под территорией необходимо понимать: «часть земного шара, включая сушу, воду, недра под ними и воздушное пространство над ними, в пределах которой государство осуществляет свою верховную власть, свой суверенитет и юрисдикцию» [2, с. 3-10].

Наиболее часто теоретиками уголовного права, действие уголовного закона в пространстве определяется через совокупность признаков, которые вместе образуют единую систему действия уголовного закона в пространстве. Таким образом, пространственные пределы действия УК ДНР на территории Донецкой Народной Республики определяются такими основополагающими признаками, как территориальный принцип, а также принцип гражданства. Выделение данных признаков обусловлено содержанием статьи 11 УК ДНР, в которой определяется пространственное действие закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Донецкой Народной Республики.

Исходя из этого, уголовная юрисдикция определяется территориальным признаком действия уголовного закона в пространстве, который также имеет название ответственность по закону места совершения преступления. Следует сказать, что вышеуказанный признак является актуальным, в силу существования определенных коллизий как в теории уголовного права, так, соответственно, и в правоприменительной деятельности.

В случае совершения лицом преступления, уголовная ответственность наступает по законодательству того государства, где оно было совершено. В соответствии с этим, УК ДНР распространяет свое действие на все преступления, совершенные на территории Донецкой Народной Республики, поскольку нарушаются именно те общественные отношения, которые в соответствии со ст. 2 УК ДНР находятся под защитой уголовного законодательства.

В ч. 1 ст. 11 УК ДНР данный принцип сформулирован в следующем виде: «Лицо, совершившее преступление на территории Донецкой Народной Республики, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу». В ч. 2 данной статьи указывается: «Преступления, совершенные в пределах территориального моря или воздушного пространства Донецкой Народной Республики, признаются совершенными на территории Донецкой Народной Республики. Действие настоящего Кодекса распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Донецкой Народной Республики» [3].

Таким образом, содержание вышеуказанной нормы указывает нам на соотношение понятий государственной границы и осуществляемой в ее пределах уголовной юрисдикции. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона Донецкой Народной Республики «О Государственной границе Донецкой Народной Республики» (далее – Закон), Государственная граница Донецкой Народной Республики (далее – Государственная граница) – линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории Донецкой Народной

Республики – суши, вод, недр, воздушного пространства, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Донецкой Народной Республики. Государственная граница Донецкой Народной Республики, в силу особого правового положения на мировой арене, определяется законодателем в одностороннем порядке, что подтверждается ч. 1 ст. 3 Закона, где указывается, что Государственная граница до согласования с сопредельными государствами и закрепления в международных договорах с ними устанавливается Донецкой Народной Республикой в одностороннем порядке. Так, государственная граница Донецкой Народной Республики, в соответствии с ч.2 ст. 3 Закона, устанавливается:

1) с Украиной – по административной границе бывшей Донецкой области Украины (с учетом территориального моря) с Харьковской, Днепропетровской и Запорожской областями Украины;

2) с Луганской Народной Республикой – по административной границе бывших Донецкой и Луганской областей Украины;

3) с Российской Федерацией – по линии бывшей государственной границы Украины с Российской Федерацией в пределах административной границы бывшей Донецкой области Украины [4].

Принятие исследуемого Закона обусловлено необходимостью разрешения вопросов таможенных и пограничных органов, реализации предписаний Конституции Донецкой Народной Республики. Так, юрисдикция Донецкой Народной Республики должна распространяться на территорию всей бывшей Донецкой области, однако в связи с тем, что на часть указанной территории распространена юрисдикция Украины, осуществление уголовной юрисдикции невозможно. Фактически, в правоприменительной практике, пространственные пределы действия уголовного закона в пространстве определяются линией соприкосновения, как условной линией разделяющей территории Украины и Донецкой Народной Республики.

Таким образом, следует определить, что действие в пространстве УК ДНР фактически определяется: с Украиной – линией соприкосновения; с Российской Федерацией – линией бывшей государственной границы Украины с Российской Федерацией в пределах административной границы бывшей Донецкой области Украины; с Луганской Народной Республикой – административной границей бывшей Донецкой и Луганской областей Украины.

Анализируя содержание норм УК ДНР требуется детальное рассмотрение вопроса относительно регулирования механизма определения места совершения преступления. В большинстве случаев он не вызывает трудностей, приобретая остроту лишь в отношении тех преступлений, отдельные акты которых либо деяние и его последствия, а равно деятельность сопричинителей так пространственно разнесены, что одну часть преступления можно считать осуществленной на территории одного государства, а другую – вне его пределов (например, на территории сопредельного государства) [5, с. 47].

УК ДНР не дает прямого ответа на вышеуказанный вопрос. В доктрине же он решается с позиции реализации задач, поставленных перед уголовным законодательством того или иного государства. И в этом случае целесообразно считать совершенным на территории Донецкой Народной Республики деяние, преступный результат которого наступил на территории Донецкой Народной Республики в случае, если само деяние совершено на территории иного государства. Аналогичное разрешение предлагается и относительно преступных деяний, совершаемых в соучастии. Так, для признания преступления совершенным на территории Донецкой Народной Республики в соучастии необходимо, чтобы исполнитель действовал на ее территории. В случае, если преступное деяние совершено исполнителем в соучастии на территории другого государства, а соучастники совершили его на территории

Донецкой Народной Республики, то последние привлекаются к уголовной ответственности по законодательству Донецкой Народной Республики. Данное доктринальное положение было законодательно закреплено в уголовных кодексах Узбекистана и Молдовы. Таким образом, считаем уместным дополнить ст. 11 УК ДНР ч. 5 следующего содержания: «Преступление признается совершенным на территории Донецкой Народной Республики, если оно: а) начато, окончено или прервано на данной территории; б) совершено за пределами Донецкой Народной Республики, а преступный результат наступил на его территории; в) совершено на территории Донецкой Народной Республики, а преступный результат наступил за его пределами; г) образует в совокупности или наряду с другими деяниями преступление, часть которого совершена на территории Донецкой Народной Республики».

Полноценное функционирование принципа гражданства также затруднено, в силу законодательной неурегулированности института гражданства. В ч. 1 ст. 12 УК ДНР закреплено, что: «Граждане Донецкой Народной Республики и постоянно проживающие в Донецкой Народной Республики лица без гражданства, совершившие вне пределов Донецкой Народной Республики преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства». Данный вопрос является актуальным, поскольку в переходный этап становления Донецкой Народной Республики как государства, активно реализуется процесс образования и преобразование правовых институтов под реально сложившиеся общественные отношения. Исходя из указанного ранее, существует большая вероятность выявления правовых коллизий, которые в силу различных пробелов в праве, могут негативно отразиться на общественной безопасности. Таким образом, целесообразно выработать систему источников института гражданства, что будет способствовать облегчению деятельности правоприменителей.

Также в законодательстве остается неразрешенным вопрос о гражданстве Донецкой Народной Республики. Нормативной базой института гражданства на территории Донецкой Народной Республики является Конституция Донецкой Народной Республики, приказ «Об утверждении Временного Порядка оформления и выдачи удостоверения на постоянное проживание на территории Донецкой Народной Республики», а также Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Донецкой Народной Республики».

По нашему мнению, в рамках разрешения вопроса о реализации действия уголовного закона в пространстве, необходимо принятие Закона Донецкой Народной Республики «О гражданстве Донецкой Народной Республики». Также из реально сложившихся общественных отношений Гражданами Донецкой Народной Республики являются:

а) лица, которые постоянно проживают на территории Донецкой Народной Республики, имеющие паспорт Украины;

б) лица, которые приобрели гражданство Донецкой Народной Республики в соответствии с приказом «Об утверждении Временного Порядка оформления и выдачи удостоверения на постоянное проживание на территории Донецкой Народной Республики», а также Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Донецкой Народной Республики».

Содержание территориального принципа и принципа гражданства предполагает противоречие, поскольку при совершении иностранцем преступления на территории Донецкой Народной Республики на данное лицо будет распространяться как

национальная юрисдикция, так и юрисдикция того государства, чьим гражданином (подданным) он является. Данный вопрос необходимо решать посредством урегулирования подобного рода правоотношений договоренностью между государствами. В теории данная практика носит название экстрадиционная и предполагает разрешение данной коллизии одним из следующих способов: а) привлечение к ответственности иностранца по месту совершения преступления; б) осуждение по месту совершения преступления с дальнейшей передачей осужденного в страну гражданства для исполнения приговора или для надзора за условно осужденным или условно освобожденным; в) экстрадиция обвиняемого государству, гражданином которого он является, или передача преследования для привлечения к ответственности по национальному праву. Поскольку Донецкая Народная Республика обладает особым правовым статусом в международных правоотношениях, то и реализация данных теоретических положений затруднена. Однако актуальность вопроса как раз и состоит в наработке теоретической базы для практической деятельности при возникновении подобного рода правоотношений. Полагаем, что при принятии за основу такого рода положения, уменьшится вероятность возникновения коллизий в правоприменительной деятельности.

Подводя итог вышеизложенного, необходимо отметить, что вопрос действия территориального принципа является актуальным на территории Донецкой Народной Республики. В силу политического положения на мировой арене, возникает множество проблем правоприменителей по поводу реализации своих должностных обязанностей, связанных с данными признаками. Для разрешения вопроса о преступлениях, чей преступный результат наступил в ином государстве, либо же в случае совершения деяния на территории иного государства, когда как преступный результат наступил на территории Донецкой Народной Республики, либо совершения преступления в соучастии в различных государствах, необходимо обратиться к опыту других государств, которые уже решили данную правовую коллизию. На примере зарубежных государств, которые уже закрепили в нормативно-правовых актах данное положение, необходимо дополнить ст. 11 УК ДНР ч. 5, тем самым создав основу для более качественной реализации правоприменителями положений УК ДНР о территориальной юрисдикции.

Для разрешения коллизий, связанных с принципом гражданства, необходимо законодательно закрепить, что гражданство Донецкой Народной Республики – правовая связь между физическим лицом и Донецкой Народной Республикой, которая находит свое выражение в их взаимных правах и обязанностях.

Данные положения должны являться основой для дальнейшего принятия Закона Донецкой Народной Республики «О гражданстве Донецкой Народной Республики». Для реализации данного принципа также важную роль играет признание мировым сообществом Донецкой Народной Республики, вследствие чего появится возможность возникновения договорной практики оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам между Донецкой Народной Республикой и иными государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова Е.Ю. Понятие и назначение юрисдикции в юридической науке// Юридическая наука и правоохранительная практика. – М., 2016 г. – №2 – С. 13-18
2. Белякович Е.В. О понятии территории государства// Сибирский юридический вестник. – Красноярск, 2006 г. – С. 3-10
3. Уголовный Кодекс Донецкой Народной республики (с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 №35-1/1) // Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №1 – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2017. – 200 с.
4. Закон Донецкой Народной Республики «О государственной границе Донецкой Народной Республике» (с изменениями, внесенными Законом № 72-ПНС от 29.11.2019) URL:

<https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ogosudarstvennoj-granitse-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 18.01.2020).

5. Бойцов А.И. Уголовное право России. Общая часть. Учебник/ Бойцов А.И. – 2-е издание., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2017. – С. 47

QUESTIONS OF THE CRIMINAL LAW IN THE SPACE ON THE TERRITORY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. This scientific article is devoted to the study of problems of law enforcement in resolving issues of criminal law in space. It is established that there is a need to make certain changes to the criminal Code of the Donetsk people's Republic in terms of determining the territorial jurisdiction of a criminal act.

Keywords: criminal law, the effect of criminal law in space, the place of the crime, the territorial principle, the principle of citizenship.

Kucheryavykh V.

Supervisor: Karpenko L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: Vkuceravih@gmail.com

УДК 340

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Лахов Н.Н.

*Научный руководитель: Соловьёва Ю.А., к.ю.н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье исследуются вопросы становления и развития парламентаризма в некоторых странах мира, специфики генезиса данного института на территории современной Российской Федерации и Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: парламент; парламентаризм; представительство; эволюция; генезис.

В контексте развития Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) как правового и демократического государства, формирования гражданского общества, важное значение приобретает исследование вопросов генезиса института парламентаризма и его влияния на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, поскольку механизмы функционирования государственных органов, в том числе и представительских, напрямую зависят от исторических условий формирования последних.

Рассмотрению вопросов эволюции института парламентаризма в различных странах мира определенное внимание уделено в работах Грека М., Елчева В.А., Колесникова В.Н., Манена Б., Алмонда Г., Горылева А.И. и других авторов. Тем не менее, в работах указанных исследователей не было выделено конкретных этапов развития указанного института, как в отдельных государствах мира, так и в Российской Федерации (далее – РФ), и ДНР.

В связи с этим целью данного исследования является рассмотрение генезиса парламентаризма в отдельных государствах мира, на территории современных РФ и ДНР, а также выделение исторических этапов становления и развития указанного института, каждый из которых характеризуется определенными особенностями.

И, прежде всего, хотелось бы отметить, что парламентаризм представляет собой систему правления, в основе которой находится деятельность законодательного органа – парламента. Вместе с тем, просто наличие такового ещё не означает целостность парламентаризма как политического института. И в этом контексте

парламентаризм следует рассматривать как форму взаимодействия общества и государства (в лице его уполномоченных органов), основой которой является законодательный коллегиальный представительный орган (парламент).

Проблемы парламентаризма всегда были в поле зрения исследователей, его история исчисляется веками. Можно с уверенностью констатировать, что усовершенствование указанного института неразрывно связано с развитием общества и государства.

В переводе с латинского («parlare») «парламент» означает «место, где говорят». Изначально парламент являлся местом, где публично обсуждались все важнейшие вопросы государственной и общественной жизни. Итогом парламентских обсуждений становились правовые акты, имеющие высшую юридическую силу [1, с. 68].

По нашему убеждению, критериями разделения эволюции института парламентаризма на отдельные этапы являются следующие: реализация принципа разделения государственной власти, уровень самостоятельности и влияния представительных органов власти. Учитывая это, можно выделить следующие этапы эволюции института парламентаризма в отдельных странах мира:

I этап, который охватывает VI в. до н. е. – X в. н. е. и начинается с возникновения первых форм демократии в античных государствах. Так, уже на рубеже первого тысячелетия появляются и функционируют народные собрания в городах Древней Греции, Древнего Рима. Именно римский Сенат дал свое имя современным законодательным собраниям. Условно этот этап можно назвать протопарламентаризмом, поскольку в это время возникает первая форма народовластия, которая имеет «примитивные» признаки парламентаризма. Отметим, что в указанный период нередко отождествляли власть государственную и божественную, при этом законодательная функция в большинстве государств была сосредоточена в руках монархов или религиозных авторитетов.

II этап, который охватывает X в. – середину XVII в. и характеризуется тем, что парламенты приобрели общегосударственное значения, а также формированием сословно-представительского парламентаризма.

Принято считать, что Англия является родиной парламента. С XIII в. в Англии власть короля в соответствии с Великой хартией вольностей (1215 г.) ограничивалась собранием крупнейших феодалов (лордов), высшего духовенства (прелатов) и представителей городов и графств. Первоначально функцией парламента было не законотворчество, а сословное представительство. Так, английский парламент зародился как орган, представляющий интересы феодалов, с целью контроля финансовых расходов короля. Подобные сословные и сословно-представительные учреждения возникли позже во Франции (Генеральные штаты), Германии (рейхстаги и ландтаги), Испании (кортесы), Польше (сейм) и других странах, а затем преобразовались в парламентские учреждения современного типа.

Важно отметить, что для второго этапа развития института парламентаризма характерным было усиление позиций определенных слоев общества – сословно-представительных парламентов, как это происходило в Англии, Франции, Испании.

Основным достижением этого этапа является установление принципа общеобязательности актов сословно-представительных органов (в том числе для монарха), который впоследствии эволюционирует в принцип обязательности законов для всех граждан без исключения [2, с. 138].

III этап, который охватывает конец XVII в. – конец XIX в. и характеризуется тем, что парламент помимо представительских функций начинает выполнять и законотворческую.

Подчеркнем, что повсеместное распространение парламентаризма началось с эпохи Великой французской революции 1789 г. и войны за независимость США конца

XVIII в. и продолжалось вплоть до первой мировой войны (1914–1918 гг.). Однако парламенты XIX в. имели особенность: они были построены по цензовому принципу и в них могли избираться только представители буржуазии.

Новая волна развития парламентаризма была обусловлена также и тем, что сословно-представительные органы были забюрократизированы монархами, это превращало их в «ручные» органы и делало невозможным удовлетворение интересов экономически растущего слоя общества – буржуазии. В состав парламентов начали входить представители последних, появляются первые партии, например известные партии Англии «Виги» и «Тори», которые объединяли представителей, буржуазии, и аристократии. Отметим, что процессы активного развития парламентаризма проходили также в скандинавских странах, например в Швеции. В этой стране на смену абсолютной монархии пришел сословно-представительный парламентаризм [3, с. 73].

IV этап охватывает период с XIX в. и до сегодняшнего дня. Так, претерпевая различные изменения и модификации парламентское строительство уже во второй половине XIX ст. стало прочно завоевывать место в государственной иерархии. Постепенно именно парламентская структура становится регулятором общественных отношений. В XIX в. парламент окончательно формируется как государственный институт. Избирательные законы создают основу для регулярных выборов членов парламентов. Последний становится, по сути, единственным источником законодательства, только ему принадлежит право принятия законов. Складываются парламентские институты – законодательный процесс, статус депутатов, отношения с исполнительной властью, с партиями и прессой. Например, с конца XIX в. парламентская система Великобритании по настоящее время обеспечивает политическую стабильность в стране и эффективное управление в весьма сложных и трудных исторических условиях. Известно, что именно на территории Великобритании в прошедшем столетии не было ни войн, ни революций, которые бы изменили государственное устройство и общественный строй. Вся историю британского парламентаризма можно рассматривать как предтечу современной выборной демократии [4].

Важным является и то, что после Второй мировой войны парламентаризм становится общемировым институтом и приобретает статус необходимой составляющей демократического государства. Но в тоже время, в 20-е – 60-е гг. XX в. роль парламентов резко снизилась. Это период кризиса парламентаризма. Парламенты стали или декоративными, ни на что не влияющими органами в фашистских странах и странах тоталитарного социализма, прикрытием для диктатуры партии и ее вождя, или были подавлены исполнительной властью в демократических государствах (например, в Великобритании и Франции).

С конца 60-х гг. XX в. начался процесс возрождения парламентаризма, который продолжается и сейчас. Парламенты на этом этапе своего существования постепенно «отвоевывают» новые полномочия и становятся главным органом в системе государственных органов большинства развитых стран.

Таким образом, на этом этапе исследования, хотелось бы сделать вывод, что развитие института парламентаризма имеет эволюционный характер. В зависимости от определенного этапа развития парламентаризма происходило его влияние на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Развитие парламентаризма обусловлено и развитием идеологической основы необходимости существования парламентов, теории разделения властей на три ветви, а также осуществлением власти народом и утверждением идей прав человека.

Рассмотрев этапы эволюции парламентаризма в некоторых странах мира, отдельное внимание хотелось бы уделить специфике генезиса данного института на территории современной РФ.

Естественно, что институты демократии народовластия характерны и для Руси, России. Своими корнями они уходят в далекое прошлое. Это вече – институты прямого народного участия в определении судьбы отечества. Псковское, Новгородское вече являются классическими образцами непосредственного участия населения в делах Киевско-Новгородской Руси.

На этих собраниях граждане обсуждали вопросы, которые считались актуальными для той или иной территории, а ограниченные пределы этих территорий позволяли эти сходы делать сравнительно регулярными. Постепенно наряду с делами частными, спорными и судебными все чаще темой обсуждения становились общезначимые дела, включая вопросы войны и мира, объединения с соседями и др. [5].

Позднее, в XVI-XVII вв. (в годы правления Ивана IV, Федора I, Бориса Годунова, в период Смуты, а также при первых Романовых – Михаиле и Алексее), парламент становится сословно-представительным органом и приобретает совещательные функции при монархе. К такому можно условно отнести Боярскую думу и Земский собор в России. На них избирались цари, решались вопросы войны и мира, взимание податей и налогов. Значительной была и их роль в «собрании» Русских земель, в выходе из «смутного времени», в формировании централизованного государства, несмотря на то, что они остались совещательными органами. Существование Земских соборов, Советов «всея земли русской», как их называли, оказалось исторически ограниченным (середина XVI – конец XVII ст.). В условиях укреплявшегося самодержавия они выполняли функции представительства общественных сил и отражали специфические местные интересы. К концу XVII ст. когда самодержавная власть окончательно берет верх, и институт Земских соборов ликвидируется, но остается важным идеологическим символом для различных общественных и политических сил.

В отличие от указанного периода, социальный и политический режим, который ввел Петр I, по форме и содержанию является отрицанием парламентаризма. Только после его смерти (С 30-х гг. XVIII в.) интенсивно стала разрабатываться идея ограничения самодержавия с помощью органов парламентского типа.

В екатерининскую эпоху возникают институты представительства сословий: сначала дворянства, затем купечества. В ходе «благотворных» реформ Александра II в России появляется земство – всесословное представительство на уровне уездов и губерний, а в 1870 г. формируются городские сословные представительные учреждения – органы городского самоуправления.

27 апреля 1906 г. начинает свою работу I Государственная Дума – первый российский общенациональный парламент. В период с 1906 г. по 1917 г. были избраны четыре Государственных Думы, но лишь одна из них (третья) отработала полный срок.

Октябрьская революция и затем последовавшая за ней кардинальная ломка всего государственного устройства выдвинули новый тип народного представительства – Советы. Советы были провозглашены полновластными и единовластными органами народного представительства. На деле же Советы занимали подчиненное положение, уступив приоритет органам партийно-политического руководства обществом и государством. Так, за период с 1930 по 1988 гг. Верховным Советом СССР было принято на сессиях лишь 1% всех действовавших законов.

Сегодня в РФ идет активный процесс формирования парламентаризма: его профессионализация; разделение полномочий законодательной и исполнительно ветвей власти; четкое структурирование Государственной Думы и др.

Таким образом, генезис института парламентаризма на территории современной РФ можно условно разделить на такие этапы:

– период существования Киевской Руси, когда зародились первые институты прямого народного участия в «делах государственных»;

– годы правления Ивана IV, Федора I, Бориса Годунова, в период Смуты, а также при первых Романовых – Михаиле и Алексее, когда парламент становится сословно-представительным органом с совещательными функциями при монархе;

– екатерининская эпоха, когда возникают институты представительства сословий: сначала дворянства, затем купечества, формируются городские сословные представительные учреждения – органы городского самоуправления;

– 1906-1917 гг., когда функционирует Государственная Дума – российский общенациональный парламент;

– 1917-1991 гг., когда функционируют Советы – единовластные органы народного представительства;

– с 1991 г. по сегодняшний день, когда функционирует Федеральное собрание РФ – парламент России, представительный и законодательный орган государственной власти.

Рассмотрев генезис развития парламентаризма на территории современной РФ, отдельное внимание хотелось бы уделить этапам становления указанного института в ДНР.

Так, 3 марта 2014 г. была предпринята первая попытка формирования нового народного представительного органа власти – Верховного совета Донецкой области. Чтобы наладить взаимодействие между участниками протестов, в середине марта был создан Координационный Совет Донецкой области (КСДО). Его можно рассматривать как прообраз будущего представительного органа.

7 апреля 2014 г. был сформирован Совет представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций Донецкой области – первый высший представительный орган государственной власти ДНР. В него вошло около 80 человек. За ним закрепилось сокращенное название – Народный Совет ДНР. Данным органом были приняты ключевые для становления Республики решения и документы, обеспечено успешное проведение референдума о самоопределении. Это был первый этап становления парламентаризма в ДНР.

14 мая 2014 г. был образован первый законодательный орган – Верховный Совет ДНР. Его депутаты также были делегированы от территориальных общин, общественных организаций и партий. Данный законодательный орган был временным, действующим до первых демократических парламентских выборов. Верховный Совет сыграл важную роль в легитимизации системы органов исполнительной власти Республики. С июня 2014 г. в первом парламенте шла работа по формированию профильных комитетов и устойчивых депутатских групп. Период деятельности Верховного Совета ДНР с 14 мая по 14 ноября 2014 г. можно отнести ко второму этапу становления парламентаризма в Республике.

24 сентября 2014 г. Верховным Советом были приняты законы о выборах депутатов парламента и Главы Республики и назначена дата их проведения. Этим первый парламент обеспечил легитимный переход от революционных, временных органов власти к демократически избранным и постоянно действующим.

2 ноября 2014 г. состоялись выборы в Народный Совет Республики I созыва. Народный Совет был избран сроком на четыре года в количестве 100 депутатов, из них общественное движение (ОД) «Донецкая Республика» получило 68 депутатских мандатов, ОД «Свободный Донбасс» – 32 мандата, сформировав одноименные фракции. За период работы Народного Совета I созыва (14 ноября 2014 г. – 19 ноября 2018 г.) на рассмотрение парламента было внесено 599 законопроектов и принято 272 закона. Народный Совет I созыва в рамках законотворческой деятельности урегулировал основные вопросы жизнедеятельности Республики и заложил основы законодательной базы. Разработан и принят Уголовно – процессуальный кодекс ДНР, разработаны и приняты в двух чтениях первые три книги Гражданского кодекса ДНР.

11 ноября 2018 г. в ДНР прошли очередные выборы депутатов парламента. И в этом контексте хотелось бы отметить, что в целом работу Народного Совета II созыва, ввиду отсутствия принципиальных отличий от I созыва, можно рассматривать как продолжение третьего этапа становления парламентаризма [6].

Таким образом, можно выделить следующие этапы становления института парламентаризма в ДНР:

– подготовительный (март – начало апреля 2014 г.), который характеризовался осознанием необходимости формирования в регионе независимого представительного органа власти;

– первый (7 апреля – 14 мая 2014 г), для которого характерным является формирование первого высшего представительного органа власти – Совета представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций (Народного Совета) ДНР, а также принятие базовых для ДНР нормативных правовых актов, в том числе обеспечивающих проведение референдума о самоопределении;

– второй (14 мая – 14 ноября 2014 г.), для которого характерным является формирование первого законодательного органа государственной власти, – Верховного Совета ДНР, а также легитимизация исполнительных органов власти, подготовка демократических выборов;

– третий (14 ноября 2014 г. – по настоящее время), для которого характерным является формирование по итогам парламентских выборов Народного Совета I и II созывов, а также стабилизация работы парламента и закладка фундамента законодательной базы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Георгица, А. З. Конституционно-правовые институты зарубежных стран/ А.З. Георгица. – Черновцы: Рута, 1994. – 484 с.
2. Ломжец, Ю. Основные исторические этапы становления и развития института парламентаризма/Ю. Ломжец //Грани. –2012. –№5(58). –С.137–141.
3. Шаповал, В. Зарубежный парламентаризм/В. Шаповал. – К.: Основы, 1993. –143 с.
4. Парламент в системе государственной власти: мировой опыт и российская практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://49517/ekonomika/parlament_sisteme_gosudarstvennoy_vlasti_mirovoy_opyt_rossiyskaya_praktika
5. Возникновение и развитие парламентаризма в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scicenter.online/parlamentskoe-pravo-scicenter/vozniknovenie-razvitie-parlamentarizma-rossii.html> (дата обращения 16.01.2020). – Загл. с экрана.
6. Руденко, М. Краткий курс истории парламентаризма в ДНР[Электронный ресурс]. – Режим доступа: DNR LIVE: <https://dnr-live.ru/kratkiy-kurs-istorii-parlamentarizma-v-dnr/> (дата обращения 16.01.2020). – Загл. с экрана.

EVOLUTION OF PARLIAMENTARY DEVELOPMENT

Annotation. The article examines the issues of formation and development of parliamentarism in some countries of the world, the specifics of the genesis of this institution in the territory of the modern Russian Federation and the Donetsk People's Republic.

Key words: parliament; parliamentarism; representation; evolution; genesis.

Lakhov N.

Scientific adviser: Solovyova J., Candidate of Law, Senior Lecturer
Donetsk National University

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА И ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Лашкевич А.В.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе анализируется уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища в Донецкой Народной Республике, рассматриваются мнения разных ученых в понимании понятия «жилища», а так же выявление четких отличия нарушение неприкосновенности жилища от смежных составов преступления.

Ключевые слова: нарушение неприкосновенности, жилище, квалификация, признаки.

Нарушение неприкосновенности жилища относится к преступлениям, посягающим на конституционные права и свободы человека и гражданина согласно ст. 18 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР): «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения» [1]. Ответственность за нарушение данной нормы права прописана в Уголовном Кодексе (далее – УК) ДНР, а именно в ст. 142. Нарушение неприкосновенности жилища имеет три квалификации:

- 1) незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица;
- 2) незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица с применением насилия или с угрозой его применения;
- 3) незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица с применением насилия или с угрозой его применения совершенное лицом с использованием своего служебного положения [2].

Актуальность данной темы заключается в том, что для вменения данной нормы права необходимо четко осознавать особенности данного преступления. А так же отличать нарушение неприкосновенности жилища от смежных составов преступления и выяснить считается ли помещение, являющееся предметом спора, жилищем. Проблему уголовно-правовой характеристики неприкосновенности жилища в диссертационном исследовании рассматривала Акинина Н.Ю., а так же изучали научные работники: О.А. Вагин, Е.В. Донец, А.В. Шеслера и др.

Целью данной статьи является выявление особенностей уголовно-правовой характеристики нарушение неприкосновенности жилища, а так же рассмотрение отличий нарушение неприкосновенности жилища от смежных составов преступления.

Особенность в статье 142 УК ДНР является примечание, в котором раскрывается понятие жилище: «жилищем является индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные или используемые для временного проживания».

Данное толкование кажется простым и понятным по отношению к первой части примечания, так как согласно ст. 4 Жилищного Кодекса Украины Жилищный фонд включает в себя конкретный перечень строений и уточняется, что в жилищный фонд не входят нежилые помещения в жилых домах, предназначенные для торговых, бытовых и других потребностей непромышленного характера. Но стоит обратить внимание, что

подразумевается под фразой «пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные или используемые для временного проживания» она вызывает существование различных подходов к её толкованию по объему: имеют место и расширительное, и ограничительное толкование.

Так, О. А. Вагин, Е. В. Донец считают, что «к жилищу не относятся надворные постройки, погреба, амбары, гаражи и другие помещения, отделенные от жилых построек и не используемые для проживания людей. К жилищу, даже временному, не могут быть отнесены купе поезда, каюта теплохода, поскольку поезд и теплоход являются транспортными средствами».

По мнению А. В. Шеслера, что бы помещение считалось жилищем: 1) помещение должно быть предназначено в основном для постоянного или временного проживания людей; 2) оно может обеспечить неприкосновенность частной жизни [3].

В Постановлении Европейского суда по правам человека от 18 ноября 2004 года по смыслу ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года не ограничивает понятие «жилище» и считает, что это автономная концепция, которая не зависит от классификации в национальном праве. То есть, является ли место конкретного проживания жилищем, которое бы влекло защиту на основании п. 1 ст. 8 Европейской конвенции, зависит от фактических обстоятельств дела, а именно от наличия достаточных продолжающихся связей с конкретным местом проживания. То есть Европейский Суд по правам человека расширительно толкует понятие «жилище» в своих решениях [4].

Исходя из вышеизложенного касательно понятия «жилища» стоит сделать вывод, что жилищем считается помещение, в котором созданы все условия для проживания, но к жилищу не могут быть отнесены купе поезда, каюта теплохода, поскольку поезд и теплоход являются транспортными средствами.

Особенностью уголовно-правовой характеристики нарушения неприкосновенности жилища, являются:

1) объективная сторона преступления выражается в действии, а именно в незаконном проникновении в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица;

2) преступление считается оконченным в момент противоправного проникновения в жилище;

3) объект преступления – конституционное право человека на неприкосновенность жилища.

4) обязательным для квалификации является место совершения преступления – жилище, как ранее выяснилось помещение, которое считается жилищем;

5) субъект общий – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (если квалификация по ч. 1, ч. 2 ст. 142 УК ДНР);

6) субъект специальный – лицо, использовавшее свое служебное положение для незаконного проникновения в жилище;

7) субъективная сторона в форме прямого умысла;

8) мотив преступления является важной составляющей для отличия нарушения неприкосновенности жилища от смежных составов, таких как кража совершенная с незаконным проникновением в жилище (п. «а», ч. 3, ст. 164 УК ДНР); грабеж с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (п. «б», ч. 2, ст. 173 УК ДНР); разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере (ч. 2, ст. 174 УК ДНР); самоуправство (ст. 390 УК ДНР).

Для полноценного анализа различий состава преступления незаконного проникновения в жилище от иных смежных составов, стоит рассмотреть основные признаки смежных составов.

1) Квалифицирующим признаком, закрепленным в ч. 2 ст. 142 УК ДНР (нарушение неприкосновенности жилища с применением насилия или угрозой применения насилия) является проникновение в жилище, совершение физических действий, направленных на ограничение свободы, нанесение побоев, причинение легкого вреда здоровью потерпевшего. Принципиально обозначить, собственно что в случае причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью не охватывается данной частью статьи и настоятельно требует дополнительной квалификации. Под угрозой применения насилия понимается психическое воздействие на потерпевшего.

2) Квалифицирующим признаком, закрепленным в ч. 3 ст. 142 УК ДНР (незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица с применением насилия или с угрозой его применения совершенное лицом с использованием своего служебного положения) считается не только физическое или психологическое воздействие, а специальный субъект. В предоставленном случае специальным субъектом является физическое вменяемое лицо использовавшее свое служебное положение, т.е. реализуя свои полномочия по службе или возможности, предоставляемые службой, для незаконного проникновения в жилище. Примером может служить незаконное проникновение лица, являющегося сотрудником полиции, в чужую квартиру под предлогом проведения следственного действия.

3) Квалифицирующим признаком, закрепленным в п. а, ч. 3, ст. 164 УК ДНР (кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище) является цель преступления не просто проникновение в жилище против воли лица, а с целью совершить тайного хищения чужого имущества. Согласно примечанию данной статьи под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

4) Квалифицирующим признаком, закрепленным в п. б, ч. 2, ст. 173 УК ДНР (грабеж с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище) так же является цель преступления не просто проникновение в жилище против воли лица, а с целью совершить грабеж, открытое хищение чужого имущества. В данном пункте так же стоит отметить, что добавлена фраза «помещение либо иное хранилище», т.е. если помещение не будет признано жилищем, то все равно будет применяться именно данный пункт статьи, в предыдущих смежных составах было конкретно указано, что помещение должно быть жилищем.

5) Квалифицирующим признаком, закрепленным в ч. 2, ст. 174 УК ДНР (разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере) так же выступает определенные особенности: цель преступления совершение разбойного нападения, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего; для разбоя характерно преступное посягательство не только на отношения, связанные с распределением и перераспределением материальных благ, но еще на жизнь и здоровье потерпевшего, а под незаконным проникновением в помещение или иное хранилище понимается противоправное тайное или открытое вторжение, совершенное с целью совершения разбоя; в данном пункте так же включается вариант, что помещение, строение и т.д. в которое проникновение не обязательно может быть жилым.

Главным отличием от ст. 142 УК ДНР является наличие разбойного нападения.

б) Стоит рассмотреть так же квалифицирующие признаки ст. 390 УК ДНР. Самоуправство – это самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред, согласно ч. 2 ст. 390 может быть совершено с применением насилия или с угрозой его применения. Основными признаками

является: причинение существенного вреда незаконными действиями; виновный осознает, что действует без разрешения лица, право которого нарушает. Данная статья подразумевает, что лицо на законных основаниях обладает определенным правом, но при осуществлении этого права нарушается установленный порядок его реализации и тем самым причиняется существенный вред правам и интересам другого субъекта права, например, лицо получившее на легитимном основании ордер на жилплощадь, самовольно заселяет данную жилплощадь, не дожидаясь выезда прежних жильцов, в данном случае согласно квалифицирующим признакам будет вменяться ст. 390 УК ДНР. Основным отличием от ст. 142 УК ДНР обязательным условием наступления ответственности по ст. 390 УК ДНР является наличие оспариваемого гражданином или организацией права, а также причинение указанными действиями существенного вреда. О наличии такого права должно быть известно виновному. Незаконное проникновение в жилище, напротив, должно быть совершено при отсутствии какого-либо спора относительно жилища [5].

Исходя из вышеизложенного, в статье были определены особенности уголовно-правовой характеристики нарушение неприкосновенности жилища, были рассмотрены мнение разных ученых по поводу понимания понятия «жилища», а так же выявлены четкие отличия нарушение неприкосновенности жилища от смежных составов преступления, таких как кража совершенная с незаконным проникновением в жилище (п. «а», ч. 3, ст. 164 УК ДНР); грабеж с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (п. «б», ч. 2, ст. 173 УК ДНР); разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере (ч. 2, ст. 174 УК ДНР); самоуправство (ст. 390 УК ДНР).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики № 1 – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест». – 2018. – 35 с.
2. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №2. Уголовный Кодекс – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест». – 2016. – 200 с.
3. Матвеев М.С., Чиняева В.А. К вопросу об определении понятия «жилище» в уголовном праве // Теория науки. – 2016. – №4. – С. 35-41.
4. Постановлении Европейского суда по правам человека от 18 ноября 2004 года [Электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2463280/> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, – 2015. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.studentlibrary.ru/doc/ISBN9785392165834-SCN0001.html> (дата обращения: 04.02.2020).

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTIC OF VIOLATION OF THE SECURITY OF HOUSING, THE MAIN DIFFERENCES OF VIOLATION OF THE SECURITY OF THE HOUSING FROM THE RELATED COMPOSITION OF THE CRIME

Annotation. This paper analyzes the criminal legal characteristics of violations of the inviolability of the home in the Donetsk People's Republic, examines the opinions of different scholars in the understanding of the concept of «home», as well as identifies clear differences in the violation of the inviolability of the home from related offenses.

Keywords: violation of immunity, housing, qualification, signs.

Lashkevich A.

Scientific adviser: Timoshenko N., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: alina.lashkevich@yandex.ua

К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ ДИФФАМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Лебединская А.С.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию развития явления «диффамация» в отечественных реалиях. Проведён анализ содержания Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики в аспекте регламентации ответственности за клевету и оскорбление. С целью адаптации терминологического оборота «диффамация» в законодательство Донецкой Народной Республики разработаны соответствующие гипотетические дефиниции. Сформировано предложение о реформировании уголовного закона Донецкой Народной Республики ввиду необходимости действия уголовной диффамации неразрывно со всеми её составляющими.

Ключевые слова: диффамация, обесславливание, дискредитация, диффамационные действия.

В современный период демократизации государственных устоев, достаточно актуальным представляется содержание законодательного ограничения свободы слова. Наиболее важная деталь заключается в том, что свобода выражения мнений не является безграничной, и появление необходимости вмешательства со стороны государства возможно лишь при условии наличия устойчивого правового базиса. В связи с этим, целесообразно провести анализ такого зарубежного феномена как диффамация (лат. *diffamatio* – порочить), являющегося основанием для возникновения ответственности в контексте нарушения конституционально закрепленной свободы слова.

Стоит отметить, что любая концепция прав имеет ограничения. В рамках заявленной тематики исследования, данное положение обусловлено одновременной регламентацией Конституцией Донецкой Народной Республики [1] гарантии свободы мысли и слова (ч. 1 ст. 22 Конституции ДНР) и установлением законодательных оговорок о недопустимости злоупотребления соответствующим правом.

Указанная проблематика являлась предметом исследования ряда авторов: Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, Д. Когвено, М. А. Ледовских, С. Наррайн, Е. Л. Невзгодина, Е. Пальцева, П. Паис, Н. Н. Парыгина, Д. Е. Проценко и другие. Вместе с тем, новые задачи, выдвигаемые перед законодателями и правоисполнителями, обуславливают необходимость продолжения научных изысканий в контексте данной темы.

Тем самым, цель работы заключается в проведении анализа теоретических и практических положений явления «диффамация» с дальнейшим его законодательным, научным и лингвистическим внедрением в отечественные реалии.

В качестве изначального пункта в научной характеристике диффамации необходимо интерпретировать данный термин в соответствии с зарубежными позициями. Так, Принсон Паис определяет диффамацию как «преднамеренное ложное сообщение, опубликованное или публично высказанное, наносящее ущерб репутации или доброму имени другого лица» [2]; Джон Когвено под диффамацией подразумевает «публикацию заявления, отражающего репутацию человека и имеющего тенденцию понижать ее в оценке здравомыслящих членов общества в целом» [3]; Сиддхарт Наррайн упоминает, что «законы о диффамации призваны защищать репутацию отдельных лиц, компаний и объединений» [4].

Развивая концепции вышеизложенных научных разумений, наше представление о явлении «диффамация» имеет следующее содержание: разглашение о другом лице порочащих сведений вне зависимости от их истинности и имеющее целью опорочить честь и достоинство, или репутацию этого лица.

Определив теоретическую конструкцию регламентируемого термина, отметим, что диффамация имеет гражданскую природу возникновения, однако, действующий Гражданский кодекс ДНР [5] не содержит интерпретацию указанного правонарушения.

Тем не менее, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [6] (далее – постановление Пленума ВС РФ №3), необходимо иметь в виду тот факт, что используемое Европейским судом по правам человека понятие «диффамация» тождественно понятию «распространения не соответствующих действительности порочащих сведений» (ч. 1 постановления Пленума ВС РФ №3).

Так, порочащими сведениями являются «содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» (ч. 7 постановления Пленума ВС РФ №3).

Определяя диффамацию как правонарушение, логично выделяется уголовно-правовая диффамация, представленная составом преступления клевета.

Так, в соответствии со ст. 132 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики [7] (далее – УК ДНР), «клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Однако, по нашему мнению, ложность распространяемых сведений не следует рассматривать в качестве обязательного элемента диффамации, поскольку в понятие «диффамация» так же включено оглашение правдивой компрометирующей информации, которая негативно воздействует на авторитет конкретного лица в обществе.

Стоит отметить, что вредоносный оборот ложных и правдивых компрометирующих сведений отрицательно воздействует на функционирование гражданского общества и затруднительность вынесения решений исключительно в гражданском судопроизводстве. Тем самым, возможность возникновения уголовной ответственности и соответствующей судимости, удерживает граждан в контексте популяризации порочащей информации о каком-либо другом лице.

В подтверждение нашему мнению, целесообразно сделать ссылку на Резолюцию ПАСЕ №1577 «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию» от 4 октября 2007 г. (далее – Резолюция) [8]. В соответствии с ч. 5 Резолюции «свобода выражения мнений не является безграничной, и в демократическом обществе может возникнуть необходимость вмешательства со стороны государства при условии, что для этого есть твердая правовая основа». Помимо этого, согласно ч. 6 Резолюции, «законы об ответственности за диффамацию преследуют законную цель по защите репутации и прав граждан. Ассамблея настаивает на введении процедурных гарантий, позволяющих любому лицу, обвиняемому в диффамации, обосновать свои утверждения, чтобы избежать возможной уголовной ответственности».

Мы намеренно обращаем внимание на то, что, несмотря на наименование Резолюции, данный документ является призывом к детализированию национальных законов в аспекте обозначения точного определения «диффамации»; отмены наказания в виде лишения свободы за диффамационные действия; контроля над правомочным применением уголовного преследования и надлежащих средств защиты; обеспечения гарантии присуждения компенсации, соразмерной причиненному вреду.

В дополнение к вышеизложенному, отметим, что, несмотря на мировые тенденции демократизации и декриминализации диффамационных действий, ЕСПЧ

отказался принять решение об устранении уголовной ответственности за диффамацию в силу отсутствия нарушения права на свободу выражения мнений в данном ключе.

Поскольку данная работа направлена на совершенствование уголовного законодательства ДНР и обновление научных концепций в аспекте внедрения диффамационных действий в отечественные реалии, необходимо установить собственное национальное понятие, характеризовавшее диффамационные действия. Это обусловлено тем, что необходимо актуализировать отечественное науковедение термином, который сможет обозначать аналог «диффамации» в постсоветском пространстве.

В соответствии с Толковым словарём живого великорусского языка В.И. Даля, слово «обесславливание» происходит от глагола «обесславливать» и имеет следующее обозначение: «лишать доброй славы, имени, чести; осрамить, опозорить, обесчестить; распустиť о ком дурную славу, молву» [9].

Опираясь на вышеизложенный материал, мы считаем необходимым зафиксировать оптимальную вариацию интерпретирования термина «обесславливание» как потенциального единого понятия для национальной правовой системы, имеющего аналогичное значение зарубежной «диффамации».

Таким образом, исходя из авторской концепции, обесславливание – это распространение заведомо ложных сведений или правдивых сведений о частной жизни другого лица, порочащих его честь и достоинство или подрывающих его репутацию.

По причине указания правдивых порочащих сведений как элемента диффамации, или обесславливания, следует указать аналогичное понятие.

В данном случае, придерживаясь мнения Е.Л. Невзгодиной и Н.Н. Парыгиной, считаем, что понятие «дискредитация» наиболее полно передаёт суть проанализированного деяния (умышленное распространение соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений) [10, с. 92].

Следовательно, регламентацию УК ДНР в контексте незаконной популяризации сведений о каком-либо лице, целесообразно реформировать в следующем последовательном порядке: клевета, дискредитация. Изложенное ранее позволяет сделать вывод о том, что законодательство ДНР нуждается в специальной норме, регламентирующей ответственность лиц за дискредитацию. В свою очередь, понятие «обесславливание», по нашему мнению, требуется не в законодательном закреплении, а в доктринальном.

Таким образом, данное исследование обладает двуаспектностью актуализации явления «диффамация» в постсоветском пространстве, то есть сможет способствовать развитию нормотворчества и научного сектора ДНР. Тем самым, ввиду проведения комплексного анализа, можно констатировать единство взглядов о том, что уголовная диффамация ограничивает свободу слова и выражение мнений только в случае распространения вредоносных факторов, влияющих на дестабилизацию гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики: принята 14 мая 2014 Верховным Советом Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ПНС) // Народный Совет Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 27.01.2020)
2. Prinson Pais. Defamation in Cyber Space: The Modern War between 'The Distributor' v. 'The 'Publisher' // Social Media and Electronic Commerce Law. – 2018. – pp.83-98
3. John Kogweno. Defamation and the law in Kenya table of contents [Электронный ресурс] // Academia. URL:

- https://www.academia.edu/40473569/DEFAMATION_AND_THE_LAW_IN_KENYA_TABLE_OF_CONTENTS (дата обращения: 21.11.2019)
4. Siddharth Narrain. Note on Defamation Law drafted for CIS [Электронный ресурс] // Centre for Internet & Society, 2015. URL: https://www.academia.edu/39099510/Note_on_Defamation_Law_drafted_for_CIS_2015 (дата обращения: 21.11.2019)
5. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС: принят Постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 года (вступает в силу с 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс] // Народный совет ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-gespubliki/> (дата обращения: 18.01.2020)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Верховный суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=10733 (дата обращения: 30.09.2019).
7. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 // Народный Совет ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-gespubliki/> (дата обращения: 21.11.2019)
8. Towards decriminalisation of defamation: Resolution 1577 (04/10/2007) [Электронный ресурс] // Parliamentary Assembly. Fourth part-session. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17588&lang=en> (дата обращения: 21.11.2019)
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь живого великорусского языка URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=20533> (дата обращения: 21.11.2019)
10. Е.Л. Невзгодина, Н.Н. Парыгина. Диффамация как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 2 (47). – С. 86–94.

TO THE QUESTION OF ATTACHING DEFAMATION IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of the development of the phenomenon of «defamation» in domestic realities. The analysis of the content of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic in the aspect of the regulation of liability for defamation and insult. In order to adapt the terminology «defamation» into the legislation of the Donetsk People's Republic, the corresponding hypothetical definitions have been developed. A proposal has been made to reform the criminal law of the Donetsk People's Republic in view of the need for criminal defamation inextricably with all its components.

Key words: defamation, defamation, defamation, defamation actions.

Lebedinskaya A.

Scientific adviser: Karpenko L., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: lebedinskaya@gmail.com

УДК 316.42

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Левицкая Т.А.

*Научный руководитель: Степанова Ю.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье представлен анализ процесса становления информационного общества и его взаимосвязи с глобализацией; влияния развития коммуникационных и информационных технологий на общество в целом. Автором приведены основные факторы, которые содействуют глобализации информационного пространства мирового информационного сообщества; обращается внимание на значимость информационных ресурсов для жизнедеятельности общества, а также на необходимость правового регулирования стремительно развивающихся отношений в сфере информационно-коммуникативных технологий; определены основные принципы глобализации информационных процессов современного мира, а также сделаны выводы относительно результата развития глобализации информационных процессов, угроз и рисков, возникших в результате такого развития.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, глобальное информационное общество, «глобальная деревня».

Во второй половине XX века человечество столкнулось с феноменом глобализации, который оказал существенное влияние на развитие государств, мировой экономики, политики, культуры, международных отношений. Главной целью процесса глобализации являлось создание унифицированного и интегрированного мира, который бы едиными силами боролся с глобальными проблемами человечества, а также способствовал прогрессивному развитию науки и техники, стабилизации мировой экономики, политических и иных процессов.

На сегодняшний день в науке к определению глобализации существует несколько подходов: 1) это многосторонний процесс, который ведет к нарастающей мировой взаимозависимости структуры, культуры и субъекта и сопровождающийся стиранием традиционных границ; 2) объективный процесс установления экономических, научно-технических, социально-политических, культурных и иных отношений между странами, практическая деятельность государств и других субъектов по организации взаимосвязанного и взаимозависимого функционирования регионов и континентов стран мирового сообщества.

Из приведенных подходов можно сделать вывод, что глобализация – процесс интеграции и унификации различных сфер общественной жизни. Некоторые авторы считают, что процесс глобализации впервые возник в сфере экономики и выражался в бурном росте масштабов, интенсивности и видов транснациональных обменов между странами как развитыми, так и развивающимися. К таким обменов необходимо отнести обмен товарами, услугами, капиталами, научными и технологическими знаниями, специалистами и предпринимателями, трудовыми ресурсами и туристами, а также наглядной, благодаря глобальной сети СМИ, социально-экономической информацией о развитых странах [1].

Информационно-коммуникационные процессы в глобальных, мировых масштабах конца XX – начала XXI вв., широкое внедрение электронно-вычислительной техники в деятельность человека и её использование для обработки, хранения, передачи, поиска информации свидетельствовали всеобщей о компьютеризации или информатизации общества. В свою очередь, глобализация сегодня как важнейшая тенденция современного мира, во многом предопределена интеграцией информационных систем в единую мировую систему.

Развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало видоизменению функционирования некоторых элементов государства и общества, к примеру, мы можем наблюдать снижение значимости пространственно-временных и национальных границ. Безусловно, эти процессы несут положительные последствия: общество переходит на принципиально новый этап развития, улучшая качество жизни. Однако, как и у глобализации, существует другая сторона – отрицательные последствия. К ним, очевидно, относятся риски информационной безопасности, угроза которой сложилась в результате распространения электронной коммуникации. По мнению некоторых авторов, использование информационных технологий и Интернета можно отнести к новому типу оружия, так как данные процессы позволяют манипулировать мнением общества.

Нельзя не признать, что информация играет важную, если не определяющую роль в развитии цивилизации и служит основой для принятия решений на всех уровнях и этапах развития общества и государства. Так, информационные революции, связанных с изменениями в сфере производства, обработки и обращения информации, приводили к радикальным преобразованиям общественных отношений, можно сказать, что общество принимало новое качество.

Прежде чем рассмотреть понятие информационного общества, следует определить, что есть информация. Однако сложно однозначно выделить точное определение информации, что обусловлено тем, что в разных сферах деятельности общества данный термин трактуется по-разному. Традиционно «информация» понимается как определенные сведения о чём-либо, сообщение или осведомление о положении дел. Так, в политологии информация определяется как совокупность сообщений об актуальных новостях внутренней и международной жизни, распространяемых средствами массовой коммуникации и ориентирующих аудиторию на факты, явления, процессы политической, экономической, научной, культурной и иной жизни общества [2]. Информация в сфере журналистики понимается как систематизированное отражение свойств объективной действительности, соотносится с журналистской размышлений, анализа, поиска взаимосвязей между разрозненными фактами [3].

Также выделяется понятие «правовая информация» – массив правовых актов и тесно связанных с ними справочных, нормативно-технических и научных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности.

Несмотря на многообразие определений термина «информация», нельзя отрицать, что она – важная составляющая современной жизни общества, без которой не может обойтись ни одна сфера деятельности человека.

Информационное общество – общество, в котором важнейшим структурным элементом развития является информация, и для обеспечения наличия которой большинство сфер деятельности человека направлено на создание, хранение и переработку информации.

Информационное общество – это общество нового типа, сформированное в результате информационных и коммуникационных технологий, основным ориентиром которого являются знания, полученные посредством свободного доступа к информации и умению работать с ней. Данный тип общества имеет глобальный характер, поскольку не имеет границ – ни временных, ни территориальных, и пронизывает все сферы жизнедеятельности человечества (экономику, культуру, политику и т.п.). Как отмечают аналитики и исследователи, процесс развития информационных потоков происходит лавинообразно и имеет устойчивый, стабильный характер. Так, динамика накопления информации, начиная с XVIII века, выглядит следующим образом: первое удвоение знаний произошло в 1750 году, второе – к началу XX века, третье – к 1950 году. С этого года объем знаний у человечества удваивался каждые 10 лет, а с 1970 – каждые 5 лет, с 1991 года – ежегодно [4], что не могло не повлиять на изменение жизнедеятельности людей, появление новых терминов – «информационная экономика», «информационный работник» и т.п. Единое информационное пространство способствует объединению интеллектуальных сил человечества, появлению и развитию новейших технологий, интеграции глобальных рынков капитала и труда.

Вышеизложенное позволяет нам обозначить характерные признаки информационного общества:

- наличие компьютерной техники во всех сферах деятельности и жизни человека;
- наличие программ, обеспечивающих функционирование и эффективность ЭВМ;
- наличие компьютерных баз данных и знаний, а также обеспечение доступа к ним широкого круга пользователей.

Стоит отметить, что информационные процессы и процессы глобализации взаимосвязаны. Так, М. Маклюэн развивает идею о ведущей роли средств массовой коммуникации в становлении и развитии мировых глобализационных процессов. Новый этап изменения социального пространства-времени он связывает с появлением мировой электронной сети – Интернет, несопоставимо увеличившей скорость информационных потоков. Электронные средства массовой коммуникации позволяют

представить мир как «одну точку», дают возможность каждому одновременно видеть события, удаленные друг от друга. Такой мир М.Маклюэн назвал «глобальной деревней» [5].

Наиболее важными факторами, которые оказали существенное влияние на ускорение процессов глобализации информационного пространства мирового сообщества являются:

- 1) развитие глобальной системы телевидения и радиовещания на основе использования спутниковых систем связи, покрывающих сегодня всю поверхность земного шара, что способствует передаче сведений различных сфер жизни общества.
- 2) развитие глобальных информационно-телекоммуникационных сетей;
- 3) глобализация телефонной связи, в том числе мобильной, что способствует установлению связи между находящимися в разных точках мира людьми;
- 4) принципиально новые средства и технологии для информационных коммуникаций (цифровые коммуникаторы) [6].

В наше время широкое распространение получили электронное обучение в школах с помощью единого образовательного портала, создание электронного университета, а также внедрение ИТ в области медицины. Кроме того, набирает популярность создание электронного правительства, целью создания которого определяют установление прямой коммуникации между властью и гражданами. И.Л. Бачило определяет электронное правительство как систему органов и организаций, целью которых является создание условий, способствующих обеспечению формирования таких параметров государства, при которых оно может рассматриваться как информационное общество [7].

Бурное изменение информационно-компьютерных технологий непосредственно способствует мировой тенденции сетевого развития, которая в значительно меньшей степени поддается регулированию со стороны государства, в связи с чем, возникла необходимость принятия международным сообществом нормативно-правового акта, направленного на урегулирование информационных отношений, а также установления основных принципов формирования глобального информационного общества [8]. Таким документом стала Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая в 2000 году и закрепившая характерные черты такого общества, а также важнейшие принципы его формирования:

- 1) обеспечение каждому члену общества возможности доступа к любой информации и общения с любым иным членом этого общества;
- 2) принцип информационного суверенитета;
- 3) принцип равенства каждого члена общества, народа, нации [6].

Кроме того, в Окинавской хартии указаны определенные цели, которые имеют важное значение для государств и мирового сообщества в целом, среди которых: повышение общественного благосостояния; транспарентное и ответственное управление, права человека, развитие культурного многообразия и укрепления международного мира и стабильности [6].

Однако, как мы уже отмечали, посредством Интернета возможна манипуляция сознанием, хотя при этом субъекты воздействия определяют свой выбор как «свободный», сделанный в соответствии со «своими внутренними убеждениями», что с большой вероятностью приводит к желаемому «социальному согласию», а на государственном уровне становится причиной размывания суверенитета.

Информационные ресурсы играют важнейшую роль для определения влияния как отдельно взятых государств, так и альянсов на международной арене. Необходимость объединения для защиты данного ресурса сыграет значимую роль при борьбе за сферы влияния. В связи с этим, существующие глобальные информационные процессы нуждаются в правовом регулировании, предметом которого являются международные

информационные отношения. Международное информационное право играет важную роль при обмене научной, научно-технической, экономической и иными видами информации; при определении правового режима международных баз данных компьютерных систем военного и космического характера; при определении правового статуса информации как международного ресурса. Перед обществом возникли новые задачи, связанные с преодолением цифрового неравенства и обеспечением национальной безопасности в новых, сложных условиях. Стремительная информатизация общества одновременно с глобализацией, реальная возможность дальнейшего увеличения цифрового разрыва приводит к росту напряженности в международных отношениях, а, стало быть, глобальному росту рисков и угроз (вспышек насилия, межнациональных конфликтов, наличие огромного, практически неконтролируемого потока информации, который все чаще приводит к дезинформации и манипулировании смыслами).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колин К. К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // Глобализация: синергетический подход: сб. науч. тр. – М.: РАГС, 2002. – С. 323-334.
2. Бровиков В.И., Попович И. В., Современные проблемы политической информации и агитации. – М., 1969. – С. 23.
3. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: Учебник для студентов вузов / С.Г. Корконосенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 318 с.
4. Колин К. К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. – Екатеринбург, 2002. – 432 с.
5. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. С. Вавилова. – М.: Жуковский: «Канон-пресс-Ц», 2003. – 464 с.
6. Окинавская хартия глобального информационного общества. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения: 03.12.2019).
7. Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства. Конфликты в информационной сфере: правовые аспекты. Материалы теоретич. семинара Сектора информационного права института государства и права РАН. – М.: Институт государства и права РАН, 2009. – С. 271-283.
8. Понарина Н. Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – №1. – С. 228-233.

GLOBALIZATION AND THE INFORMATION SOCIETY

Annotation. The article is devoted to the analysis of the formation of the information society and its relationship with globalization; the impact of the development of communication and information technologies on society as a whole. The author presents the main factors that contribute to the globalization of the information space of the world information community; draws attention to the importance of information resources for the life of society, as well as the need for legal regulation of rapidly developing relations in the field of information and communication technologies; defines the basic principles of globalization of information processes in the modern world, and also draws conclusions regarding the result of the development of globalization of information processes, threats and risks resulting from such development.

Keywords: globalization, information society, global information society, «global village».

Levitskaya T.

Scientific adviser: Stepanova Y., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: levona30@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРРУПЦИОННОГО НАРУШЕНИЯ

Литвинов Е.В.

*Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В представленной авторской научной работе на основе детального исследования различных научных трудов и разработок раскрывается правовая природа коррупционного нарушения. Раскрыты основы появления коррупционных нарушений, сущность коррупции и ее ключевые признаки. Акцентируется внимание на необходимости выработки единого теоретико-методологического подхода в уяснении самой правовой природы коррупционного нарушения.

Ключевые слова: коррупция, правовая природная, коррупционные правонарушения.

Если рассматривать историю человеческой цивилизации под углом уголовно-правовой политики и анализа преступлений, то складывается ситуация, что кроме общеуголовных преступлений, наиболее давние корни имеет коррупция. В основе коррупции, как одного из древнейших правонарушений лежит древний обычай совершать различного рода подношения религиозным деятелям – вождям и жрецам, с целью получения их расположения в наиболее общих вопросах, в последующем это стало основой «традиционной» дипломатии и стала практикой обмена различными подарками. Тем не менее со временем, всевозможные подношения, стали выходить за установленные рамки и преследовали совершенно иные цели, склонить к принятию «нужного» решения, совершить определенные действия в более благоприятных условиях. Однако на сегодня, коррупция стала одной из причин нарушения стабильности современного общества и государственного управления. В целом не смотря на разнообразность коррупционных нарушений, их правовая природа не в полной мере установлена. Именно от эффективности выработки средств и методов противодействия коррупции, понимание ее внутренних и внешних причин зависит благосостояние современного общества, стабильность функционирования государственных институтов и всей правовой системы, что и актуализирует предмет представленного исследования.

Детальный анализ правовой природы коррупции с точки зрения историко-правового метода позволяет констатировать, что еще до появления самого понятия «коррупция» высшие социальные слои населения и общество в целом различали разного рода подношения, как вполне легальные, так и избыточные. Например, одно из самых первых упоминаний о коррупции находит свое отражение в клинописях древней Месопотамии – города Вавилона [1, с. 28]. Коррупция имея давнюю историю, и происходит от латинского *corruptio*, то есть – подкуп. Стоит отметить, что определение *corruptio* в римском праве непосредственно отождествлялось с такими словами: разрушать, ломать, подкупать и в свою очередь являлось противоправным действием, с точки зрения римского права в отношении различных должностных лиц. Сама дефиниция «коррупция» означала также и сговор нескольких участников (своего рода группы – в современном уголовно-правовом понимании), целью которых являлось неправомерное влияние, в частности на судебный процесс изменение различных элементов механизма управления в обществе [2, с. 137]. Мировой опыт, вполне закономерно свидетельствует, что, наиболее коррупциогенными то есть подверженному наибольшему коррупционным рискам являются различного рода должности административных руководителей тех или иных государственных органов, а также и органов местного самоуправления, кроме того и правоохранительных органов [3, с. 71].

Вполне закономерно, что эффективность деятельности по снижению коррупционных правонарушений зависит также и от четкого понимания самой сути

явления, его правовой природы. Однако, как вполне закономерно отмечают исследователи, законодательство, по противодействию коррупции, не раскрывает самого понятия данного негативного явления, и как следствие практическое применение самого термина существенно затруднено из-за отсутствия общепринятого определения и его свойств, характеризующими его сущность [4, с. 201] и правовую природу. В истории данный термин неоднократно ассоциировался со «взяточничеством». Однако, взяточничество отличается от самой коррупции тем, что чиновника (государственного деятеля) подкупают не ради нарушения его обязанностей, а наоборот ради их исполнения. Взятничество непосредственно порождается самой неопределенностью полномочий чиновника, дефицитом, (зачастую искусственным) административных и различных финансовых возможностей самого государства [5, с. 149].

В анналах уголовного права взяточничество, как преступление, имеющего уголовную ответственность, встречается на ранних стадиях развития права [6, с. 214]. Однако, в древних источниках русского права само взяточничество довольно редко встречается как отдельный состав преступления [6, с. 215]. Со временем данный вид коррупционного деяния был выделен в отдельный институт. Так, в Уложении царя Алексея Михайловича, под страхом наказания, запрещает брать посулы боярам и воеводам. Непосредственно за неправый суд Уложение подвергает изобличённых во взяточничестве судей из думных людей лишению сана, штрафу в размере тройной цены иска в пользу истца и, кроме того, уплаты в казу судебных пошлин; судей не из думных людей оно приговаривает к торговой казни и отрешению от должности. Кроме того, преследовались также Уложением подлог и медленность со стороны подкупленных дьяков и подьячих. В последующем, Петр Великий одним из первых обратил внимание и на дающих взятку лиц (лиходателей) и в отдельных случаях карал их наравне с лихоимцами [6, с. 215].

Отметим, что уже в конце XIX века в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона такое схожее с коррупцией и приравненное к ней в массовом сознании слово – «взяточничество», как уголовно-правовой термин, не встречался вовсе в отечественном уголовном законодательстве [6, с. 213].

В целом рассматривая правовую природу коррупции следует отметить, что в большом юридическом словаре термин коррупция раскрывается как «общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц» [7, с. 258]. Стоит также отметить, что в документах Организации Объединённых Наций в сфере международной борьбы с коррупцией также представлено определение «коррупции» – как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп [8].

В настоящее время, коррупционные правонарушения, в том числе и взяточничество является наиболее актуальной тематикой диссертационных исследований, особенно научная деятельность активизировалась в данном направлении в 90-х годах прошлого века [9-12] и находит свое активное проведение и в настоящее время [13-16]. Исследованию данной проблемы, а также выработке самого понимания и правовой природы коррупции, разработке путей борьбы посвятили свои научные труды многие ученые и политические деятели [17, с. 137].

Отметим, что выработка единого определения «коррупции» является очень важной задачей для понимания ее правовой природы, а также последующей выработки мер противодействия [18, с. 248]. С целью понимания самой правовой природы коррупции, следует согласиться с мнением Л.Д. Гаухмана, который рассматривает

коррупцию в различных значениях: общесоциальном, политико-экономическом, криминологическом и уголовно-правовом [19, с. 2]. Это позволяет подходить к данному негативному явлению современности не односторонне, а комплексно. При этом, на государственном уровне такой подход не всегда учитывает. Например, представления о коррупции как совокупности различных уголовно-наказуемых деяний являют собой основу российской антикоррупционной политики, например Федеральный закон «О противодействии коррупции» коррупция [20]. В целом российский законодатель ушел от абстрактного понимания коррупции, а постарался раскрыть максимально исчерпывающий перечень действий, которые являют собой само коррупционное деяние [21, с. 9].

Вполне закономерно, что многоаспектные формы проявления и правовой природы самой коррупции в различных сферах социума не позволяют сформулировать единое и целостное понятие, которое отражало бы все ключевые свойства данного явления. Для более детального и глубокого понимания сущности и правовой природы различного рода коррупционных проявлений в первую очередь необходимо рассматривать данное явление комплексно с различных позиций.

Вполне закономерное утверждение ученых, что социально-правовую природу коррупционных правонарушений следует раскрывать через совокупность наиболее существенных признаков коррупции [22, с. 239]. В частности выделяют следующие признаки (свойства) коррупции:

- 1) субъект коррупции – только представители государственной власти;
- 2) использование представителями власти в ходе коррупционных действий своего служебного положения;
- 3) использование своего служебного положения в личных целях;
- 4) несоответствие личных целей интересам социума и государства, их противопоставление [23, с. 249].

Если же рассматривать правовую природу коррупции на примере Российской Федерации, через свойства то в настоящее время к ним относят: целостность, многоуровневость и многомерность, как социально-правового явления, а также наличие системности [1, с. 23]. В целом без понимания правовой природы коррупционных правонарушений задача по эффективному предупреждению и пресечению коррупционных проявлений становится трудновыполнимой, не только в практической, но и в теоретической плоскости.

В заключении необходимо отметить, что хотя коррупция и имеет длительную историю своего существования, она не утрачивает своей актуальности в настоящее время, требует поиска наиболее эффективного способа противодействия, для чего требуется не только законодательное закрепление правовых основ противодействия коррупции, но и более детальное понимание ее сущности, механизма функционирования, а также выработки единого теоретико-методологического подхода в уяснении самой правовой природы данного негативного социального явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Противодействие коррупции: учебное пособие / составители: А.М. Межведилов, Л.Т. Бакулина, И.О. Антонов, М.В. Талан, Ю.В. Виноградова, А.Д. Гильфанова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 192 с.
2. Фиалковская И.Д. Противодействие коррупции как цель контрольно-надзорной деятельности в государственном управлении: зарубежный опыт // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства». –Н. Новгород, 2015. – С. 137-143.
3. Абрамова М.В. К вопросу о сущности понятия «коррупционные риски» // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – №4. – С. 69-73.
4. Епихин В.П. Понятие коррупции: проблемы теории и практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 201-203.

5. Кучеров И.П. Проблемы коррупции в контексте построения правового государства // Право и правопорядок: вопросы теории и практики. – 2018. – С. 147-154.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том VI (11). Венцано – Виона. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1892 – 502 с.
7. Большой юридический словарь / под ред. С.П. Белкина. – М.: Инфра-М, 2000. – 1562 с.
8. Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН A/CONF. 169/14. 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-ods.un.org/access.nf/Open&D=/CONF.%209/Lang=R>. – Дата обращения: 18.01.2020.
9. Кабанов П.А. Борьба со взяточничеством и иными формами коррупции в условиях реформирования государственного аппарата и перехода к рынку: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1994. – 19 с.
10. Егорова Н.А. Уголовно-правовые формы борьбы с коррупцией в новых экономических условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1996. – 23 с.
11. Клюковская И.Н. Коррупция в России: понятие, состояние и проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999. – 18 с.
12. Сайгигов У.Т. Коррупция как фактор организованной преступности в сфере экономики: (криминологический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1998. – 21 с.
13. Александрова О.А. Информационная открытость как составляющая противодействия коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 22 с.
14. Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 22 с.
15. Юсупов А.Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 26 с.
16. Противодействие коррупции в Российской Федерации: Указатель литературы на русском языке. 1991-2012 гг. // Сост.: Е. А. Панфилова, М. И. Савинцева; под ред. Ю. А. Нисневича. – М., 2013. – 206 с.
17. Фиалковская И.Д., Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. – 2018. – №1. – С. 137-142.
18. Вдовина В.В., Волосова Н.Ю. К вопросу о соотношении понятий «коррупция» и «коррупционная преступность» // Наука среди нас. – 2017. – №4(4). – С. 247-252.
19. Гаухман Л.Д. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. – 2000. – № 6. – С. 2-6.
20. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2008 г. – № 52. – ст. 6228 (Часть I).
21. Шокот И.Ю. К вопросу о понятии коррупции, ее сущности и признаках // Военно-юридический журнал. – 2015. – № 7. – С. 8-12
22. Москвина С.А. Сущность и признаки социальной-правовой природы коррупции // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – №12(30). – С. 237-239.
23. Вдовина В.В., Волосова Н.Ю. К вопросу о соотношении понятий «коррупция» и «коррупционная преступность» // Наука среди нас. – 2017. – №4(4). – С. 247-252.

LEGAL NATURE OF THE CORRUPTION VIOLATION

Annotation. In the presented author's scientific work, based on a detailed study of various scientific works and developments, the legal nature of the corruption violation is revealed. The basics of the appearance of corruption violations, the essence of corruption and its key features are revealed. Attention is focused on the need to develop a unified theoretical and methodological approach to understanding the legal nature of corruption violations.

Keywords: corruption, natural law, corruption offenses.

Litvinov E.

Scientific adviser: Krasnonosov E., PhD in Law, Associate Professor
 Donetsk National University
 E-mail: evgenij.litvinov@icloud.com

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ

Макарова М.С.

*Научный руководитель: Максименко О.Б., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникающие в деятельности следователя при расследовании умышленных убийств в ходе взаимодействия с органами дознания. Проанализированы разные точки зрения ученых относительно трактовки понятия, что означает рассматриваемое в данной статье взаимодействие, а также предложено определение того, что из себя представляет взаимодействия следователя и органов дознания в Донецкой Народной Республике

Ключевые слова: взаимодействие, орган дознания, оперативно-разыскная деятельность, поручение следователя, умышленное убийство.

Одним из важнейших факторов успешного расследования умышленных убийств, как в прочем и иных преступлений является правильная организация взаимодействия следователя с органами дознания. Стремление к согласованной деятельности между следователями и органами дознания подмечено ещё с момента их образования, а как известно взаимодействие данных органов осуществлялось ещё в период Российской империи, то есть в досоветский период. Эта деятельность постоянно развивалась и укреплялась на основе разграничения их компетенции. В настоящее время данный процесс нашел своё законодательное закрепление в таких нормативных актах, как: Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР), Законы Донецкой Народной Республики, а именно «Об оперативно-разыскной деятельности», «О полиции», «О Министерстве государственной безопасности», а также в многочисленных ведомственных подзаконных нормативных правовых актах. В частности, ч. 3 ст. 126 УПК ДНР закреплено право следователя давать органам дознания поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий и требовать от органов дознания помощи при производстве отдельных следственных действий, такие поручения и указания являются обязательными для органов дознания. Кроме того, ч. 3 ст. 72 УПК ДНР предусмотрено право следователя поручать подразделениям, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, провести оперативно-разыскные мероприятия или использовать средства для получения фактических данных, которые могут быть доказательствами по уголовному делу [1]. Также данные права следователя нашли отображения в вышеуказанных законодательных актах регулирующих деятельность органов уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность, в части предоставления права на осуществление оперативно-разыскных мероприятий на основании поручения следователя.

Таким образом, законодатель достаточно полно урегулировал вопросы взаимодействия следователя и органов дознания при расследовании преступлений. Также стоит отметить положительный фактор в законодательном закреплении права следователя поручать органам дознания производство следственных действий, а не только лишь оперативно-разыскных мероприятий, что способствует частичной «разгрузке» следователя от выполнения второстепенных следственных действий, и позволяет последнему полностью сосредоточиться на выполнении основных следственных мероприятий по закреплению доказательной базы относительно конкретного преступления.

Вместе с тем несмотря на достаточно законодательное закрепление данного процесса, имеются существенные проблемы при практической реализации данных норм, которые будут рассмотрены далее в рамках настоящей статьи.

Что касается теоретического аспекта взаимодействия следователя и органов дознания при расследовании преступления, то в юридической науке мнения ученых по данному вопросу несколько отличаются. Так, по мнению А. Н. Гусакова и А. А. Филющенко, указанное взаимодействие определяется как временная организационная форма объединения и координации деятельности следователя и органов дознания для наиболее эффективного раскрытия и расследования преступлений. Взаимодействие является временной организационной формой в том смысле, что осуществляется только в период расследования конкретного уголовного дела. С завершением расследования прекращается взаимодействие следователя с органом дознания, но оно может возобновиться при расследовании другого уголовного дела [2].

А.Р. Ратинов характеризовал взаимодействие следователя с органом дознания следующим образом: «Под взаимодействием понимается основанная на законе согласованная деятельность административно независимых друг от друга органов следствия и дознания, направленная на раскрытие и предупреждение конкретного преступления путем наиболее целесообразного сочетания методов и средств, присущих этим органам» [3].

По мнению А.И. Бастрыкина, под взаимодействие органов предварительного следствия и дознания при расследовании уголовного дела следует понимать основанное на законе сотрудничество не подчиненных друг другу государственных органов, которые действуют согласованно, по заранее определенному плану, целесообразно, сочетая процессуальные и непроцессуальные средства, способы и методы в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности виновных, розыска обвиняемых и обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением [4].

Исходя из мнений ученых по данному вопросу, а также учитывая сложившуюся правоприменительную практику, в наибольшей степени соответствующей настоящей действительности можно отметить дефиницию, предложенную А.И. Бастрыкиным, поскольку она даёт предельно детальное отражение процессу и определяет взаимодействие следователя и органов дознания как сотрудничество из чего становится известно, что следственные и оперативно-разыскные подразделения при раскрытии преступлений, включая умышленные убийства, обладают специфическими способами и методами, в связи с этим крайне необходимо, чтобы эти возможности применялись неразрывно, путем разумного сочетания соответствующих мер.

Вместе с тем, принимая во внимание имеющиеся отличия законодательства и общественных отношений в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике, можно предложить такую трактовку понятия взаимодействия следователя и органов дознания в Донецкой Народной Республике, как временный процесс рационально слаженного воздействия правоохранительных органов Донецкой Народной Республики, основанный на предварительно взаимообусловленной договоренности хода действий с соблюдением норм действующего законодательства, а также с применением соответствующих методов и средств предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, в том числе – умышленных убийств.

На основании сформированной теоретико-правовой базы, с учетом особенностей практических условий правоохранительной деятельности в Донецкой Народной Республике, обусловленной, в том числе, действующим военным положением и фактическим состоянием войны с иностранным государством, целесообразно рассмотреть следующие проблемы, возникающие при взаимодействии следователя и органов дознания в ходе расследования преступлений.

Согласно ч.1 ст.124 УПК ДНР по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 106 Уголовного кодекса ДНР (далее – УК ДНР) предварительное следствие

проводится следователями прокуратуры, которые обладают правом совершать по делу только следственные и процессуальные действия, однако для раскрытия такого преступления как умышленное убийство, использование лишь вышеуказанных возможностей делает процесс раскрытия весьма затруднительным [5]. Поэтому, как правило, при расследовании умышленных убийств оперативное сопровождение предварительного расследования осуществляется оперативными подразделениями Уголовного розыска Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики (далее – УР МВД ДНР), в соответствии с п.1 ч.1 ст.113 УПК ДНР – полиция, одной из основных задач которых, в соответствии с п. п. 3,4 ч.1 ст.2 Закона «О полиции ДНР», является выявление и раскрытие преступлений, проведение расследования по уголовным делам, исполнение уголовных наказаний, а также розыск лиц, скрывающихся от правоохранительных органов за совершение преступлений, а также лиц, без вести пропавших, установление местонахождения лиц, утративших связь с родственниками, а также установление личности неизвестных лиц [6]. Поэтому рациональное использование уголовно-процессуальных возможностей следователя и оперативных средств и методов, имеющихся в распоряжении оперативно-розыскного подразделения полиции, помогает решать поставленные задачи при раскрытии и расследовании умышленных убийств, что практически невозможно сделать по отдельности, что ещё раз подтверждает значение рассматриваемого данной статьёй взаимодействия в Донецкой Народной Республики.

Сложившаяся практика взаимодействия следователей прокуратуры и оперативных подразделений УР МВД ДНР, исходя из результатов опроса оперативных работников органа прокуратуры Донецкой Народной Республики следует, что оперативное сопровождение при расследовании преступлений об умышленных убийствах подразделениями УР МВД ДНР осуществляется не всегда качественным образом. Одной из причин является загруженность работой следователей прокуратуры и сотрудников УР МВД ДНР, которые иногда вынуждены работать на износ до полуночи. Известны случаи, что именно из-за такого режима сотрудники не выдерживая увольняются, от этого постоянная нехватка квалифицированных кадров. Разумеется, «дефицит» опытных сотрудников критически отображается в результатах любой сферы деятельности. Таким образом, при расследовании и раскрытии умышленных убийств попросту могут отсутствовать надлежащие для этого силы.

Следующими осложнениями эффективности рассматриваемого взаимодействия исходя из опроса оперативных работников органа прокуратуры Донецкой Народной Республики являются психологические аспекты тактики взаимодействия следователя с сотрудниками дознания органов внутренних дел при расследовании преступлений, в том числе – умышленных убийств. Поскольку пренебрежение данным фактором в ходе совместной деятельности зачастую способствует образованию конфликтной ситуации. В совместной работе всегда имело особую ценность умение найти «общий язык» и понять партнера с «полуслова». В возникающих конфликтных ситуациях стоит помнить об общем этическом правиле: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». По мнению А.П. Большакова правильно организованное сотрудничество следователя и сотрудников органа дознания является во многих случаях результатом установления психологического контакта между ними. Профессиональная деятельность следователя и оперативного работника будет эффективной только в случае, если они будут обладать соответствующими личностными свойствами и профессиональными качествами [7]. То есть, если в процессе служебного общения стороны смогут научиться выстраивать правильную линию поведения, то в различных следственных ситуациях такой навык приведет к наиболее эффективному взаимодействию, а как следствие, к достижению ожидаемых и необходимых результатов.

Ещё один фактор, определяющий уровень эффективности взаимодействия следователя и органов дознания выражается в сроках исполнения. Быстрота и оперативность в слаженной деятельности следователей и органов дознания порой являются определяющими. Однако, в силу военного положения на территории Донецкой Народной Республике, введенного в мае 2014 года согласно Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики – «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения» и Закону Донецкой Народной Республики «Об особых правовых режимах» от 24.03.2015 года, который также регламентирует действие военного положения, сроки исполнения оперативно-разыскных мероприятий, а также следственных действий, которые при необходимости следователь вправе поручать органам дознания, зачастую не могут быть соблюдены. Так случается по той причине, что во время военного положения в любой момент может возникнуть необходимость срочного вовлечения оперативных подразделений УР МВД ДНР в мероприятия по обеспечению территориальной обороны Донецкой Народной Республики, выявления и пресечения деятельности диверсионно-разведывательных групп посредством дежурств на блок-постах, конвоирования преступников, патрулирования территории обслуживания и т.п. Решением в данной ситуации могло бы быть полное снятие обязанности задействовать в подобных мероприятиях подразделения, полномочные осуществлять оперативно-разыскную деятельность и возложения её, например, на строевые подразделения МВД, роту конвойной службы, патрульно-постовую службу полиции и другие специальные полицейские подразделения в круг компетенция которых эти обязанности и входят. В свою очередь раскрытие и расследование конкретно умышленных убийств протекает в таком специфическом условии, как внезапность появления ситуации, это требует от следователей безотлагательного реагирования, а именно принятия решений и их реализации, чтобы не упустить динамичность процесса расследования и иметь возможность быстро среагировать на изменение обстановки, ведь как известно если преступление не обнаружено и не расследовано в ближайшее время после его совершения, то впоследствии понадобится затратить намного больше сил и средств в целях установления истины по делу. Так, при расследовании такого общественно опасного деяния, как умышленное убийство, помимо снятия с оперативных подразделений УР МВД ДНР, обязанностей отвлекающих от осуществления оперативно-разыскной деятельности, как это было предложено выше, для полного гаранта их эффективного взаимодействия со следователями и при объективной возможности выполнения всех поручений в срок, целесообразным являлось бы закрепление на законодательном уровне юридической ответственности, которая по представлению следователя возлагалась в первую очередь на руководителей подразделений УР МВД за отсутствие контроля над подчиненными по соблюдению сроков и требований исполнения поручений следователя, а они в свою очередь принимали бы меры по воздействию на нормальное выполнение сотрудниками своих должностных обязанностей.

Таким образом, подводя итоги, при написании статьи, посредством изучения мнений ученых мы выяснили, что для успешного расследования преступлений, в том числе – умышленных убийств, необходима правильная организация взаимодействия следователя с органами дознания. Вместе с тем, предложили собственную трактовку понятия взаимодействия следователя и органов дознания в Донецкой Народной Республике. Изучили степень законодательного закрепления данного процесса и обнаружили проблемы при практической реализации данных норм, вместе с тем опираясь на результаты опроса оперативных работников органа прокуратуры Донецкой Народной Республики установили основные моменты, которые способствуют усугублению эффективности оперативного сопровождения при расследовании

преступлений об умышленных убийствах и предложили некоторые способы решения, одним из которых является предложение о закреплении на законодательном уровне юридической ответственности для устранения недостатков во взаимодействии следователя с органами дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 20.09.2018, действующая редакция по состоянию на 29.11.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/> – Загл. с экрана.
2. Гусаков А.Н., Филощенко А. А. Учебное пособие: Следственная тактика (в вопросах и ответах) // Екатеринбург: Издательство Уральского университета. Криминалистика. – 1993. – № 7. – С. 145-149.
3. Ратинов А.Р. Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании преступлений // Законность. -1964. – №1. – С. 4-5.
4. Бастрыкин А.И. Криминалистика: учебное пособие // М. – 2014. – Т. II. – С.32-35/
5. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 17.12.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/> – Загл. с экрана.
6. Закон «О полиции» Донецкой Народной Республики № 85-ІНС от 07.08.2015, действующая редакция по состоянию на 08.12.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/> – Загл. с экрана.
7. Большаков А.П. «Организационные аспекты взаимодействия следователя с органом дознания по розыску обвиняемых, скрывшихся от органов предварительного следствия: вопросы повышения эффективности» // Научная статья. – 2016. №18 – С. 7-12.

TO THE QUESTION OF THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND THE INQUIRY BODY IN THE INVESTIGATION OF INTENTIONAL KILLINGS

Annotation. The article discusses some problematic issues that arise in the activities of the investigator in the investigation of intentional killings in the course of interaction with the bodies of inquiry. Different points of view of scientists regarding the interpretation of the concept of what the interaction considered in this article are analyzed, and a definition of what the interaction of the investigator and the inquiry bodies in the Donetsk People's Republic is proposed.

Keywords: interaction, body of inquiry, operational-investigative activity, order of the investigator, international murder.

Makarova M.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: homevu777@gmail.com

УДК 343.2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Матвийчук А.О.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются перспективные направления унификации уголовного права в рамках Евразийского Экономического Союза. Проводится сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, республики Казахстан.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, унификация, санкция, законодательство, преступление, уголовный кодекс.

Деятельность такой масштабной организации как Евразийский Экономический Союз (далее – ЕАЭС) повсеместно связана с проблемами реализации законодательств

государств-членов организации. В случае ЕАЭС, когда отсутствует единое для всех участников уголовное законодательство, неоднократно возникают вопросы о необходимости унификации уголовно законодательства. Другие ученые высказывают мнение о необходимости принятия всеобщего Уголовного Кодекса, который будет распространяться на все государства принимающие участие в этом Союзе. Ряд исследователей заявляют о необходимости создания акта, в котором будут предусмотрены элементы общей части уголовного права, а именно: понятие преступления, форм вины, субъекта преступления, объекта преступного посягательства, формы и виды ответственности и так далее.

Целью данной статьи является исследование уголовного законодательства государств-членов Евразийского Экономического Союза, а также разработка возможных путей унификации уголовного права в рамках ЕАЭС.

Международные обязательства, которые возлагаются на государства исходя из их участия в различных международных организациях, выражаются в определенных нормативных правовых актах. В результате создания ЕАЭС обстановка в сфере экономической деятельности только улучшилась, однако криминогенная обстановка оставляет желать лучшего. Создание ЕАЭС привело к появлению новых преступных схем, которые усложнились участием иностранных элементов и нередко такая преступность перерастает в межгосударственную. По нашему мнению, для обеспечения должного уровня безопасности необходимо создать единую, унифицированную нормативно-правовую базу в отношении общих положений уголовного права, которая распространялась бы на все государства-члены ЕАЭС.

На данный момент попытка унификации законодательства уже была предпринята и выражена она в Договоре об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза [2]. В результате подписания такого договора государства-члены фактически оставили уголовное законодательство национально ориентированным. Таким образом, возникает противоречивая ситуация. С одной стороны государства-участницы ЕАЭС имеют совместную, общую таможенную территорию, а также общие цели, задачи, а с другой стороны регулируют уголовно-правовые отношения своим национальным законодательством.

По нашему мнению причиной такого противоречия выступает недостаточная степень организации взаимодействия правоохранительных органов государств-членов ЕАЭС, которое выражается в отсутствии вовремя принятых решений о возбуждении уголовного дела, в отсутствии определенных мер процессуального принуждения. Невозможным в такой ситуации является и проведение оперативно-розыскной деятельности. Также затрудняется возможность осуществления следственных действий, например: обыск, выемка, допрос и других, в случае если такие действия необходимо провести на территории государства-участника ЕАЭС. В соответствии с вышесказанным становится невозможным привлечение виновных к уголовной ответственности.

При детальном исследовании уголовных кодексов различных стран-участниц ЕАЭС можно обнаружить различные подходы к пониманию преступлений. Так, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь [3] в статье 228 и в Уголовном Кодексе Республики Казахстан [4] в статье 234 предусмотрена ответственность за контрабанду и экономическую контрабанду соответственно. Однако в Российской Федерации (далее – РФ) товарная контрабанда декриминализована на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 года №420-ФЗ « О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Таким образом, все чаще возникает желание провезти через таможенную границу Российской Федерации различные товары, транспорт, а

также оказать услуги связанные с нарушение правил перевозки через таможенную границу, что ухудшает криминогенную ситуацию. Также, по нашему мнению, наблюдается рост количества ввозимого контрафактного товара на российские рынки по причине того, что на совместных границах отменено таможенное оформление и контроль за произведенными и выпущенными для внутреннего потребления товаров.

Кроме того, по нашему мнению, унификацию уголовно-правовых норм следует начинать с единообразного установления конструкции составов уголовного кодекса. Так, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь в ст. 228 предусмотрена ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза в крупном размере товаров, в Уголовном Кодексе Республики Казахстан в ст. 234 предусмотрена ответственность за перемещение в крупном размере через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров или иных предметов. Стоит обратить внимание, что в конструкции УК Белоруссии и УК Казахстана присутствует такая формулировка как «перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза», если обратиться к УК РФ [6] во всех составах, которые так или иначе связаны с контрабандой присутствует следующая формулировка: «перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС». Как мы можем наблюдать, возникает своего рода пробел, так как ЕврАзЭС, во-первых была ликвидирована, а во-вторых различается составом участников. К примеру, Таджикистан и Узбекистан являлись участниками ЕврАзЭС, но не являются участниками ЕАЭС, Армения, являясь участником ЕАЭС, не являлась участником ЕврАзЭС. Таким образом, можно сказать, что перемещение товаров через границу с Арменией не будет являться контрабандой, поскольку Армения не является членом ЕврАзЭС.

Осуществив сравнительно-правовой анализ законодательства государств-членов ЕАЭС можно отметить, что уголовное законодательство на данный момент не единообразно. Так, в РФ таможенные органы имеют право возбуждать и расследовать уголовные дела по 13 различным составам УК РФ, в Беларуси таможенные органы имеют право возбуждать и расследовать уголовные дела по 4 различным составам УК Беларуси, в Казахстане таможенные органы имеют право возбуждать и расследовать уголовные дела по 6 различным составам УК Казахстана.

Практически всеми законодательствами государств-участниц ЕАЭС предусмотрена ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ. Однако возникает проблема в расхождении перечня таких веществ, которые существуют в каждом государстве, но они не совпадают при сравнение между собой. Так, Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» установлено такое наркотическое средство как N-(1-бензилпиперидин-4-ил)-N-фенилбензамид (бензоилбензилфентанил). Однако, ни в Постановлении Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2019 года № 470 «Об утверждении Списка наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, подлежащих контролю в Республике Казахстан», ни в Постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19 «Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь» данный вид наркотических средств не предусмотрен. В реальной ситуации это приводит к различным затруднениям, связанным с возбуждением, расследованием, предупреждением преступности, а также с привлечением к уголовной ответственности виновного. Устранить такую коллизию возможно с принятием на уровне ЕАЭС перечня запрещенных веществ, который бы распространялся на территорию всех государств-участниц ЕАЭС.

Для достижения унификации уголовного законодательства, по нашему мнению, необходимо также пересмотреть политику определения санкций за преступления в области таможенного контроля.

Сравнительно-правовое исследование видов наказаний, установленных законодательствами государств-членов ЕАЭС за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности говорит о разных подходах законодателей к данному вопросу. Так, вопрос о санкциях преступлений, можно рассмотреть на таком примере: контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, уголовные кодексы государств-членов ЕАЭС относят такое преступление к различным по степени тяжести категориям.

Так, в Республике Беларусь всего один состав предусматривает ответственность за контрабанду, при этом не происходит разделение на виды контрабанды, в отличие от уголовного кодекса РФ. Указанная статья в УК Беларуси по части первой предусматривает наказание в виде штрафа, или ограничением свободы до трех лет, или лишением свободы на тот же срок, в части второй ответственность выражается в виде штрафа, или ограничения свободы сроком от двух до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок. В третьей части указанного состава санкция предполагает ответственность в виде лишения свободы сроком от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой. В четвертой части указанного состава санкция предполагает ответственность в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

В УК Казахстана в статье 286 предусмотрена ответственность за контрабанду, так, в части первой ответственность выражена в виде штрафа в размере до пяти тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой. Как видно из примера, даже в сравнении с УК Беларуси санкция имеет достаточно большое различие, в УК Казахстана ответственность более жесткая по сравнению с Беларусью. В части второй указанной статьи УК Казахстана предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества. В части третьей предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества. В части четвертой предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы, конфискацией имущества.

В части первой статьи 229.1 УК РФ предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового. В части второй указанной статьи предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового. В части третьей указанной статьи предусмотрена ответственность в виде лишения на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового. В части четвертой указанной статьи предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до

одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового или пожизненным лишением свободы.

Разница в санкциях статей приводит к затруднениям при назначении наказания лицам, совершившим преступление, что приводит к затруднению в работе сотрудников органов прокуратуры в части поддержания государственного обвинения. Также различия в степени тяжести преступлений влекут возникновение вопросов о различной подследственности.

Проблема, по нашему мнению, состоит также в различных мерах измерения штрафа в государствах-членах ЕАЭС. В России установлена точная сумма штрафа, в остальных же странах сумма высчитывается исходя из внутренних положений, что несомненно влияет на определение должной суммы наказания и вынесения наказания.

Таким образом, для достижения унификации уголовного законодательства необходимо принятие на общем уровне ЕАЭС совместных актов, которые устанавливали бы единообразное понимание основополагающих частей уголовно-правовых норм. Принятие унифицированных актов позволит устранить проблемы при возбуждении, расследовании преступлений и наказании виновных в совершении преступления. Для унификации законодательства стоит разработать нормативно-правовой акт, который содержал бы в себе наиболее общие понятия общей части уголовного права, такие как: преступление, наказание, субъект преступления, виды и основания ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морозов А. Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 100—110.
2. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза: подписан в г. Астане 05.07.2010 г. // Бюллетень международных договоров, 2013. № 4.
3. Уголовный Кодекс Республики Беларусь 275-3 от 9.07.1999 г. [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm
4. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.01.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=247;-99
5. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70103074/>
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

BASIC DIRECTIONS OF UNIFICATION OF CRIMINAL LEGISLATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Annotation. This paper discusses promising areas of unification of criminal law in the framework of the Eurasian Economic Union. A comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan is carried out.

Keywords: Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Belarus, unification, sanction, legislation, crime, criminal code.

Matviychuk A.

Scientific adviser: Timoshenko N., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: matviichukana@yandex.ua

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мельниченко Д.Ю.

*Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье изучена цель создания Министерства Внутренних Дел во времена Российской Империи. Установлено, значение данного ведомства в роли в жизни общества, появляется необходимость проведения теоретического исследования, деятельности Министерства Внутренних Дел, проведен анализ соответствующего законодательства в целях выявления содержания, особенностей и тенденций правового регулирования отношений в данной сфере.

Ключевые слова: Министерство Внутренних Дел, управление полицией, обязанности, внутренняя политика, система органов.

Историко-правовой анализ нормативно-правовой базы позволяет проследить Генезис и эволюцию политики дореволюционной России, выявить особенности обеспечения деятельности Министерства Внутренних Дел, использовать уроки прошлого в современных условиях.

Министерство внутренних дел первоначально было создано в России на основании манифеста Александра I от 8 сентября 1802 года «Об учреждении министерств». Министерство внутренних дел имеет очень прочную репутацию самого важного и ведущего ведомства в России. Создание министерств как неких центральных органов управления, пришедших на смену коллегиям, и в то время стало следующим этапом в развитии российской государственности. Создание министерств рассматривалось как часть будущих реформ.

Термин «полиция» имеет древнюю историю и своими корнями уходит в эпоху античности. Его значение изменилось в ходе исторического развития и используется в его нынешнем значении с периода средневековой Европы. В самом деле, если охарактеризовать основные предпосылки возникновения и развития Министерства Внутренних Дел, то можно предположить, что они состоят из различного набора факторов политического, социального и экономического свойства. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность личностного фактора, в частности свойства Петра I, который осознавал всю совокупность различных проблем государственного управления и необходимость укрепления государства с помощью властных инструментов абсолютной монархии. Именно он осуществил и осуществил замену боярско-орденской системы дворянско-коллегиальной системой [1, с. 123].

Анализ исторического материала того периода показывает, что основной задачей и направлением деятельности полиции, созданной Петром I, была борьба с уголовными преступлениями и преступлениями, обеспечение общественного правопорядка, а также санитарной и пожарной безопасности. В то же время она была для Петра I важным институтом государства для разрушения старого политического строя внутри государства, воссоздания порядка и организации новой системы правовых отношений.

Рассматривая структуру и функционирование полиции до 1802 года, можно отметить, что отличительной чертой русской полиции того времени было то, что в полицейской службе преимущественно участвовали армейские офицеры, унтер-офицеры и старшие солдаты. Ко всему этому местное население также привлекалось к службе охраны общественного порядка в целях обеспечения дежурства. Главной особенностью было также то, что организационные формы полиции развивались первоначально в столицах, то есть на определенных этапах развития Национального

общества и государства продолжали функционировать учреждения, которые в большей степени выполняли полицейские функции. Этим можно объяснить тот факт, что полиция впервые была создана в крупных городах, где не были задействованы такие регуляторы, как крепостное право и община. Формирование Министерства внутренних дел было обусловлено целым рядом факторов, в том числе необходимостью укрепления принципа единоначалия Российской Империи, а также распространением либеральной и революционной идеологии в обществе.

Определяющей сферой деятельности полиции в этот период был контроль за численностью населения и миграцией для определения и учета разрешенных миграций и борьбы с беглецами и дезертирами. На основании получаемых данных фиксируется, что развитие полицейского законодательства, содержащего нормы, которые определяют деятельность полиции по предупреждению и пресечению правонарушений, происходило по следующим направлениям: предупреждение и пресечение правонарушений против порядка управления; предупреждение и пресечение антиобщественного поведения; предупреждение и пресечение правонарушений против личности; предупреждение и пресечение правонарушений во время массовых мероприятий; предупреждение и пресечение правонарушений против собственности [2, с. 121].

В качестве основных источников полицейского права в 18 веке можно выделить декреты как наиболее основную и важную форму законодательных актов, манифесты-законодательные акты, издаваемые по торжественным или важнейшим вопросам общественной жизни и государственного управления, нормативные акты и учреждения-учредительные акты для отдельных ведомств, ответственных за определенные сферы государственного управления, регламентирующие их структуру и компетенцию. Существенную роль играли уставы-акты, регулирующие любую часть государственного управления или материального права.

Главными источниками полицейского права были инструкции, положения и приказы-указания, адресованные должностным лицам, поскольку они определяли основные направления их деятельности и полномочия, в том числе и в полицейской сфере. Разброс правовых норм полицейского законодательства в большом количестве узаконений существенно усложнял работу полиции. В изданных в разное время законодательных актах содержалось огромное количество противоречащих друг другу норм, что определяло необходимость систематизации законодательства.

Развитие законодательства и установление полицейского права, вошедшего в свод уставов благочиния и определившего регулирование в области безопасности, привело к логике построения и содержанию раздела 14 «Томов законов Российской империи» 3, 4 и 5 частей. Но полицейские кодексы, как и Кодекс законов в целом, характеризовались рядом недостатков. Они не обладали достаточной полнотой, не были сформулированы конкретным образом, имели значительное количество пробелов, а также существовали нормы, объективно тормозившие развитие новых социально-экономических отношений (фискальный характер паспортов, классовые ограничения и др.). Система распределения нормативного материала в Своде законов не могла обеспечить строгого соблюдения отраслевого принципа при подготовке его отдельных частей [3, с. 50].

На протяжении всего 18 века необходимость укрепления принципа единоначалия в Российской империи постепенно возрастала. Причины, вызвавшие к жизни коллегиальную систему, все больше отмирали. В то же время в обществе распространялись либеральные и революционные идеологии, которые вынуждали крепостную элиту приспосабливаться к происходящим изменениям. Динамичный 19 век определил новые и основные задачи, на основе которых Александр I создал систему министерств с определенно четким распределением функций управления между их звеньями и личной ответственностью их руководителей вместо советов и управлений с недостаточно определенной компетенцией. В основе их создания лежала

необходимость укрепления централистских принципов в управлении государством, тем более что старая система централизованного управления перестала быть системой в полном смысле этого слова. В свою очередь, принцип единоначалия, лежащий в основе деятельности министерств, в том числе и Министерства Внутренних Дел, сделал систему оперативной и ответственной. На основании анализа указа 1803 года «О полицейском управлении вообще», нужно отметить, что они ввели гармонию в руководство и устройство полиции. Стоит отметить также, что указом был установлен определенный рациональный порядок штата городской полиции на основе учета экономических, демографических, территориальных и иных особенностей, а также материального положения каждого города. В дальнейшем возникшая система министерств, в том числе и Министерства Внутренних Дел, ни один раз было реформировано. Так, например, уже в 1807 году проблемы внутренних преобразований, затрагивающих основы существующей в России системы управления, вновь и вновь становятся объектом пристального внимания [4, с. 199].

8 сентября 1802 года было образовано 8 министерств: армия, флот, иностранные дела, правосудие, торговля, финансы, народное образование и Министерство внутренних дел.

Основой для создания министерств послужили ранее существовавшие коллегии, которые были полностью или частично включены в состав новых центральных органов управления. Каждое из этих министерств получило так называемый мандат, определяющий его задачи. Министерство внутренних дел стало самым крупным и многофункциональным.

В обязанности Министерства внутренних дел входили: забота об общем благосостоянии народа, о гражданском порядке и благоустройстве империи. Она отвечала за все отрасли государственной промышленности, кроме горнодобывающей [5, с. 28].

Министерство внутренних дел занималось торговлей (ярмарками), ремеслами; выделением государственных земель; осуществлением всех мер сначала по укреплению крепостного права, а затем по освобождению: крестьян от крепостного права; переселением (в том числе иностранных переселенцев); содержанием и устройством дорог, а также судоходством; медициной и ветеринарией по всей стране; статистикой; почтой; цензурой; устройством и управлением присоединенных территорий; распоряжениями общественного призрения; осуществлением городских, земских, рекрутских повинностей; сбором налогов и недоимок. Особое внимание было уделено делам евреев и цыган, а также управлению духовными делами других конфессий (протестантизма, Ислама и иудаизма).

И только в этот период стали решаться чисто полицейские задачи: установление и поддержание спокойствия, борьба с беглецами и дезертирами, взятие под стражу и так далее.

По своим задачам, их характеру и масштабу Министерство внутренних дел того времени существенно отличалось от современного.

Это многообразие функций и задач нашло свое отражение в концентрации большого количества внутренних функций государства в системе Министерства Внутренних Дел. Первоначально в нем были сформированы четыре основных структурных подразделения, так называемые экспедиции.

За управление полицией отвечала вторая экспедиция. Она называлась «экспедиция спокойствия и благочиния» [6, с. 227].

Первым министром внутренних дел был назначен граф Виктор Павлович Кочубей, а его заместителем-один из членов тайного комитета Павел Александрович Строганов. Михаил Михайлович Сперанский был назначен начальником управления Министерства внутренних дел. Управление Министерства внутренних дел стало

штабом, где подготавливались проекты по усовершенствованию деятельности, развитию структуры и уточнению функций не только Министерства внутренних дел, но и других министерств. Для установления контроля за реорганизациями, происходившими в Министерстве внутренних дел, при управлении было создано «общество дворян» из 10 человек. Одним из первых вопросов, который пришлось решать руководству Министерства внутренних дел, было материальное обеспечение сотрудников милиции.

В 1806 году на основе обобщения и анализа деятельности Министерства внутренних дел В. П. Кочубей и М. М. Сперанский подготовили проект его реорганизации, который был утвержден Александром I. Некоторые функции по управлению государственным хозяйством были переданы другим министерствам и ведомствам. В состав Министерства внутренних дел входило почтовое ведомство. Помимо экспедиций и входящих в их состав отделов были сформированы новые структурные подразделения, так называемые таблицы. В каждом отделении было по несколько столов, возглавляемых заведующим столом.

С 1809 по 1819 год Министерство внутренних дел издавало официальную газету «Северная почта». Она была источником информации для большинства населения страны о событиях, происходящих в России и за рубежом [7, с. 120].

Весьма наглядно, что в рамках законов были сформулированы правовые основы деятельности органов полиции по предупреждению и пресечению преступлений, где были закреплены нормы как материального, так и процессуального права, регламентирующие действия полиции в этом направлении, а также определяющие взаимоотношения полиции в этой сфере с другими государственными органами. Анализ различных исследований двухвековой истории Министерства Внутренних Дел позволяет сделать вывод о том, что большинство исследований не избежали стандартизации, в том числе и за счет упрощенной и более облегченной трактовки деятельности полиции по предупреждению, выявлению, преступлений и правонарушений. Поэтому, изучение становления и дальнейшего реформирования полиции, а также факторов, решающих необходимость изменения нормативно-правовой базы, регулирующей многогранную деятельность, в том числе в сфере предупреждения преступлений и правонарушений среди определенных групп населения, позволяет выделить и более глубоко определить необходимость и выявить основные направления реформирования правоохранительной системы на современном этапе. Поэтому, образование Министерства внутренних дел в Российской Империи было результатом стремления реформировать внутреннюю политику. Министерство внутренних дел в первой половине XIX века было наделено значительным объемом административно-хозяйственных функций. Это объяснялось, прежде всего, слабостью органов местного самоуправления, а также сочетанием администрации и Министерства внутренних дел в одном органе-уездном земском суде. К середине XIX века система общей полиции Российской Империи и регламентация службы в них получили некоторое развитие и закрепление в законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О расписании городов по управлению полицейскому. Указ 10 декабря 1804 г. // Полиция России. Документы и материалы: 1718-1917 гг. Саратов: СЮИ, 2002. С.123.
2. О полицейском управлении вообще: о губернаторах военных и гражданских, комендантах, полицмейстерах и городничих. Именной указ 24 октября 1803 г. // Полиция России. Документы и материалы: 1718-1917 гг. Саратов: СЮИ, 2002. С. 121.
3. О выдаче, дел бывшего Преображенского Приказа в ведение Генерала Ушакова. Именной указ, данный Сенату. 24 марта 1731 г. / История полиции России. Краткий очерк и основные документы. Учебное пособие. М.: Изд-во «Щит-М», 1999. С.50.

4. О порядке действий полиции при задержании и пересылке бродяг, беглых и беспаспортных. Циркуляр МВД. 24. августа 1873 г. // Полиция России. Документы и материалы: 1718-1917 гг. Саратов: СЮИ, 2002. С. 199.
5. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников М.В. Русская философия права. СПб., 1999. 437 с.28. 3.3 Антонович А.Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Киев, 1889. 532 с.
6. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. 227 с.
7. Гонюхов С.О. Горобцов В.И. Российская полиция в мундире. М., 2000. Гуляев П.Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям. СПб., 1832. 121 с.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. This article examines the purpose of creating the Ministry of Internal Affairs during the Russian Empire. The importance of this Department in the role in the life of society is established, there is a need to conduct a theoretical study of the activities of the Ministry of Internal Affairs, an analysis of the relevant legislation in order to identify the content, features and trends of legal regulation of relations in this area.

Keyword: Ministry of Internal Affairs, police administration, responsibilities, internal policy, system of bodies.

Melnichenko D.

Scientific adviser: Krasnonosov E., Ph. D. in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: denis.melnichenko1234@gmail.com

УДК 343.2/.7:342.841

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Моисеева К.Н.

*Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные проблемы, связанные с уголовно-правовым механизмом борьбы с коррупцией и методы ее противодействия. Авторы уделяют внимание тому, что такое явление, как коррупция, развивается и существует уже достаточно длительное время. В первую очередь, это связано с отношением общества к данному явлению, как к должному, потому что это является средством достижения целей. Однако, во всех странах мира правительство борется с коррупцией, принимает соответствующие нормативно-правовые акты, эффективность которых остается спорной и сегодня. Поэтому анализируя опыт зарубежных стран и стран постсоветского пространства, приходим к наиболее действенным методам борьбы с коррупцией в Донецкой Народной Республики, которые включают в себя не только принятие нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией, но и ужесточение наказания за данное преступление. Однако, все это будет иметь значение, только в совокупности.

Ключевые слова: коррупция, государство, политика, экономика, гражданское общество.

В последнее время вопрос, связанный с борьбой с коррупцией, становится все более актуальным, поэтому он широко обсуждается правоведами, практиками и в средствах массовой информации. Подавляющее большинство авторов (Бочегуров А. И., Егорова Н.А., Самойлов В. Р., Эстрин А. Я.) предлагают понимают коррупцию как систему определенных отношений, основанных на незаконных и иных сделках должностных лиц, наносящих ущерб государственным и общественным интересам. Исходя из исторического опыта, наиболее благоприятным условием для развития коррупции в государстве является тоталитарный режим. Однако на примере Украины и

Российской Федерации, мы видим развитие коррупции в демократической политической системе, которая становится все более распространенной.

Мздоимство – получение в нарушении установленного законом порядка лицом, состоявшим на государственной или общественной службе, каких-либо преимуществ за совершение законного действия (бездействия) по службе, и лихоимство – получение тем же лицом каких-либо преимуществ за совершение по службе (бездействия) [4, с. 136].

Мздоимство и лихоимство во существовали и развивались на всех уровнях государственной системы, но количество денег и масштабы негативного воздействия на общество могут варьироваться. В качестве примера таких этических нарушений государственный служащий совершает действия, негативно влияющие на общественное мнение о состоянии законности, хотя они прямо не запрещены законом или иным нормативным актом (посещение банкетов, организуемых организациями, деятельность которых контролируется данным лицом; публичное внепрофессиональное общение с лицами, имеющими судимость за корыстные преступления); приобретение движимого или недвижимого имущества, стоимость которого не сопоставима с размером заработной платы).

Понятие коррупции впервые было введено в Российскую правовую литературу в правовом понятийном аппарате А. Я. Эстриным в работе «Взяточничество», которая была впервые опубликована Петербургским университетом в 1913 году. Самым простым определением коррупции является взяточничество и продажность государственных служащих, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей.

Существует множество определений этого понятия. Одно из последних нашло отражение в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года [6].

Коррупция – это использование государственными, муниципальными или иными государственными должностными лицами (в том числе депутатами и судьями) или работниками коммерческих или иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественных) или предоставления им таких преимуществ. Однако было бы неверно предполагать, что коррупция везде и всегда проявляется одинаково, что ее причины и следствия одинаковы.

Высокий уровень коррупции в государстве свидетельствует о низком уровне понимания государственных служащих и самого общества.

Такое явление, как коррупция, напрямую связано с бюрократическим аппаратом в государстве, что негативно сказывается на государственной политике и законодательной базе.

В современном мире коррупция имеет место в любом обществе, в любом государстве. Практически нет стран, которые могли бы заявить о ее полном отсутствии. Более того, специфика современного этапа его развития носит ярко выраженный международный характер. Это определяется рядом факторов, важнейшим из которых является глобализация, определяющая экономическую прозрачность национальных границ, свободное движение капитала, товаров, рабочей силы и т.д., а также криминализация национальных экономик. Однако уровень и масштабы коррупции в разных странах неодинаковы, что имеет ряд обоснований.

Одним из таких обоснований является отношение общества к такому явлению, как коррупция, которая является важным показателем состояния общественного сознания, а, с другой стороны, важным средством противодействия коррупционному поведению.

К сожалению, постсоветские страны всегда отличались высокой степенью терпимости к коррупции и взяточничеству. Она проявлялась и проявляется в различных

поговорках и пословицах, крылатых изречениях, которые составляют благоприятный идейно-психологический фон для существования коррупции. Эти пословицы – не просто словесная реальность, они формируют повседневные бытовые практики граждан, которые передаются из поколения в поколение. Это связано прежде всего с тем, что коррупция воспринимается обществом как средство достижения поставленных целей, а некоторые сотрудники органов власти и управления рассматривают взятку как почти легальную дополнительную форму оплаты их труда. Такое отношение к коррупции никогда не поможет искоренить ее и добиться справедливости.

Например, в Скандинавских странах самый низкий уровень коррупции, так как общество уважает свои законы и воспринимает это явление как чуждое и самостоятельно противодействует ему.

А в Китае, например, взятка вполне может быть применена казнь. Такая радикальная мера появилась в китайском Уголовном кодексе в начале 1980-х гг. казнь осуществлялась публично. Подобных приговоров может быть несколько тысяч в год, в том числе и в отношении достаточно высокопоставленных чиновников, и в отношении руководителей крупных корпораций. Такое наказание за взяточничество также применяется на Кубе.

Однако для благоприятного решения проблемы коррупции необходимо не только ужесточить наказание, но и изменить отношение общества к этому явлению, то есть проблема должна решаться в двустороннем порядке – как государством, так и обществом. Так, взяточничество начинается с минимального размера, например, когда, нарушая правила дорожного движения, гражданин предлагает инспектору ГАИ денежную сумму для снятия своих законных обязательств. Иными словами, коррупция имеет место на всех уровнях взаимодействия гражданина и должностного лица.

Для того чтобы механизм противодействия начал работать в Донецкой Народной Республике, необходимо принять соответствующие правовые акты, направленные на антикоррупционную деятельность в государстве, но этого не всегда достаточно. Например, в Российской Федерации принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», но законодательные акты следует отметить как неэффективные и нереализованные [5]. Неэффективность является следствием того, что общество лояльно относится к этому явлению, а также того, что Уголовный кодекс РФ не содержит такого понятия, как «коррупция» и, соответственно, нет статьи, которая предусматривала бы уголовную ответственность за коррупцию. Есть только виды коррупционных правонарушений:

1. Взятничество. Он представляет собой получение / предоставление выгоды за совершение любых действий, противоречащих интересам службы.

2. Незаконное присвоение и растрата ценностей. Такие коррупционные правонарушения имеют место в случаях, когда субъект, которому вверено имущество, использует его в своих целях, продает, передает другим лицам или совершает с ним иные противоправные действия.

3. Мошенничество. Она предполагает незаконное изъятие ценностей у владельца путем обмана или злоупотребления доверием.

4. Вымогательство. При совершении данного правонарушения правонарушитель требует от собственника передать ему какие-либо ценности или права на них, совершить определенные действия в его пользу. В этом случае преступник угрожает жертвам различными способами.

5. Злоупотребление властью. Она предполагает использование служебного положения в корыстных целях.

Незаконные действия также могут выражаться в:

1. Фаворитизме. Речь идет о ситуациях, когда у высокопоставленного сотрудника есть фавориты. У них есть ряд предпочтений по отношению к другим сотрудникам. Например, фавориты назначаются на высокооплачиваемые должности, несмотря на то,

что они не обладают достаточными навыками или знаниями для выполнения своих соответствующих обязанностей.

2. Непотизме. Это аналогично фаворитизму. Разница в том, что родственники чиновника получают покровительство.

Проанализировав законодательство Донецкой Народной Республики, можно сделать вывод, что в законодательстве Донецкой Народной Республике, как и в законодательстве Российской Федерации, нет понятия «коррупция» в Уголовном кодексе, есть только отдельные виды коррупционных правонарушений, и пока нет закона, который был бы направлен на решение этой проблемы.

Таким образом, для противодействия этому явлению необходимо установить в Уголовном кодексе общий термин, который, на наш взгляд, должен выглядеть примерно так: «коррупция-это использование государственными, муниципальными или иными государственными служащими (в том числе депутатами и судьями) или работниками коммерческих или иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) либо предоставление последним таких преимуществ» [10]. Несмотря на существующий набор определений этого понятия, именно это нашло отражение в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года. также необходимо разработать и принять законопроект, направленный на борьбу с коррупцией в нашей стране.

Сегодня создание механизма борьбы с коррупцией и выступающего единым сознательным фронтом повышения качества жизни в государстве является важной общей задачей.

Для того чтобы антикоррупционная нормативная база работала эффективно, необходимо предупреждать коррупционные и иные правонарушения. Поскольку эта сфера преступности особенно опасна для государства, на правительственном уровне разрабатываются различные меры по борьбе с такими деяниями. Профилактика коррупционных правонарушений включает в себя:

1. Проведение разъяснительной работы с населением в целях формирования у граждан нетерпимости к коррупции. Субъекты должны понимать важность сообщения о коррупционном правонарушении в правоохранительные органы.

2. Экспертиза нормативных правовых актов и проектов законов.

3. Рассмотрение и анализ вопросов, связанных с практикой применения судебных решений по делам о коррупции территориальными органами, иными уполномоченными органами и организациями. Такие мероприятия проводятся не реже одного раза в квартал. В ходе исследования и анализа практики выявляются недостатки, выявляются их причины, разрабатываются методы их устранения.

4. Предъявление жестких квалификационных требований к кандидатам на замещение должностей муниципальной или государственной службы, проверка сведений, предоставляемых ими при приеме на работу.

5. Установление конкретных оснований для отстранения от должности лиц, причастных к противоправным действиям, и мер ответственности за коррупционные правонарушения.

6. Введение в практику кадровой службы правил, согласно которым долгосрочное, эффективное, безупречное выполнение профессиональных обязанностей учитывается при назначении сотрудников на высшие должности, присвоении им специальных или воинских званий, классов чинов, дипломатических рангов, а также при их продвижении по службе.

7. Совершенствование деятельности органов парламентского и общественного контроля за соблюдением положений законодательства, регламентирующего противодействие коррупции.

Своевременное выявление случаев личной заинтересованности должностных лиц в исполнении своих должностных обязанностей, конфликта интересов, а также контроль за доходами и расходами муниципальных и государственных служащих имеет большое значение для профилактики.

Далее, следует отметить, что превентивные методы, с помощью которых можно добиться вышеуказанных антикоррупционных мер, должны быть разнообразными, что необходимо:

- информирование должностных лиц всех уровней о своих правах и обязанностях, а также о последствиях и санкциях, которые будут применены к ним в случае выявления фактов взяточничества и использования собственных должностей в корыстных и личных целях;

- обеспечить соблюдение государственными и муниципальными служащими определенного этикета, характерного для занимаемой ими должности;

- установление более жесткой конкуренции при приеме на государственные должности, установление антикоррупционных фильтров;

- формирование прозрачных и объективных критериев в системе продвижения по карьерной лестнице сотрудников;

- вознаграждение, эквивалентное той работе, которую работники выполняют в своей деятельности, достойные социальные льготы и гарантии;

- формирование режима информационной открытости в деятельности государственных и муниципальных служащих;

- создание эффективных механизмов контроля и надзора за деятельностью государственных и муниципальных служащих [8, с. 105].

Отметим, что вышеупомянутые антикоррупционные меры эффективны только в том случае, если они применяются комплексно. Государство, которое законодательно регулирует уровень и состояние коррупции, может победить ее, только опираясь на гражданское общество. Таким образом, в правовом механизме противодействия коррупции в системе государственной службы сегодня необходимо реализовать весь нормативный, организационный и информационный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 года [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/>. – дата обращения 02.02.2020. – Загл. с экрана.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954;
3. Бочегуров А.И. К вопросу о природе и понятии коррупции // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5 (135) – С. 135–137.
4. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 04.11.1998 [Электронный ресурс]. // СПС «Консультант-Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/. – дата обращения 02.02.2020. – Загл. с экрана.
5. Егорова Н.А. Уголовная ответственность за коррупцию в свете Европейской Конвенции 1999 г. и УК РФ. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – № 9. – С. 89–90
6. Самойлов В.Р. Коррупция как часть российского менталитета. В.Р. Самойлов // Молодой ученый. – 2017. – №3. – С. 160-165.
7. Ташубина Е.В. Коррупционная составляющая России. Е.В. Ташубина // Экономика и социум. – 2017. – №5. – С. 100- 110.
8. Эстрин А.Я. Должностные преступления. – М., 1928. – С. 105.

THE CRIMINAL LEGAL MECHANISM FOR COMBATING CORRUPTION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Annotation. This article discusses the main problems related to the criminal law mechanism of fighting corruption and methods of its counteraction. The authors pay attention to the fact that such a phenomenon as corruption is developing and has existed for a long time. First of all, this is due to the attitude of society to this

phenomenon as a proper one, because it is a means to achieve goals. However, in all countries of the world, the government fights corruption and adopts appropriate legal acts, the effectiveness of which remains controversial today. Therefore, analyzing the experience of foreign countries and post-Soviet countries, we come to the most effective methods of fighting corruption in the Donetsk people's Republic, which include not only the adoption of legal acts aimed at fighting corruption, but also tougher penalties for this crime. However, all of this will matter, only in the aggregate.

Keywords: corruption, state, politics, economy, civil society.

Moiseeva K.

Scientific adviser: Manivlets E., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: moiseevakristina64@gmail.com

УДК 336.22

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Насирова Л.С.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М., проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В системе мер регулирования предпринимательской деятельности налоговое стимулирование имеет исключительное значение. Развитие предпринимательства в значительной степени зависит от инструментов налоговой политики, применяемых в государстве. Статья посвящена изучению теоретических и практических аспектов налогового стимулирования предпринимательства за рубежом для заимствования передового зарубежного опыта в национальной практике налогообложения.

Ключевые слова: налоговое стимулирование, налоговая политика, налоговая система, предпринимательство, налоги.

Для развития предпринимательства необходима надлежащая финансовая база, которую в рыночных условиях целесообразно формировать не только за счет методов прямого финансирования, но и на основе использования таких опосредованных рычагов, как налоги.

Налоговое стимулирование предпринимательства в течение многих лет было недостаточно эффективным, а значит, не приносило ожидаемых результатов. Именно поэтому в настоящее время особенно важной проблемой, которая требует системного изучения и решения, является привлечение передового зарубежного опыта для активизации налогового стимулирования развития предпринимательства.

Налоговая политика, применяя те или иные налоговые инструменты, может замедлить развитие предпринимательства в стране, а может, наоборот, помочь и стать важным стимулом для развития отдельных отраслей бизнеса. Ключевой проблемой действующей системы налогообложения является чрезмерная налоговая нагрузка на налогоплательщиков различных сфер предпринимательства.

Анализ мирового опыта показывает, что практически во всех развитых странах государство берет активное участие в формировании и развитии предпринимательской деятельности, поддержке наиболее целесообразных и эффективных ее направлений. Даже в таких странах, где сложились вековые традиции частного предпринимательства, малый бизнес нуждается в такой поддержке и получает ее на основе государственных программ поддержки предпринимательства. Одни страны с развитой рыночной экономикой имеют разветвленную и четко сложившуюся систему государственной поддержки бизнеса (США, Япония, Германия, Франция), а в других подобная система находится в стадии становления или развития.

Одной из функций налога является стимулирующая, однако в действующем законодательстве преобладают фискальная и контролирующая функции. Стимулирование развития экономики в целом и предпринимательской деятельности в частности, как одной из основных звеньев доходов бюджета, должно находить свое первоочередное отражение в сфере налоговой политики.

Различают следующие формы налогового стимулирования развития бизнеса в мире:

- упрощенная система учета и отчетности;
- снижение ставок подоходного налога;
- освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС) и применение дифференцированных ставок;
- стимулирование инвестиций в капитальные активы;
- предоставление налоговых каникул вновь созданным предприятиям;
- стимулирование расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР).

Проанализируем применения перечисленных методов налогового стимулирования субъектов предпринимательства отдельных стран мира.

Упрощенная система учета и отчетности. Франция: малые предприятия ведут только учет закупок и финансовых поступлений, а также составляют формальные расчеты по НДС, в которых указывается, что НДС не взимается. Великобритания: предприятия с годовым доходом до 15 тыс. фунтов стерлингов заполняют простую налоговую декларацию без подробных данных о своей деятельности или активы или обязательства. Швеция: малые предприятия представляют упрощенную налоговую декларацию, используют кассовый метод учета доходов и обязаны регистрироваться только в налоговой инспекции; малые предприятия с годовым доходом до 110 тыс. долл. США могут подавать налоговую декларацию один раз в год, а не ежемесячно.

Применение пониженных ставок на подоходных налог. Франция: малые предприятия, имеющие статус юридического лица и принадлежащие физическим лицам, платят подоходный налог по ставке 19% (вместо 33% по стандартной ставке). Литва: малые предприятия, валовой доход которых не превышает 25 тыс. долл. США, платят подоходный налог по ставке 15% (по общей схеме – 29%). Болгария: ставка подоходного налога в республиканский бюджет составляет 15% для предприятий с годовым доходом до 50 тыс. левов, и 20% – более 50 тыс. левов. Нидерланды: для предприятий с доходом до 50 тыс. гульденов ставка подоходного налога составляет 30%, более 50 тыс. гульденов – 35%. США: ставка подоходного налога составляет 15% – при годовом налогооблагаемой прибыли до 50 тыс. долл., 25% – от 50 до 75 тыс. долл., 34% – от 75 тыс. до 10 млн. долл. и 35% – более 10 млн. долл. Великобритания: для предприятий и физических лиц ставка подоходного налога составляет 10% за ежемесячного дохода до 1520 фунтов стерлингов, 22% – до 28,4 тыс. и 40% – более 28,4 тыс.

Освобождение от уплаты НДС и применение дифференцированных ставок. Франция: малые предприятия обязаны регистрироваться плательщиками НДС, однако НДС не уплачивается, если минимальное пороговое значение величины годового оборота не было превышено. Болгария: малые предприятия, которые платят единый годовой патентной налог, освобождены от уплаты НДС. Польша: применяется нулевая ставка НДС для экспортируемых товаров, 3% – фармацевтические товары, 7% – строительные материалы и услуги, 22% – к другим товарам; некоторые товары и услуги освобождены от НДС (услуги образования, медицины, страхования, определенные виды пищевых продуктов). Чехия: НДС составляет 22% на товары и 5% – на услуги, продукты питания и источники энергии.

Стимулирование инвестиций в капитальные активы:

а) Внутренние инвестиции. Франция: часть налогооблагаемой прибыли малого предприятия, с которого взимается уменьшена ставка налога, должна быть использована

для капиталовложений в это же предприятие. Эстония: освобождена от налогообложения часть прибыли, которая реинвестируется предприятием в его развитие; освобождены от подоходного налога любые инвестиции эстонских предприятий, в т. ч. те, которые инвестируются в другие страны. Великобритания: распространена налоговая скидка на амортизацию зданий и оборудования, которая дает возможность некоторым малым предприятиям вычитать из налогооблагаемой базы до 40%. Нидерланды: налогооблагаемую прибыль уменьшается за счет инвестиций в некоторые капитальные активы. США: малые предприятия могут извлекать из налогообложения инвестиции в капитальные активы, если их годовые объемы не превышают 24 тыс. долл. США.

б) Внешние инвестиции. Пакистан: иностранные инвесторы, получающие дивиденды менее 15 тыс. рупий, освобождены от налогообложения; в случае владения капиталом менее одного года с 60% дохода подоходный налог не взимается, а с остальных 40% – взимается по ставке 25% (вместо 30%). Сирия: иностранные инвесторы, которые сделали вложения в туристическую сферу, могут быть освобождены от налога на торгово-промышленную прибыль сроком на три года. Индонезия: иностранные инвесторы получают льготы в зависимости от доходов, вложенных в отрасль; имеют возможность переводить за границу прибыль, амортизационные отчисления и тому подобное.

Предоставление налоговых каникул вновь созданным предприятиям. Иордания: налоговые каникулы предоставляются вновь созданным предприятиям на срок до шести лет. Индонезия: новые предприятия, создаваемые в приоритетных отраслях экономики, могут не платить налоги на протяжении периода от двух до шести лет. Пакистан: предоставление налоговых каникул предприятиям добывающей отрасли (до пяти лет), ряда подотраслей, связанных с производством продуктов питания.

Стимулирование расходов на НИОКР. Великобритания: с 2000 г. действует повышенная норма списания расходов на НИОКР из базы налогообложения в размере 150 % для малого и среднего бизнеса. Австралия: налоговое списание расходов на НИОКР из базы налогообложения в размере до 125% (при определенных условиях – до 175 %). Венгрия: предусмотрено полное вычитание расходов на НИОКР с базы. Нидерланды: предусмотрена возможность вычитания по налоговым обязательствам части затрат на заработную плату работникам, участвующим в НИОКР. США: с начисленного подоходного налога существует возможность вычета 20 % прироста расходов на некоторые виды НИОКР относительно средних расходов (рассчитывается по четыре года). Франция: 50 % прироста квалифицированных расходов на НИОКР (расходы на проведение работ, оплата труда научных сотрудников) за прошедшие два года могут быть вычтены из суммы подоходного налога. Испания: предусмотрены вычеты из подоходного налога в размере 30 % расходов на НИОКР в текущем году и 50% от средних затрат за последние два года.

Учитывая вышеизложенное, важно отметить, что опыт развитых стран в решении налоговых проблем в формировании и проведении сбалансированной налоговой политики приводит к тому, что она может, как замедлять развитие предпринимательства в государстве, так и наоборот, – помогать, быть важным стимулом детенизации сферы предпринимательства.

Анализируя опыт налогового стимулирования в рассматриваемых странах, можно утверждать, что прогрессивное развитие экономики этих стран во многом обусловлено удачной налоговой политикой государства со стимулирующей направленностью, и хотя привилегии предоставлялись преимущественно предприятиям, расположенных в конкретных регионах страны, преимущества от такой политики почувствовали практически во всех уголках страны.

Таким образом, в условиях рыночной экономики одним из основных инструментов регулирования экономической деятельности предпринимательства

является правильно построенная налоговая политика в государстве, которая должна быть направлена, прежде всего, на рост занятости, увеличение доходов населения, преодоления кризисных явлений в экономике. Данные цели могут быть достигнуты лишь с развитием предпринимательства в стране. По нашему мнению, целесообразно четко сформировать и согласовать государственную налоговую политику в сфере поддержки малого бизнеса с планом действий и системой контроля в качестве промежуточных, так и конечных результатов, а также минимизировать вмешательство органов государственной власти в деятельность предприятия.

Следовательно, в рамках налоговой реформы для налогового стимулирования развития предпринимательства, будет целесообразным:

- предоставление инвестиционных стимулов малому бизнесу, например, налоговые льготы для инвестирования в оборудование и нематериальные активы;
- применение ускоренной амортизации при использовании основных средств и нематериальных активов;
- оптимизация системы авансовой уплаты налогов для уменьшения налоговой нагрузки на плательщиков;
- упрощение условий рассрочки и отсрочки налоговых обязательств путем перенесения сроков уплаты налогов;
- улучшение электронного кабинета налогоплательщика;
- введение института налоговых консультаций с использованием наиболее удачного зарубежного опыта стран (обеспечение качества предоставления бухгалтерских услуг, помощь малому бизнесу по уплате налогов и сборов, составлении отчетности, представление интересов плательщика в судах и налоговых органах).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануфриева Е.М. Критерии эффективности налоговых льгот // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – № 4 (12). – С. 7.
2. Братко Т.Д. Конституционные основы института налоговых льгот в правовых системах России и зарубежных стран // Закон. – 2013. № 10. – С. 172.
3. Зеленина С.А. Налоговые льготы и преференции // Экономика и управление. – 2012. № 2. С. 23.
4. Кучерявенко Н.П. Курс налогового права: учебн. пособие. М.: Право, 2015. – 536 с.
5. Мясников, О.А. Об индивидуальных налоговых льготах / О.А. Мясников // Ваш налоговый адвокат. – 2018. – № 3. – С.47-56.
6. Никитина Д.В, Савина О.А. Налоговые льготы и преференции: точка зрения // Налоговая политика практика. – 2017. – № 10. – С. 25.
7. Пансков В.Г. О некоторых вопросах эффективности налоговой льготы в Российской налоговой системе // Налоговая политика и практика налогового администрирования. – 2013. – № 4-5 (16). – С. 40.
8. Товгазова А.А. Практика и факторы эффективности использования налоговых льгот // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 402.
9. Яремчук А.С. Налоговые льготы в контексте приоритетов социально-экономического развития страны / А. С. Яремчук // Вестник Днепрпетровской государственной финансовой академии: Экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 38-41.

FOREIGN EXPERIENCE OF TAX STIMULATION OF ENTREPRENEURSHIP

Annotation. In the system of measures to regulate entrepreneurial activity, tax incentives are of utmost importance. The development of entrepreneurship largely depends on the tax policy instruments used in the state. The article is devoted to the study of theoretical and practical aspects of tax incentives for entrepreneurship abroad to borrow international best practices in national taxation practices.

Keywords: tax incentive, tax policy, tax system, entrepreneurship, taxes.

Nasirova L.

Scientific adviser: Synkova E., Prof. Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: nasirova1598@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Наумова И.И.

*Научный руководитель: Хоруженко К.А., к.и.н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В работе освещается проблема нарушения жилищных прав детей из категории детей-сирот и детей, находящихся без родительского попечения. Отрицательные тенденции при обеспечении данной категории детей благоустроенными жильем обусловлены несовершенством, в первую очередь, законодательства. В связи с этим в статье анализируется современный механизм предоставления жилого помещения данной категории детей, выявляются проблемы, препятствующие в полной мере реализации данного права.

Ключевые слова: несовершеннолетние, жилищные права, законодательство, опекуны, попечители.

Одной из актуальных тем на сегодняшний день является обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей жильем на территории Донецкой Народной Республики. Именно государство, как главный гарант обеспечения прав, должен проявлять заботу о такой особой категории граждан как в сфере защиты жилищных прав этих лиц, так и в других сферах, необходимых для их полноценной жизни и развития.

Для воплощения поставленной цели, прежде всего, необходимо законодательство в этой сфере, ведь совершая те или иные действия и принимая соответствующие решения, органы государственной власти и местного самоуправления должны придерживаться требований, установленных актами законодательства. На сегодняшний день для защиты и реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помимо Конституции Донецкой Народной Республики, используются нормативные документы Украины согласно Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории Донецкой Народной Республики в переходный период». К таким актам, регулирующим жилищные права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей относят: Гражданский, Семейный, Жилищный кодексы, Законы Украины «Об охране детства», «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения», «Об основах социальной защиты бездомных граждан и беспризорных детей». Порядок проведения органами опеки и попечительства деятельности связанной с защитой прав ребёнка регулируется утверждённым постановлением Кабинета Министров Украины от 24.09.2008 № 866.

Как мы видим, данный вопрос урегулирован по большей части законодательством Украины в той части, которая не противоречит национальному законодательству Донецкой Народной Республики. Однако и этого не достаточно. Несмотря на правовую урегулированность социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, многие из вышеперечисленных актов носят общий характер.

Согласно ст. 32 Закона Украины «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки», за детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки, а также лицами из их числа сохраняется право на жилье, в котором они проживали с родителями, родными до установления опеки, попечительства, устройства в приемные семьи, детские дома семейного типа, учреждения для детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки [1]. Из этой нормы следует, что в случае передачи детей-сирот и детей, лишенных

родительской опеки, под опеку или попечительство, устройство в дома ребенка, детских домов, школ-интернатов, детских домов семейного типа и приемные семьи жилое помещение, в котором они проживали, сохраняется за детьми в течение всего времени пребывания их в этих учреждениях, у опекунов или попечителей, детских домах семейного типа, приемных семьях независимо от того, проживают ли они в жилом помещении.

Необходимость дополнительных механизмов защиты права на пользование жильем указанной категории детей полностью базируется на требованиях закона. Согласно ст. 25 Закона Украины «Об охране детства», дети, которые вследствие смерти родителей, лишения родителей родительских прав, болезни родителей или по другим причинам остались без родительского попечения, имеют право на особую защиту и помощь со стороны государства [2].

Обращается внимание, что законодатель использует термин «особая защита». Указанная защита охватывает определенные права ребенка, в частности ст. 3 Закона Украины «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки» закрепляет, что основными принципами государственной политики по социальной защите детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, а также лиц из их числа является защита имущественных, жилищных и других прав и интересов таких детей.

Отдельные нормы указанного Закона следует рассмотреть с точки зрения их соответствия иным действующим на сегодня законам, в частности Конституции.

Так, вызывает отрицание формулировки нормы ст. 33 Закона «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки», а именно – «После завершения пребывания детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки в соответствующих заведениях для таких детей, детском доме семейного типа, приемной семье или завершение срока опеки над такими детьми и в случае отсутствия у таких детей права на жилье областные, Киевская и Севастопольская городские, районные государственные администрации, органы местного самоуправления обеспечивают детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, а также лиц из их числа в течение месяца во внеочередном порядке упорядоченным социальным жильем» [3]. Однако, как правило, свободный жилой фонд отсутствует, наличие социальных общежитий еще не отвечает потребности, поэтому дети-сироты и дети, лишенные родительской опеки, жильем не обеспечиваются и пополняют ряды беспризорных.

Следует напомнить, что ст. 33 Конституции Донецкой Народной Республики гарантирует каждому право на жилище [4]. Это право признается одним из основных прав человека и гражданина, а потому указание в Законе на возможное отсутствие у детей права на жилье, кажется не достаточно корректным. В Законе же следует говорить об отсутствии у детей-сирот, детей, лишенных родительской опеки, а также лиц из их числа, жилья, принадлежащего им на праве собственности или пользования. Таким образом, ст. 33 Закона «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки» требует соответствующих изменений.

На сегодняшний день, при решении вопроса о защите жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, законодательство идет двумя путями: это сохранение за указанной категорией лиц уже принадлежащего им на праве собственности или на праве пользования жилья, и предоставление нового жилого помещения.

В научной литературе обращалась на это внимание, и отмечалось, что лица из числа детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, после завершения пребывания в соответствующих учреждениях, детском доме семейного типа, приемной

семье или завершение срока опеки над ними, которые вернулись в свое жилье или получили жилье от государства, из-за отставания в развитии, различных психических расстройств, отсутствия навыков самостоятельной жизни и близких лиц часто не могут его сохранить. Мошенники специально отслеживают лиц из числа выпускников и бывших подопечных, которые получили жилье, с целью осуществить сделку, которая является абсолютно невыгодной для последних (продажа жилья за мизерную сумму, мена на жилую площадь, которая находится за пределами города или в другом регионе, а то и вообще отсутствует) [5].

По нашему мнению, эту проблему можно решить только предоставлением им государством и органами местного самоуправления жилья для проживания (пользования), но не на праве собственности.

Одной из мер социальной защиты жилищных прав осиротевших детей, орган опеки и попечительства является принятие решения о сохранении жилья за детьми и назначение опекуна над жильем ребенка до достижения его совершеннолетия. Однако на практике наблюдаются случаи отсутствия желающих взять на себя обязанности опекуна над детским имуществом. Поэтому требует разработки механизм осуществления надзора за жильем осиротевших детей, когда опека над ним не установлена.

Гарантии охраны имущественных прав осиротевших детей зафиксированы также в «Порядке осуществления органами опеки и заботы деятельности, связанной с защитой прав ребенка», который предусматривает ответственность местных государственных администраций, органов местного самоуправления за сохранность жилья осиротевших детей и возвращение его детям после завершения их пребывания в соответствующем заведении в надлежащем состоянии [6]. Однако на сегодня механизм сохранения жилья, особенно того, которое находится в сельской местности, должным образом не разработанный. Не предусмотрено и законодательного механизма финансирования мероприятий для восстановления (ремонта) жилья.

Сегодня в государстве существуют серьезные пробелы в правовом поле по жилищному обеспечению детей-сирот. Не соблюдаются предусмотренные действующим законодательством государственные гарантии по внеочередному получению жилищных помещений. Поэтому нужно ускорить разработку механизмов обеспечения жильем осиротевших детей: сохранение жилья, финансирование мероприятий для восстановления жилья, расширения сети учреждений социальной защиты детей, в частности социальных общежитий и тому подобное.

Подводя итоги, следует сделать такие выводы. Решение вопроса защиты жилищных прав и интересов лиц из числа детей-сирот и детей, лишенных родительской заботы, проблемы обеспечения их жильем, заключается в развитии системы обеспечения во внеочередном порядке таких лиц благоустроенным социальным жильем.

Предоставление в найм жилья, принадлежащего на праве собственности детям-сиротам и детям, лишенным родительской опеки, до завершения пребывания их в соответствующих заведениях, детском доме семейного типа, приемной или завершение срока попечительства над ними, будет способствовать получению детьми дополнительных средств.

Полномочия органов опеки и попечительства относительно участия в гражданских правоотношениях в сфере предоставления в аренду жилья, принадлежащего на праве собственности детям-сиротам и детям, лишенным родительской опеки, должны определяться в специальном законе, который бы определял правовые и организационные основы деятельности органов опеки и попечительства.

Проблема определения гражданских прав и обязанностей органов опеки и попечительства в сфере защиты жилищных прав детей-сирот и детей, лишенных

родительской заботы, ответственности государственных органов за ненадлежащее выполнение этих обязанностей требует дополнительных исследований.

На наш взгляд основными путями и средствами решения проблемы обеспечения жильем данной категории населения в Донецкой Народной Республике является внедрение и реализация эффективных форм поддержки детей-сирот, детей, лишенных родительской опеки, и лиц из их числа по обеспечению жильем:

- ведение учета недвижимого имущества, находящегося в собственности (пользовании) детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки;

- изучение технического состояния жилых помещений, находящихся в собственности детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки;

- оказание помощи в благоустройстве жилья, находящегося в собственности детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, восстановлении правоустанавливающих документов на указанное жилье;

- предотвращение незаконного отчуждения жилья, на которое дети-сироты или дети, лишенные родительской опеки, имеют право собственности или право пользования;

- защита наследственных прав детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки: контроль за своевременным принятием наследства детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки, оказание материальной помощи в оформлении наследства;

- приобретение жилья и передача в собственность детям-сиротам, детям, лишенным родительской опеки, которые закончили пребывания в семьях опекунов, приемных семьях, учреждениях для детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, а также лицам из их числа;

- проведение постоянной методической и информационно-разъяснительной работы по защите прав детей.

Данные пути позволят детям-сиротам и детям, лишенным родительской опеки, которые уже имеют жилье, сохранить имущество и получить жилье тем, кто им не обеспечен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Украины «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения» № 2342-IV от 13.01.2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2342-15>
2. Закон Украины «Об охране детства» № 2402-III от 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2402-16>.
3. Зілковська Л. М. Проблеми захисту прав дітей-сиріт і дітей, позбавлених батьківського піклування, на житло / Л. М. Зілковська // Часопис Хмельницького університету управління та права «Університетські наукові записки». – 2008. – № 4 (28). – С. 136–140.
4. Конституция Донецкой Народной Республики // Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики № 1 – Д: ООО «Компания «Магаинвест», 2016. – 36 с.
5. Федорова О. А. Охрана жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей С.153.
6. Порядок провадження органами опіки та піклування діяльності, пов'язаної із захистом прав дитини : затв. постановою Кабінету Міністрів України від 24 верес. 2008 р. № 866 в ред. від 1 черв. 2012 р. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/866-2008-%D0%BF>.

PROBLEMS OF PROVIDING HOUSING FOR ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Annotation. This paper highlights the problem of violation of housing rights of children from the category of orphans and children without parental care. Negative trends in providing this category of children with comfortable housing are due primarily to the imperfection of legislation. In this regard, the article analyzes the current mechanism for providing housing for this category of children, identifies problems that prevent the full implementation of this right.

Keywords: minors, housing rights, legislation, guardians, Trustees.

Naumova I.

Scientific adviser: Khoruzhenko K., Ph. D., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: naumovai1999@gmail.com

УДК 343.6

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Неробова Л.Р.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья посвящена определению критериев ограничения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних от смежных составов преступлений. Установление вышеуказанных критериев позволяет правильно квалифицировать совершенное деяние.

Ключевые слова: мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера, беспомощное состояние, возраст сексуального согласия.

Согласно ст. 34 Конвенции о правах ребенка государство, являющееся участником соглашения, обязано «защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения», принимать в этих целях все необходимые меры для предотвращения, в частности, «склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности», «использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах» [1]. Из этого следует, что приоритетом каждого цивилизованного государства является охрана детства, однако преступные посягательства в отношении половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних охватили современный мир повсеместно. В последнее время значительно увеличилось количество сексуальных преступлений в отношении детей, о чем часто сообщают средства массовой информации. Актуальность данной темы заключается в том, что правильная квалификация рассматриваемых составов преступлений является предпосылкой для назначения справедливого наказания, что может стать первым шагом к снижению преступности в данной сфере. Целью данной научной работы является выявление проблемных вопросов при разграничении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних от смежных составов преступлений, а так же поиск их решений.

Многие учёные-теоретики, такие как К. А. Барышева, М. И. Еникеев, Т. А. Коргутлова, М. В. Матвеева, П. П. Осипов, Р. М. Полковников, Ю. К. Сущенко, А. Халиков, Н. М. Хлынцов, Я. М. Яковлев и другие, уделяли внимание данному вопросу в научных работах. Несмотря на это, тема еще недостаточно изучена и требует детального рассмотрения.

Отметим, что п. а ч. 3 ст. 134 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [2] регламентирует ответственность за насильственные действия сексуального характера, которые совершены в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней). Смежными составами указанного преступления считают половое сношение и иные действия сексуального характера с

лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 136 УК ДНР), развратные действия сексуального характера (ст. 137 УК ДНР).

Развратные действия в теории уголовного права определяют, как «действия, совершенные добровольно по отношению к потерпевшему, имеющие явно выраженный сексуальный характер (за исключением полового сношения, акта мужеложства или лесбиянства), удовлетворяющие половое желание виновного и возбуждающие интерес малолетнего к сексуальным отношениям» [3, с. 23]. Следовательно, отличительными признаками развратных действий от насильственных действий сексуального характера является ненасильственный характер преступления, четко установленные возраст субъекта преступления (достигший 18-летнего возраста) и жертвы (не достигшего 16-летнего возраста).

Наука выделяет две разновидности развратных действий: интеллектуальные и физические. Отграничение интеллектуальных развратных действий (циничные беседы с потерпевшим, затрагивающие вопросы пола, ознакомление его с порнографической литературой, порнографическими рисунками, демонстрация кинофильмов сексуального характера) от иных действий сексуального характера, в понимании ст. 134 УК ДНР, не составляет проблем. Виды физических развратных действий в некоторых случаях повторяют иные действия сексуального характера, что создает сложности при квалификации преступлений. К таким развратным действиям относят обнажение половых органов виновного или потерпевшего лица, прикосновения к ним, ощупывание, принятие непристойных форм, совершение непристойных жестов, полового акта, иных действий сексуального характера в присутствии несовершеннолетнего, склонение к занятию мастурбацией.

Главным фактором в определении того, как квалифицировать содеянное, является направление умысла виновного лица. Если после развратных действий у преступника возникает умысел на мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера – эти два преступления следует рассматривать как самостоятельные преступления. В случае же, если умысел был направлен на совершения насильственных действий сексуального характера, однако начальной стадией стали развратные действия, то классифицировать деяние необходимо лишь по ст. 134 УК ДНР.

Разграничить насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних и половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста целесообразно по следующим признакам: объективная сторона, возраст субъекта преступления, способ совершения преступления.

Объективная сторона насильственных действий сексуального характера (ст. 134 УК ДНР) заключается в мужеложстве, лесбиянстве или иных действиях сексуального характера. Статья 132 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит идентичную объективную сторону [4]. В свою очередь, ст. 136 УК ДНР (ст. 134 УК РФ) называется половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, вместе с тем под иными действиями законодатель усматривает лишь мужеложство и лесбиянство. Т.е. заголовок состава преступления шире её содержания. Обоснование такого решения законодателя не содержится в рассмотренных нами источниках. Следовательно, статья не предусматривает ответственность за вступление мужчины в добровольный анальный или оральный контакт с девочкой или оральным контакт с мальчиком, а так же иные извращенные формы совершения полового акта, что вряд ли можно признать правильным [5, с. 10].

Мужеложство можно определить как половое сношение мужчины с мужчиной, а лесбиянство (женский гомосексуализм) – охватывает разнообразные действия, направленные на удовлетворение половой страсти женщиной путем физических

контактов с половыми органами женщины, т. е. потерпевшей [6, с. 274]. Понятие «иных действий сексуального характера» состоит из большого количества действий, кроме лесбиянства и мужеложства, и этими действиями не ограничивается. К ним, помимо прочего, можно отнести суррогатные формы половых связей, которые имитируют естественный половой акт, фроттаж, садистские действия сексуального характера и т.д.

Решение указанной проблемы учёные формулируют неоднозначно. Одни полагают, что ч. 2 ст. 134 УК РФ, которая полностью соответствует ч. 2 ст. 136 УК ДНР, необходимо исключить, а действия, указанные в данной норме будут подпадать под развратные действия сексуального характера. Считаем, это лишь усугубит проблему разграничения сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних. Другая группа учёных, по нашему мнению обоснованно, предлагает расширить вышеуказанную статью, включив в неё помимо мужеложства и лесбиянства иные действия сексуального характера, чтобы диспозиция статьи полностью соответствовала названию [7, с. 140].

Следующим признаком отграничения насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних от полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, является субъект преступления. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность при совершении деяния, подпадающего под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК ДНР – 14 лет. Субъект преступления, предусмотренного ст. 136 УК ДНР – специальный, а именно лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Изучив судебную практику по данному вопросу, можно сделать вывод, что этот критерий дифференциации преступлений не вызывает проблем у правоприменителя. Примером могут служить следующие ситуации. Х. осужден Приговором Усть-Катавского городского суда Челябинской области от 14 августа 2013 года по ч. 2 ст. 135 УК РФ за то, что в мае 2013 года он, являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, совершил мужеложство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости [8]. Рассмотрим иной случай, в котором уже ответственность наступает за насильственные действия сексуального характера. Приговором Челябинского областного суда от 31 октября 2013 года Г. (которому на момент совершения преступления было четырнадцать лет) осужден за то, что в июле-августе 2012 года совершил в отношении не достигшего четырнадцатилетнего возраста потерпевшего иные действия сексуального характера. Фактически Г. совершил в отношении потерпевшего действия, предусмотренные диспозицией ст. 134 УК РФ, без применения насилия или угрозы его применения, т.е. добровольно. Вместе с тем, учитывая, что субъекту преступления на момент совершения деяния было четырнадцать лет, действия Г. квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ [8]. Таким образом, для установления правильной квалификации необходимо обращать внимание не только на объективную сторону преступления, а и на возраст субъекта.

Относительно возраста потерпевшего от преступлений, предусмотренных ст.ст. 134, 136 УК ДНР, в данном аспекте необходимо обратить внимание на такое понятие, как возраст сексуального согласия, т.е. возрастную границу, по достижении которой лицо вправе самостоятельно принимать решение о вступлении либо невступлении в половую связь [9, с. 520]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в ДНР возраст сексуального согласия – 16 лет. Это самая распространенная граница из существующих в мире. Естественно, есть страны, в которых возраст сексуального согласия выше; есть те – в которых ниже (от 9 (Йемен) до 20 лет). В основном это зависит от традиций, религии, политических и социальных установок государства. Кроме того, в некоторых странах такой возраст зависит от вида сексуального контакта: между лицами одного пола или разных полов. В большинстве

случаев, возраст сексуального согласия при гетеросексуальном и женском гомосексуальном контакте меньше возраста согласия при мужском гомосексуальном контакте. Однако в период «легализации гомосексуальных контактов» набирает обороты тенденция уравнивания однополых контактов с разнополыми.

Статья 136 УК ДНР предусматривает дифференциацию возраста потерпевшего: по ч.ч. 1, 2 – 16 лет; по ч. 3 – от 12 до 14 лет. Насильственные действия сексуального характера не содержат нижней границы возраста потерпевшего, но предусматривают ужесточение наказания, если преступление совершено в отношении несовершеннолетнего и малолетнего (не достигшего 14-летнего возраста).

С возрастом потерпевшего тесно связаны и способы совершения преступления. Для объективной стороны насильственных действий сексуального характера примечательным является то, что мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера совершаются с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей). Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, относятся к ненасильственным преступлениям, т.е. деяние совершается добровольно.

Стоит обратить внимание на тот факт, что согласие потерпевшего на гомосексуальный контакт (признак добровольности) в определенном возрасте является спорной категорией. Так, часть 3 ст. 136 УК ДНР устанавливает ответственность за мужеложство, лесбиянство с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Т.е. законодатель полагает, что малолетнее лицо в этом возрасте может полностью осознавать характер совершаемых с ним действий. С данным мнением согласны не все учёные. Трунова Е. В. считает, что малолетние в любых случаях беспомощны перед авторитетом взрослого человека, их субъективная возможность противодействовать преступнику и самостоятельно ориентироваться в опасных ситуациях бывает очень невысокой [10]. Следовательно, между понятием «беспомощности» и «добровольности» образовывается тонкая грань. Пункт 9 Постановления №10 Пленума Верховного Суда ДНР разъясняет, что под использованием беспомощного состояния понимаются и случаи, когда лицо в силу своего возраста (малолетнее лицо, лицо престарелого возраста) не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному [11]. Малолетним лицом является лицо в возрасте до 14 лет. Поэтому в каждой ситуации совершения сексуальных действий с лицом, не достигшим 14-летнего возраста, следует устанавливать, осознавал ли потерпевший происходящее. Это создает проблему при разграничении деяний, предусмотренных ч.3 ст. 136 УК ДНР и п. «б» ч.4 ст. 134 УК ДНР, которая устанавливает ответственность за насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста. Важным является то, что санкции этих схожих между собой составов весомо отличаются: так, по ч. 3 ст. 136 УК ДНР предусматривается лишение свободы на срок от трёх до десяти лет, а за деяние, предусмотренное п. «б» ч.4 ст. 134 УК ДНР, – лишение свободы от двенадцати до двадцати лет.

Отграничение способов вступления в гомосексуальный контакт малолетнего лица (добровольно или в силу своей беспомощности) законодатель не установил, следовательно, данная категория субъективна. С одной стороны это имеет логическое обоснование: в одном случае, 12-летний ребёнок в силу своих психических особенностей адекватно понимает характер сексуальных действий, которые проявляются в отношении него; в другом случае, 13-летний ребёнок не может осознавать сущность, выполняемых с ним действий, что обусловлено его

индивидуальными психологическими характеристиками. Поэтому при решении вопроса о квалификации действий виновного, оценки его психического или физического состояния, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, необходимо обязательное назначение и производство комплексной судебно-психологической и сексологической экспертизы [12, с. 128]. Необходимо отметить, что даже повсеместная акселерация не даёт повода утверждать, что малолетнее лицо может осознавать такие деяния, как мужеложство, лесбиянство и влияние совершеннолетнего лица никак не сказывается на его решении. Из вышеуказанного следует, что в случае – если потерпевшим по ст. 136 УК ДНР было лицо в возрасте от 12 до 14 лет, то необходимо всесторонне выяснять, могло ли оно осознавать характер и значение совершаемых деяний (т.е. не было ли оно беспомощно). Однако суть этих понятий не раскрывается законодателем, что порождает проблемы на практике. Многие судебные эксперты считают, что лица до 14 лет являются не достигшими половой зрелости (с точки зрения физиологии). Даже тот факт, что малолетние могут знать какую-либо информацию о половой жизни, о её значении и возможных последствиях из интернета, рассказов сверстников, не даёт право совершеннолетним лицам влиять на ребёнка, завлекая его к совершению полового сношения, мужеложства и лесбиянства.

Полагаем, что содержание составов преступлений, связанных с половой свободой малолетних лиц, в связи с их высокой общественной опасностью, должно быть чётко урегулировано законодателем. Это обусловлено тем, что последствия половых преступлений (как насильственных, так и ненасильственных) в отношении малолетних лиц носят необратимый характер и могут выражаться в изменении физического и (или) психического состояния. Даже в случае добровольного мужеложства, лесбиянства у потерпевшего, не достигшего 14-летнего возраста, может возникнуть негативное либо аморальное отношение к сексуальной жизни, появиться чувство страха общения с людьми (социальная отгороженность). В процессе осознания совершенного с ним деяния с возрастом могут развиваться суицидальные наклонности, снизиться самооценка – т.е. возникнуть кратковременные или длительные расстройства психики и поведения.

Установление наказания за указанные преступления являются предупредительными действиями законодателя: ведь ранняя половая связь малолетнего с совершеннолетним может пагубно влиять на его психологию, вследствие чего, в будущем он сам может стать опасным для общества и совершать общественно опасные деяния, связанные с половыми преступлениями. Кроме того, многие учёные схожи во мнении, что мальчики и девочки, которые в раннем возрасте были подвергнуты сексуальным домогательствам со стороны совершеннолетнего лица своего же пола, в большинстве своём становятся гомосексуалистами и, став взрослыми, совершают такие же действия в отношении детей [13, с. 23]. Кроме того, мы не представляем себе возможной ситуацию, когда малолетнее лицо в возрасте от 12 до 14 лет даёт юридически значимое согласие на вступление с ним в однополую половую связь. Для детей указанного возраста свойственны такие патологические возрастные особенности психики как: внушаемость, избирательность внимания, игровая направленность интересов и т.д. Наличие данных особенностей и отсутствие достаточной осведомленности в социальных и морально-этических аспектах сексуальных отношений приводят к неумению полностью осмыслить и критически оценить ситуацию в целом [14, с. 232].

Считаем необходимым в целях эффективной защиты малолетних от сексуальных посягательств исключить из ч. 3 ст. 136 УК ДНР ненасильственные мужеложство и лесбиянство с лицом, не достигшим 14 лет, а квалифицировать указанные деяния по ст. 134 УК ДНР в связи с тем, что их малолетний возраст является характеристикой

беспомощности, а так же для предотвращения возможности виновного лица использовать такую расплывчатую категорию как «добровольность», чтобы избежать справедливого наказания.

Таким образом, дети в современном обществе являются очень уязвимыми в отношении сексуальных преступлений, которые ко всему прочему обладают высокой латентностью. Достижение четкого разграничения на практике ненасильственных и насильственных преступлений против половой неприкосновенности малолетних потерпевших – может стать одним из факторов справедливого назначения наказания, и, как следствие, снижение преступности в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), ратифицирована СССР 15 ноября 1990 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 11.01.20).
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (по состоянию на 08.10.2019): [Электронный ресурс]. URL: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2012. – 23 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (по состоянию на 27.12.2019): [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.01.2020).
5. Полковников Р.М. Ответственность за ненасильственные половые преступления в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (ст. ст. 134, 135 УК РФ) // Общество и право. – 2009. – № 1. – С. 10—14.
6. Гусева Ю. Н. Уголовно-правовая сущность и объекты половых преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 4. – С. 268-274.
7. Коргутлова Т.А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты // Современное право. – 2009. – № 10. – С. 138—144.
8. Обобщение практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (глава 18 УК РФ): утв. Президиумом Челябинского областного суда 11 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/criminal/reviews_on_criminal_cases_22.pdf (дата обращения: 15.11.2019 г.).
9. Барышева К.А., Матвеева М. В. Брачный возраст и возраст согласия: межотраслевые правовые коллизии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – №4. – С. 506-526.
10. Трунова Е.В. Проблемы выявления и учёта преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6(13). [Электронный ресурс]. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(13\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(13).pdf) (дата обращения: 16.11.2019).
11. О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление № 10 Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <https://supcourt-dpr.su/pplenium/o-praktike-primeniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po-delam-o> (дата обращения 20.11.2019).
12. Потапова И.В. Некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – С. 128- 131.
13. Еникеев М.И. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Юридическая психология. – 2009. – № 1. – С. 22—25.
14. Газданова Е.К.. Уголовно-правовое значение согласия лица в сфере сексуальных отношений // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – №1. – С. 230-235.

DELIMITATION OF VIOLENT ACTS OF SEXUAL CHARACTER CONCERNING MINORS FROM RELATED OFFENCES

Annotation. The article is devoted to the definition of criteria for distinguishing sexual violence against minors from related crimes. The establishment of the above criteria makes it possible to correctly qualify the committed act.

Keywords: sodomy, lesbianism, other sexual acts, helpless state, age of sexual consent.

Nerobova L.

Scientific adviser: Karpenko L., Ph. D. in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: milochka1008@gmail.com

УДК 340

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОДРУЖЕСТВА

Нещадимова С.А.

*Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе освещается проблема регулирования опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми в странах Евразийского содружества и Донецкой Народной Республики, показана необходимость данного правового института, которая обусловлена социальными, правотворческими, правоприменительными и доктринальными факторами, а также выделены наиболее приемлемые положения, которые будет целесообразно включить в формируемое семейное законодательство Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети-сироты, законодательство, опекуны, попечители.

Проблема защиты прав и интересов детей была и всегда будет одной из основных задач, решаемой государством. Поскольку на данный момент, Донецкая Народная Республика находится на стадии становления и формирования своего законодательства, то предоставляется необходимо уделить больше внимание защите прав детей. Исходя из этого следует рассмотреть вопросы о правовом обеспечении защиты прав и интересов ребенка, а также о контроле за деятельностью органов опеки и попечительства и действиями, осуществляемыми самим опекуном (попечителем). Выявленные в ходе рассмотрения темы проблемы и сделанные предложения, предоставляется возможным использовать при формировании нового законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

Стоит сказать, что в нашем государстве на данный момент разрабатывается закон «Об опеке и попечительстве», который сможет объединить в себе многие положительные аспекты, которые содержатся в различных нормативно-правовых актах, все что сможет пригодиться для цельного и качественного правового обеспечения опеки и попечительства над детьми в Донецкой Народной Республике. Главной целью, данного проекта, является определение правовых основ, позволяющих разрешить вопрос установления опеки и попечительства над лицами, которые в этом нуждаются, разрешить вопрос основных положений опеки и попечительства как правовой процедуры и последствий его установления.

Правовое регулирование отношений, входящих в предмет института опеки и попечительства, осуществляется в действующем законодательстве на территории того государства, на котором оно функционирует, определяется нормами гражданского, семейного, административного законодательства, а также законодательства об органах местного самоуправления. Стоит отметить, что какое-либо специальное законодательство об опеке и попечительстве в настоящий момент на практике многих государств отсутствует.

Институт опеки и попечительства является комплексным институтом, а нормы Семейного Кодекса Украины об опеке и попечительстве толкуются в сочетании с нормами Гражданского кодекса, предусматривающие этот институт. Поэтому

дефиницию понятия опеки и попечительства следует определять, как в Семейном, так и в Гражданском Кодексе. Согласно действующему законодательству опека и попечительство устанавливается с целью качественного обеспечения жизни малолетних, несовершеннолетних, детей [1].

Определение понятия «ребенок» закреплено в статье первой Конвенции о правах ребенка: «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее».

Законом любого из рассматриваемых государств, закреплено, что все дети наделены равными права с рождения (дети, рожденные в браке, дети, чьи родители не являются официально супругами). Исключениям не являются и те дети, которые воспитываются в неполных семьях или же чьи родители состоят в разводе, либо же умерли.

Также, хотелось бы отметить, что Конституция Донецкой Народной Республики, содержит в себе аналогичные нормы, согласно которым, Материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 31 Конституции ДНР).

Рассматривая определение, опека и попечительство, можно рассмотреть пример Украинского и Российского законодательства. Следует обратить внимание, что в Украине нет прямого и четкого определения термина опека и попечительство. Гражданский кодекс Украины (далее – ГК) в котором выделена целая Глава « Опека и попечительство» определяет лишь задачи, обязанности и процедуры, связанные с урегулированием отношений в сфере опеки и попечительства. В РФ существует другая тенденция, изучаемая сфера определена Федеральным Законом «Об опеке и попечительстве» (далее – ФЗ) Российской Федерации, ст. 2 п. 1 определяет понятие опека – форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия. А пункт 2 этой же статьи раскрывает понятие попечительство как форму устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетних подопечных от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

Глава 19 Семейного Кодекса Республики Армения регулирует вопрос опеки и попечительства. Опека или попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также защиты их прав и интересов. Опека и попечительство над детьми назначается и прекращается в порядке, установленном гражданским законодательством.

Статья 135 Семейного Кодекса Республики Армения закрепляет, что опекунами (попечителями) детей могут назначаться только совершеннолетние дееспособные лица с их согласия. При назначении ребенку опекуна (попечителя) учитываются нравственные и иные личные качества опекуна (попечителя), его способность к выполнению обязанностей опекуна (попечителя), отношения между опекуном (попечителем) и ребенком, отношение к ребенку членов семьи опекуна (попечителя), а также, если это возможно, желание ребенка [3].

Важным является то, что законом предусмотрено, что опекунами (попечителями) не назначаются лица: больные хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, лица, совершившие умышленное преступление против жизни и

здоровья человека, лица, отстраненные от обязанностей опекунов (попечителей), лица, лишенные родительских прав, лица, ограниченные в родительских правах, бывшие усыновители, если усыновление отменено по их вине, а также лица, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять обязанность по воспитанию ребенка.

В Главе 14 Кодекса Республики Беларусь «О Браке и Семье», также закреплено положения об опеке и попечительстве. В статье 142 определено, что опека и попечительство устанавливаются для воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также для защиты личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов этих детей [4].

Стоит отметить, что установление опеки и попечительства возможно и над совершеннолетними лицами, которые признаны судом недееспособными или ограниченно дееспособными, в целях защиты личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов.

Обращаясь к законодательству Республики Беларусь, стоит отметить положения Гражданского кодекса. Так, данный нормативный (ГК Беларуси) акт в ст. 32 устанавливает, что опека устанавливается над малолетними и лицами, признанными судом недееспособными [5].

Говоря о попечительстве, то в упомянутом нами законе закреплено, что оно устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также над лицами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами.

Таким образом, законодательство стран Евразийского содружества, не смотря на различную формулировку понятий, схоже по своей сути при даче определения рассматриваемого нами института. Опека и попечительство устанавливаются по месту жительства лица, подлежащего опеке или попечительству, или по месту жительства опекуна, попечителя, если это отвечает интересам подопечного.

Практике известны ситуации, когда ребенок не проживает совместно с родителями или они уклоняются от обязанностей по его воспитанию. Органы опеки и попечительства в этом случае вправе требовать в судебном порядке лишения родителей родительских прав, а также вправе поспособствовать, чтобы над ребенком была устанавливаема опека или попечительство ближайших родственников.

В законодательстве стран Евразийского содружества, также закреплены иные случаи установления опеки и попечительства. К ним можно отнести: длительное (более шести месяцев) отсутствие родителей. Относительно временного отсутствия родителей по уважительным причинам (командировка, заболевание и т.п.), или передача ребенка ими на попечение родственникам или другим близким лицам, установление опеки или попечительства является – необязательным.

Общим положением для семейного законодательства рассматриваемых стран является то, что опекун или попечитель должен быть назначен не позднее месячного срока со дня, когда органу опеки и попечительства стало известно о необходимости установления опеки или попечительства. Срок для назначения опекуна или попечителя составляет – один месяц. В случае не назначения нуждающемуся данным лиц, выполнение обязанностей опекуна или попечителя временно (до назначения опекуна или попечителя) возлагается на руководителя органа опеки и попечительства.

Стоит отметить, что желание детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, о передаче в приемную семью, детский дом семейного, учитывается с десятилетнего летнего возраста.

Проанализировав законодательство Российской Федерации, можно отметить, что права детей, находящихся под опекой (попечительством) подразделяются на личные и имущественные (ст. 55, 56, 57, 148 СК РФ и п. 2 ст. 36 ГК РФ).

Рассматривая вопрос, относительно имущественных прав опекунов и попечителей, можно сделать вывод, что они не имеют права на имущество подопечного, а также права пользования жилым помещением, находящимся в собственности или в пользовании подопечного. При этом, немаловажным является и то, что у них не возникает обязанности содержать подопечное лицо за свои средства [6].

Обязанности по опеке и попечительству в соответствии с п. 1 ст. 36 ГК РФ выполняются безвозмездно.

Закон закрепляет основания прекращения опеки и попечительства. К ним относятся:

- достижение подопечным определенного возраста;
- освобождение от обязанностей опекуна или попечителя;
- отстранение опекуна или попечителя от выполнения обязанностей.

Прекращение опеки происходит в случае достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. При этом опека переходит в попечительство и прекращается по достижению ребенком совершеннолетия. Также, существуют случаи, когда попечительство может прекратиться раньше – если несовершеннолетний, достигший 16 лет, будет объявлен в результате эмансипации полностью дееспособным (ст. 27 ГК РФ) либо вступит в брак до достижения 18 лет при снижении брачного возраста (ст. 13 СК РФ).

Освобождение опекуна (попечителя) органами опеки и попечительства от исполнения обязанностей возможно при наличии следующих оснований (п. 1 и 2 ст. 39 ГК РФ):

- возвращение ребенка родителям;
- усыновление ребенка;
- помещение ребенка в воспитательное, лечебное учреждение, учреждение социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения;
- личная просьба опекуна или попечителя, а также наличие уважительных причин (болезнь, изменение имущественного положения, отсутствие взаимопонимания с подопечным и др.).

Не исключены случаи, когда опекун (попечитель) может быть отстранен от выполнения своих обязанностей. Это происходит, когда он исполняет свои обязанности ненадлежащим образом или же использует опеку (попечительство) в корыстных целях. Еще одним основанием выступает – оставление подопечного без надзора и необходимой помощи (п. 3 ст. 37 ГК РФ).

Также опекуны и попечители могут быть отстранены от выполнения своих обязанностей как при отсутствии вины в их действиях или бездействии. Пример можно привести следующий: ненадлежащее выполнение обязанностей вследствие отсутствия навыков и жизненного опыта. Виновное поведение имеет место при использовании опеки или попечительства в корыстных целях: занятие жилой площади подопечного, незаконное использование его имущества для удовлетворения своих потребностей. Освобождение и отстранение опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей производится на основании постановления главы местной администрации [7].

Именно с целью пресечения и выявления ненадлежащего исполнения обязанностей опекуна (попечителя), органами опеки и попечительства осуществляется контроль по месту жительства подопечных. Проведение контрольных обследований условий жизни подопечных является обязанностью ранее упомянутых органов и должно происходить не реже двух раз в год.

Проанализировав положения относительно опеки и попечительства на примере законодательства стран Евразийского содружества, можно сделать вывод, что опека и попечительство над детьми – это форма обеспечения устройства детей, оставшихся без опеки и попечительства родителей, при которой назначенный органом опеки и попечительства гражданин (опекун) является законным представителем подопечного и

совершает от его имени и в его интересах все юридически значимые действия. Тем самым лицо действует в интересах ребенка, и именно с этого момента, необходимо определить где начинаются его интересы, как их соблюдать, что необходимо делать опекуну (попечителю) и органам, осуществляющим надзор за его деятельностью в этой сфере. Все это выражается в правовом обеспечении и нормативном закреплении прав и обязанностей всех участников этих отношений [8].

Если проследить хронологию исторического развития понятия опеки и попечительства, их разграничение, то предоставляется возможность увидеть определенные отличия и сходства. Но стоит отметить, что самым главным объединяющим фактором, является защита личных прав подопечного.

Рассматривая наиболее близкое для ДНР законодательство – Украинское и Российское, стоит отметить что для них опорной платформой долгие годы служила советская правовая система. На данном этапе развития они имеют существенные отличия по регулированию деятельности и осуществлению действий, опекунов и попечителей, не стоит забывать и про значительные сходства: трактовка разграничений понятий опека и попечительство. Отличительной чертой развивающегося законодательства ДНР является, то, что оно впитывает в себя позитивно ключевые моменты закрепления норм, для помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Определено нормативно-правовое регулирование деятельности органов опеки и попечительства на территории ДНР, с использованием законодательства Украины, а также с предложениями о внесении изменений в действующие нормативно-правовые акты на территории ДНР. Особенно это актуально, с учетом того, что на территории Донецкой Народной Республики создается своя законодательная база, в частности закон «Об опеке и попечительстве» который предусматривает в себе ключевые нормы по обеспечению деятельности органов опеки и попечительства, обеспечении прав и обязанностей опекунов и попечителей, а также обеспечении защиты прав детей которые остались без опеки родителей. Такое законодательное закрепление гарантирует адаптацию его под современные реалии в которых находится Донецкая Народная Республика, и тем самым позволит наладить механизм обеспечения опеки и попечительства для каждого ребенка на этой территории.

При изучении данной темы, целесообразным является применение положений, заимствованных в законодательстве в странах Евразийского содружества, для создания Закона Донецкой Народной Республики «Об опеке и попечительстве», а также для внесения определённых норм в формирующийся Семейный кодекс ДНР. С помощью проведения законодательной реформы в Донецкой Народной Республике и созданию новейших законов и актов в сфере правового обеспечения опеки и попечительства, предоставляется возможность регулирования процессов установления опеки и попечительства, быстро и качественно разоблачать неправомерные действия по отношению к детям. А также, наладить эффективный контроль за деятельностью и добросовестностью опекунов (попечителей), защитить детей от неправомерного поведения их временных «родителей».

На наш взгляд, на основе выявленных различных концепциях законодательства об опеке и попечительства предлагается возможным при разработке законодательства Донецкой Народной Республике стоит обратиться к примеру Российской Федерации и принять отдельный Закон «Об опеке и попечительстве» в котором предусмотреть возможность реорганизации органов опеки и попечительства, больше уделить внимание поддержке защиты прав ребенка, защите прав опекуна (попечителя), а также, контроля за их деятельностью и деятельностью органов опеки и попечительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобрик В.І. Сімейне право України: Підручник / В.І. Бобрик. – К.: Право, 2005. С. 55-59.

2. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» Российской Федерации от 24.04.2008 N 48-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ – Дата обращения: 02.02.2020
3. Закон Республики Армения «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения» от 7 июля 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=61790> – Дата обращения: 02.02.2020
4. Кодекс Республики Беларусь О Браке и Семье от 9 июля 1999 г. № 278-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/document/?regnum=НК9900278> – Дата обращения: 02.02.2020
5. Гражданский Кодекс Республики Беларусь 218-3 от 7.12.1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/grazhdanskij_kodeks_rb.htm – Дата обращения: 02.02.2020
6. Шерстнева Н. С. Опека и попечительство как форма воспитания несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. – 2018. – N 2. С. 48.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. – №32.
8. Жаглина М. Е., Костина С.Е. Опека и попечительство как форма воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник СГЮА. 2016. №3 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opeka-i-popechitelstvo-kak-forma-vozpitanija-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley> (дата обращения: 02.02.2020).

REGULATION OF GUARDIANSHIP AND GUARDIANSHIP IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN COMMONWEALTH

Annotation. This paper highlights the problem of regulating custody and guardianship of minor children in the countries of the Eurasian Commonwealth and the Donetsk people's Republic, shows the need for this legal institution, which is due to social, law-making, law-enforcement and doctrinal factors, and highlights the most acceptable provisions that will be appropriate to include in the family legislation of the Donetsk people's Republic.

Keywords: minors, orphans, legislation, guardians, Trustees.

Neshchadimova S.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: Sonetn@bk.ru

УДК 340

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Осташевская В.О.

*Научный руководитель: Герасименко Ю.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье поднят вопрос влияния киберпреступности на наиболее значимые сферы жизнедеятельности человека, исследованы международные и внутригосударственные институты, занимающиеся борьбой с преступлениями в сфере компьютерных технологий и результаты их деятельности.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровизация, информационные технологии, кибератака, кибервойна.

С появлением компьютерных технологий общество вышло на новый виток своего развития. Мир поделился на две части: реальную и виртуальную. За относительно короткий период своего существования, век информационных технологий кардинально изменил общество и самого человека. Перед человечеством стала новая угроза безопасности – киберпреступность. Ключевым фактором для развития

киберпреступности является ускоряющаяся цифровизация общества, что обуславливает актуальность данной темы.

Киберпреступность представляет собой преступление, которое совершается с помощью компьютера или сети. Как правило, цель данного преступления – информация. Данный вид преступлений отличается от других тем, что отсутствует возможность идентифицировать преступника, то есть точно отследить кто, где и когда совершил данное деяние. Соответственно, возникают трудности установить личность преступника и раскрыть преступление. Основным элементом в системе киберпреступлений является знание, которым обладает преступник. Доступ к компьютеру и сети имеет практически каждый человек, но не каждый может выполнить действия, в результате которых можно получить закрытую секретную информацию или взломать банковский счет. Интеллектуальная деятельность лиц, которых ещё называют хакерами, неоценима.

Ряд сфер жизнедеятельности человека связан с информационными технологиями. Особенно в последние годы идёт активный переход к цифровизации даже некоторых государственных функций. Так, например, на сайте мэра Москвы размещена информация о том, что к 2030 году Москва должна стать городом, управляемым данными (Data driven city), принятие решений будет осуществляться с помощью автоматической обработки информации, активно будут использоваться роботы, бумажные документы будут заменены на цифровые, государственные услуги будут осуществляться с помощью сети Интернет [1]. Считается, что имея такой ресурс как «информационные технологии» нужно применять его к жизни и тем самым облегчать работу многих платформ. Такие изменения, с одной стороны, положительно влияют на работу тех или иных структур, с другой стороны существует угроза кибератаки, последствия которой трудно предположить.

Чаще всего подвергается кибератакам цифровая экономика. Финансовые учреждения активно применяют в своей работе современные технологии. Так, многие выпускают свою криптовалюту, пользуются услугами банкоматов, используют смартфон для снятия денег. Новшества существо облегчают жизнь, однако в связи с этим невозможно избежать кибератак. В соответствии с отчетом Net Losses – Estimating the Global Cost of Cybercrime («Чистый убыток: как оценить урон от киберпреступлений»), киберпреступление обходится коммерческим организациям примерно в 400 миллиардов долларов в общемировой перспективе, что негативно сказывается на примерно 200 000 рабочих мест в США и 150 000 – в странах Европы [2].

Проблема борьбы с киберпреступностью на данном этапе очень актуальна и пользуется большим интересом как со стороны ученого мира, так и государства. Безусловно, такая заинтересованность вызвана тем, что необходимо построение эффективного противодействия такого характера атакам, но стоит также отметить, что и для построения внешней политики государства не следует недооценивать опасность киберпреступлений. Однако, на государственном уровне употребляется понятие «кибервойна». Кибервойна – это термин, который означает комплекс действий, направленных на дестабилизацию компьютерных сетей противника [3]. Для более легкого понимания отмечается, что кибервойна представляет собой разновидность информационной войны.

Примером кибервойны являются события в Венесуэле. Весной 2019 государство было подвергнуто кибератаке, вследствие чего 21 штат из 23 штатов страны остались без электроэнергии. Жители страны остались без света, телефонной связи и Интернета. В Каракасе остановилось метро, в больницах города Матурин из-за блэкаута скончались 15 детей [4]. Этот случай стал примером того, как целую страну с помощью цифровых технологий можно в один миг повергнуть в кризис.

Зафиксировано множество кибератак на средства массовой информации. Дезинформация может привести к большим волнениям внутри страны, что также подрывает политическую и территориальную целостность страны.

Международная борьба с киберпреступностью была начата ещё в начале XXI века. В 2001 году была подписана Европейская конвенция по киберпреступлениям (далее Конвенция). Её основная цель заключалась в создании механизма сотрудничества между Государствами-членами настоящей Конвенции для защиты общества от киберпреступлений. Стоит отметить, что от подписания данного документа отказался ряд стран, в числе которых Российская Федерация. Основной причиной отказа являются положения, закрепленные статьей 32:

«Любая из Сторон имеет право, без согласия другой Стороны:

(а) получать доступ к компьютерным данным из открытых источников, находящихся в системах общего доступа, независимо от территориального местонахождения этих данных;

(б) посредством компьютерной системы на своей территории получать доступ к компьютерным данным, расположенным на территории другой Стороны, при получении правомерного и добровольного согласия со стороны лица, обладающего законным правом на предоставление данных этой Стороне посредством вышеупомянутой компьютерной системы» [5].

Эксперты посчитали, что положения статьи могут причинить ущерб суверенитету и безопасности государствам, подписавшим Конвенцию. С данной точкой зрения стоит согласиться, однако можно ли в таком случае говорить о международной борьбе с киберпреступностью?

Примером осуществления международной борьбы по борьбе с киберпреступностью может служить созданный в 2013 году Европейский центр борьбы с киберпреступностью (далее ЕС3). Примечательно, что борьба ведётся не только силами правоохранительных органов стран Европейского Союза, но и партнёрами, которые не входят в Европейский Союз. Только в течение первого года своей работы ЕС3 провёл 19 крупных операций.

Борьбу с киберпреступлениями также ведёт Содружество Независимых Государств, где имеется ряд нормативно-правовых актов регулирующих борьбу с преступлениями в сфере компьютерных технологий. В 2001 году в Минске было заключено Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. В ст. 1 п. а данного Соглашения раскрывается понятие преступления в сфере компьютерной информации как уголовно наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация [6]. Российская Федерация ратифицировала данный нормативно-правовой акт только в октябре 2008 года с оговоркой:

«Российская Федерация оставляет за собой право отказать в исполнении запроса полностью или частично, если исполнение запроса может нанести ущерб ее суверенитету или безопасности» [7].

Так, ст. 5 Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации закрепляет ряд форм сотрудничества, одной из которых является: «исполнения запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также процессуальных действий в соответствии с международными договорами о правовой помощи».

Стоит отметить, что отказ в исполнении запроса принадлежит только запрашиваемой Стороне на основании ст. 8 Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере

компьютерной информации, что в определенных случаях может нанести ущерб суверенитету государства.

На примере международных нормативно-правовых актов по борьбе с преступлениями в сфере компьютерных технологий можно сделать вывод, что исполнение данных предписаний не может нести положительную динамику, если государствам-участникам в противовес борьбе с киберпреступностью будет наноситься вред безопасности страны. На данный момент, только этот вопрос тормозит эффективность налаженной работы по международной борьбе с киберпреступностью.

Внутригосударственная борьба с киберпреступностью не отличается эффективностью, несмотря на то, что ведётся активная работа по усовершенствованию методов борьбы с киберпреступлениями. Так, на базе Министерства внутренних дел Российской Федерации осуществляет свою работу Управление «К» МВД России, которое в пределах своей компетенции осуществляет выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие:

- 1) преступлений в сфере компьютерной информации;
- 2) преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) и направленных против здоровья несовершеннолетних и общественной нравственности;
- 3) преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) и связанных с организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства;
- 4) преступлений, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации;
- 5) преступлений, связанных с незаконным использованием объектов авторского права или смежных прав [8].

Генеральная прокуратура Российской Федерации опубликовала статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации в январе – августе 2019 года, где отмечено существенное увеличение зарегистрированных преступлений в IT-сфере. За 8 месяцев 2019 года правоохранители выявили 180 153 преступления, которые были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [9].

Подводя итог внутригосударственной борьбы в сфере компьютерных технологий примечательно, что отрицательная динамика борьбы с киберпреступлениями обусловлена отсутствием эффективного механизма государственного контроля за деятельностью в сети Интернет. Сотрудники правоохранительных органов не обладают достаточным уровнем знаний в сфере компьютерных технологий. Таким образом, существует острая необходимость привлечения специалистов в IT-сфере для борьбы с киберпреступностью. Но не каждое государство может себя обеспечить необходимым количеством соответствующих работников и компьютерных технологий, а из этого следует вывод о необходимости международной помощи.

Отсутствие положительной динамики в борьбе с киберпреступлениями ведёт человечество к новой глобальной угрозе. Киберпреступник представляет собой личность, обладающую высоким уровнем мыслительных процессов. Сноровка и багаж знаний в пользовании компьютерными технологиями такого преступника помогают ему беспрепятственно скрыться от правоохранительных органов. Международная борьба с киберпреступностью может дать свои плоды, но только в том случае, если её работа будет грамотно построена. Внутригосударственная же борьба на сегодняшний день не может справляться с таким объёмом преступлений в сфере компьютерных

технологий, что подтверждает необходимость международной борьбы с киберпреступлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цифровое правительство// URL:<https://www.mos.ru/2030/n/n6/> (дата обращения: 27.01.2020).
2. Как киберпреступность влияет на мировую экономику?// ИКС медиа. URL: <http://www.iksmmedia.ru/news/5090990-Kak-kiberprestupnost-vliyaet-na-mir.html> (дата обращения: 05.01.2020)
3. Кибернетическая война: описание, методы и основные особенности кибератак// Militaryarms.ru. URL: <https://militaryarms.ru/voennye-konflikty/kiberneticheskaya-voyna/> (дата обращения: 05.01.2020)
4. Причина блэкаута в Венесуэле – кибератака на ГЭС «Эль-Гури»// BFM.RU. URL: <https://www.bfm.ru/news/408878> (дата обращения: 05.01.2020)
5. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 05.01.2020)
6. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации// Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.cis.minsk.by/page/866> (дата обращения: 05.01.2020)
7. Федеральный закон от 01.10.2008 N 164-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2020)
8. Управление «К» МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii (дата обращения: 05.01.2020)
9. Статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации в январе – августе 2019 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1703326/> (дата обращения: 05.01.2020)

COMBATING CYBER CRIME: THE PROBLEM OF DOMESTIC LAW OR INTERNATIONAL LAW

Annotation. This article raises the issue of the impact of cybercrime on the most significant areas of human life, explores international and domestic institutions involved in combating crime in the field of computer technology and the results of their activities.

Keywords: cybercrime, digitalization, information technology, cyber attack, cyber war.

Ostashevska V.

Scientific adviser: Gerasimenko Y., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: ostashevska.slava@yandex.com

УДК 343.233

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Острадчук С.С.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации действий лица, обороняющегося от изнасилования. Рассмотрены и проанализированы мнения ряда ученых, касающиеся данной проблемы, а также предложены пути решения.

Ключевые слова: необходимая оборона, посягающий, обороняющаяся, квалификация, насилие.

Согласно ч. 1 ст. 36 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР): «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в

состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [1, с. 12].

Совершение преступления в состоянии необходимой обороны относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Главным образом, при разрешении дел подобного рода, необходимо выяснить факт действительности, своевременности и соразмерности необходимой обороны.

Однако, при разрешении дел, где имеет место необходимая оборона от изнасилования, возникают трудности при квалификации действий обороняющего лица.

Целью работы является выяснение пределов необходимой обороны лица при изнасиловании, а также его ответственность в случае превышения мер необходимой обороны.

Изнасилование относится к категории преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности и означает половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. При этом, термин «половое сношение» расшифровки в законодательстве не имеет, однако, в Большом юридическом словаре говорится, что – это половой акт в обычной форме, способный вызвать беременность [2, с. 643]. Исходя из этого, потерпевшим лицом по ст.133 может быть только женщина.

Алгоритм установления наличия и правомерности необходимой обороны, с первого взгляда, довольно прост: действия обороняющегося лица, а также вред, причиняемый ими, не должны превышать тот вред, который причиняет сам посягатель. Однако, такое обобщенное правило не всегда помогает правильно квалифицировать деяние обороняющегося, с учетом принципов справедливости, гуманизма и т.д. К таким исключениям можно отнести причинение вреда в состоянии необходимой обороны посягающему лицу при изнасиловании. Исходя из положений ч. 2 ст. 36 УК ДНР» [1, с. 12], в случаях, когда при изнасиловании применялось насилие, опасное для жизни, либо которое может повлечь причинение тяжкого вреда здоровью, то защита женщины от преступного посягательства считалась бы правомерной вплоть до убийства посягающего лица. Но все же, с формальной точки зрения, при отсутствии таких обстоятельств, умышленное причинение смерти будет считаться превышением мер необходимой обороны.

Также стоит обратить внимание на то, что в момент совершения изнасилования женщина находится в психотравмирующей ситуации и моральном потрясении. В большинстве случаев, она не может здраво оценивать уровень угрозы как действий посягающего лица, так и совершаемых ею мер, направленных на самооборону. Поэтому, некоторые ученые предлагают квалифицировать такие действия, как совершенные в состоянии аффекта.

В таком случае прослеживается конкуренция уголовно-правовых норм, заключенных в ст. 108 и в ст. 109 УК ДНР. Убийство посягающего лица обороняющейся женщиной можно отнести и как к совершенным в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательствам со стороны посягающего на её половую свободу и половую неприкосновенность, так и к совершенным при превышении пределов необходимой обороны, поскольку присутствует несоразмерность характера и степени общественной опасности посягательства и совершенного деяния обороняющейся» [1, с. 45].

Кроме того, с учетом некоторых обстоятельств, при превышении мер необходимой обороны, действия обороняющейся могут быть квалифицированы и как умышленное

причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Примером может послужить громкое дело Андреевой 2013 года в России, когда 20-летняя чемпионка по пауэрлифтингу убила своего насильника. Даже не смотря на обстоятельства, которые свидетельствовали о том, что Андреева находилась в состоянии необходимой обороны, Городской суд Бийска в Алтайском крае приговорил ее к семи годам лишения свободы [3]. Дискуссионным остается вопрос о возможности правомерной защиты от посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность. Некоторые ученые приходят к выводу, что при современной трактовке статей, затрагивающих данную проблему, возможности правомерной защиты нет.

К примеру, российский ученый Р.М. Кочетов считает, что целесообразным было бы добавить примечание к статье 108 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»: «К преступлениям, предусмотренным настоящей статьей, не относится причинение смерти лицу во время совершения им покушения на преступные деяния, предусмотренные статьями 131 и 132 УК РФ»[4, с.2]. Конечно, с учетом сродности уголовного законодательства РФ и ДНР, было бы логично имплементировать такие изменения и в нашу правовую базу.

Однако, Кочетов предлагает решить лишь проблему, связанную лишь с одной статьей УК. Однако, это полностью не решит проблему, связанную с вопросом об ответственности обороняющейся от изнасилования женщины. На основании вышесказанного, а также в зависимости от обстоятельств конкретного дела, квалификация действий обороняющейся может происходить по трем статьям УК ДНР – 108 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», 109 «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», ч. 4, ст. 112 «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего». Таким образом, с учетом формулы определения пределов необходимой обороны, внесение «примечаний-исключений», подобных тому, что было предложено Кочетовым, сразу во все подобные статьи, вызовет новый спор о том, на какой объект посягательство является общественно-опасней – на жизнь и здоровье, или на половую свободу и половую неприкосновенность. Ведь в случае изнасилования, оценить правомерность защиты крайне трудно, в виду субъективности установления соразмерности причиненного вреда обороняющейся и причиняемого вреда посягающего.

С одной стороны, ученые говорят о том, что объекты половых преступлений являются менее важными, чем преступления против жизни человека. К примеру, В. И. Ткаченко утверждает, что убийство посягающего лица при самообороне никаким образом не может быть соразмерно совершенному им деянию. Он считает, что максимально возможный правомерный вред посягающему лицу при необходимой обороне возможен лишь в виде причинения тяжкого вреда здоровью [5, с. 44].

С другой стороны, некоторые ученые, отождествляют объекты половых преступлений и человеческую жизнь. Они приводят аргументы о том, что изнасилование женщины вызывает у нее серьезную моральную травму и психологическую подавленность на всю жизнь. Зачастую, у нее возникают суицидальные мысли, которые не все могут побороть. Это свидетельствует об особой общественной опасности такого рода преступлений и ставит их в один ряд с преступлениями против жизни.

Кроме всего вышесказанного, диспозиция статьи об изнасиловании предусматривает альтернативный способ совершения данного преступления – с угрозой применения насилия к потерпевшей или к другим лицам. В этом случае трудность состоит в оценке реальности такой угрозы.

В теории уголовного права существует правило о мнимой обороне, которое было закреплено в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (Далее – ППВС РФ) от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «В тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны. В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности. Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях» [6].

Исходя из положений Постановления, потерпевшая, в момент полового сношения, должна была оценить обстоятельства совершаемого в отношении нее деяния, характер и реальность угроз насильника и только потом совершать действия, направленные на самооборону. Таким образом, п. 16 Постановления особо трудно применять на практике разрешения дел как об изнасиловании, так и о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности в целом.

Как выше упоминалось, прежде всего, это связано с особыми травматическими последствиями для психологического состояния потерпевшей. Она не способна совершить действий, описанных выше, поскольку ее мыслительные процессы направлены лишь на поиск способа защиты. В таком случае потерпевшая не осознает характер и степень общественной опасности совершаемых ею действий и, тем более, не берет в расчет их соразмерность с действиями посягателя.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в вопросах квалификации преступлений, совершенных в состоянии необходимой обороны от изнасилования, существуют определенные разногласия. Прежде всего, это связано с особым характером преступлений такого рода, а также с отсутствием единой правовой регламентации подобных вопросов.

Хотя, в Российской Федерации и в Донецкой Народной Республике существуют ППВС относительно преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, а в РФ также и о применении законодательства о необходимой обороне, однако, в виду сложившейся практики разрешения дел подобного рода, автор считает необходимым издать отдельное Постановление, устанавливающее единый порядок разрешения подобных дел, а также отвечающий на многие вопросы квалификации таких преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №2. Уголовный кодекс ДНР. – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2016 – 200с.
2. Борисов А. Б. Большой юридический словарь – Москва: Книжный мир. – 2012. –848 с.
3. Апелляционное определение № 22-5603/2013 от 17 октября 2013 г. по делу № 22-5603/2013: [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. Москва, 2012-2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0edX8cOEgP11/> (дата обращения: 17.11.2019).

4. Кочетов Р.М. Применение необходимой обороны при защите половой неприкосновенности и свободы личности от преступного посягательства: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Москва, 2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=100276&dst=4294967295> (дата обращения: 17.11.2019).
5. Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву [Текст]. – М.: Юрид. лит., 2005. – 119 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Москва, 2012. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=131481&dst=101757>(дата обращения: 17.11.2019).

NECESSARY DEFENSE AS A CIRCUMSTANCE THAT PRECLUDES THE CRIMINALITY OF THE ACT OF RAPE

Annotation. In this paper examines the problems arising in the qualification of the actions of a person defending himself from rape are considered. The opinions of some scientists concerning this problem are considered and analyzed. Solutions are proposed.

Keywords: necessary defense, encroaching, defending, qualification, violence.

Ostradchuk S.

Scientific adviser: Timoshenko N., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: ostradchuk.s.ed@mail.ru

УДК 343.791

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОВЛЕКШИХ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ РАБОТЫ ТРАНСПОРТА

Панин А.В.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы обеспечения безопасности работы транспорта и обеспечения безопасности дорожного движения. Был проведен анализ текущего уголовного законодательства Донецкой Народной Республики, проведен краткий исторический обзор возникновения таковых правил, изучена проблематика квалификации данных преступлений, а также предложены тенденции усовершенствования норм отечественного законодательства. В работе предложены некоторые аспекты оптимизации признаков объективной стороны составов преступлений, предусмотренных главой 27 УК ДНР.

Ключевые слова: безопасность работы транспорта, нарушение правил, участники дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, причинение вреда здоровью потерпевшего.

Современному обществу характерно стремительное развитие всех видов транспортных средств, так как их функционирование незаменимо для современных условий жизни. В правовом регулировании любого государства должны быть предусмотрены нормы, обеспечивающие безопасную эксплуатацию транспортных средств и, соответственно, нормы, предусматривающие различные виды юридической ответственности за невыполнение таких предписаний. Достаточное правовое регулирование в значительной мере помогает избежать возможных общественно опасных последствий, связанных с работой и использованием транспорта. В связи с этим законодатель предусмотрел подобные нормы в текущем Уголовном Кодексе Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) в отдельной главе.

Нормы, содержащиеся в главе 27 УК ДНР, предусматривают уголовную ответственность водителей транспортного средства, должностных лиц, выполняющих свои обязанности на каком-либо из видов транспорта, а также пассажиров и пешеходов, являющихся участниками дорожного движения.

Содержание норм, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации транспорта, различно, так как безопасная работа транспорта зависит не только от исправного технического состояния транспортного средства, но и от множества других факторов, перечисленных в диспозициях статей Главы 27 УК ДНР – «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». Также подобное «разнообразие» видов ответственности за подобные преступления связано с увеличением масштабов развития транспортной инфраструктуры, а, следовательно, увеличением масштабов преступности в этой сфере деятельности.

Общественная опасность деяний, которые повлекли нарушение правил эксплуатации, обеспечивающих безопасную работу транспорта, заключается в наступлении общественно опасных последствий, а именно – причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба.

С целью детального изучения особенностей уголовной ответственности и её социальной обусловленности ответственности по данной категории преступлений, необходимо использовать дедуктивный метод исследования. Именно данный метод позволяет в полном объеме изучить и проанализировать особенности регламентации ответственности за нарушение правил безопасной эксплуатации транспортных средств.

Также для более детального изучения проблематики наступления ответственности за преступления, предусмотренные главой 27 УК ДНР, необходимо обратиться к мнению ученых-теоретиков.

Современная наука уголовного права, изучая проблему понятия и систему транспортных преступлений, оставляет множество вопросов не рассмотренными до конца. Например, само понятие «транспортное преступление» (которое, собственно, и обозначает нарушение правил безопасной эксплуатации транспортного средства) четкой регламентации в теории отечественного уголовного права не получило. Ученый-теоретик Коробеев А. И. отмечал, что большая часть авторов сосредотачивает свое внимание на отдельных разновидностях транспортных преступлений, хотя при этом первоначально необходимо определить само понятие транспортного преступления. И исходным моментом для такого определения должна быть мысль о том, что подобного рода преступления посягают на общественную безопасность в сфере не только безопасной эксплуатации транспорта, но и в сфере безопасного движения [1, с. 56]. Таким образом, автор отмечает, что безопасное функционирование транспорта включает широкий круг общественных отношений, в том числе и с охраной жизни и здоровья человека, охраны имущества и даже окружающей среды. В своей работе он трактует понятие безопасной эксплуатации транспорта, как «состояние транспортной деятельности, которое исключает причинение вреда жизни и здоровью людей, транспортным средствам, материальным ценностям, окружающей природной среде и обеспечивается мерами экономического, технического, организационного, социального и правового характера» [2, с. 57].

Также отдельного внимания заслуживает определение, данное Ю. А. Красиковым, который отметил, что транспортные преступления – это преступления, совершенные в форме действия или бездействия, которые запрещены уголовным законом, так как посягают на общественные отношения, обеспечивающие безопасное движение железнодорожного, водного, воздушного, магистрального и автомобильного транспорта, и повлекшие вред в виде причинения вреда здоровью граждан, наступлению смерти или возникновения крупного ущерба имущественного или организационного характера [3, с. 439].

Исходя из проанализированных дефиниций, можно вывести собственное определение и отметить, что преступлениями против безопасной эксплуатации транспортных средств признаются предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере нормальной работы транспорта и повлекшие за собой наступление тяжких последствий, а также повлекшие за собой угрозу возникновения таких последствий.

Следовательно, признаки объективной стороны данных преступлений заключаются в неисполнении требований по соблюдению транспортной безопасности и неисполнении требований по обеспечению такой безопасности, что означает отказ субъекта преступления от реализации прямых предписаний государства по правовым, экономическим, организационным и иным способам использования транспортного средства. Также, исходя из выведенного определения, объективная сторона предполагает наличие трех действий:

- 1) нарушение правил, обеспечивающих безопасное функционирование и использование транспорта;
- 2) наступление общественно опасных последствий, определенных в законе;
- 3) наличие причинно-следственной связи между допущенным нарушением и наступившим последствием.

Первое спорное понятие, которое встречается в объективной стороне каждого состава преступления главы 27 УК ДНР, это – безопасность. Для точной и правильной квалификации преступления необходимо определить, что понимается под термином «безопасность» в контексте данных преступлений.

В классическом понимании «безопасность» является базовым понятием в юриспруденции и определяется как состояние защищенности жизни, здоровья и интересов отдельной личности, целого общества и государства. В науке уголовного права понятие безопасности необходимо толковать, как отсутствие общественной опасности и возможности причинения сопутствующего вреда. А под безопасностью движения и эксплуатации транспорта понимаются его безаварийность, функционирование (перевозка пассажиров и грузов) без угрозы для жизни или здоровья людей, уничтожения или повреждения имущества.

Также, определяя признаки объективной стороны, необходимо учитывать сложность процесса транспортного движения и огромное количество правил дорожного движения, на которые уголовный закон делает ссылку. И здесь уже возникает вопрос правильной квалификации деяния, а, следовательно, и вопрос наступления ответственности.

Определенную ясность вносит Постановление № 9 Верховного Суда Донецкой Народной Республики (далее – ВС ДНР) от 29.04.2016 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [4].

Таким образом, противоправные действия могут выражаться не только в нарушении правил безопасности движения и нарушении правил эксплуатации, но и в недоброкачественном ремонте транспортного средства. Как отмечали в своей работе Чучаев А. И. и Пожарский А. Ю., главное условие наступления ответственности – это наличие отступления от установленного порядка управления транспортом. Данные правила должны в полной мере регламентировать поведение лица, управляющего транспортным средством [5, с. 139] Например, значительное превышение скорости и проезд транспорта на запрещающий красный свет светофора, повлекшее за собой тяжкие последствия и являются основанием наступления ответственности по составам, предусмотренным в Главе 27 УК ДНР. Также основанием ответственности может быть целенаправленное нарушение правил эксплуатации средства и требований

технического обслуживания. Например, допуск к управлению транспортного средства лица, не имеющего на то права или соответствующей квалификации, использование механизма не по назначению и так далее.

Такие признаки объективной стороны напрямую отражают основания наступления ответственности, и их необходимо прописывать либо в самом уголовном законе либо в примечании к статье.

Еще один вопрос, который должен быть регламентирован с целью усовершенствования признаков объективной стороны данных преступлений – это способ использования транспортного преступления. А именно – необходимо понимать, что эксплуатация транспорта возможна не только во время движения средства. Причинение вреда может произойти без движения как такового. Например, если происходит нарушение правил эксплуатации транспорта, которое не связано с его передвижением, то подобное нарушение не будет образовывать состава преступления, предусмотренного Главой 27 УК ДНР, так как посягает на совершенно другой объект уголовно-правовой охраны.

Также от объективной стороны преступлений, связанных с нарушением правил безопасной работы транспорта необходимо отличать схожие составы преступлений, которые образуют другие деяния. В данном случае имеет место конкуренция уголовно-правовых норм. В частности, в ст. 148 УК ДНР предусмотрено такое деяние как нарушение охраны труда, которое может применяться, например, в следующем случае: когда вследствие нарушений общих правил безопасности на производстве были повреждены отдельные узлы или детали транспортного средства, что повлекло человеческие жертвы.

Еще одним конкурирующим составом является совершение данного рода преступлений должностным лицом. В таком случае квалификация будет по категории должностных преступлений (а именно – халатность, ст. 348 УК ДНР), так как должностное лицо допустило нарушение в сфере организационно-распорядительной деятельности.

Чтобы правильно квалифицировать содеянное деяние необходимо четко понимать значение каждого понятия из объективной стороны того или иного состава. Это поможет избежать разногласий при осуществлении правосудия.

Таким образом, исходя из всего вышеописанного, стоит отметить, что характер совершенствования уголовного законодательства в области нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспортных средств является подтверждением того факта, что текущий механизм правового регулирования недостаточно эффективен. Принимаемые для обеспечения безопасности меры организационного, управленческого и административного характера также не эффективны в полной мере за счет огромного количества схожих понятий и большого количества нормативно-правовых актов, регламентирующих правила эксплуатации транспортных средств.

Одним из самых простых решений, которое можно принять на законодательном уровне с целью улучшения эффективности механизма правового регулирования в области транспортных преступлений – это четкое определение тех или иных категорий для правильной квалификации преступлений и единого толкования предписаний закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробеев, А. И. Транспортные преступления. Учебное пособие. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. – 406 с.
2. Коробеев, А. И. Транспортные преступления. Учебное пособие. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. – 406 с.
3. Уголовное право России. В 2-х т. Т. 1. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – 2-е изд., перераб. – М.: НОРМА, 2008. – 592 с.

4. Постановление №9 Верховного Суда Донецкой Народной Республики (далее – ВС ДНР) от 29.04.2016 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/pplenium/o-sudebnoy-praktike-po-delam-o-prestupleniyah-protiv-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-i> (дата обращения 03.02.2020)
5. Чучаев, А. И., Пожарский, А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. – М.: «Перспект», 2018. – 242 с.

SOME QUESTIONS OF IMPROVEMENT OF THE SIGNS OF THE OBJECTIVE PART OF THE COMPOSITIONS OF CRIMES AFTER INFRINGEMENT OF THE RULES ENSURING THE SAFETY OF TRANSPORT OPERATION

Annotation. This paper discusses the problems of ensuring the safety of transport, and, consequently, ensuring road safety. An analysis of the current criminal legislation of the Donetsk People's Republic was carried out, a brief historical review of the emergence of such rules was carried out, the problems of qualifying these crimes were studied, and tendencies for improving the norms of domestic legislation were proposed. As a result: in the work, some aspects of optimizing the attributes of the objective side of the elements of crimes provided for by Chapter 27 of the DPR Criminal Code were proposed.

Keywords: transport safety, violation of the rules, road users, traffic accident, injury to the health of the victim.

Panin A.

Scientific adviser: Timoshenko N., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: abrani@mail.ua

УДК 349.2

РОЛЬ КОНВЕНЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В РЕГУЛИРАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Пасечник В.С.

*Научный руководитель: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается роль конвенций Международной организации труда (далее – МОТ) в регулировании трудовых правоотношений. Выделены основные тенденции и характерные для современного этапа развития черты правового регулирования труда Конвенциями МОТ.
Ключевые слова: МОТ, Конвенции МОТ, международно-правовое регулирование труда, труд женщин.

Важной задачей мирового сообщества на современном этапе является совершенствование международно-правового регулирования труда с целью борьбы с дискриминацией, безработицей, бедностью, неравенством и другими социально значимыми проблемами. Важная роль в этом процессе отводится нормативным актам МОТ, которая является специализированным правотворческим органом в сфере труда и социального обеспечения. Международная организация труда была создана 11 апреля 1919 г. после подписания Версальского мирного договора. Отличие МОТ от других международных и всемирных организаций состоит в особой формуле представительства стран на её форумах. В них участвуют не только официальные представители государственных структур, но и представители лиц наёмного труда и предпринимателей, которые по всем процедурным вопросам имеют равные права. Этот принцип получил название трипартизм, и на сегодняшний день применяется во взаимоотношениях правительств, объединений или союзов работников и работодателей.

Следует отметить, что на сегодняшний день для регулирования трудовых правоотношений конвенциями МОТ характерны определенные тенденции, обусловленные процессами, происходящими в сфере труда и социального обеспечения. Анализ и учет указанных тенденций в процессе правотворчества и правоприменения позволит повысить эффективность правового регулирования, а также определить направления совершенствования законодательства Донецкой Народной Республики в указанной сфере.

Исследованию роли МОТ в защите социально-трудовых прав человека посвящены работы таких ученых как А. В. Елисеев, Г. С. Лаптев, Ш. В. Мамедов, М. М. Мухлынина, П. Е. Морозов, А. А. Ткаченко, Е. Т. Усенко, А. Ю. Шапкина и др. В то же время, отдельным тенденциям регулирующего воздействия конвенций МОТ на трудовые правоотношения, а также характерным чертам правового регулирования труда конвенциями МОТ уделено недостаточно внимания. Указанное, а также высокая социальная и экономическая значимость затронутой проблематики обуславливают актуальность выбранной темы исследования.

Цель статьи – проанализировать роль конвенций МОТ в регулировании трудовых правоотношений, выделить основные тенденции правового регулирования труда конвенциями МОТ.

Правовая природа конвенций МОТ определяется тем, что они признаются разновидностью многосторонних международных договоров, а после ратификации данные договоры становятся обязательными к исполнению в государствах. Как справедливо указывает Е.Т. Усенко, существует тесная связь и взаимное влияние национального и международного права. При этом, они не находятся в иерархическом подчинении по отношению друг к другу [1, с. 122].

Следует отметить, что конвенции отличаются от рекомендаций, которые в международном праве также выступают как международные договоры, но являются дополнением к содержанию конвенций или же носят самостоятельный характер, при этом не характеризуются юридической обязательностью [2, с. 604-605].

Как справедливо отмечает М. М. Мухлынина, Российская Федерация придает большое значение сотрудничеству с МОТ и полностью поддерживает основные программные положения и практические подходы МОТ в сфере повышения качества жизни, определяющие достойный труд как важную цель для действий на национальном уровне. Основные положения Глобального пакта о рабочих местах – в частности, поддержание уровня занятости и недопущение разрушительных последствий снижения заработной платы и ухудшения условий труда, увеличение социальных расходов как меры опережающего воздействия на кризис – были приняты за основу при разработке и реализации антикризисных мер [3, с. 2178]. Выступая на 100-й сессии Международной конференции труда в Женеве, В.В. Путин отметил важнейшую роль МОТ на мировой арене, уникальность и эффективность ее трехстороннего формата: «В разных политических ситуациях, в периоды экономических спадов и экономических подъёмов МОТ последовательно отстаивала интересы трудящихся, их права на достойные, безопасные условия работы, на надёжные гарантии социальной защиты» [4].

Среди особенностей современного международно-правового регулирования труда конвенциями МОТ можно выделить тенденцию к повышению гибкости регулирования трудовых отношений. Так, изменения в правовом регулировании трудовых отношений предусматривают отмену наиболее жестких и неэффективных норм трудового права, перенос регулирования трудовых отношений с централизованного преимущественно на договорный уровень, но с четко централизованным установлением стандартов труда. Как отмечают эксперты МОТ, определенный уровень гибкости труда является целесообразным в тех случаях, когда он не разрушает стандартных трудовых отношений и опирается на гарантии рынка труда, что обеспечивает защиту при

переходе на другое место работы, поскольку это способствует укреплению благополучия работника. МОТ выступает с рекомендациями о формировании эффективной системы гарантий рынка труда, основанной на политике в сфере труда, а также в первую очередь на труде и только потом – на социальной защите [5, с. 70-74].

Усиление гибкости правового регулирования трудовых отношений актами МОТ проявляется и в принятии рамочных конвенций, закрепляющих минимальные гарантии прав работников, дополняемых соответствующими приложениями (например, Конвенция №183 о пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года «Об охране материнства» 2006 года [6]). Существует возможность путем применения положений Конвенции № 183 МОТ «Об охране материнства» (которая не была ранее ратифицирована Украиной и, соответственно, не действует в Донецкой Народной Республике) повысить уровень обеспечения установленных нормами внутреннего законодательства прав женщин. Так, в ст. 9 Конвенции № 183 МОТ «Об охране материнства» закреплены меры, которые обеспечивают невозможность дискриминации в области занятости женщин в связи с их беременностью и родами. Эти меры включают запрет требовать проведения анализа на беременность или предоставления справки о проведении такого анализа во время устройства женщины на работу.

Следующей тенденцией современного международно-правового регулирования трудовых отношений конвенциями МОТ является пересмотр устаревших комплексов правовых норм и отдельных положений международно-правовых актов о труде и адаптация их к современным условиям. Как отмечает Д. В. Черняева, причины возникновения данной проблемы имеют двойственный характер. С одной стороны, налицо существенное улучшение качества условий труда в большинстве стран. Уровень требований к таким условиям на внутригосударственном уровне и со стороны различных международных сообществ на сегодня значительно выше, чем у значительной части традиционных международных стандартов труда. С другой стороны, для современного делового мира характерны глобальные и принципиальные изменения технологического и организационного процессов. В результате некоторые международные стандарты труда просто теряют смысл [7, с. 141].

Примером являются нормы Конвенции МОТ №1 1919 года об ограничении продолжительности рабочего времени на промышленных предприятиях до 8 часов в день и 48 часов в неделю [8]. Согласно ст. 2 Конвенции продолжительность рабочего времени лиц, занятых на любом государственном или частном промышленном предприятии или в любом из его филиалов, исключая предприятия, на которых работают только члены одной семьи, не может превышать 8 часов в день и 48 часов в неделю, за исключением случаев, предусмотренных в данной статье. На момент принятия Конвенции эти нормы были прогрессивными, поскольку стали результатом борьбы трудящихся и профсоюзов за свои права. Но на сегодня они фактически потеряли смысл, поскольку в большинстве развитых стран продолжительность рабочего времени в неделю составляет, как правило, менее 40 часов. Так, согласно части первой ст. 50 Кодекса законов о труде Украины [9], действующего в Донецкой Народной Республике на основании ст. 86 Конституции ДНР [10], нормальная продолжительность рабочего времени работников не может превышать 40 часов в неделю. Аналогичные положения содержит статья 91 ТК РФ [11]. В большинстве стран ЕС продолжительность рабочего времени в неделю составляет меньше 40 часов. Учитывая это, Конвенция МОТ №1 об ограничении продолжительности рабочего времени на промышленных предприятиях до 8 часов в день и 48 часов в неделю 1919 года находится в настоящее время в режиме запроса информации государств-членов МОТ о целесообразности ее пересмотра.

МОТ отводит важное место регулированию труда женщин, однако современные тенденции в сфере международно-правового регулирования труда женщин

заканчиваются в постепенном отходе от установления специального правового положения женщин на пути к равенству мужчины и женщины. Характерна направленность на гендерное равенство и учет гендерной проблематики. Специалисты МОТ отслеживают научные исследования, а также проводили первичный анализ по широкому кругу вопросов гендерного равенства в сфере труда. Принятие в 2011 году Конвенции МОТ № 189 о достойном труде домашних работников [12] важным этапом в регулировании домашнего труда. Данный международно-правовой документ понимает под термином «домашний работник» любое лицо, занимающееся домашним трудом в рамках трудового правоотношения, несмотря на то, что большинство таких домашних работников – женщины. Установление глобальных стандартов для этого растущего сектора экономики позволило решить идеологические и практические вопросы о способности включить труд, выполняемый в частных домохозяйствах, в рамки международной защиты. В последний раз МОТ проводила предварительные обсуждения вопроса об оплачиваемом домашнем труде в 1948 году, затем последовал второй призыв к принятию мер по установлению стандартов в 1965 году. Сорок пять лет спустя руководящий орган МОТ включил вопрос «достойная работа для домашней прислуги» в повестку дня, чтобы рассмотреть первую международную конвенцию и комплекс рекомендаций. При этом, международные конференции труда включали участие представителей глобальной сети домашних работников, которые представили коллективное напоминание о ценности домашнего труда, о необходимости глобального регулирования стандартов и влияния международной политики на повседневную жизнь трудящихся женщин во всем мире. Привлечение внимания к работе по дому и уходу за детьми в рамках МОТ породило ряд трудовых, правозащитных и гендерных кампаний, подчеркивающих важнейшую роль трудящихся женщин в рамках глобальной экономики.

Вновь принимаемые правовые акты МОТ отвечают современным тенденциям развития общества и решают наиболее социально значимые и обсуждаемые вопросы. Конвенция МОТ № 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда [13] закрепляет, что данные нарушения прав человека представляют угрозу для равенства возможностей, недопустимы и несовместимы с достойным трудом. Конвенция определяет насилие и домогательства как поведение, действия или угрозы действия, цель, результат или возможный результат которых – причинение физического, психологического, сексуального или экономического ущерба. Данная конвенция МОТ защищает лиц, проходящих профессиональную подготовку, стажеров и учеников, работников, чьи трудовые отношения были прекращены, волонтеров, людей, ищущих работу, и соискателей вакансий, а также лиц, осуществляющих полномочия, обязательства или обязанности работодателя от насилия и домогательств.

Таким образом, можно выделить следующие основные тенденции правового регулирования труда конвенциями МОТ: влияние их норм на национальное трудовое право; направленность норм конвенций МОТ на повышение качества жизни, содействие праву на достойные, безопасные условия работы, на надёжные гарантии социальной защиты; усиление гибкости регулирования трудовых отношений; пересмотр либо отмена устаревших комплексов правовых норм и отдельных положений международно-правовых актов о труде и адаптация их к современным условиям; отход от специального правового положения женщин на пути к равенству мужчины и женщины; содействие социальному равенству; соответствие современным тенденциям развития общества и решение наиболее социально значимых и обсуждаемых вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усенко, Е.Т. Очерки теории международного права /Е.Т. Усенко. – М.: Норма, 2008. – 240 с.

2. Чельдиева, З.М. Роль международно-правовых актов как источников трудового права / З.М. Чельдиева // Аллея науки. – 2017. – Т. 4. – № 10. – С. 602-605.
3. Мухлынина, М.М. Правовая природа конвенций и рекомендаций МОТ как источников трудового права в современный период / М.М. Мухлынина // Общество, наука, инновации (НПК-2013) Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция: сборник материалов. – Киров: ВятГУ, 2013. – С. 2178-2182.
4. Юбилейная 100-я сессия Международной конференции труда в Женеве: Стенограмма выступления В. В. Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fnpr.ru/print/256/6529.html> (дата обращения: 13.01.2020). – Загл. с экрана.
5. Справляясь с переходными процессами: Управление как средство обеспечения достойного труда: Доклад Генерального директора. Т.2. – Женева: Международное бюро труда, 2005. – 94 с.
6. О пересмотре Конвенции 1952 года «Об охране материнства»: Конвенция Международной организации труда № 183 от 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c183_ru.htm (дата обращения: 13.01.2020). – Загл. с экрана.
7. Черняева, Д.В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право): учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2010. – 232 с.
8. Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю: Конвенция Международной организации труда № 1 от 29 октября 1919 года, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c001_ru.htm. (дата обращения: 13.01.2020). – Загл. с экрана.
9. Кодекс законів про працю України від 10.12.1971 р. //Відомості Верховної Ради України. – 1971. – Ст. 375.
10. Конституция Донецкой Народной Республики: Принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 года (в ред. от 30.11.2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu.ru/konstitutsiya/> (дата обращения: 13.01.2020). – Загл. с экрана.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
12. Конвенция МОТ № 189 О достойном труде домашних работников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.centrattek.ru/normativnye_dokumenty/ohrana-truda/konvenciya-mot-189/ (дата обращения: 13.01.2020). – Загл. с экрана.
13. Конвенция МОТ № 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_712057.pdf (дата обращения: 13.01.2020). – Загл. с экрана.

ABOUT THE FEATURES OF CONVENTIONS OF THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION

Annotation. This paper discusses the features of Conventions of the ILO. The main characteristic features of the legal regulation of labor by the ILO Conventions are highlighted.

Keywords: ILO, ILO conventions, international legal regulation of labor, women's labor.

Pasechnik V.

Scientific adviser: Polyakov V., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: vika.pasechnik.95@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОЖЕРТВОВАНИЯ КАК ОТДЕЛЬНОГО ВИДА ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Петривная Я.М.

*Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию проблем регулирования договора пожертвования в рамках гражданского законодательства Донецкой Народной Республики, Украины и Российской Федерации. Установлено, что существует необходимость внесения изменений и дополнений с целью устранения правовых проблем реализации прав и установления гарантий защиты жертвователя.

Ключевые слова: гражданское законодательство, договор пожертвования, жертвователь, договор дарения, общеполезные цели.

Актуальность данной темы обусловлена увеличением роли договорных отношений в гражданском обороте на территории Донецкой Народной Республики устанавливает необходимость детального регулирования всех институтов гражданского права. Одной из форм договорных отношений выступает договор пожертвования, который в современном мире выступает в качестве основной нормативной базы благотворительности. Однако довольно часто исследуемый договор выступает в качестве способа сокрытия многих уголовных преступлений и административных правонарушений. Актуальность данной работы обусловлена существующими общественными отношениями в Донецкой Народной Республики, а, следовательно, целью государства является придание нормативной формы институту благотворительности, которая устранила бы возможности для совершения уголовных преступлений и административных правонарушений, а также установила статичных механизм заключения с детально прописанными в гражданском законодательстве условиями.

Теоретические основы реализации института благотворительности в его нормативной форме – договоре пожертвования рассматривались многими учеными, однако в рамках данного исследования целесообразно выделить Н.А. Оганесяна, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского.

Целью данной работы выступает необходимость анализа положений гражданского законодательства Донецкой Народной Республики, Украины и Российской Федерации в части регламентации сущности и признаков договора пожертвования. Представляется уместным, рассматривать в качестве цели необходимость анализа норм, определяющих права жертвователя, а также внесения изменений и дополнений в положения действующего гражданского законодательства, регламентирующие обязанности одаряемого лица.

Анализируя развитие договорного права и историзма данной категории гражданского права, становится очевидным, что активное развитие благотворительности в большей мере связано с уровнем морального, духовного и финансового благосостояния общества. Чем более развито общество, тем большее количество фактов благотворительности можно обнаружить, поскольку именно накопление духовного опыта через поколения, моральные связи между людьми аффекты и иные факторы способствуют развитию подобных правоотношений. Стоит отметить, что на современном этапе становления общества необходимость в данном институте только увеличивается.

Источниками исследования договора пожертвования в рамках данной работы выступает Гражданский кодекс Украины далее – ГКУ), Гражданский кодекс Донецкой

Народной Республики (далее – ГК ДНР), Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), иные законы и подзаконные акты, регулирующие отдельные аспекты договора пожертвования.

Рассматривая любой правовой вопрос, по нашему мнению, целесообразно начать с понятия. Так, в соответствии со ст. 729 ГКУ [1], пожертвованием является дарение недвижимых и движимых вещей, в частности денег и ценных бумаг, лицам, установленным частью первой статьи 720 настоящего Кодекса, для достижения ими определенной, заранее обусловленной цели. Понятие пожертвования закреплено в ст. 582 ГК РФ [2] и в ст. 691 ГК ДНР, где сказано, что пожертвованием признается дарение вещи или права в общепользовательных целях [3].

Анализ понятия пожертвования в данных актах не дает ответа на вопрос, является ли договор пожертвования взаимным или нет, ведь из законодательного определения невозможно однозначно определить его правовую природу. По нашему мнению, данный договор является взаимным, поскольку установлена обязанность одаряемого использовать полученное имущество в общепользовательных целях, а также предусмотрена возможность последующего контроля жертвователя за использованием имущества по установленному назначению. В данном вопросе положения исследуемых актов аналогичны.

Сторонами в договоре пожертвования выступают одаряемый и жертвователь. В отношении жертвователя в РФ установлены отдельные ограничения. Так, Федеральным конституционным законом РФ «О референдуме» установлен запрет в отношении 16 категорий граждан вносить в фонд референдума пожертвования [4]. Стоит также отметить положения Федерального конституционного закона РФ «О политических партиях», которые детально регламентируют запрет вносить пожертвования политическим партиям и общественным организациям 13 категориям граждан [5]. В Украине также установлен запрет осуществлять благотворительную деятельность в отношении политических партий иностранным гражданам или от имени политических партий, что регламентировано ч. 3 ст. 3 Закона Украины «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [6]. Запрет пожертвования в фонд референдума, политическую партию или общественную организацию по законодательству РФ обусловлены тем, что референдум по своей правовой природе является внутригосударственным инструментом волеизъявления народа, а, следовательно, любое вмешательство иностранных физических и юридических лиц в данную деятельность невозможно, поскольку подобное влияние может повлиять на результаты референдума или формы деятельности партий и организаций. Положения вышеуказанного Закона Украины действуют и на территории Донецкой Народной Республики и устанавливают запрет осуществлять благотворительную деятельность от лица партии, что, по нашему мнению, делает невозможным влияние на определенные политические и общественные процессы. Данное положение также целесообразно закрепить в будущем Законе Донецкой Народной Республики, который регламентировал бы подобные правоотношения. [4, с. 111-117]

Одаряемым, в соответствии с ч. 1 ст. 691 ГК ДНР и ч.1 ст. 582 ГК РФ, могут быть граждане, лечебные, воспитательные учреждения, организации социальной защиты и другие аналогичные учреждения; благотворительные, научные и учебные организации, фонды, музеи и другие учреждения культуры, общественные и религиозные организации, а также государство (Российская Федерация и ее субъекты, Донецкая Народная Республика) и муниципальные образования. В соответствии с ч. 1 ст. 729 ГКУ, одаряемым могут быть субъекты установлены ч.1 ст.720 ГКУ (физические лица, юридические лица, государство Украина, территориальные громады). Таким образом, круг субъектов, которые правомочны участвовать в договоре пожертвования в качестве одаряемого, по гражданскому законодательству Украины шире, однако, по нашему

мнению, данное положение эффективнее в реализации по законодательству РФ и Донецкой Народной Республики, в связи с тем, что указанное ограничение служит целью превентивного воздействия на действия одаряемых и жертвователей.

Стоит также отметить, что пожертвование поступает в адрес конкретного субъекта и на конкретные общепользные цели. Согласно ч. 3 ст. 582 ГК РФ и ч. 3 ст. 691 ГК ДНР, пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. Следовательно, при отсутствии указания жертвователя, данная сделка считается дарением. Аналогичное положение закреплено в ч. 2 ст. 729 ГКУ. Гражданское законодательство РФ и ДНР устанавливает обязанность юридических лиц, принявших пожертвованное имущество, при наличии установленной жертвователем общепользной цели, вести обособленный учет операций по использованию пожертвованного имущества. Таким образом, данное положение закрепляет за жертвователем право осуществлять контроль за использованием имущества по установленному назначению. В отношении физических лиц, обязанность вести обособленный учет операций по использованию пожертвованного имущества отсутствует, в связи с чем в практической деятельности возникают сложности реализации жертвователем своего права на осуществление контроля за использованием имущества по назначению. По нашему мнению, целесообразно законодательно закрепить обязанность за физическим лицом использовать имущество по ранее установленному назначению. В Положениях ГКУ отсутствует установленная обязанность вести обособленный учет операций за использованием имущества по назначению как для физических лиц, так и для юридических. Ч. 1 ст. 730 ГКУ устанавливает право жертвователя осуществлять контроль за использованием имущества по назначению. В связи с чем, считаем необходимым дополнить ГКУ положением, в соответствии с которым будет установлена обязанность одаренного осуществлять обособленный учет операций за использованием имущества по назначению. [5, с. 84-86]

Использование предмета договора пожертвования не в соответствии с ранее указанным назначением или с изменением данного назначения предоставляет жертвователю, его наследникам или иным правопреемникам требовать отмены пожертвования. Следовательно, отмена договора пожертвования возможна только решением суда. По нашему мнению, для установления гарантий защиты прав жертвователя целесообразно признать за ним право отмены договора, а не расторжения в судебном порядке. Согласно ч. 4 ст. 453 ГК РФ и ч. 4 ст. 564 ГК ДНР, стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон, а при отмене договора аналогичного правила нет. Таким образом, в случае, если при невозможности возврата предмета пожертвования и при расторжении договора, права жертвователя будут нарушены. Предоставление права отмены договора пожертвования, а не его расторжения, будут способствовать установлению гарантий защиты прав. В случае использования имущества не по ранее установленному назначению, жертвователь будет вправе отменить и минимизировать риски потери имущества, в то время как длительное судебное разбирательство создает угрозу потери имущества. На примере решения районного суда г. Брянска от 26.03.2012г. № 2-1793/12 целесообразно сделать вывод, что для защиты своих законных прав и интересов жертвователю приходится ссылаться на недействительность договора пожертвования, доказывая факт того, что сделка была заключена под предлогом обмана, притворности, либо иных оснований, приводящих к недействительности сделки. Помимо этого, стоит отметить, что судебный порядок разрешения спора приводит к материальным и временным затратам и создает дополнительную

загруженность судебной системы. Ч. 3 ст. 730 ГКУ устанавливает, что жертвователь или его правопреемники имеют право требовать расторжения договора о пожертвовании, если пожертвование используется не по назначению. Следовательно, украинское законодательство устанавливает аналогичный порядок разрешения споров – судебное разбирательство, что аналогично подтверждает актуальность предложенных изменений и для ГКУ.

Исходя из предложенных изменений, возникает вопрос о способах возвращения имущества, являющего предметом договора пожертвования в собственность жертвователя. Анализ положений гражданского законодательства всех государств позволяет утверждать, что жертвователь вправе вернуть только ту часть предмета договора пожертвования, которая использовалась не по назначению, остальная часть предмета остается у одаряемого лица. В связи с этим возникает необходимость защиты имущественных прав и интересов жертвователя, в случае, когда после отмены договора пожертвования, предмет данного договора использовался не по установленному ранее назначению, что привело к невозможности сохранения его в натуре. По нашему мнению, в данном случае необходимо законодательно закрепить гарантию защиты прав жертвователя, в соответствии с которой, благотворитель вправе требовать соответствующую денежную компенсацию с одаряемого в размере стоимости поврежденного или уничтоженного имущества.

Подводя итог исследованию положений гражданского законодательства Украины, Донецкой Народной Республики и Российской Федерации, стоит отметить, что существуют определенные правовые пробелы в регулировании договора пожертвования. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно внести следующие изменения и дополнения в ГК ДНР:

1. Внести изменения в ч.4 ст.691 ГК ДНР и установить обязанность физического лица вести обособленный учет операций, совершаемых в отношении пожертвованного имущества.

2. Изложить п. 6 ст. 691 ГК ДНР в следующей редакции: «Жертвователь, а в случае его смерти – его наследники, вправе непосредственно отменить пожертвование при использовании пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением».

3. Дополнить ст. 691 ГК ДНР положением в соответствии с которым, в случае отмены договора пожертвования в связи с использованием пожертвованного имущества не по назначению, одаряемый обязан вернуть часть предмета договора жертвователю. В случае, если возвращение невозможно, в связи с тем, что предмет договора не сохранился в натуре к моменту отмены пожертвования, то жертвователь вправе требовать выплаты суммы стоимости поврежденного или уничтоженного имущества, входящего в предмет договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Украины (с изменениями, внесенными Законом от № 1206-VII от 15.04.2014, ВВР, 2014, № 24, ст.885). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> – дата обращения: 19.01.2020. – Загл. с экрана
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 16.12.2019 N 430-ФЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – дата обращения: 19.01.2020. – Загл. с экрана
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики (от 13 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – дата обращения: 19.01.2020. – Загл. с экрана
4. Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О референдуме Российской Федерации» (с изменениями, внесенными Законом от 18.06.2017 N 5-ФКЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/ – дата обращения: 19.01.2020. – Загл. с экрана

5. Федеральный конституционный закон РФ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О политических партиях» (с изм., внесенными Законом от 02.12.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: URL: <https://base.garant.ru/183523/> – дата обращения: 19.01.2020. – Загл. с экрана.
6. Закон Украины «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (с изменениями, внесенными Законом от № 1190-VII від 08.04.2014, ВВР, 2014, № 23, ст.871) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5073-17> – дата обращения: 19.01.2020. – Загл. с экрана
7. Оганесян Н.А. некоторые пробелы в законодательном регулировании договора пожертвования в Раи РФ//Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. -Ереван. 2014. – № 2. – С. 111-117.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: договоры о передаче имущества. – 2-е изд. изм. и доп. – М.: Норма, 2016. – С. 84-86.

FEATURES OF REGULATION OF THE DONATION CONTRACT AS A SEPARATE TYPE OF THE DONATION CONTRACT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. This scientific article is devoted to the research of problems of regulation of the donation contract within the framework of the civil legislation of the Donetsk People's Republic, Ukraine and the Russian Federation. It was found that there was a need to amend and supplement the legal problems of exercising the rights and establishing guarantees for the protection of the donor.

Keywords: civil law, donation contract, donor, donation contract, common goals.

Petrivna Y.

Scientific adviser: Oleynikova A., Senior Lecturer
Donetsk National University

УДК 342.72

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Прокопенко Д.А.

*Научный руководитель: Савченко А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В связи с нестабильной обстановкой в мире проблема ограничения прав и свобод человека не потеряла своей актуальности. В данной работе рассматриваются военное положение в различных государствах мира и его особенности в виде правомерного и неправомерного ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина: принудительный труд, комендантский час и т.п. Рассмотрены наиболее актуальные подходы ученых по вопросу ограничения прав и определены права и свободы, ограничение которых допускается, а также те права и свободы, ограничение которых недопустимо. Выявлены основные проблемы злоупотреблением ограничения прав человека.

Ключевые слова: военное положение, ограничение прав и свобод человека, конституционные права граждан, злоупотребление ограничением прав.

Несмотря на задачи международных организаций о поддержании мира и безопасности, развитии дружественных отношений и осуществлении международного сотрудничества, ряд государств находятся в состоянии войны и на сегодняшний день: Филиппины, Сирия, Афганистан, Йемен, Мали, Судан и другие. Военное положение является особым правовым режимом, в котором существуют граждане этих стран, и при котором нормальное функционирование общества становится невозможным. Обеспечение прав и свобод человека является высшей ценностью и приобретает особое значение в период военного конфликта.

Стоит сразу отграничить понятие «военного положения» от «чрезвычайного положения» и «особого положения». Все термины представляют собой правовой режим

как вынужденную меру, применяемую государством. Режим военного положения в отличие от других режимов является более жестким, представляет собой защиту государства и общества от внешней угрозы, не имеет временных ограничений, а также устанавливает ограничение конституционных прав человека. Такое положение подразумевает приостановку действия обычного права и подчинение территорий военным властям. При этом следует учесть, что даже в условиях военного положения не имеют места быть ограничения по признакам расы, национальности, политических или религиозных убеждений, никто не может быть лишен жизни, подвергнут пыткам. Каждый имеет право на свободу и ряд других личных прав, которые не могут быть ограничены согласно нормам международного права и Конституциям различных государств мира [1, с. 4].

Затрагивая исторический аспект данного вопроса, следует отметить, что за прошлый век 81 страна мира находилась в режиме военного положения. Из них 31 страна были африканскими, 21 – латиноамериканскими, 17 – азиатскими, 9 – европейскими. Режим военного положения был введен в Израиле (1948), Сирии (1963), Марокко (1965-1970), Пакистане (19671-1977), Чили (1973-1988), Польше (1980), Армении (1990), Южной Осетии (1990), Югославии (1999), Таиланде (2014) и др.[2].

В настоящее время военное положение введено на Филиппинах, не заканчивается военный режим на протяжении многих лет в Сирии, Мали, Афганистане. В период с 2016 года по 2018 год режим военного положения существовал в Турции, в современной России военное положение не вводилось.

Несмотря на то, что ряд конституционных прав граждан не может быть ограничен ни при каких обстоятельствах, в науке выделяют различные подходы к ограничению прав и свобод человека в условиях военного положения. По мнению Т.Н. Нешатаевой, первый подход предполагает деление прав человека на абсолютные, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах, и относительные. Согласно второму подходу, которого придерживаются Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин, считают, что абсолютных прав не существует и в условиях военного положения все права и свободы человека могут быть ограничены на основании закона[3, с.49].

На сегодняшний день первый подход не соответствует действительности в полной мере, так как на практике люди сталкиваются со случаями нарушения основных, фундаментальных, неотъемлемых, конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ограничения прав и свобод граждан обычно регулируется законодательством государства. В связи с различными подходами государств к ограничению прав и свобод, также выделяют и разнообразные способы урегулирования этого вопроса.

1. Закон устанавливает перечень прав, которые подлежат ограничению. Например, положения Конституции Индии устанавливают, что во время военного положения органы власти наделяются правом издавать приказы, находящиеся в противоречии с основными правами человека, а именно: свободой слова и выражений мыслей, создание объединений, приобретения и пользования имуществом, свобода выбора и занятия любой профессией.

2. В Законе перечисляются только те права, которые ни в коем случае ограничивать нельзя. Например, в Конституции Португальской Республики закреплено: «введение осадного или чрезвычайного положения ни в коем случае не может затрагивать право на жизнь, на личную неприкосновенность, на индивидуальность, на гражданскую дееспособность и на гражданство, а также запрет на установление обратной силы уголовного закона, право на защиту подсудимого и свободу совести и вероисповедания». Данная модель ограничения действует также и в Российской Федерации, и в Украине. Конституция устанавливает то, что ограничения прав возможны во время военного конфликта, но не устанавливает конкретный перечень

таких прав, а отсылает к специальному закону. Такое положение было в Финляндии в 1919 году, когда возникла ситуация для ограничения прав и свобод граждан, специальный Акт установил: «предписания, касающиеся основных прав финляндских граждан, не препятствуют установлению законом таких ограничений, которые являются необходимыми во время войны, восстания...» [4, с. 292].

3. В чем же проявляется необходимость ограничения прав и свобод человека в условиях военного положения?

Всеобщая декларация прав человека указывает ряд целей ограничения прав человека, среди которых интересы государственной и общественной безопасности; общественный порядок и благосостояние, предотвращение преступлений; соблюдение прав и свобод других лиц[5].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает также дополнительные цели, а именно:

- интересы экономического благосостояния страны;
- охрана территориальной целостности;
- защита репутации других лиц;
- предотвращение разглашение конфиденциальной информации [6].

Понятие «ограничения» часто используется для определения пределов свободы. К. Ясперс говорил: «Свобода осознает свои границы. Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому» [7, с. 166]. Таким образом, свобода человека и так ограничена границами свободы другого человека. Исходя из этого, вопрос заключается в том, в какой мере можно ограничить права и свободы человека, и является это ограничение правомерным или неправомерным.

Ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года закрепляет, что права человека могут ограничиваться «только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения» [8]. Степень, в рамках которой конституционные права человека могут быть ограничены, можно трактовать широко, что может привести к злоупотреблению ограничения прав и свобод человека.

Примером незаконного ограничения права может служить обращение в Европейский суд по правам человека И. Я. Тимишева против России (жалоба № 55762/00 и № 55974/00). 19 июня 1999 г. в период вооруженных столкновений между российскими силами и чеченскими боевиками было ограничено право И. Я. Тимишева на въезд в Кабардино-Балкарию в связи с тем, что он является чеченцем, что нарушило по национальному признаку его право на свободу передвижения. Ограничение, прежде всего, было наложено в связи с угрозой проникновения в регион групп вооруженных бандитов. Суд установил, что имело место ограничение свободы передвижения, предусмотренное ст. 27 Конституции Российской Федерации. Данное ограничение, безусловно, носило дискриминационный характер по национальному признаку.

В международной практике огромное количество примеров подобных нарушений. Так, в Хорватии был осужден Младен Маркач за преступления против гражданского сербского населения в период военного конфликта. На лицо, нарушение основного и неотъемлемого права человека, а именно права на жизнь, согласно которому никто не может быть лишен жизни, подвержен пыткам, жестокому и бесчеловечному отношению [9].

Проблема нарушений прав человека, наблюдается на сегодняшний день в условиях существующего положения, на Украине. Ограничение прав человека во время военного конфликта не носят индивидуальный характер, они распространяются на население всей территории.

В зарубежных странах ограничения прав и свобод при военном положении обычно означают временный отказ от гарантии о личной неприкосновенности и неприкосновенности жилища, усиление административной и уголовной ответственности, что легализует упрощенную процедуру судопроизводства, проведения обысков, арестов и задержаний, применение различных средств принуждения; ограничение свободы слова, включая свободу печати и информации, свободы собраний, митингов, шествий и демонстраций, свободы объединений; права на проведение забастовок; ограничение свободы передвижения и выбора места жительства, тайны переписки; ограничение экономических прав и свобод.

Всеобщая Декларация прав человека устанавливает ряд условий правомерного ограничения прав и свобод человека. К таким относятся следующие ограничения, если они:

- установлены законом;
- обеспечивают должное признание и уважения прав других лиц;
- направлены к удовлетворению справедливых требований морали, общественного порядка и благосостояния.

Например, согласно Конституции Королевства Нидерландов 1983 г. «объявление военного положения может повлечь приостановление основных прав личности», установленных Конституцией. К таким правам относятся: право свободно исповедовать свою религию или религиозные убеждения, если оно осуществляется не в зданиях или специально отведенных помещениях; право на свободное распространение своих взглядов или воззрений; право на создание общественных объединений; право на проведение собраний и демонстраций; право на неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных и телеграфных сообщений и другие.

В период вооруженного конфликта могут ограничиваться права граждан в свободе выбора и занятия любой профессией. Например, Основной закон Федеративной республики Германии гласит: «если в период состояния обороны потребность в рабочей силе... не может быть обеспечена на добровольной основе, свобода немцев прекратить работу по профессии или оставить рабочее место может быть ограничена законом или на основе закона для обеспечения этой потребности» [10].

Законы военного времени также ограничивают право на свободу передвижения. На территориях, где развернуты конфликты вводится комендантский час – запрет нахождение на улицах и в общественных местах в определенное время суток лицам, не имеющим соответствующего разрешения, с целью установления и поддержания порядка, уменьшения количества жертв в военное время. Введением комендантского часа также решается вопрос работы разведывательно-диверсионных групп. В свое время комендантский час существовал в Чили при правлении Аугусто Пиночета, в Таджикистане во время гражданской войны 1992 году, во Франции в связи с терактами в 2015 году [11]. На сегодняшний день данное ограничение введено в Донецкой и Луганской Народных Республиках, которое существует на протяжении 5 лет. Для подавляющего большинства населения комендантский час уже не приносит никаких неудобств.

Нарушение ограничения прав и свобод человека часто связано непосредственно с нарушением законов и обычаев введения войны. Так, например, законы войны предполагают пощадку гражданских лиц, на деле гражданское население также убивают, нарушая неотъемлемое естественное право на жизнь.

Одним из главных вопросов, который должен привлекать внимание всех органов государственной власти и международных организаций является недопустимость злоупотребления ограничения конституционных прав и свобод человека со стороны государства. Ведь в период войны государства для защиты своих интересов готово

приложить максимальные усилия, пренебрегая интересами граждан. Действующие нормы международного права, исходят из того, что требованиям гуманности, человеколюбия и общественного сознания должно отдаваться предпочтение перед требованием военной необходимости. Поэтому введение военного положения необходимо рассматривать не только в негативном контексте ограничения прав и свобод, но и как способ обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адельсеитова А.Б., Аблаева Д.С. К вопросу об ограничении прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного режимов. // Юридические науки. – 2017. – Т.3. – №4. – с.3-8.
2. Особый статус / Униан. [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unian.net/longrids/martial-law/>
3. Небрятенко О.О. Категория ограничений прав и свобод человека и гражданина в законодательстве Российской Федерации. // Юриспруденция. —2015. —№1. —с.46-50.
4. Ализаде И. Ф. Ограничения прав и свобод человека в экстраординарных условиях: теория и практика зарубежных стран // Молодой ученый. – 2015. – №12. – С. 289-293.
5. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Организация объединенных наций: документы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/decl_conv/declarations/declhr.shtml
6. Европейская Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // European Court of Human Rights. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=applicants/rus#n13886588800237265277355_pointer
7. Ямолова Е.М. Ограничение прав граждан в условиях особых правовых режимов. // Марийский юридический вестник. —2015. – №1. —с.165-68.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Организация объединенных наций: документы. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
9. Дела международного трибунала по бывшей Югославии. /Досье. – [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/2903695>
10. Конституции государств (стран) мира. [Интернет-ресурс]. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/>
11. Комендантский час. / Военное обозрение. – [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/153958-komendantskij-chas-mera-neobhodimaja-ili-pridumannaja.html>

RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOM IN CONDITIONS OF MILITARY SITUATION

Annotation. Due to the unstable situation in the world, the problem of limiting human rights and freedoms has not lost its relevance. This work examines the martial law in various countries of the world and its features in the form of legitimate and unlawful restrictions on the constitutional rights and freedoms of man and citizen: forced labor, curfew, etc. The most relevant approaches of scientists to the restriction of rights are examined and the rights and freedoms that are allowed to be restricted, as well as those rights and freedoms whose restriction is unacceptable, are determined. The main problems of abuse of restriction of human rights are revealed.

Keywords: martial law, restriction of human rights and freedoms, constitutional rights of citizens, abuse of restriction of rights, international law.

Prokopenko D.

Scientific adviser: Savchenko A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: Prokopenko98@list.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРУГА НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Резник А.А.

*Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данном исследовании проводится анализ Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики относительно определения круга недостойных наследников. В ходе работы данные нормы сравниваются с аналогичными положениями зарубежного законодательства, и на их основании вносятся предложения по совершенствованию Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: недостойные наследники, наследование по закону, наследование по завещанию, Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики.

На сегодняшний день в связи с принятием Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР, вступающего в силу с 01.07.2020 года, представляется целесообразным проанализировать содержащиеся в нём нормы относительно института недостойного наследника [1]. Актуальность проводимого исследования объясняется объективной необходимостью избрания наиболее эффективных и целесообразных способов регулирования правоотношений, возникающих при определении круга недостойных наследников в гражданском праве.

Так, непосредственным объектом работы являются общественные отношения, возникающие при наследовании, а предметом – определение круга недостойных наследников. Следует отметить, что теоретическая часть исследования состоит из работ зарубежных авторов, что объясняется недостаточностью таких материалов в ДНР.

Прежде чем перейти к анализу положений действующего законодательства, представляется целесообразным дать понятие такой категории, как «недостойный наследник». Согласно положениям справочной литературы, недостойным признается человек, не заслуживающий уважения, а также безнравственная, бесчестная личность [1, с. 345]. В юридической литературе под недостойным наследником, по мнению А. Е. Казанцевой, понимается такой наследник, который не заслуживает получения наследства [2, с. 399]. Институт недостойных наследников регламентируется ст. 1224 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины), действующего на территории ДНР в данный момент [3, с. 403].

В рамках проводимого исследования проанализированы отдельные положения ст. 1224 ГК Украины, определяющей основания отстранения от наследства, аналогичные нормы в ГК ДНР при их параллельном сравнении с законодательством зарубежных стран для выявления положительных и отрицательных моментов.

В соответствии с ч. 1 ст. 1224 ГК Украины одним из оснований отстранения от наследования является совершение наследником действий, которые преднамеренно лишили жизни наследодателя или кого-либо из возможных наследников или совершили покушение на их жизнь. Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда ДНР №4 «О судебной практике по делам о наследовании» регламентирует положение, в соответствии с которым устранение от права на наследование наследников по закону и по завещанию возможно исключительно на основании решения суда. По смыслу ч. 1 ст. 1224 ГК Украины основанием для лишения права на наследование является умышленное лишение жизни наследодателя или кого-либо из возможных наследников, или совершение покушения на их жизнь [4].

Поскольку действия, указанные в части 1 этой статьи, являются уголовно наказуемыми, то они должны быть подтверждены приговором суда, постановлением о

прекращении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям, вступившими в законную силу, которые являются самостоятельным и достаточным основанием для отстранения от права на наследование. Круг лиц, лишение жизни которых устраняет лицо от права на наследование, является исчерпывающим и чётко определённым ч. 1 ст. 1224 ГК Украины, это наследодатель и возможные наследники.

Не может быть основанием для устранения лица от права на наследование лишение им жизни другого лица, которое на момент совершения преступления не могло быть возможным наследником. Требование об устранении наследника от права на наследование может быть предъявлено лицом, для которого такое устранение создаёт условия, связанные с наследованием права и обязанности (увеличение доли в наследстве, изменение очередности получения права на наследование), одновременно с его иском о получении права на наследование по основаниям, определённым в ч. 2 ст. 1259 ГК Украины. То есть в том случае, когда физическое лицо, которое является наследником по закону следующих очередей, может по решению суда получить право на наследование вместе с наследниками той очереди, которая имеет право на наследование, при условии, что оно в течение длительного времени занимался, материально обеспечивало, оказывало другую помощь наследодателю, который из-за преклонного возраста, тяжелой болезни или увечья был в беспомощном состоянии.

Следует отметить, что ч. 1 ст. 1224 ГК Украины также предусматривает, что положения этой части не применяется к лицу, которое совершила такое покушение, если наследодатель, зная об этом, все же назначил его своим наследником по завещанию. Так, следует согласиться с позицией Е. Р. Аминова о том, что если сам наследодатель опроверг предложение законодателя, не захотел лишать недостойного наследника наследства (например, жена простила мужа, неудачно покусившегося на неё, и даже завещала ему своё имущество), законодатель как бы отступает в сторону и предоставляет наследодателю возможность самому распоряжаться своим имуществом [5, с. 63].

Представляется нецелесообразным закрепить в ГК Украины исключительное основания, как лишение жизни или покушения на жизнь наследодателя либо возможных наследников. Так, возникает вопрос относительно причинения вреда здоровью таких субъектов. Исходя из рассматриваемой нормы, даже при наличии приговора суда в отношении лица, причинившего вред здоровью наследника и возможных наследников, и в то же время являющегося претендентом на получение наследства, суд не будет правомочен признать его недостойным наследником.

Следует отметить, что ГК ДНР регламентирует рассматриваемый вопрос аналогично положениям Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, в ч. 1 ст. 1117 ГК РФ и ч. 1 ст. 1246 ГК ДНР содержится положение, в соответствии с которым не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке. Однако граждане, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещал имущество, вправе наследовать это имущество [6].

В разрезе проводимого исследования необходимо уделить внимание тому, что же понимается под «умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя». Относительно данного положения даются разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 9 «О судебной практике по делам о

наследовании». В соответствии с п. «а» ст.18 данного акта указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 1117 ГК РФ противоправные действия, направленные против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, являются основанием к утрате права наследования при умышленном характере таких действий и независимо от мотивов и целей совершения (в том числе при их совершении на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т.п.), а равно вне зависимости от наступления соответствующих последствий.

Наряду с рассмотренными положениями законодательства следует изучить нормы, регулирующие подобные правоотношения за рубежом. Так, в Венгрии есть категория недостойных наследников, к которым относятся лица, покушавшиеся на жизнь наследодателя и лица, которые совершили противоправные действия против кого-либо из числа наследников по закону [8, с. 104]. В соответствии с ГК Польши 1964 г. недостойным наследником из числа наследников по закону, которые не могут быть призваны к наследованию, относятся признанные судом наследники, совершившее преступление против наследодателя, которое относится к категории умышленных тяжких преступлений [9, с. 293]. Наследственное право Чехии также содержит положения о недостойных наследниках. По ГК Чехии 1963 г. недостойными признаются наследники, которые умышленно совершили не просто противоправное, а уголовно наказуемое деяние в отношении наследодателя, его супруга, детей или родителей, либо совершали предосудительные деяния в отношении последней воли наследодателя [10].

Как уже отмечалось ранее, указанное в ГК Украины одно из оснований признания наследника недостойным – это лишение им жизни или покушение на жизнь наследодателя или возможных наследников, что представляется несколько неполным, поскольку помимо убийства Уголовный кодекс ДНР предусматривает ряд тяжких преступлений. Итак, следует отметить, какие именно признаки признания лица недостойным наследником на данный момент должны определять такой статус:

1. Регламентированное в ГК РФ и ГК ДНР совершение «умышленного противоправного действия, направленного против наследодателя, кого-либо из его наследников» одновременно расширяет круг таких оснований и не допускает получение наследства лицом, совершившего преступление в отношении рассматриваемых субъектов. Важно подчеркнуть, что законодатель не указывает на конкретные виды составов преступлений, осуждение за которые может повлечь признание лица недостойным наследником. Исходя из этого, к числу таких преступных деяний могут относиться как посягательства на жизнь наследодателя, так и на его здоровье, что в значительной мере гарантирует недопущение принятия наследства недостойным лицом. Другими словами, недостойным наследником может быть признано лицо и в случае, когда оно совершает убийство наследодателя, и в случае, когда лицо причиняет вред здоровью наследодателя [11, с. 56]. Практически аналогично данный вопрос регулирует ГК Чехии, раскрывая понятие преступления через формулировку «уголовно наказуемое деяние».

2. Представляется нецелесообразным следовать примеру гражданского законодательства Венгрии, в котором недостойным наследником признаётся лицо, совершившее преступление исключительно против наследников по закону и Чехии, в котором к такой категории относят детей, супруга и родителей наследодателя, так как в данном случае и российское, и украинское, и законодательство ДНР гораздо шире рассматривают данный вопрос, защищая интересы возможных наследников по завещанию.

3. Достаточно чётко дана формулировка о недостойных наследниках в гражданском законодательстве Польши, так как в данном случае недостойным будет

признано только лицо, совершившее преступление против наследодателя, которое относится к категории умышленных тяжких преступлений, что подчеркивает исключительность лишения права на наследство.

4. Считаем, что нет необходимости в закреплении однозначного определения «недостойного» наследника, так как данная категория достаточно многогранна и описывается через конкретные признаки, описанные в рассмотренных статьях.

Таким образом, считаем целесообразным в ГК ДНР одно из положений о лицах, которые не имеют права на наследование, сформулировать следующим образом: «Не имеют право на наследование лица, которые преднамеренно совершили преступления, отнесенные к категории тяжких, в отношении наследодателя или кого-либо из возможных наследников». И, как следствие, внести изменение в Постановление Пленума Верховного Суда ДНР «О судебной практике по делам о наследовании». При подобной регламентации права наследодателя будут защищены более детально, и наследственная масса не сможет перейти к лицам, которые своими противоправными, общественно опасными деяниями оказывали воздействие как на наследодателя, так и на потенциальных наследников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: закон № 81-ПНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/prinyaty/zakony/grazhdanskiy-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
2. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. – М.: Инфра, 2001 – 790 с.
3. Казанцева, Е.А. Недостойные наследники // Е.А. Казанцева / Вестник Омского университета. – 2012. – № 3. – С.399-403.
4. Гражданский кодекс Украины [закон: принят Верховной Радой Украины 16.01.2003 г. № 435-IV: по состоянию на 19.04.2014 г.]. – Х.: Право, 2014. – 430 с.
5. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда ДНР №4 от 19.05.2017 г. / Официальный сайт Верховного суда ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/pplenium/o-sudebnoy-praktike-po-delam-o-nasledovanii> (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
6. Аминов, Е.Р. Наследственное право: постатейный комментарий к разделу 5 ГК РФ / Е.Р. Аминов, И.А. Андреев и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Информационно-поисковая система «КонсультантПлюс»: <http://www.consultant.ru/about/software/cons/kommentarii/> (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 146-ФЗ от 26.11.2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Информационно-поисковая система КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/29605b928e5bbaa206d31a3ffa827b67288f54a1/ (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
8. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 29.05.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт «Российская газета»: <https://rg.ru/2012/06/06/nasledovanie-dok.html> (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
9. Курбанов, Р.А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебник / под ред. Р. А. Курбанова. – М.: Проспект, 2015. – 322 с.
10. Гражданский кодекс Республики Польша: Закон от 23 апреля 1964 года / Пер. с пол. Н.Г. Комлева; Под редакцией канд. юрид. наук И.А. Грингольца. – М.: Издательство «Прогресс», 2002. – 374 с.
11. Гражданский кодекс Чешской Республики: перевод Закона №89/2012 / Сайт переводов юридической литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «LegalEl»: <http://juristpraha.cz/ru/tag/%81% %B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%B8%D0%B9> (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
12. Латыпова, Д.Ф. Недостойные наследники: некоторые актуальные проблемы судебной практики // Д.Ф. Латыпова / Евразийская адвокатура. – 2013. – 4(5). – С.55-57.

THE DETERMENATION OF THE RANGE OF UNWORTHY HEIRS IN DONETSK PEOPLE REPUBLIC'S CIVIL CODE

Annotation. This work analyzes Donetsk People Republic's Civil Code in order to determine the range of unworthy heirs. During the research these states are comparing with analogous statutes in foreign countries, and on this base some suggestions of the improving Donetsk People Republic's Civil Code are brought in.

Keywords: unworthy heirs, inheritance by the law, inheritance by the will, Donetsk People Republic's Civil Code.

Reznik A.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: a.reznik19@yandex.ru

УДК 347.921

ЗАМЕНА НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА В ДЕЛАХ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА ПРИЧИНЕННОГО РАБОТНИКОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Роговая А.С.

*Научный руководитель: Дербишева О.А., ст. преподаватель
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»*

Аннотация. Статья посвящена вопросу осуществления замены ненадлежащего ответчика в делах, по возмещению вреда, причиненного работником юридического лица, на основе анализа судебной практики.

Ключевые слова: ненадлежащая сторона, источник повышенной опасности, истец, ответчик.

Институт ненадлежащего ответчика предоставляет право правильного определения правового положения лица, указанного истцом в качестве ответчика по делу. Данное право в гражданском процессе обеспечивает законность выносимого судом решения. В настоящее время судебная практика испытывает трудности с определением надлежащих ответчиков, что значительно влияет на реализацию задач и принципов гражданского процессуального права, которые стоят перед судом.

Целью работы изучение вопроса замены ненадлежащей стороны по возмещению вреда, причиненного юридическим лицом.

Ненадлежащие стороны – лица, которые являются носителями того субъективного права или обязанности, соответственно защиты или исполнения которой добивается истец. В своей работе, Филиппов С.А. определяет понятие ненадлежащего истца, как лица, в отношении которого по материалам дела исключается предположение о нем как о субъекте спорного права или законного интереса, а также приводит примеры, исходя из анализа правовых норм гражданского законодательства Российской Федерации, право требования имущества из чужого незаконного владения принадлежит только предполагаемому собственнику виндицируемой вещи (ст. 301 ГК РФ), ее титульному владельцу (ст. 305 ГК РФ), а также давностному владельцу (п. 2 ст. 234 ГК РФ). Это означает, что все иные лица в случае предъявления ими виндикационных требований будут выступать в качестве ненадлежащих истцов [1]. Нормы гражданского законодательства Украины и Донецкой Народной Республики, предусматривают аналогичные примеры участия в спорных правоотношениях ненадлежащих истцов, например, при осуществлении права собственника на истребование имущества из чужого незаконного владения (ст. 387 ГК Украины и ст. 360 ГК ДНР).

Ненадлежащий ответчик – это субъект гражданско-процессуальных отношений, который может выступать в деле, оспаривать иск, только при условии, что иск предъявлен к нему не ошибочно. В некоторых случаях в законе содержится указание на надлежащего ответчика по конкретным категориям гражданских дел. Так, если лицу причинен моральный вред (физические или нравственные страдания), то на причинителя вреда судом может быть возложена обязанность по выплате денежной

компенсации. Существуют различные виды специальных деликтов, предусмотренных гражданским законом, в которых ответственность несет не причинитель вреда, например: в случаях возложения ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1187 ГК Украины и ст. 1208 ГК ДНР), ответственности юридического или физического лица за вред, причиненный их работником (ст. 1172 ГК Украины и ст. 1197 ГК ДНР), возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг (ст. 1209 ГК Украины)

Согласно ч. 1 ст. 1208 Гражданского кодекса ДНР (ч.1 ст. 1187 ГК Украины) юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и другое), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Часть 3 названной статьи предусматривает, что владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновение транспортных средств и т.п.) третьим лицам, по основаниям, предусмотренным частью 1 данной статьи. Исходя из этого можем определить основания для освобождения от ответственности являются: действие непреодолимой силы, умысел потерпевшего.

Так, владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц (например, при угоне автотранспортного средств). Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в таких случаях несут лица, противоправно завладевшие этим объектом. При наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его владения ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности (ч. 2 ст. 1208 ГК ДНР и ч. 3 ст. 1187 ГК Украины).

Как мы уже отмечали выше, надлежащая сторона в ряде случаев может быть определена прямым указанием закона. Например, надлежащим ответчиком по искам о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, является владелец источника повышенной опасности. Еще одним видом обязательств, в котором ответственность будет нести не причинитель вреда – является, согласно ст. 1172 ГК Украины, юридическое лицо или гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных) обязанностей. Из этого следует, что в случае судебного спора ответчиком по таким делам является юридическое или физическое лицо, заказчик, предпринимательское общество или кооператив, а непосредственный причинитель вреда привлекается в судебный процесс на стороне ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора. Материальное положение последнего значения не имеет, поскольку ответственность перед потерпевшим для него не наступает. Причиной его участия является возможность влияния этого решения суда на его права и обязанности, так как у юридического лица после удовлетворения требований истца есть право на обращение к виновному лицу с регрессным иском в порядке, предусмотренном ст. 1191 ГК Украины. По утверждению Кравчук В.Н., закон предусматривает возможность учета материального положения только физического лица, причинившего вред, когда субъект ответственности и лицо, которое его нанесло, совпадают [2]. Мы присоединяемся к мнению Кравчук В.Н., однако данное заключение подлежит уточнению, в связи с тем, что согласно ч. 4 ст. 1193 ГК Украины, суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного физическим лицом, в зависимости от ее материального

положения, кроме случаев, когда вред причинен совершением преступления. Следовательно, можно сделать вывод, что закон предусматривает возможность учета материального положения непосредственного причинителя вреда, кроме случаев, когда вред причинен совершением преступления.

Анализируя различные решения суда по данной категории дел, мы пришли к выводу о значительном количестве случаев подачи исковых заявлений с требованиями о возмещении вреда, причиненного работниками юридических лиц, особенно по возмещению вреда, причиненного при дорожно-транспортных происшествиях, когда свои требования истец предъявляет водителю автотранспортного средства, а не к организации, где работает по трудовому договору лицо, управляющее транспортным средством. Разрешение данных дел требует, чтобы суд четко уяснил суть требований истца и возражений ответчика, непосредственно исследовал доказательства, установил фактические обстоятельства дела, выяснил права и обязанности сторон, охраняемые законом интересы заявителей с целью оперативной защиты прав и законных интересов лиц, принимающих участие в разрешении спора.

Так, в деле № 2-109/2011 Старобешевского районного суда Донецкой области было рассмотрено исковое заявление, в котором «Лицо 1» предъявило требование к «Лицо 2» о возмещении вреда, причиненного преступлением, совершенного в результате дорожно-транспортного происшествия. В ходе судебного заседания представитель истца заявил ходатайство о замене первоначального ответчика надлежащим ответчиком в связи с тем, что во время рассмотрения дела были установлены новые обстоятельства, указывающие, что исковые требования были поданы к ненадлежащему ответчику. Суд, на основании ст. 1172 ГК Украины и ст. 33 ГПК Украины, решил заменить ненадлежащего ответчика [3].

Следовательно, замена ненадлежащей стороны возможна как по ходатайству истца, так и его представителя так как действия представителя порождают права и обязанности для лица, которое он представляет и действует в его интересах, от его имени и за его счет. После замены подготовка и рассмотрение дела производится с самого начала. Такое требование установлено как в законодательстве, распространяющем свое действие на территорию ДНР, так и в нормах российского процессуального права (ст. 33 ГПК Украины и ст. 41 ГПК РФ).

Еще одним примером может быть, дело №756/10871/18 Оболонского районного суда г. Киева от 30 ноября 2018г. из судебной практики Украины, на основании законодательства, не распространяющего своего действия на территории Республики, в котором истец обратился к ответчику с иском о возмещении вреда. От представителя истца в суд поступило ходатайство о замене надлежащего ответчика «Лицо 1» на частное акционерное общество «Киевский страховой дом». Ответчик в судебное заседание не явился, предоставил в суд заявление, в котором против удовлетворения заявленного ходатайства о замене ответчика не возражал. Представитель третьего лица в судебное заседание не явился, о времени и месте рассмотрения дела судом извещен надлежащим образом, о чем в материалах дела содержатся соответствующие документы. Изучив материалы дела, суд посчитал необходимым заменить ненадлежащего ответчика «Лицо 1» на частное акционерное общество «Киевский страховой дом» [4].

Данный пример предусматривает участие представителей (ст. 38 ГПК Украины), так, сторона, третье лицо, которое согласно закону защищает права, свободы или интересы других лиц, а также заявители и другие заинтересованные лица в делах особого производства (кроме дел об усыновлении) могут принимать участие в гражданском деле лично или через представителя. Представитель – это лицо, которое защищает субъективные права и охраняемые законом интересы другого лица, участвующего в деле, государственных и общественных интересов, а также

содействует суду во всестороннем, полном и объективном выяснении обстоятельств дела, в постановлении законного и обоснованного решения.

Теперь приведем пример из судебной практики Российской Федерации. Так, в деле № 2-135/2017 Пинежского районного суда Архангельской области, «Лицо 1» обратился в суд с иском к «Лицу 2» о взыскании материального ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, и других расходов. Ответчик в судебное заседание не явился, хоть и был извещен о месте и времени рассмотрения дела надлежащим образом. Представитель «Лица 2» направил в суд возражения на исковое заявление, указав, что «Лицо 2» является ненадлежащим ответчиком по делу, поскольку он не является причинителем вреда. В ходе судебного заседания было установлено, что «Лицо 2» не причастен к ДТП и является ненадлежащим ответчиком, так как в соответствии со ст. 1068 ГК РФ, юридическое или физическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. На основании изложенного суд, в удовлетворении исковых требований «Лица 1» к «Лицу 2» о возмещении материального ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, компенсации морального вреда, а также убытков на составление экспертного заключения и судебных расходов, отказал [5].

Данное решение суда, показывает, что зачастую иски предъявляют к работникам, тем самым подтверждая их статус ненадлежащей стороны.

Все приведенные примеры, имеют немаловажное значение для исследования поставленной цели нашей работы, поскольку именно при анализе судебных решений можно устранить трудности с установлением фактических обстоятельств дела, со сложной структурой материальных правоотношений, с возможностью неоднозначного толкования норм действующего законодательства, что влияет на появление ненадлежащих сторон.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что:

- замена возможна только по заявлению или с согласия истца, а также их представителей;
- если истец не согласен на замену ненадлежащего ответчика, суд рассматривает дело по предъявленному иску;
- замена возможна в суде первой инстанции.

Подобные правила действуют независимо от категории рассматриваемого дела, от дел искового производства к делам особого.

В иске, заявленном первоначально к ненадлежащему ответчику, суд впоследствии заменяет его на ответчика надлежащего. Первый ответчик может понести определенные расходы и неудобства, связанные с вызовом его в суд, в частности оплатить услуги юриста для подготовки своей правовой позиции по рассматриваемому делу и др. Действующим процессуальным законодательством такие ситуации не определены, что вызывает необходимость урегулирования таких вопросов в разрабатываемом ГПК Донецкой Народной Республики.

Таким образом, изучение вопроса о применении института ненадлежащего ответчика в делах по возмещению вреда работниками юридических лиц, учитывая анализ судебной практики Украины и Российской Федерации показывает, что в законодательстве не регламентированы вопросы относительно действий представителей при замене ненадлежащего ответчика. Для решения подобных вопросов, мы считаем, необходимо внести некоторые изменения в гражданский процессуальный закон. Например:

1. правовые последствия для представителей в виде возмещения ущерба, в случаях неправильного определения надлежащей стороны – ответчика;
2. отвод представителю, который заинтересован в участии другой стороны и защите ее прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиппов, С.А. Теоретические и практические аспекты гражданского процессуального соучастия: автореф. дис. канд. юрид. наук (12.00.15) / Филиппов Сергей Александрович; ГОУ ВПО «Саратовская академия права» – Саратов, 2011. – 23 с.
2. Кравчук, В.М. Науково-практичний коментар до Цивільного процесуального кодексу України / В. М. Кравчук, О.І. Угриновська. – [2-ге вид., переробл. і допов.]. – Х.: Фактор, 2010. – 800 с.
3. Решение Старобешевского районного суда Донецкой области от 02.02.2012 г. // Единый государственный реестр судебных решений Украины. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/24000780>
4. Решение Оболонского районного суда г. Киева от 30.11.18 г. // Единый государственный реестр судебных решений Украины. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/78373139>
5. Решение Пинежского районного суда Архангельской области от 22.05.2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xmWofynHJ6HR/>
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – С.453.
7. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18.03.2004г. № 1618-IV // ВР Украины. – 20.03.2004. – №. С. 132.

REPLACEMENT OF AN IMPROPER RESPONDENT IN CASES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY AN EMPLOYEE OF A LEGAL ENTITY

Annotation. The article is devoted to the issue of replacing an improper defendant in cases of compensation for damage caused by an employee of a legal entity, based on the analysis of judicial practice.

Keywords: improper party, source of increased danger, plaintiff, defendant.

Rogovaya A.

Scientific adviser: Derbisheva O., Senior Lecturer
Donetsk Academy Of Internal Affairs MIA DPR
e-mail: ann.rogowaya@yandex.ua

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Савенко Н.А.

*Научный руководитель: Хань Г.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются специфические черты расследования преступления, предусмотренного ст. 334 УК ДНР, в частности особенности проведения следственных действий, таких как обыск, выемка, допрос свидетелей и подозреваемого.

Ключевые слова: должностное лицо, расследование, злоупотребление, следователь.

С развитием государственного аппарата, увеличением числа государственных служащих, возросшим количеством обращений граждан в разнообразные государственные органы для Донецкой Народной Республики наиболее актуальным является вопрос о необходимости повышения уровня законности их деятельности.

Довольно часто должностные лица, наделенные и осуществляющие функции представителей власти, используют свои полномочия вопреки службе, ради личной выгоды. Данное преступление относится к числу противоправных деяний против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – глава 30 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР). Специфической особенностью при расследовании данного вида преступлений следует считать высокий уровень противодействия

следствию. Данный факт отрицательно сказывается на результатах расследования – количество уголовных дел прекращается из-за отсутствия состава преступления.

Важным этапом перед возбуждением уголовного дела является проведение предварительной проверки. Следовательно, до возбуждения уголовного дела при расследовании злоупотребления должностными полномочиями, также необходимо установить определенные обстоятельства. Данная проверка проводится в случае если есть законные основания, содержащиеся в уголовно-процессуальном кодексе [1].

Согласно ст. 104 УПК ДНР к поводам отнесены:

- 1) заявления или сообщения юридических лиц, должностных лиц, представителей власти, общественности или отдельных граждан;
- 2) сообщения представителей власти, общественности или отдельных граждан, задержавших подозреваемое лицо на месте совершения преступления или с поличным;
- 3) явка с повинной;
- 4) сообщения, опубликованные в печати;
- 5) непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления.

В соответствии со ст. 107 УПК ДНР прокурор, следователь, орган дознания или судья обязаны принимать заявления и сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях, в том числе и в делах, которые не подлежат их ведению и в течение трехдневного срока принять решение. Сложность и большой объем материалов, необходимых для принятия законного и обоснованного решения, неизбежно и объективно влечет за собой удлинение срока проверки.

Осуществление предварительной проверки информации о злоупотреблении должностными полномочиями посредством проведения проверочных действий осуществляется независимо от объема фактических данных, изложенных в заявлении и сообщении о совершенном или готовящемся злоупотреблении [2]. Следственные действия осуществляться не могут, однако в безотлагательных случаях до момента возбуждения уголовного дела могут быть проведены осмотр трупа (ст. 208 УПК ДНР), освидетельствование (ст. 209 УПК ДНР) и осмотр места происшествия (ст. 331 УПК ДНР).

В науке, относительно расследования злоупотребления должностными полномочиями, существует точка зрения о представлении возможности производства до возбуждения уголовного дела обыска, выемки, осмотра документов и предметов. Такая необходимость обусловлена особенностью состава преступления, которая предусмотрена ст. 334 УК ДНР, а также необходимостью исключения замены следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями, которые на практике зачастую проводятся «в целях» сбора доказательственной базы.

Чтобы возбудить уголовное дело по ст. 334 УК ДНР необходимо установить, является ли подозреваемое лицо его субъектом, для этого он должен обладать статусом должностного лица. Ч. 1 ст. 334 УК ДНР гласит, что должностным лицом признается лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооружённых Силах Донецкой Народной Республики, других войсках и воинских формированиях Донецкой Народной Республики.

Необходимо получить сведения о противоправных действиях должностного лица, которые не объяснялись интересами службы, но формально данное должностное лицо действовало в рамках своих полномочий. Далее нужно определить статус подозреваемого лица, какими нормативно-правовыми актами и иными правоустанавливающими документами урегулированы его полномочия. Следовательно,

устанавливается объем выполняемых обязанностей, в каких нормативно-правовых актах они определены и каким образом должностное лицо использовало свои полномочия в своих целях и вопреки данным актам. Вся эта информация устанавливается посредством проведения документальных проверок. Этим разрешается вопрос о порядке привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий должностных лиц.

Кроме того, необходимо провести большое количество не процессуальных действий для предварительной проверки информации о совершенном преступлении, т.е. проверку сохранности документов, сбор информации о подозреваемых лицах, а так же изучение нормативно-правовых актов, регламентирующих их деятельность.

Также необходимо проверить, не совершило ли подозреваемое должностное лицо противоправное деяние в связи с исполнением приказа. В данном случае следователи, вместе с проведением следственных действий, отбирают объяснение. Отбор объяснений является действенным способом проверки и способствует определению тактических комбинаций и операций при сборе доказательств на всех стадиях предварительного расследования. Стоит отметить, что основная поисковая работа при совершении преступления в сфере злоупотребления должностных полномочий возлагается на оперативных работников. В кратчайшие сроки производится поиск свидетелей и изъятие доказательств. Следователи же не в состоянии эффективно и своевременно предпринимать действия, т.к. зачастую они работают самостоятельно и заняты оформлением протоколов.

Субъекты преступления, предусмотренные ст. 334 УК ДНР, зная силу и ценность документов и стремясь уничтожить доказательства, часто не останавливаются и перед совершением другого преступления. Поэтому в период предварительной проверки одним из основных действий следователя является сохранность следов совершения преступления посредством «опечатывания», где основной целью является создание условий для последующего производства следственных действий, осмотра, ревизии и т.д. Процесс опечатывания осуществляется непосредственно лицом, производящим предварительную проверку. При расследовании должностных преступлений проводится выемка в кабинетах руководителей, помещениях секретариата, отделах по работе с кадрами, бухгалтерии, финансово-экономических отделах. В определенных случаях могут изыматься приказы о назначении, штатное расписание, приказы, регистрационные документы, которые им утверждались, бухгалтерские книги, отчеты и балансы, договоры, книги учета выдачи доверенностей.

В ходе исследования документов устанавливается:

- 1) порядок поступления;
- 2) соблюдение формы документов;
- 3) наличие пометок на документах;
- 4) когда и кем был составлен документ;
- 5) вносились ли изменения, если да, то кем;
- 6) кто имел доступ к компьютеру или иному доступу информации;
- 7) нарушена ли очередность прохождения документа, если да – то по чьей инициативе;
- 8) имели ли место ускоренные сроки совершения определенных действий.

Следующий этап – допрос свидетелей. Обычно свидетелями по данной категории преступлений являются руководители предприятий, организаций занимающие низшую и высшую ступени, другими словами подчиненные должностного лица и его руководители. Перед допросом следователь должен установить личность свидетеля, сообщить по какому делу он вызван, и предупредить об обязанности рассказать все известное ему по делу, об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Затем следователь выясняет отношения между свидетелем и подозреваемым

или обвиняемым, а также потерпевшим и начинает допрос. После того, как свидетель закончит дачу показаний, следователь задает ему вопросы (ст. 182 УПК ДНР). Однако при допросе должностных лиц нередко возникают сложности, так как они не заинтересованы в разглашении, например, оказанных услуг руководителям вышестоящей организации, что влечет за собой искажение фактов и дачу ложных показаний. Кроме всего прочего, при допросе свидетелей и потерпевших следователем выясняется какие права и законные интересы были нарушены, какие были последствия [3].

При расследовании данного вида преступления нередко возникает необходимость проведения обыска помещения по месту жительства и работы. Необходимость обуславливается тем, что выемка не всегда позволяет изъять необходимые документы, т.к. подозреваемые скрывают их, зная, что именно необходимо скрыть и уничтожить. Обыск позволяет отыскать документы, содержащие сведения об оказании конкретных услуг, где ранее работало должностное лицо и т.д. При проведении обыска необходимо обращать внимание на такие документы, которые связаны с совершением должностным лицом аналогичных действий в другие периоды времени. Изъятию подлежат как бумажные, так и электронные документы с различных носителей (диски, флешки, дискеты), так же черновые варианты документов.

Важным этапом является допрос подозреваемого. Он является труднейшим, т.к. в силу степени образованности, наличия у подозреваемого жизненного и профессионального опыта в области экономики и юриспруденции, следовательно, он может оценить силу предъявляемых доказательств. Подготовка данного этапа должна носить тщательный характер.

Показания подозреваемого являются источником информации для выдвижения общих и частных версий, что способствует определению направления поиска и проверки доказательств. Во время допроса выясняется позиция субъекта преступления, которое совершило должностное преступление, следователь может спрогнозировать защитные версии и понять степень противодействия расследованию. Параллельно с допросом следователь проводит психологическую диагностику личности, чтобы противостоять заинтересованным лицам.

По результатам проведенной предварительной проверки при наличии повода и основания, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь возбуждает уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление.

Сложность раскрытия указанных преступлений также состоит в том, что, обладая определенными должностными полномочиями и достаточными материальными средствами, преступники имеют возможность оказывать противодействие следствию, отстранять от него неугодных следователей, прибегая к психологическому и силовому давлению. Поэтому необходимо на законодательном уровне продолжать совершенствование коррупционного законодательства, а также к ее решению привлекать общественность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учебное пособие для вузов / Победкин А.В., Яшин В.Н. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 184 с.
2. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: монография / О.П. Копылова. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. – 160 с.
3. Шестеров, А.Г. Психология допроса свидетелей и потерпевших: Лекция / Ташк. высш. школа МВД СССР. – Ташкент, 1974. – 24 с.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION OF ABUSE OF OFFICIAL POWERS

Annotation. This paper examines the specifics of organizing an investigation of abuse of power, in particular the specifics of conducting investigative actions, such as search, seizure, interrogation of witnesses and a suspect.

Keywords: investigation, abuse of power, official, witness, suspect, investigator, interrogation, search, seizure.

Savenko N.

Scientific adviser: Han G., PhD in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: Savenko199727@gmail.com

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Савкина М.В.

*Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В заметке разбираются отдельные принципы уголовного судопроизводства. Автор выявляет значимость принципов уголовного судопроизводства, показывает их степень в различных стадиях судопроизводства, а также указывает роль каждого из данных принципов в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, принцип законности, осуществление правосудия только судом, презумпция невиновности, состязательность сторон, свобода оценки доказательств.

Уже давно пришло время сформировать концептуальный подход для исследования проблемы принципов уголовного права, в рамках которого будет обозначена концепция принципов, присущие им характерные черты, проанализирована конструкция и вопросы законодательного регулирования, а основы в нормах Уголовного кодекса будут рассматриваться непосредственно.

Перед тем, как говорить касательно принципов уголовного права, следует уяснить, что же является уголовным правом.

В учебном пособии Н. А. Власова приводит следующую формулировку: «уголовно-процессуальное право – это отрасль российского права, выступающая в виде системы правовых норм, регулирующих порядок деятельности суда, органов следствия, дознания, а также прокуратуры при производстве по уголовным делам» [1, с. 11].

В соответствии с понятием, приводимым Н. А. Власовой, уголовный процесс (иначе говоря уголовное судопроизводство) – это деятельность органов дознания, следствия а также прокуратуры по выявлению и расследованию правонарушений, разоблачению виновных и привлечению их к уголовной ответственности, но кроме того и деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел, осуществляемая в определенном законодательством особом процессуальном порядке [1, с. 8].

Существенную роль исполняют принципы уголовного процесса – это основополагающие руководящие правовые нормы, определяющие устройство и характер уголовного процесса, обеспечивающие справедливое правосудие по уголовным делам, успешную защиту личности, равным образом ее прав и свобод, интересов общества от противозаконных посягательств. К вышеперечисленным принципам недопустимо относить те, которые никак не закреплены в Конституции или же уголовно-процессуальном кодексе [1, с. 13].

Принципы уголовного процесса содержатся в Конституции Российской Федерации и главе 2 УПК РФ. И так, к ним относятся:

1. Принцип законности при производстве по уголовному делу (ст. 15 Конституции РФ, ст. 7 УПК РФ).

2. Принцип осуществления правосудия только судом (ст. 47, 118 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ).

3. Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ).

4. Принцип неприкосновенности личности (ст. 22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ).

5. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 2,45,46,51,52,53 Конституции РФ, ст. 11 УПК РФ).

6. Принцип неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ).

7. Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ, ст. 13 УПК РФ).

8. Принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ).

9. Принцип состязательности сторон (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ).

10. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ).

11. Принцип свободы оценки доказательств (ст. 120 Конституции РФ, ст. 17 УПК РФ).

12. Язык уголовного судопроизводства (ст. 26 Конституции РФ, ст. 18 УПК РФ).

Право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 45 Конституции РФ, ст. 19 УПК РФ) [3; 4].

В принципах уголовного права степень цивилизации, а также культуры общества наиболее ярко проявляется. Согласно принципам, на основе которых базируется уголовное право, допускается судить о степени значимости личности для государства. В связи с этим весьма немаловажно, чтобы в уголовном законодательстве, во настоящем случае в Российской Федерации, его принципы были впервые, что должно послужить базой для законодательной и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с преступностью а также ее вероятного устранения.

Давай проанализируем их более детально.

Принцип законности (ст. 15 Конституции РФ, ст. 7 УПК РФ). Под законностью понимается неукоснительное соблюдение и исполнение требований Конституции Российской Федерации, законов и других соответствующих им нормативных актов всеми государственными и негосударственными учреждениями и организациями, должностными лицами, гражданами. В Уголовно-процессуальном кодексе принцип законности конкретизирует возбуждение уголовного дела. В обязанности дознавателя, следователя, прокурора, суда входит неукоснительное соблюдение материального и процессуального законодательства. Нарушение норм УПК влечет за собой признание полученных доказательств как неприемлемых. Все судебные решения, решения судей, прокуроров, следователей, органов дознания, руководителей органов дознания, руководителей органов дознания, следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. В случае нарушений закона принимаются меры по их устранению.

Принцип отправления правосудия только по решению суда (ст.ст. 47, 118 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ). Принцип отправления правосудия только судом предусматривает исключительное право суда рассматривать и разрешать уголовные дела. Подсудимый не может быть лишен права рассматривать свое уголовное дело в этом суде и судьей, юрисдикция которого передана ему в соответствии с УПК. Этот принцип создает правовой режим, при котором отмена или изменение решения суда возможна только вышестоящим судом в особом порядке, установленном законом. Судебные решения, вступившие в законную силу, как правило, обязательны для всех государственных органов, общественных объединений и граждан.

Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ). Согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на

защиту своей чести и доброго имени. Этот принцип применяется на всех этапах уголовного процесса. Никакие благородные цели не могут оправдать применение пыток, жестокого или унижающего достоинство обращения, а также насилия, не предусмотренного законом, для участника уголовного процесса.

Принцип личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ). В соответствии с правом на неприкосновенность личности (ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса) никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или задержан при отсутствии законных оснований, предусмотренных в Уголовно-процессуальном кодексе. Без решения суда лицо не может быть задержано на срок более 48 часов. Арестованные или задержанные должны содержаться в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью.

Принцип защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 2,45,46,51,52,53 Конституции РФ, ст. 11 УПК РФ). Защита прав и свобод человека в уголовном процессе возлагается на суд, прокурора, следователя, следственный орган и дознавателя, которые обязаны разъяснять участникам процесса свои права и обязанности и обеспечивать возможность реализации этих прав. Если имеется достаточно доказательств того, что участникам процесса, их близким родственникам или другим близким лицам угрожают насилием или другими опасными незаконными действиями, суд, прокурор, следователь, следственный орган и сотрудник, проводящий допрос, должны принять меры безопасности, предписанные законом в отношении этих лиц. Ущерб, причиненный лицу в результате нарушения его прав, возмещается в порядке и на основаниях, установленных УПК [4].

В законодательстве ДНР, а именно в уголовном кодексе, прописаны следующие принципы:

1. Принцип законности (ст. 3 УК ДНР).
2. Принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК ДНР).
3. Принцип вины (ст. 5 УК ДНР).
4. Принцип справедливости (ст. 6 УК ДНР).
5. Принцип гуманизма (ст. 7 УК ДНР).
6. Принцип неприкосновенности жилища (ст. 142 УК ДНР).
7. Основание уголовной ответственности (ст. 8 УК ДНР).

В задачи Уголовного кодекса ДНР также входит защита прав и свобод человека и гражданина, имущества, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Донецкой Народной Республики от преступных посягательств и обеспечение мира и безопасности человечества, а также предотвращение преступлений (ст. 2 УК ДНР).

Эти принципы и задачи общепризнаны и основаны на международном праве [4, с. 3-4].

В законе ДНР «О судебной системе» в статье 1 упоминается принцип осуществления судебной власти только судом [6].

Законодательство ДНР пребывает в режиме доработки и не совершенно до конца. К примеру, такие принципы, как уважение чести и достоинства человека, неприкосновенность личности, тайна переписки, презумпция невиновности и т.д., не прописаны в Уголовном кодексе ДНР. Уголовный кодекс ДНР сообщает о наказании за несоблюдение данных принципов, однако не говорит, из чего они состоят. Для того чтобы это устранить ошибки, мы можем воспользоваться опытом Российской Федерации. Также, для того чтобы данные принципы функционировали, следует отчетливо определить условия, при которых данные принципы будут действовать, поведение участников права и процесса, а также форму санкции за неисполнение данных принципов. Как только будут указаны все три элемента, данные принципы станут функционировать, минуя сбои и непонимания.

Таким образом, мы предлагаем внести поправки в главу 1 Уголовного кодекса ДНР «Задачи и принципы Уголовного кодекса ДНР», добавив ст. 9 «Принцип уважения чести и достоинства личности: В ходе уголовного процесса запрещается принимать меры, принимать решения, жестокое обращение и другие действия, унижающие честь участника преступного деяния, его человеческое достоинство или представляют опасность для его жизни и здоровья».

Общеправовые принципы представляют немаловажную значимость в процессе регулирования общественных взаимоотношений, которые являются составляющей субъекта абсолютно всех отраслей права без исключения. Это в основном сопряжено с тем, что данные принципы берут свое происхождение в Конституции. Таким образом, можно допустить, что общеправовые принципы необходимо рассматривать как структурный компонент права, собственно как систему принципов права в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова Н. А. Уголовно-процессуальное право: Учебное пособие. 2-е изд., стереотип. – М.: МГИУ, 2008. – 158 с.
2. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019).
4. Сайт Иркутское Районное муниципальное образование // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://irkraion.ru/2014-12-15-00-58-36/4005-printsipy-ugolovnogo-protsesssa-razumnnyj-srok-ugolovnogo-sudoproizvodstva>. Дата обращения: 06.01.2020 г.
5. Народный Совет Донецкой Народной Республики. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №2. Уголовный кодекс ДНР. – Д.: Издательский дом «Эдит», 2018. – 200 с.
6. Закон Донецкой Народной Республики «О судебной системе Донецкой Народной Республики» от 31.08.2018 года № 241-ИНС.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. In the paper, an analysis is made of some principles of criminal legal proceedings. The author discloses the importance of the principles of criminal legal proceedings, specifies their degree at various production phases and displays a place of each specified principle in criminal legal proceedings.

Keywords: principles of criminal trial, the principle of implementation of criminal legal proceedings in the reasonable time, the principle of legality, justice implementation by only court, a presumption of innocence, competitiveness of the parties, freedom of an assessment of proofs.

Savkina M.

Scientific adviser: Gulina S.N., Senior Lecturer

Donetsk National University

Email: sng.nauka@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Свиридова К.Е.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматривается развитие и внедрение автоматизированных информационно-поисковых систем в единое информационно-телекоммуникационное пространство правоохранительных органов.

Ключевые слова: автоматизированная информационная система, информационно-коммуникационные технологии, информация, правоохранительная деятельность, информационные ресурсы

Современное общество характеризуется выраженными явлениями глобализации и перехода от индустриального общества к информационному. Под воздействием научно-технического прогресса повсеместно внедряются новые информационные технологии, которые способствуют быстрому и эффективному развитию как государства в целом, так и отдельно взятой сферы деятельности, отдельной личности. На сегодняшний день информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь, поскольку именно информация является одним из самых ценных ресурсов общества.

Значимость процессов перехода к «информационному обществу» хорошо осознается ведущими странами мира и стимулирует на дальнейшее развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры и выработку новых информационных ресурсов. В последнее время происходит разработка и реализация программ информатизации деятельности органов государственной власти, в том числе и правоохранительных органов. Это связано с осознанием того, что на сегодняшний день информационная инфраструктура превращается в условие, определяющее национальную и региональную конкурентоспособность, а развитие и активное внедрение новых информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) существенно повышает показатели деятельности в различных сферах жизни. Информация и знания становятся важным ресурсом и необходимым условием социально-экономического развития. Актуальность выбранной темы состоит в том, что информационное обеспечение правоохранительных органов в настоящее время, во время укрепления становления и развития государства является одной из самых насущных и в то же время одной из самых сложных задач, затрагивающей интересы, всего государства. Появление новых средств компьютерной техники, программного обеспечения и программных продуктов позволяет открывать новые возможности по их использованию. Данные обстоятельства приводят к необходимости изучения компьютерных технологий и нахождения эффективных путей применения, которые состоят в совершенствовании нормативно-правовой базы и создании методов их использования.

Термин «технология» определяется как совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материалов или полуфабрикатов, осуществляемых в процессе производства конечной продукции [1].

Информационные технологии представляют собой технологические процессы, охватывающие информационную деятельность работников, связанную с подготовкой и принятием управленческих решений.

Информационные технологии находятся в постоянном развитии и совершенствовании. Этому способствует появление новых технических средств,

разработка новых концепций и методов организации данных, их передачи, хранения и обработки, форм взаимодействия пользователей с техническими и другими компонентами информационно-вычислительных систем.

Закон Донецкой Народной Республики № 71-ИНС «Об информации и информационных технологиях» (далее – Закон ДНР № 71-ИНС) – от 24.08.2015г., принятый Постановлением Народного Совета 07 августа 2015 года закрепляет основные понятия, используемые в настоящем Законе [2]. Согласно статье 2 Закон ДНР № 71-ИНС:

1) информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления;

2) информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов;

3) информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств;

4) информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники;

Государственная политика в сфере использования информационных технологий призвана создать необходимые условия для работы в правоохранительной деятельности, которая будет способствовать дальнейшему снижению преступности не только в реальной действительности, но и в интернет-пространстве, а также будет способствовать повышению доверия к органам правопорядка и созданию безопасной жизни граждан.

Глава Донецкой Народной Республики заявил, что в Республике запущена программа цифровизации в министерствах, ведомствах и государственных структурах. По его мнению, информатизация госорганов позволит более полноценно выполнять обязательства между властью и гражданами, а также ускорит и упростит процессы взаимодействие власти и граждан.

Эффективность борьбы с преступностью определяется уровнем организации оперативной, следственной, профилактической работы, проводимой органами внутренних дел. В свою очередь, результаты этой работы зависят от качества информационной поддержки, поскольку основные усилия практических работников в расследовании, раскрытии и предотвращении преступлений так или иначе связаны с получением необходимой информации, именно эти функции и призваны обеспечить систему информационного обеспечения органов внутренних дел, которая поддерживает значительный объем информации.

Основополагающую роль в информационном обеспечении правоохранительных органов занимают учеты, используемые для регистрации первичной информации о преступлениях и лицах, их совершивших [3, с. 339].

Поисковые программные средства могут найти широкое применение в оперативно-розыскной деятельности (непроцессуальная форма), в том числе и до возбуждения уголовного дела. Факт обнаружения объектов (программ закладок, программного обеспечения для изготовления вирусов или для осуществления взлома компьютерных сетей и т.п.) может послужить основанием для возбуждения дела и производства расследования. В процессуальной форме поисковые программные средства могут найти применение при проведении следственных действий, таких как следственный осмотр (все его виды), выемка предметов, документов и электронной почтовой корреспонденции, следственный эксперимент, выполняемый с целью опытной проверки показаний.

В оперативно-розыскной деятельности в области расследования компьютерных преступлений целесообразно применять криминологическое прогнозирование индивидуального и преступного группового поведения. Определенную информацию можно извлечь, анализируя сетевой трафик локальных и региональных компьютерных сетей. Полезную информацию могут дать и анализ платежей клиентов за телефонные услуги.

Прогнозирование может успешно осуществляться в основе первичных материалов оперативного учета, так как его банки информации создаются на основе прогноза вероятности преступного поведения определенных криминогенных контингентов. Именно прошлое их поведение (судимость, правонарушения, антиобщественные поступки, большие успехи в области программирования), настоящее (поддержание криминальных связей, паразитизм, склонность к антиобщественным занятиям, склонность создавать программы «вандалы») дают основания для прогностических выводов о вероятном противоправном поведении в будущем.

Следует согласиться с А.С. Овчинским в том, что «получение собственно оперативно-розыскной информации происходит уже в процессе аналитической обработки некоторых информационных продуктов». Поэтому термин «информационное обеспечение» все чаще стал заменяться термином «информационно-аналитическое обеспечение», «информационно-аналитическая работа», «информационно-аналитический поиск» [4, с. 36].

А.Я. Минин определяет информационно-аналитическую работу как исследовательско-познавательную функцию, осуществляемую специализированными подразделениями органов внутренних дел с помощью информационных технологий, системы организационных мероприятий и методических приемов при изучении явлений, представляющих оперативный интерес» [5, с. 19].

Следует отметить, что решение задач поиска, отбора и систематизации такого рода информации предполагает использование интегрированной информационной системы, возможности которой позволяют существенно расширить информационную базу, необходимую для информационно-аналитического обеспечения, снизить затраты времени на поиск и отбор исходной информации, своевременно определять аспекты, по которым следует проводить анализ информации, а главное – в процессе аналитической обработки данных обеспечить выявление сущности и динамики пространственно-временных и причинно-следственных связей между исследуемыми фактами, явлениями, процессами.

В результате первоначально имеющиеся данные преобразуются в новую, выводную информацию, которая позволяет готовить предложения по нейтрализации криминальных угроз, принимать обоснованные оперативные и управленческие решения, подготавливать планы действий, правильно распределять силы и средства, осуществлять координацию и взаимодействие.

Автоматизированная информационно-поисковая система (далее – АИПС) – программный продукт, предназначенный для реализации процессов ввода, обработки, хранения, поиска, представления данных т.п.

В настоящее время в управлении структурными подразделениями органов внутренних дел используются различные автоматизированные системы. Необходимо отметить, что все эти системы имеют разные структуры, разное техническое, программное и методическое обеспечение, разное функциональное назначение. Это связано с целым рядом причин, основной из которых является отсутствие координации в разработке и внедрении таких систем, все они создаются, как правило, на основе инициативы «снизу». Эти системы решают задачи профилактического, оперативно-розыскного, оперативно-справочного, управленческого, экономического и специального назначения. Несмотря на различия, все автоматизированные информационные системы имеют общие структурные элементы:

- информационный фонд (база данных): массив документов (текстов, записей);
- технические средства и носители информации: ЭВМ, магнитные диски, магнитные ленты и т.п.;

- программно-языковые средства: операционная система, система управления базами данных, информационно-поисковый язык, машинный язык и т.п.

В качестве примера АИПС существующей на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) можно представить АИПС «Полис» [6].

Поступившее в орган внутренних дел сообщение о происшествии незамедлительно вносится в книгу учета сообщений о происшествиях (далее – КУСП) с присвоением ему соответствующего регистрационного номера, а первичная информация о происшествии в течение 30 минут вводится в подсистему «Факт» Автоматизированной информационно-поисковой системы Министерства Внутренних Дел ДНР «Полис».

Данная система значительно ускоряет процесс поиска и анализа необходимых данных и, следовательно, составления по ним отчетов, справок, сводок, позволяет свободно и легко объединять данные из различных учетов. Можно выделить следующие цели создания данной системы:

- повышение оперативности работы сотрудника дежурной части за счет сокращения времени на ввод необходимой информации, уменьшения числа возможных при вводе ошибок, которое достигается с помощью устанавливаемых в системе ограничений и масок ввода;

- хранение информации по принятым сообщениям в автоматизированной базе данных, обеспечивающей возможность быстрого поиска необходимых в работе данных, их анализа, использование результатов анализа для подготовки различных отчетов, возможность многократного вывода информации на бумажные носители;

- защита данных от несанкционированного доступа. Предлагаемая система должна иметь возможность ввода данных, их редактирования, сохранения и удаления; поиска информации, соответствующей заданному запросу; подготовки отчетов; просмотра составленной документации, ее печати и т.д.

Использование данной системы сотрудниками внутренних дел позволяет высвободить время, затрачиваемое на учет сообщений, поступающих в дежурную часть, оперативнее подготавливать аналитические сводки и справки по заявленным категориям преступлений и правонарушений.

Перспективные информационные технологии обеспечивают принципиально новый уровень обобщения, передачи, трансформации, аккумулируемой или извлекаемой из различных форм информационных ресурсов, создаваемых и используемых в процессе жизнедеятельности общества. Цель государственной политики в сфере информации – построение информационного пространства, в рамках которого будут реализованы права граждан на информацию.

Нормативно-правовое регулирование в сфере использования информационных технологий является эффективной правовой основой для реализации прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования информационных технологий. В рамках совершенствования нормативной правовой базы в отношении информационных технологий необходимо обеспечить:

- 1) содержательное раскрытие положений законодательства Российской Федерации об информации как отдельном объекте правового регулирования;

- 2) необходимо систематизировать и унифицировать терминологию, употребляемую в действующих и разрабатываемых нормативных актах;

- 3) принятие федерального закона о праве на информацию;

- 4) внесение изменений в Федеральный закон от 10 января 2002 г. №1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», в основании гармонизации указанного закона с международными правовыми актами;

5) принятие федерального закона об электронном документообороте [7].

В настоящее время, к примеру, в органах внутренних дел России накоплен значительный массив оперативно-розыскной и справочной информации, необходимой работникам правоохранительных органов для проведения оперативно-следственных и розыскных мероприятий, а также для решения других служебных задач. Оперативно-аналитический поиск информации правоохранительными органами сегодня могут обеспечить лишь современные информационные технологии. Повышение эффективности работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений в сфере высоких технологий в настоящее время невозможно без интеграции в их деятельность новых информационных технологий [8].

Продолжается поиск и разработка отдельных направлений возможного усовершенствования уже существующих ИТ в юридической деятельности. Так, например, российскими учеными Е. В. Булгаковой и В. Г. Булгаковым разработано программное средство для хранения видеоархивов данных, основанных на динамических признаках человека, предназначенное для решения криминалистических задач. Эта программа имеет встроенные алгоритмы для сравнения походки человека с данными, хранящимися в базе данных. Особое значение разработчиками программы придается обеспечению информационной безопасности системы. Она реализуется с помощью безопасной конфигурации на уровне СУБД, парольной защиты, шифрования базы данных, установления прав доступа, и др. Использование терминалов предоставления сотрудниками полиции услуг населению полностью переведет регистрацию обращений граждан в электронный вид, что исключит вероятность уклонения от регистрации обращений, отказов гражданам в приеме сообщений, и, в результате, это позволит повысить качество фиксации информации и ответственность сотрудников полиции [9, с. 215].

Таким образом, в научной литературе выделяют ряд основных целей, которые направлены на автоматизацию управления. Как правило, к ним относят следующее:

- повышение научной обоснованности и качества принимаемых решений благодаря использованию математических методов и моделей;
- повышение гибкости управления и его способности реагировать на изменение условий деятельности органов внутренних дел;
- повышение оперативности управления за счет своевременной и целенаправленной подготовки информации для принятия управленческих решений;
- повышение производительности труда лиц, принимающих решения;
- снижение затрат на управленческую деятельность;
- изменение технологий работы руководителей [10].

Тем не менее, по нашему мнению, говоря о внедрении ИКТ в управленческую деятельность руководителей, следует отметить, что от их применения управление само по себе инновационным не становится. Только правильное понимание руководителем следственного органа места и роли информационных технологий для осуществления ведомственного и процессуального контроля способствует своевременному выбору и эффективному использованию наиболее оптимальных управленческих решений, направленных на достижение необходимого результата уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
2. Закон «Об информации и информационных технологиях» Донецкой Народной Республики № 71-ІНС от 07.08.2015, действующая редакция по состоянию на 03.09.2015/ Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 03.01.2020. – Загл. с экрана)

3. Худяков А.Н. Информационные технологии в правоохранительной системе России: состояние и перспективы развития / А.Н. Худяков // Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. – 358 с.
4. Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность: Монография / Под. ред. заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.И. Попова. – М.: ИНФРА-М, 2002. -97 с.
5. Кубов Р. Х. Информационно-аналитическое и методическое обеспечение уголовной политики в сфере противодействия организованным формам преступной деятельности/Р. Х. Кубов // Российский следователь. -м., 2008,п № 17.-с.19-20.
6. Приказ Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики № 1135 от 22.10.2018 года «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и рассмотрения в органах и подразделениях внутренних дел Донецкой Народной Республики заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях и происшествиях» / Официальный Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvddnr.ru/doc/ob-utverzhenii-instrukcii-o-poryadke-priema-registracii-i-rassmotreniya-v-organah-i> (дата обращения: 05.01.2020. – Загл. с экрана).
7. Распоряжение правительства Российской Федерации «Совершенствование нормативной правовой базы в сфере использования информационных технологий» от 27.09.2004 n 1244-р (ред. от 10.03.2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=334526-0&rnd=A8D0357854A34EF37D6EE1163F88A80A&req=doc&base=EXP&n=446009&REFDOC=334526&REFBASE=EXP#rttd813dr> (дата обращения: 05.02.2020. – Загл. с экрана).
8. Белозеров О. И., Андрейченко П.М. Тенденции развития информационных технологий в системе правоохранительной деятельности / О.И. Белозеров, П.М. Андрейченко // Научный журнал. 2019. №2 (36). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-informatsionnyh-tehnologiy-v-sisteme-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 02.02.2020. Загл. с экрана).
9. Семененко Г.М., Стрижченко И.А. К вопросу эффективности применения информационно-телекоммуникационной технологии приема обращений граждан в органы внутренних дел // Международный научный журнал «Символ науки» (№ 9), 2015. С. 215-216.
10. Познанский Ю.Н. Информационные технологии как средство повышения эффективности деятельности руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2017. №4 (44). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-kak-sredstvo-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-rukovoditeley-organov-predvaritelnogo-sledstviya-v> (дата обращения: 03.02.2020. Загл. с экрана).

INFORMATION TECHNOLOGIES AS A MEANS OF IMPROVING LAW ENFORCEMENT IN THE DONETSK PEOPLE REPUBLIC

Annotation. The article considers the development of automated information retrieval systems into a single information and telecommunication space of law enforcement agencies.

Keywords: automated information system, information and communication technologies, information, law enforcement, information resources

Sviridova K.

Scientific adviser: Timoshenko N., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: kleostar.1598@yandex.ua

МЕСТО И РОЛЬ ИНСТИТУТА НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ГЕНЕЗИСЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Слайковский Е.А.

*Научный руководитель: Степанова Ю.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье представлен анализ института независимой экспертизы нормативных актов, их проектов, определены приоритетные направления взаимодействия с иными государственными и негосударственными правовыми институтами Донецкой Народной Республики, современное состояние воздействия на осуществление правотворческой деятельности в Республике, обозначены перспективы воздействия на нормотворческий процесс.

Ключевые слова: независимая правовая экспертиза, независимая антикоррупционная экспертиза, генезис, нормативный акт, правотворчество.

Правотворческий процесс выступает инструментом регулирования и в то же время своеобразной площадкой диалога между органами государственной власти и обществом. Качество содержания нормотворчества, его регулирования социально-экономических, общественно-политических и иных сфер отношений, оптимизация наиболее полного достижения представляемых целей и задач возможны при надлежащем уровне правовой культуры, выраженном в соответствующих методах и приемах юридической техники. В связи с этим объективную значимость в государстве приобретает институт независимой экспертизы нормативных правовых актов, а научные исследования в данной тематике, бесспорно, являются своевременными и актуальными.

Цель нашего исследования состоит в проведении комплексного анализа института независимой экспертизы нормативных актов, их проектов, определении на основе обозначенного анализа приоритетных направлений взаимодействия с иными государственными и негосударственными правовыми институтами Донецкой Народной Республики, а также оценки в рамках представленного генезиса эффективности их воздействия на осуществление правотворческой деятельности в Республике, повышения качества в спектре необходимой результативности нормотворческого процесса.

Прежде всего, проанализируем сущность института независимой экспертизы нормативных актов и ее обособленные черты. Фундаментальной правовой основой деятельности независимых экспертов является статья 31 Закона Донецкой Народной Республики (далее – ДНР, Республика) от 07 августа 2015 г. № 72-ІНС «О нормативных правовых актах», предусматривающая проведение ведомственной и независимой экспертизы проектов нормативных правовых актов [1].

Согласно действующему законодательству независимая экспертиза проводится аккредитованными при Министерстве юстиции ДНР экспертными организациями из числа научных, образовательных и иных организаций соответствующего профиля, экспертами из числа ученых и специалистов [2]. При этом, подчеркнем, что для проведения данной экспертизы привлекаются экспертные организации и эксперты, которые не принимали непосредственное участие в подготовке соответствующего проекта и не находятся в ведении органа государственной власти, муниципалитета, осуществляющего подготовку данного проекта. В то время как ведомственная экспертиза осуществляется в отношении проектов нормативных правовых актов уполномоченными структурными подразделениями государственных органов, органов

местного самоуправления, их специалистами, организациями, находящимися в ведении этих органов, согласно ч. 3 ст. 31 Закона «О нормативных правовых актах» [1].

Одной из основных отличительных особенностей независимой экспертизы ведомственной является объем анализа и мониторинга по содержанию нормативного акта, его предварительного проекта. Так, если ведомственная экспертиза, осуществляемая ведомственными органами государственной власти, проводится на стадии создания и подготовки проекта нормативного правового акта, комплексного рассмотрения отдельных императивных и диспозитивных предписаний, то независимая экспертиза может проводиться по вопросам, вытекающим из положений уже вступившего в силу законодательства, обладая при этом практикой правоприменения и достигнутых определенных результатов в преобразовании общественных отношений.

При том, отметим, что для проведения независимой экспертизы проекта нормативного правового акта привлекаются лица, не заинтересованные непосредственно в правотворческом процессе создания и принятия проекта нормативного документа, что в свою очередь, на наш взгляд, позволяет успешно реализовать поставленные задачи, всесторонне и объективно рассмотреть сферу воздействия правовых норм.

Кроме того, проведение независимой экспертизы проектов нормативных правовых актов может осуществляться на безвозмездной основе, за счет средств соответственно государственного бюджета, местного бюджета или внебюджетных источников финансирования, что в свою очередь обеспечивает дифференциацию применяемых средств, методов, научно-исследовательских категорий, в том числе, в дальнейшем изложении содержания данного исследования, в спектре представляемых квалифицированному эксперту вопросов рассматриваемого нормативного акта.

В свою очередь, рекомендательный характер заключений независимых экспертов, как особое свойство, на наш взгляд, в относительной степени является преимущественной чертой рассматриваемого института, поскольку, в отличие от ведомственной (государственной) экспертизы, не обременено ограничениями, возникающими в процессе деятельности государственного аппарата. Как следствие, независимая правовая экспертиза позволяет осуществлять мониторинг более широкого круга общественных отношений, наряду с формой их закрепления и регулирования, а также имеет особую превентивную и профилактическую функции в выявлении пробелов и коллизий как публично-правовых, так и частно-правовых категорий.

Обращаясь непосредственно к вопросу о воздействии института независимой экспертизы нормативных актов, их проектов в генезисе правотворческой деятельности Республики, отметим, прежде всего, что развитие независимой экспертной деятельности в первую очередь, оказывает существенное воздействие на законотворческий процесс. Как подчеркивает Третьякова Е.-Д. С., экспертиза законопроектов оказывает эффективное воздействие на формирование качественного законодательства только тогда, когда она представляет собой структурный элемент системы именно научно-правового обеспечения законодательного процесса, а потому при нарушении последовательности или игнорировании одного из элементов мы можем прогнозировать неизбежность снижения качества принимаемых законодательных актов [3, с. 53].

При этом, симбиоз ведомственного и независимого экспертного анализа содержания проекта закона катализирует степень качества оценки обоснованности, своевременности, а также правомерности законопроекта, в контексте соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина как одной из основополагающих целей, возложенных на экспертную деятельность ч. 1 ст. 31 Закона «О нормативных правовых актах». Особенно остро это проявляется в функциях определения и выявления, как потенциальной эффективности, так и негативных

последствий принятия законодательного акта (п.п. 2, 3 ч. 1 ст. 31 Закона «О нормативных правовых актах») [1]. Неоспоримая целесообразность привлечения независимых экспертов на профессиональной основе обоснована также необходимостью метафизического подхода с их стороны к всестороннему, полному и объективному исследованию природы закладываемых в фабулу явлений, которое возможно при учете современных реалий общественных отношений с целью предотвращения расхождений между требованиями законодательных императивов и существующей объективной действительности.

Представленный подход приобретает особую актуальность для ДНР в ретроспективе разработки и принятия ряда необходимых для действующей правовой системы кодифицированных актов, таких, как Трудовой Кодекс ДНР, Гражданско-процессуальный Кодекс ДНР, Кодекс об административных правонарушениях и т.д., учитывая при этом особенности историко-правового генезиса Республики, в частности выработанные в юридической практике «живые» догмы.

Иным «стратегически» значимым направлением воздействия независимой экспертной деятельности на процесс правотворчества Донецкой Народной Республики выступает экспертиза нормативных правовых актов органов местного самоуправления. В рамках разрешения вопросов местного значения качество содержания, юридическая техника нормативного акта, конкретное прямое действие его норм приобретают особую значимость.

На современном этапе в Республике, в соответствии с Указом Главы ДНР от 19.05.2015 г. № 13 «О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики» (далее – временное положение о местных администрациях) [4], среди возложенных на местные администрации приоритетных задач, наряду с вопросами местного значения, отдельное внимание отводится созданию условий повышения культуры общества (в том числе, правовой – прим. автора), а также правового и информационно-аналитического обеспечения деятельности в решении данных вопросов (п.3.1. временного положения о местных администрациях). Исходя из вышеизложенного, дедуктивным путем мы приходим к обоснованному логическому заключению, что юридически грамотное и качественное правотворчество в пределах возложенных задач прямо пропорционально качеству проводимой экспертной оценки, которая возможна лишь при взаимодействии структурных подразделений и общественных институтов на территории муниципалитетов.

Назревшая необходимость внедрения такой модели взаимодействия общественных и управленческих институтов в правотворческой деятельности на местном уровне подкрепляется и доктринальными позициями. Так, Т. М. Абдиев отмечает, что решение вопросов местного значения населением муниципального образования опосредованно или непосредственно может выражаться в процессе проведения независимой экспертизы как элемента муниципального правотворчества [5, с. 6]. Соответственно, жители образования имеют право участвовать в осуществлении оценки, представляющей собой элемент процесса местного правотворчества. В то же время, Р. О. Долгов отождествляет независимых аккредитованных экспертов с гражданами, проживающими на территории муниципалитета и местными институтами гражданского общества, тогда как С. В. Маркиянов и Е. А. Егорычева рассматривают роль субъектов независимой экспертизы муниципальных нормативных актов в посредничестве между «активными» гражданами муниципального образования с одной стороны и государственными органами юстиции с другой [5, с. 5].

Анализируя в спектре сравнительного права опыт Российской Федерации во взаимодействии института независимой правовой и антикоррупционной экспертизы с нормотворческой деятельностью органов местного самоуправления, отметим, что,

начиная с 2011 года (с момента общегосударственного реформирования института независимой экспертизы нормативных актов Правительством Российской Федерации) по состоянию на текущий период нормативно-практическая база такого взаимодействия успешно реализуется на местном уровне. Объектом независимой правовой и антикоррупционной экспертизы выступают как устав муниципального образования, так и, практически, любой муниципальный акт, согласно ст.ст. 3, 42 Федерального Закона РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Как подчеркивает из собственной практической деятельности Е.В.Артемов, вполне справедливой является позиция, при которой независимые эксперты, наравне с иными неаккредитованными институтами гражданского общества, не имеют каких-либо ограничений в выборе предмета экспертизы [6, с. 66].

В Донецкой Народной Республике мы можем отследить тенденцию стремления к подобной концепции. Так, Закон ДНР от 14.09.2018 г. № 244-ІНС «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» включает в перечень актов, подлежащих экспертизе, в том числе независимыми экспертами, устав муниципального образования, муниципальные акты, иные акты местного самоуправления, подлежащие государственной регистрации [7]. Практика реализации изложенных положений нашла свое отражение в создании независимой антикоррупционной экспертизы при местных администрациях. Примером является аккредитация независимых экспертов при администрации г. Макеевки. Порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов администрации города Макеевки и ее территориальных органов [8] подчеркивает целевую направленность на устранение коррупциогенных факторов в вышеупомянутых актах. Поскольку коррупциогенный фактор есть многопрофильный аспект, мнение независимых специалистов имеет практически ключевую роль в оценке «прозрачности» принимаемых норм.

Тем не менее, потенциал, заложенный в институт независимой экспертизы на сегодняшний день, по мнению автора, недостаточно отображен в действующей правовой действительности. Так, рассматривая организацию местного самоуправления, мы наблюдаем и в Донецкой Народной Республике, и в Российской Федерации необоснованно усеченную тенденцию проведения независимой правовой экспертизы, которая затрагивает ключевые аспекты оказания воздействия муниципального нормотворчества на развитие общественных отношений, выходящих за рамки воздействия коррупциогенных факторов. На наш взгляд, в свете разработки и рассмотрения законодателями Республики в последующем законопроекта о местном самоуправлении ДНР, целесообразным является закрепление на нормативном уровне рекомендательного характера проведения независимой экспертизы всех муниципальных актов, как правовой, так и антикоррупционной в совокупности, в том числе актов, принятых в результате непосредственного волеизъявления населения.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что институт независимой экспертизы нормативных правовых актов является неотъемлемым элементом в генезисе современного правотворчества как на государственном, так и на местном уровне. Однако, на наш взгляд, нецелесообразно ограничивать роль независимой экспертной деятельности лишь в рассмотренном контексте.

Как справедливо отмечают А.И. Морозова и О.С. Короткова, суть института независимой экспертизы заключается во взаимодействии государства с гражданским обществом, международными организациями и гражданами [5, с. 5]. Разделяя приведенную доктрину, отметим, что внедрение независимой экспертной деятельности в иные институты значительно, по нашему мнению, усовершенствует общественные механизмы воздействия на нормотворческий процесс.

Примером приведенному тезису выступает деятельность Общественной палаты ДНР. Говоря о такой основной функции Общественной палаты ДНР как общественный контроль, следует отметить, что законодатель не дает его дефиницию, а лишь указывает в ст. 1 Закона ДНР «Об Общественной палате» о возможности его осуществления в соответствии с данным нормативным актом и ограничивается перечислением его основных форм (ч. 1 ст. 20), среди которых выделяет общественную экспертизу. Отсутствие конкретики в основном законодательстве порождает определенную неясность в объеме и точности проведения общественной экспертизы [9, с. 131]. Применительно к нашему исследованию, отметим, что в юридической литературе под объектом общественной экспертизы, как правило, подразумевается конкретное властное решение органа публичной власти, выраженное в определенной нормативной форме.

Возвращаясь к опыту Российской Федерации, следует подчеркнуть тот факт, что общественная экспертиза Общественной Палаты России и общественных палат субъектов РФ проводится в отношении законопроектов представительных органов государственной власти. Поскольку в Донецкой Народной Республике заложены схожие постулаты в деятельности Общественной палаты, в том числе, идея совместного участия в правотворчестве институтов гражданского общества и органов государственной власти, то включение на нормативном уровне института независимой экспертизы в качестве альтернативного вида общественной экспертизы внесло бы определенную конкретику в осуществление общественного контроля, поскольку рекомендательное подкрепление мнением независимого специалиста усиливает воздействие общественной экспертизы и тем самым, на наш взгляд, способствует повышению правовой культуры граждан ДНР.

Аналогичную неясность мы можем наблюдать в правовом поле осуществления общественной экологической экспертизы, предусмотренной ст. 68 Закона ДНР от 30.04.2015 г. № 38-ІНС «Об охране окружающей среды» [10]. Вопросы экологического нормирования и контроля всегда для территории Республики являются актуальными и дискуссионными. Так, ранее обозначенное временное положение о местных администрациях в п. 3.1 одной из приоритетных задач обозначает также обеспечение охраны окружающей среды, улучшение экологического состояния на предприятиях, в коммунальном хозяйстве, рациональное использование природных ресурсов, муниципальных земель, а также обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия. Законом «Об охране окружающей среды» наделены правом проведения общественной экологической экспертизы как общественные организации и объединения, так и граждане, путем воздействия на государственные и муниципальные правовые решения, согласно ч.ч. 3,4 ст. 68 [10]. В то же время экспертиза может служить основанием инициирования государственной экологической экспертизы. Именно независимая экспертиза проектов нормативных актов, на наш взгляд, приобретает ключевое значение в случаях, когда основанием является видоизменение окружающей среды в результате принятых нормативных решений в качестве доказательственного подкрепления наряду с заключением общественной экспертизы.

Анализируя обозначенные органами государственной власти целевые перспективы республиканских программ государственного развития, мы приходим к выводу, что в дальнейшем роль в правотворческой деятельности Республики независимой экспертной деятельности в отношении нормативных правовых актов усилится. Так, Правилами предоставления кредитов банковскими учреждениями в Республике, утвержденными Постановлением Правления Центрального Республиканского Банка ДНР 10 октября 2019 г. № 298 (регистрационный номер 3495) предусмотрено предоставление кредитных средств юридическим и физическим лицам в соответствии с условиями государственных программ развития экономики Донецкой

Народной Республики. В дальнейшем намечается перспектива к расширению сферы частного кредитования, что требует соответствующего нормативного обеспечения, в том числе с заключением экспертных экономико-правовых исследований.

В заключении, на основании вышеприведенного исследования мы приходим к обоснованному выводу, что уже на сегодняшний день институт независимой экспертизы нормативных правовых актов, их проектов оказывает влияние на нормотворческие процессы в Донецкой Народной Республике. В рамках нашего исследования мы определили роль данного влияния в условиях взаимодействия при оценке правовых актов, их прогнозирования, повышения уровня юридической техники и правовой культуры в целом, государственных и не государственных субъектов. Обозначенные направления дальнейшего воздействия независимой экспертизы на генезис формирования законодательства, являются лишь частью элементов, формирующих перспективы развития возникающих новых общественных отношений, что подчеркивает необходимость в расширении данного исследования в последующем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О нормативных правовых актах: Закон Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 г. № 72-ІНС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>;
2. Об утверждении Порядка аккредитации юридических и физических лиц в качестве экспертов (экспертных организаций), уполномоченных на проведение независимой правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов: Приказ Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 11.07.2019 г. № 592. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/npa/0027-592-20190711/>;
3. Правовая экспертиза нормативных правовых актов: учеб. пособие / Е. В. Раздьяконова, Е.-Д. С. Третьякова; РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. – 168 с.
4. О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 19.01.2015 г. № 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/npa/0001-13-20150119/>;
5. Аблиев, Т. М. Теоретические проблемы антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №. 6;
6. Артемьев, Е. В. Об отдельных вопросах проведения независимой антикоррупционной экспертизы в отношении муниципальных правовых актов и их проектов / Е. В. Артемьев // Гражданин и право. – 2016. – №. 7. – С. 63-68;
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Закон Донецкой Народной Республики от 14.09.2018 г. № 244-ІНС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ob-antikorrupsionnoj-ekspertize-normativnyh-pravovyh-aktov-i-proektov-normativnyh-pravovyh-aktov/>;
8. Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов администрации города Макеевки и ее территориальных органов: Распоряжение Главы администрации г. Макеевки от 01.11.2019 г. № 850. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://makeyevka.ru/>;
9. Слайковский, Е. А. Теоретико-правовые вопросы деятельности Общественной Палаты ДНР / Е. А. Слайковский // Актуальные вопросы права и государственного строительства: Материалы студенческой научно-практической конференции (11 апреля 2019 г.). – Выпуск XXIII. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 531 с. – С.131-132.
10. Об охране окружающей среды: Закон Донецкой Народной Республики от 30.05.2015 г. №38-ІНС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/>

PLACE AND ROLE OF THE INSTITUTE OF INDEPENDENT ASSESSMENT OF LAWS AND REGULATIONS IN THE GENESIS OF LAWMAKING OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article analyzes the institute of independent assessment of laws and regulations, their drafts, identifies priority areas for interaction with other government and non-government legal institutions of the Donetsk People's Republic, the current state of impact on law-making activities in the Republic, outlines the prospects for impact on the legislative process.

Keywords: independent legal assessment, anti-corruption assessment, genesis, legal act, lawmaking.

Slaykovskiy E.A.

Scientific adviser: Stepanova Y.S., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: slaykovskiy99@inbox.ru

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АНТАРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ

Слизовский В.А.

*Научный руководитель: Степанова Ю.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе проанализированы особенности и сущность международно-правового статуса Антарктики как территории с особой правовой защитой. Рассмотрены территориальные претензии различных государств и природоохранный режим региона.

Ключевые слова: Антарктика, международно-правовой статус, международное публичное право, Договор об Антарктике 1959 г., территориальные претензии.

Антарктика – это большая (52,5 млн км²) область на самом юге планеты, имеющая обширную территорию, включающую в себя континент Антарктиду, прилегающие к нему острова и участки Атлантического, Индийского и Тихого океанов (т.н. Южный океан) [1, с. 40]. Граница Антарктики проходит по линии антарктической конвергенции¹ в пределах 48 – 60° ю. ш. Для этого района земного шара характерно обилие различных природных ресурсов. Металлические руды: железо, вольфрам, медь, титан, драгоценные металлы; углеводородное сырьё: нефть, природный газ, каменный уголь (≈35-51 млрд тонн условного топлива, может достигать до 70 млрд тонн); биологические ресурсы: многочисленные виды рыб и криля – и это далеко не исчерпывающий перечень богатств региона (например, в ледниковом покрове Антарктиды сконцентрировано около 80 % всей пресной воды на Земле).

Стоит заметить, пользование этими природными ресурсами, как и любая другая экономическая деятельность (кроме научной, ограниченного рыболовства и туризма) в районах Антарктики не допускается. Это связано с тем, что принадлежность территории этого континента и прибрежных к нему вод, не отнесена к ведению какого-либо из государств на политической карте мира и находится под международно-правовой защитой. В 2020 году будет уже 200 лет с момента открытия Антарктиды 16 января 1820 года российскими мореплавателями Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым. Следует отметить, что исторические попытки преобразовать районы Антарктики в свои доминионы имели место во внешней политике колониальных держав начала и первой половины XX в. Так, среди государств, претендовавших на районы Антарктики можно выделить: Британскую империю, Французскую колониальную империю, Королевство Норвегию и другие. В размежевании территории преобладал секторальный принцип деления материка и прибрежных вод по долготе, вплоть до 60° ю. ш. Современное положение дел создаёт значительные препятствия в освоении этого материка, хотя и продиктовано защитой экологической безопасности и охраной окружающей среды, принципами адекватного природопользования и сохранности экологического равновесия антарктического региона.

¹ Антарктическая конвергенция или Антарктический полярный фронт – зона Южного океана, окружающая Антарктику, в которой холодные, текущие на север, воды Антарктиды встречаются с более теплыми водами Тихого и Атлантического океанов.

Однако, не всё так однозначно. На территории Антарктики имеют свои территориальные претензии семь государств:

- Великобритания;
- Норвегия;
- Австралия;
- Франция;
- Новая Зеландия;
- Чили;
- Аргентина (рис. 1).

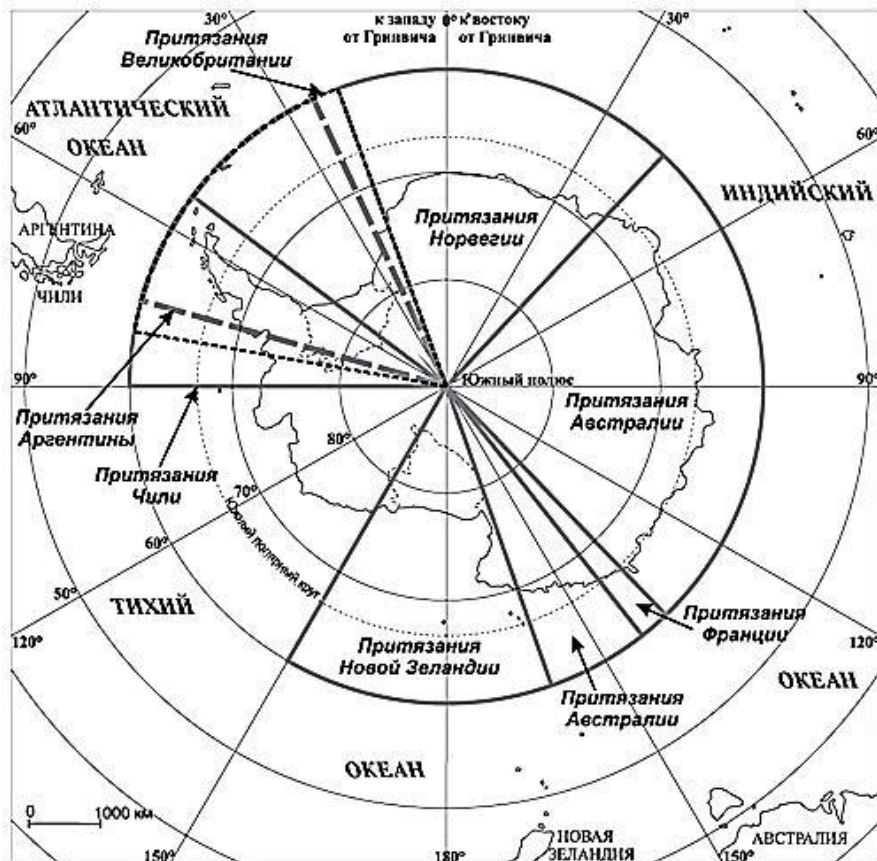


Рисунок 1 – Территориальные претензии в Антарктике

Эти государства успели официально оформить свои притязания на территориальный суверенитет над Антарктическими районами до вступления в силу 1 декабря 1959 года международного Договора об Антарктике, о котором далее будет подробно изложено.

Актуальность исследований в этой тематике обусловлена большим стратегическим потенциалом использования ресурсов Антарктики человечеством для экономических, рекреационных (полярный туризм), научных и многих других целей, а также важностью определения и поддержания международно-правового статуса этих территорий, в связи со сложным сплетением геополитических интересов различных государств.

Целью данной научной статьи является рассмотрение особого международно-правового статуса территорий Антарктических районов.

В первую очередь следует разъяснить само понятие международно-правового статуса территории относительно районов Антарктики. В международном праве Антарктика относится к территориям с международным режимом, к которым приписывают, прежде всего, сухопутные, водные и воздушные пространства (в т.ч.

континентальный шельф, поверхность морского дна), находящиеся в общем пользовании, т.е. доступны для равного освоения любыми государствами. Данная территория находится вне границ какого-либо государства и соответственно на эти области не распространяется государственный суверенитет. Статус и режим подобных территорий может быть урегулирован исключительно институтами международно-правовой юрисдикции, т.е. международными организациями, объединениями и т.д. (например, ООН и его структурами и др.). Международно-правовой режим подобной территории может устанавливаться только специальным международным договором (например, территории с демилитаризованным статусом, со статусом нейтралитета).

Так, 1 декабря 1959 года на Конференции по Антарктике в городе Вашингтон (США) был подписан Договор об Антарктике. Текст договора был составлен на английском, французском, русском и испанском языках, причём каждый вариант является аутентичным [2]. Договор вступил в силу 23 июня 1961 года. Данный документ был изначально ратифицирован 12 странами, которые были первоначальными участниками договора. На данный момент сторонами договора являются 29 консультативных сторон (в т.ч. Российская Федерация, Украина и др.) и 25 неконсультативных сторон (в т.ч. Республика Беларусь, Греция и др.), разница в правовом статусе которых заключается в возможности участия в принятии решений на Консультативных совещаниях по Договору об Антарктике.

Примечательно, что согласно договору, в целях обеспечения исполнения соглашений, в любых районах Антарктики имеют право находиться наблюдатели стран-участниц для проведения инспекций (закреплено в статье 7 Договора).

На одном из очередных Консультативных совещаний по Договору об Антарктике 1 сентября 2004 года было решено создать специальный международный орган – международную организацию «Секретариат Договора об Антарктике». Штаб-квартира организации находится в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Сферами деятельности организации были провозглашены:

- проведение и организация ежегодных Консультативных совещаний по Договору об Антарктике и заседаний Комитета по охране окружающей среды;
- сотрудничество в области распространения данных между сторонами, в соответствии с Договором от 1959 года и Протоколом от 1991 года;
- сбор, хранение, архивирование и распространение документов Консультативных совещаний по Договору об Антарктике и Комитета по охране окружающей среды;
- распространение информации относительно деятельности в Антарктике и о системе Договора об Антарктике от 1959 года [3].

Посредством подписания указанного договора за Антарктическими районами был закреплён статус-кво, т.е. на эти районы больше не могут выдвигаться новые территориальные претензии государств и расширяться старые. А те территориальные претензии, которые были официально оформлены до заключения Договора об Антарктике, официально не признаются международным сообществом. Некоторые страны на момент подписания договора отказались от своих территориальных притязаний (Германия, Япония). Оставили за собой право на выдвижение территориальных притязаний в дальнейшем: Перу, правопреемница Союза Советских Социалистических Республик – Российская Федерация, США и Южно-Африканская Республика. Остальные государства официально не имеют никаких притязаний в отношении районов Антарктики (кроме ранее указанных).

Основополагающим постулатом заключённого в 1959 году договора является объявление Антарктических районов безъядерной зоной (запрет на проведение ядерных испытаний, захоронения радиоактивных материалов и т.п.), зоной без вмешательства военных контингентов (а также полный запрет на испытание любых

видов вооружения), и зоной поощрения свободы научных исследований, международного сотрудничества и использования Антарктических районов в интересах всего человечества. Данный принцип закреплён в ст. 1, ст. 2, ст. 5 Договора от 1959 года [2].

Договор стал воплощением сбалансированного компромисса между странами. Государства пошли на международное урегулирование режима использования Антарктики, хотя и не отказались от своих претензий на территории района, о которых систематически пытаются напоминать [4, с. 83].

Для обеспечения всеобъемлющей охраны окружающей среды Антарктических районов, сохранности их экосистем, 4 октября 1991 года в городе Мадрид (Испания) был подписан Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике, вступивший в силу в 1998 году. Данный протокол имеет исключительную важность в урегулировании природоохранного режима и режима освоения Антарктических районов, в нём детально прописаны природоохранные принципы (ст. 3), сотрудничество сторон (ст. 6), оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) (ст. 8), положения о Консультативных совещаниях по Договору об Антарктике (ст. 10), положения о Комитете по охране окружающей среды (ст. 11), положения о инспекциях (ст. 14), ответственность сторон (ст. 16), урегулирование споров (ст. 18). Важным является и тот факт, что в статье 7 «Запрещение деятельности, связанной с минеральными ресурсами» провозглашен запрет на любую деятельность, связанную с минеральными ресурсами, за исключением научно-исследовательской деятельности, т.е. запрещается вся экономическая (в т.ч. и промышленная добыча полезных ископаемых) деятельность в районах Антарктики. Согласно Протоколу, геологоразведочная деятельность на материке и шельфе находится под запретом до 2041 года. Оговорки к данному Протоколу не допускаются, что закреплено ст. 24 [5].

В процессе заключения договоров и освоения Антарктических районов было принято решение создать особый природоохранный объект – заповедные Антарктические охраняемые территории. Данные территории являются самым большим природным заповедником на планете, которого почти не коснулась рука человека.

Антарктические охраняемые территории состоят из трёх типов природоохранных объектов:

- Антарктическая особо охраняемая природная территория (ASPА) – 72 объекта;
- Особо управляемые районы Антарктики (ASMA) – 7 объектов;
- Исторические места или памятники (HSM) – 92 объекта.

Для охраны этих мест были выработаны соответствующие принципы поведения в отношении учёных и посетителей-туристов, вторгающихся в природоохранные зоны. Список, статус и режим природоохранных мест были закреплены в Приложении V к Протоколу по охране окружающей среды [6].

Особое значение для экологической безопасности районов Антарктики имеет процедура оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС). ОВОС – это экологическая экспертиза, предназначение которой состоит в определении характера, интенсивности и степени опасности влияния производственно-хозяйственной деятельности на состояние окружающей среды и состояние здоровья населения. Внимание на этот природоохранный институт обратила Э.Ю. Богданова в своей статье «Процедура оценки воздействия на окружающую среду – важнейший инструмент защиты Антарктики». Она определяет ОВОС как «процедуру, проводимую в целях определения вреда деятельности человека для окружающей среды», при чём ОВОС, согласно заключениям Генеральной Ассамблеи ООН, проходит в два этапа: начальная ОВОС и широкая ОВОС. Широкая ОВОС заключается в детализации оценки воздействия на окружающую среду, дачу прогнозов относительно дальнейшего

состояния природоохранных объектов, создании программ мониторинга для уменьшения или смягчения воздействия человека на окружающую среду и прочих мероприятиях [7, с. 472].

Таким образом, районы Антарктики на данный момент обладают специальным международно-правовым охранным статусом; территория этого региона не относится к ведению ни одного из государств мира; на эти районы не распространяется государственный суверенитет, однако имеют место территориальные притязания различных государств (из-за пересечения геополитических интересов). Для обеспечения специального статуса этих районов был заключён ряд международных договоров и приложений к ним, которые образуют целостную систему; создана специальная международная организация – «Секретариат Договора об Антарктике». Учёными, на данный момент, разрабатываются специальные процедуры по прогнозам и оценке, относительно воздействия человека на экосистемы районов Антарктики, одной из таких процедур (которая является одним из основных инструментов в данном направлении) является процедура оценки воздействия на окружающую среду – ОВОС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический географический словарь. – Москва: РИПОЛ классик, 2011. – 800 с.
2. Договор об Антарктике. – [от 01.12.1959]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.ats.aq/ats/treaty_original.pdf – Дата обращения: 30.05.2019. – Загл. с экрана.
3. Секретариат Договора об Антарктике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ats.aq/index_r.htm – Дата обращения: 30.05.2019. – Загл. с экрана.
4. Илюшина, Н.В. Проблема территориального раздела Антарктики / Н.В. Илюшина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – №5, 2015. – С. 81-86.
5. Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике. – [от 04.10.1991]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.ats.aq/recatt/Att006_r.pdf – Дата обращения: 30.05.2019. – Загл. с экрана.
6. Annex V to the Protocol on environmental protection to the antarctic treaty area protection and management. – [от 04.10.1991]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.ats.aq/recatt/Att004_e.pdf – Дата обращения: 30.05.2019. – Загл. с экрана.
7. Богданова, Э.Ю. Процедура оценки воздействия на окружающую среду – важнейший инструмент защиты Антарктики / Э.Ю. Богданова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – №12, 2012. – С. 470-480.

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF ANTARCTIC AREAS

Annotation. This paper analyzes the features and essence of the international legal status of Antarctica as a territory with special legal protection. The territorial claims of various states and the environmental regime of the region are considered.

Keywords: Antarctica, international legal status, international public law, 1959 Antarctic Treaty, territorial claims.

Slizovsky V.

Scientific adviser: Stepanova Yu., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: vsevolod.slizovskiy@mail.ru

ЭКОЦИД – ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Сокур А.С.

*Научный руководитель: Савченко А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются определения понятий и признаков: международных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества, экоцида. Данные понятия соотнесены между собой, установлены роль и месторасположение экоцида среди данных категорий преступлений. Установлено, что экоцид является международным преступлением, которое имеет большую общественную опасность ввиду направленности посягательства на общественный порядок и на создание угрозы жизни населению конкретного государства и человечества в целом. Рассмотрено международное сотрудничество по вопросам борьбы с экоцидом, наиболее эффективной формой которого является выработка международных нормативных актов. Охарактеризована деятельность международных организаций по вопросам криминализации экоцида на международном уровне, а также установлено положительное воздействие данного процесса на реализацию международной безопасности. *Ключевые слова:* экоцид, преступления против мира и безопасности человечества, международные преступления, международное сотрудничество, экологический вред.

Серьёзные и негативные последствия в связи с нарушением целостности экосистемы зачастую связаны с осуществлением человеком деятельности, которая нарушает установленные нормы международного и национального законодательства по обеспечению экологической безопасности, что приводит к угрозе поддержания международного мира и безопасности человечества в целом.

Актуальность данной темы обусловлена нарушением и значительным ухудшением экологической безопасности на международном и национальных уровнях, а также осуществлением определенной деятельности некоторых государств, увеличивается количество правонарушений против человечества и против экологии. Международное сотрудничество государств и международных организаций направлено на всестороннее развитие и защиту окружающей среды, а также осуществляются попытки международной криминализации экоцида и принятия унифицированного международного нормативного акта, регулирующего и регламентирующего защиту всего человечества от экологической катастрофы, вызванной антропогенными и естественными причинами.

Необходимость определения понятия международных преступлений и их признаков возникла ввиду их особой общественной опасности. Однако изначально преобладали цивилистические теории, которые предусматривали единый подход к установлению ответственности государств за международные правонарушения. Ответственность государств была направлена на урегулирование последствий и на возмещение ущерба, причиненного в результате совершения правонарушения. Со временем в международной практике появилась новая концепция, которая предусматривает возложение ответственности на физических лиц в качестве официальных представителей государства или в качестве частных лиц.

В международном праве отсутствует единое понятие «международное преступление». С целью его определения рассмотрим характерные признаки таких преступлений:

1. Нарушение установленных норм международного права и условий международных договоров.

2. Уголовно-наказуемые деяния, совершенные физическими лицами и затрагивающие интересы нескольких государств.

3. Нарушение установленных международных стандартов в области защиты прав человека, которые должны быть соблюдены при разработке и применении норм национального уголовного законодательства [1, с. 99].

4. Индивидуальная уголовная ответственность.

5. Совершаются в случае неспособности государства подавить или остановить данные преступления, а также в случае если прямо или косвенно террористическая деятельность поддерживаются государством.

6. Универсальный интерес в наказуемости данных правонарушений [2, с. 386-387].

Рассмотрим понятия «международные преступления» и «преступления против мира и безопасности человечества». Под международными преступлениями понимают преступления особой общественной опасности, выражающиеся в нарушении установленных международных стандартов в области защиты прав человека, международных норм и условий международных договоров, влекущие индивидуальную уголовную ответственность виновных лиц. Под преступлениями против мира и безопасности человечества понимают общественно опасные деяния, посягающие на мирное сосуществование и развитие государств, безопасность международного мира и человечества в целом, общественный порядок и конституционный строй конкретного государства. Таким образом, преступления против мира и безопасности человечества являются составной частью международных преступлений, уголовная ответственность за нарушение которых предусматривается национальным законодательством и имеет основополагающее значение в вопросах обеспечения международной безопасности.

Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за следующие виды преступлений против мира и безопасности человечества [3]:

➤ Уголовная ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353).

➤ Уголовная ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354).

➤ Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1).

➤ Уголовная ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355).

➤ Уголовная ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356).

➤ Уголовная ответственность за геноцид (ст. 357).

➤ Уголовная ответственность за экоцид (ст. 358).

➤ Уголовная ответственность за наемничество (ст. 359).

➤ Уголовная ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

➤ Уголовная ответственность за акт международного терроризма (ст. 361).

Рассмотрев перечень уголовно-наказуемых деяний, входящих группу преступлений против мира и безопасности человечества, можно сделать вывод о том, что экоцид является международным преступлением. Преступления против мира и безопасности человечества имеют большую общественную опасность, т.к. посягательства направлены на общественный порядок и создают угрозу жизни населения, а также данные преступления характеризуются двойственной природой, т.е. составы данных преступлений можно отнести как к формальным, так и к материальным составам, например, ведение агрессивной войны, применение оружия массового поражения, уничтожение, которые означают действия и последствия этих действий [4, с. 152].

В настоящее время актуальной становится проблема сосуществования человека и природы. Достижение гармонии взаимодействия между человечеством и природной средой нуждается в правовом регулировании, а соответственно и во всеобщем признании необходимости установления юридической ответственности на международном уровне за экологические правонарушения и экоцид.

Переходим к рассмотрению сотрудничества государств и международных организаций на международном уровне с целью криминализации экоцида как преступления против мира и безопасности человечества.

Международное сотрудничество по борьбе с правонарушениями, наносящими ущерб окружающей среде, предполагает различные формы взаимодействия государств и международных организаций с целью недопущения нанесения непоправимого вреда природной среде и человечеству в целом. Так, наиболее эффективным средством взаимодействия является создание нормативных актов и выработка рекомендаций по отдельным вопросам. Так, основными международными актами по охране окружающей среды и противодействию экологическим правонарушениям являются:

- Положение о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г., принятая в Гааге.

- Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью от 29.11.1969 г., принятая в Брюсселе.

- Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г., принятая в Женеве.

- Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принятый на дипломатической конференции в Женеве от 08.06.1977 г.

- Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13.11.1979 г., принятая в Женеве.

- Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики от 20.05.1980 г., принятая в Канберре.

- Всемирная Хартия природы от 28.10.1982 г., принятая в Рио-де-Жанейро.

- Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14.06.1992 г., принятая в Рио-де-Жанейро.

- Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 04.11.1998 г., принятая в Страсбурге и другие.

Данные международные акты регламентируют: военные права и обязанности, состав вооруженных сил воюющих сторон, правовой статус военнопленных и их содержание, правовой статус больных и раненных, права и обязанности воюющих сторон в отношении них, запрет применения определенных средств нанесения вреда; основания возмещения и освобождения от возмещения вреда лицам от загрязнения, утечки, слива нефти из судов; обязанность государств не применять использование средств воздействия на природную среду во враждебных целях, имеющих серьёзные последствия; обязанность при ведении военных действий проявлять заботу о защите природной среды от долговременного ущерба; обязанность охраны человека и окружающей среды от загрязнения воздуха, сокращать и предотвращать его загрязнения, осуществлять обмен информацией, научно-исследовательской работой по вопросам выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух; предотвращение сокращения численности популяций морских живых ресурсов в определенных территориях, поддержание экологических связей между популяциями, принятие мер к сохранению и восстановлению морских живых ресурсов; провозглашение человека как части природы, уважение природы и не нарушение её основных процессов, умеренное использование природных ресурсов; право на здоровую жизнь в гармонии с природой,

право разработки ресурсов, сотрудничество государств в духе глобального партнерства; квалификацию уголовных преступлений и административных правонарушений с учётом национального законодательства, меры по установлению юрисдикции, необходимость принятия мер на национальном уровне по созданию условий для применения мер уголовного наказания за данные правонарушения и другие.

Таким образом, наличие соглашений на международном уровне выступает необходимым элементом взаимодействия государств и международных организаций в сфере противодействия причинения вреда окружающей среде. Однако, не все нормы перечисленных международных актов добросовестно исполняются государствами, что связано с лоббированием интересов конкретных государств, которые не беспокоятся о безопасности всего человечества, что осложняет эффективную борьбу с преступлениями против окружающей среды. Также отсутствие эффективного механизма на международном уровне, который имел бы обязательный и универсальный характер в вопросах регулирования и регламентации отношений, возникающих в сфере охраны окружающей среды, для субъектов международного права.

Экоцид для отечественного законодательства новый состав, который совершается не часто в сравнении с иными преступлениями, ввиду чего отсутствует надлежащее научное освещение данного состава. Международные организации занимаются вопросами экологии и проблемами её сохранения, поддержания допустимого состояния окружающей среды, а также предотвращения негативного воздействия, однако, на международном уровне отсутствует закрепление унифицированного понятия «экоцид».

В научной литературе существуют различные подходы к формулировке данного понятия. В широком смысле – полное уничтожение экосистемы, а в узком смысле данное понятие рассматривается по составляющим: уничтожение растительного и животного мира, нанесение ущерба атмосферному воздуху, водным и лесным ресурсам, что может привести к экологической катастрофе. Несмотря на многообразие подходов к определению понятия и формулировок, все они сходны в том, что экоцид предполагает активные действия с целью ухудшения или уничтожения природной среды. Также некоторые авторы в определении понятия «экоцид» акцентируют внимание на причинение вреда не только природной среде, но и непосредственно человеку. Таким образом, экоцид – международное экологическое преступление, которое совершается как в период вооруженного конфликта или военных действий, так и в мирное время с целью нанесения ущерба природе и антропогенным объектам, которое влечёт угрозу безопасности человечеству [5, с. 39].

Экоцид влечет за собой уничтожение флоры и фауны, загрязнение водных источников и атмосферного воздуха, что создаёт угрозу существованию человека. Акт экоцида создаёт угрозу экологической катастрофы и состоит в устойчивом нарушении функционирования экологических систем, приводя к уничтожению их биологического разнообразия.

Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принятый на дипломатической конференции в Женеве от 08.06.1977 г., содержит нормы, регламентирующие защиту природной среды от серьезного, долговременного и обширного ущерба при ведении военных действий. Защита природной среды предполагает запрет использования средств и методов, которые могут причинить ущерб природной среде, а соответственно и здоровью населения. Однако, следует понимать, что экологический ущерб окружающей среде возможен не только в процессе военных действий, но и существует реальная угроза экологической катастрофы вне зависимости от ведения вооруженных конфликтов.

Уголовное право имеет значительную роль в реализации мер ответственности за причинение ущерба окружающей среде и акты экоцида, которые совершаются в связи с политическим климатов или в связи с конкретными военными конфликтами. Необходимость установления уголовной ответственности за акты экоцида на международном уровне возникла ввиду обострения данной проблемы. Например, во время войны во Вьетнаме была применена тактика «выжженной территории», в период которой были применены гербициды и химические вещества с целью уничтожения всего живого, а также нарушения экологического равновесия на конкретных территориях [6, с. 75]. Распыление на территории Камбоджи и Вьетнама большого количества химических веществ привело к уничтожению тропических лесов и сельскохозяйственных угодий. Данная ситуация послужила отправной точкой в решении отнести экоцид к международным преступлениям.

С целью разрешения вопроса об ответственности государств и лиц за совершение актов экоцида представляется необходимым принятие на международном уровне унифицированного нормативного акта, например, Конвенции о запрещении совершения экоцида. Данная Конвенция не просто запрещала бы совершение определенных действий, которые могли бы причинить вред окружающей среде и человечеству в результате военных или недружественных действий, но предусматривала бы всесторонний запрет и недопущение осуществления актов экоцида ввиду угрозы не только окружающей среде, но и человечеству в целом [7, с. 292-293].

Международные организации неоднократно обращались к вопросу криминализации экоцида в предыдущем столетии. Так, в 1954 г. на шестой сессии Комиссии международного права Организации Объединенных Наций был разработан проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Изначально данный проект Кодекса содержал положения, которые регламентировали преступления, наносящие серьёзный ущерб окружающей среде. Однако, на последующих сессиях некоторые государства выступили против закрепления некоторых статей в данном проекте Кодекса и было принято решение об исключении составов, регламентирующих нанесение значительного ущерба окружающей среде.

Работа по криминализации экоцида на международном уровне продолжается. Так, юрист Полли Хиггинс совместно с коллегами разработали нормативную базу по вопросам экоцида. Основной идеей данного законопроекта является осуществление действий по предотвращению и запрету экоцида как антропогенного, так и естественного. Законопроект предполагает обязанность на международном уровне по оказанию помощи правительствам различных государств с целью предотвращения риска причинения значительного и долгосрочного экологического ущерба, а также предотвращения гибели всего человечества. Также предлагается оказание помощи государствам, которые в тех или иных ситуациях подвержены экологической катастрофе [8, с. 257-258].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что рост количества преступлений, направленных против природной среды, способен привести к негативным последствиям и угрозе биологическим основам жизни на Земле. Международная борьба с экоцидом должна иметь соответствующую правовую регламентацию, соответствующую степени общественной опасности деяния и степени тяжести последствий, а также учитывать причины и условия совершения противоправного деяния. Международное сотрудничество по борьбе с экоцидом имеет важное значение в вопросах реализации и поддержания международного мира и безопасности, а соответственно защиты всего человечества.

На современном этапе развития всё более распространённым является вред, причинённый экологической среде, что представляет собой ущерб экологии не только на конкретной территории, но оказывает трансграничное влияние на окружающую среду, что представляет собой угрозу экологической катастрофы.

Закрепление на международном уровне экоцида как преступления против мира и безопасности человечества позволит оказать влияние на государства, так принимаемые ими решения, которые могут повлечь за собой значительный ущерб или гибель окружающей среды, будут квалифицированы уже как международные преступления. Также криминализация экоцида на международном уровне позволит восполнить пробелы законодательства об охране окружающей среды, способствовать её защите и развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анникова Н. Н., Покаместова Е. Ю. Понятие и признаки международного преступления / Н. Н. Анникова, Е. Ю. Покаместова // Государство и право. Юридические науки. – 2013. – № 6. – С. 98-102.
2. Мошко Г. А., Скакун С. В., Серебрянников А. О. Международные преступления / Г. А. Мошко, С. В. Скакун, А. О. Серебрянников // Сборник статей по материалам XIV студенческой международной научно-практической конференции. – 2013. – № 8 (11). – С. 385-393.
3. Российская Федерация. Уголовный Кодекс от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (принят Государственной Думой от 24.05.1996 г., одобрен Советом Федерации от 5.06.1996 г.) ред. от 16.10.2019 г. // Собрание законодательства РФ. – 2019.
4. Новичков В. Е. Современный вектор преступлений против мира и безопасности человечества: социально-политический и уголовно-правовой аспекты / В. Е. Новичков // Журнал: Известия юго-западного государственного университета. Издательство: Юго-Западный государственный университет (г. Курск). – 2014. – № 6 (57). – С. 144-154.
5. Прохоров Л. А. К вопросу об определении содержания понятия «экоцид» / Л. А. Прохоров // Журнал: Очерки новейшей камералистики. Издательство: Юридический факультет Кубанского государственного университета (г. Краснодар). – 2019. – № 1. – С. 38-41.
6. Рамазанов М. В. Экоцид как международное преступление / М. В. Рамазанов // Издательство: Наука и Просвещение (г. Пенза). – 2019. – № 1. – С. 74-77.
7. Якимова Е. М., Чуксина В. В., Комкова Г. Н., Несмеянова С. Э. Международное сотрудничество в борьбе с экологическими преступлениями / Е. М. Якимова, В. В. Чуксина, Г. Н. Комкова, С. Э. Несмеянова // Журнал: Всероссийский криминологический журнал. Издательство: Байкальский государственный университет (г. Иркутск). – 2018. – № 2. – С. 288-298.
8. Алиев А. А. Международный закон экоцида – потенциальный инструмент против экологического ущерба / А. А. Алиев // Издательство: Чеченский государственный университет (г. Грозный)– 2018. – № 1. – С. 256-259.

ECOCID – CRIME AGAINST PEACE AND HUMAN SECURITY

Annotation. This article discusses the definitions of concepts and signs: international crimes, crimes against the peace and security of mankind, ecocide. These concepts are correlated, the role and location of the ecocide among these categories of crimes are established. It has been established that ecocide is an international crime, which has a great public danger in view of the orientation of the assault on public order and the creation of a threat to the life of the population of a particular state and humanity as a whole. International cooperation on the fight against ecocide is considered, the most effective form of which is the development of international regulations. The activities of international organizations on the criminalization of ecocide at the international level are described, and the positive impact of this process on the implementation of international security is established.

Keywords: ecocide, crimes against the peace and security of mankind, international crimes, international cooperation, environmental harm.

Sokur A.

Scientific adviser: Savchenko A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: nastya.sokur.555@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Соловьёва А.А.

*Научный руководитель: Беляева М.А., ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия прокурора в гражданском процессе, различные мнения ученых о процессуальном положении прокурора. Анализ Гражданского процессуального кодекса, а также предложены изменения для улучшения и эффективности деятельности прокурора.

Ключевые слова: прокурор, процессуальное положение прокурора, истец, гражданский процесс.

История законодательства о суде и прокуратуре показывает, что прокуратура всегда была и до сих пор связана с судом, который осуществляет правосудие по гражданским и уголовным делам. Ведь правосудие – это высшая форма правоприменительной деятельности. Законность и правопорядок выигрывают в государстве при наличии сильной судебной власти, а также должного механизма судебной защиты прав и охраняемых законом интересов юридических и физических лиц.

На сегодняшний день в соответствии с Конституцией Донецкой Народной Республики прокуратура является единой централизованной системой с иерархией нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору[1]. Организация, компетенция и порядок деятельности прокуратуры определяются Законом Донецкой Народной Республики «О прокуратуре»[2]. Данный закон устанавливает, что одной из главных задач прокуратуры является надзор за выполнением действующих на территории ДНР нормативных правовых актов. Одна из функций, которая обеспечивает выполнение этой задачи, является участие прокурора в рассмотрении судами гражданских, уголовных и административных дел.

Значимость судебной защиты прав и свобод, законных интересов граждан и публичных интересов, считается тем, что именно судебная защита в большой степени гарантирует результат истины и справедливости, а также обеспечивает применение мер государственного принуждения при возобновлении нарушенных или ущемленных прав и интересов человека и гражданина [3].

Что же касается процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве, то на этот счет мнения ученых-процессуалистов разошлись. Первая точка зрения гласит о том, что прокурор является стороной, а именно истцом. Исходя из того, что одной из функций прокурора является предъявление. Поэтому прокурор, который подал заявление становится истцом в гражданском процессе, а также он вступает в процесс для защиты нарушенного материального права.

По мнению А. А. Ференц – Сороцкого, «взаимоотношения суда с прокурором определяются так же, как и взаимоотношения со стороной, прокурор и частное лицо выступают как соистцы»[4].

Существует теория о том, что прокурор является истцом в процессуальном смысле. Данной точки зрения придерживается ученый-процессуалист В. Н. Щеглов. Он считает, что прокурор использует процессуальные права и обязанности истца, а также является субъектом доказывания своих требований, даже несмотря на то, что никакого интереса в деле не имеет и материально-правовые последствия решения суда на него естественно не распространяются. По мнению В. Н. Щеглова, «признание прокурора процессуальным истцом адекватно отражает его положение как активной стороны, наделенной правом поддержания иска с использованием всех предусмотренных законом средств и добивающейся таким путем восстановления нарушенных прав и охраняемых законом интересов»[5].

Другой же точки зрения придерживаются такие ученые, как: В. М. Гордон, А. Ф. Клейнман, К. С. Юдельсон, В. Г. Гранберг, А. С. Зелковская. Они считают, что прокурор всегда занимает самостоятельное процессуальное положение представителя государства. Данная точка зрения считается более приемлемой, по нашему мнению, в силу определенных причин, которые будут указаны ниже.

Для того, чтобы рассмотреть данный вопрос более детально необходимо ознакомиться с основными признаками сторон гражданского процесса:

- 1) гражданско-правовая заинтересованность в разрешении дела;
- 2) процессуальная заинтересованность в выгодном решении для себя;
- 3) распространение на стороны материально-правовой силы судебного решения [6].

Исходя из вышеизложенных признаков мы можем сделать вывод, что прокурор:

- 1) не имеет никакой заинтересованности в участии в гражданском процессе;
- 2) осуществляет защиту прав граждан, которые не в состоянии это сделать без чьей-либо помощи по определенным причинам, а также тех граждан, которые обратились к прокурору за защитой своих нарушенных прав;
- 3) осуществляет свое право на опротестование для защиты прав граждан, которые указаны пунктом выше.

Соответственно, можем сделать вывод, что прокурор по своему статусу не определяется признаками, которые характерны сторонам гражданского процесса. А это означает, что приравнивание его к истцу является неправильным. Прокурор, который действует в рамках своей компетенции, всегда выступает от имени государства и его представителем.

В следствии чего необходимо закрепить в Законе ДНР «О прокуратуре» и в ГПК Украины обязанность прокурора обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан [7].

Целью деятельности прокуратуры является обеспечение верховенства закона и защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и самого государства. Несмотря на это в Законе ДНР «О прокуратуре» указано право прокурора обращаться в суд с заявлением для защиты прав и свобод граждан. Об обращении в суд указано также в статье 45 ГПК Украины.

Исходя из этого можно сделать вывод, что участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами обозначается как право, а не обязанность, в следствии чего в должной мере не осуществляются цели деятельности прокуратуры по предоставлению прав и свобод человека и гражданина.

Гражданам необходима процессуальная защита прокурора, так как его участие в судебном заседании является гарантом вынесения судом решения, которое будет должным образом соответствовать требованиям гражданского законодательства.

В случае несвоевременного обращения в суд за защитой прав граждан может повлечь неблагоприятные последствия. А принцип должного выполнения требований прокурора не всегда соблюдается, поэтому более результативным средством защиты будет именно обращение в суд, а не акты прокурорского реагирования в данном случае.

В следствии чего необходимо закрепить в Законе ДНР «О прокуратуре» и в ГПК Украины обязанность прокурора обратиться в суд с заявлением для защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

В процессе изучения гражданского процессуального кодекса Украины мы видим, что согласно ст. 26 данного кодекса, прокурор относится к лицам, которые участвуют в деле, а его процессуальные права, которые закреплены в ст. 45 ГПК Украины обусловлены с положениями отдельных глав, а также вместе с инициативной формой участия включают право выступать с заключением по гражданскому делу. Статистика показывает, что в 2019 году согласно ч. 3 ст. 45 ГПК Украины прокурорами Донецкой

области было принято участие в рассмотрении 8076 гражданских дел в судах общей юрисдикции и это при том, что в этом же году судами с участием прокуроров во всех судебных инстанциях рассмотрено 7364 гражданских дел, что больше прошлогодних результатов почти на 10 %.

В таких делах как, к примеру, о выселении, восстановлении на работе или возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, которые предусмотрены ГПК Украины и другими нормативно-правовыми актами ДНР, прокурор, который осуществляет предоставленные ему полномочия, выступает в качестве защитника прав, свобод и интересов лиц, которые участвуют в деле, а также интереса общества в усилении законности.

Также необходимо обратить внимание на то, что дела так называемой «обязательной» категории обусловлены их особым социальным авторитетом, что, при условии независимости суда, не меньше выявляют позицию законодателя, что касается особого предназначения органов прокуратуры.

Прокурор, когда вступает в гражданское дело для дачи заключения, способствует осуществлению задач, которые стоят перед правосудием по тем категориям дел, которые прямо затрагивают самые важные неотделимые права вероятно незащищенных граждан, которые находятся в тяжелой жизненной ситуации.

Немаловажным фактом также является то, что участие прокурора при даче заключения по гражданскому делу происходит по установленным перечням и расширительному толкованию подлежать не должен.

Соответствующей моделью негативного влияния на важность рассмотрения гражданских дел, к примеру, может представлять неявка прокурора в гражданский процесс по тем категориям гражданских дел, где его участие является обязательным. Достаточно часто суд вынужден откладывать разбирательство гражданского дела именно по этой причине, даже несмотря на то, что отсутствие прокурора по сути не может быть основанием для отмены судом вышестоящей инстанции судебного решения. Поэтому законодательство в данном вопросе требует тщательного исследования и улучшения. Проанализировав ст.45 ГПК Украины все же непонятно и стоит разобраться: правом или все же обязанностью является участие прокурора, а также дача им заключения по гражданским делам.

Таким образом, предоставление защиты гражданских правоотношений с целью построения демократического государства, в том числе и при участии прокурора для дачи заключения по делу является надобным инструментом защиты как частного, так и публичного интереса, однако, нам он видится временным инструментом. Осуществляя правовое образование граждан, создается надежная база для объективного гражданского судопроизводства.

Подводя итог анализу норм ГПК Украины, можно сделать вывод, что прокурор – это все же самостоятельный участник гражданского процесса. Соответственно его нельзя признать ни стороной по делу, ни истцом. Поэтому те указания в ч. 2 ст. 45 ГПК Украины на то, что прокурор пользуется правами и несет обязанности, а также приобретает статус истца, создает определенные споры и противоречия в праве.

Для того, чтобы совершенствовать нормы гражданского процессуального законодательства следует более отчетливо определить статус прокурора, но для этого необходимо внести определенные изменения в ст. 45 ГПК Украины и исключить из нее указание на права и обязанности истца, которые сходны правам и обязанностям прокурора, а также необходимо изменить формулировку ч. 1 ст. 45 данного кодекса с управомочивающей на обязывающую обращаться за защитой прав граждан.

Приведенные выше, необходимые на данный момент, изменения в ст.45 ГПК Украины позволят во многом улучшить и повысить эффективность деятельности прокуратуры по защите прав, свобод и интересов граждан, а также решить проблемы

правоприменения данной статьи и как итог будет способствовать действительному обеспечению защиты прав, свобод и интересов граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики URL: <https://dnr-online.ru/konstitutsiya-donetsk/> (дата обращения : 07.02.2020г.)
2. Закон Донецкой Народной Республики «О прокуратуре»: офиц. текст (Принят Постановлением Народного Совета 31 августа 2018г.) – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakon-o-prokurature/> (дата обращения: 07.02.2020г.)
3. Гуреева О. А. Организационные аспекты обеспечения участия прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2012, С. 120.
4. Ференц-Сороцкий А. А. Прокурор в гражданском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 4. С. 91–95.
5. Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса (Лекции для студентов) / В.Н. Щеглов. – Томск: Издательство Томского университета, 1979. – 129 с.
6. Гражданский процесс : курс лекций/ сост. Е.П Войтович; РАНХиГС, Сиб.ин-т упр. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2016-49с.
7. Цивільний процесуальний кодекс України [електронний ресурс]: офіц. Текст (Відомості Верховної Ради України до 02.06.2014р.). – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1618-15> (дата звернення 08.02.2020 р.)

FEATURES OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CIVIL PROCESS

Annotation. The article considers the problem of the participation of the prosecutor in the civil process, various opinions of scientists on the procedural status of the prosecutor. Analysis of the civil procedure code and proposed changes to improve and the effectiveness of the prosecutor.

Keywords: prosecutor, procedural position of the prosecutor, plaintiff, civil process.

Solovyova A.

Scientific adviser: Belyaeva M., assistant
Donetsk National University
E-mail: solovevaanastasea@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Соловьёва А.А.

*Научный руководитель: Меркулов С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема домашнего насилия в современном обществе. Выявлены виды домашнего насилия, раскрыта социально-криминологическая сущность данного явления, предложены изменения в законодательстве ДНР в области противодействия домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, родственная связь, давление, телесные повреждения, смерть.

Проблема насилия в семье привлекает все большее внимание общества. Согласно данным криминалистики, здравоохранения, прессы, в значительной части семей сложился образ жизни, для которого насильственные межличностные отношения становятся нормой, передаются от одного поколения к другому. Всемирная организация здравоохранения понимает под насилием преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против

себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [1].

На наш взгляд, домашним насилием является использование физической силы, психологического, экономического давления, сексуального принуждения по отношению к членам семьи для подавления их воли и приобретения над ними власти.

Физическое насилие относится к одному из самых распространенных видов насилия. Оно заключается прежде всего в нанесении ударов, толчков, пинков, использовании посторонних предметов для причинения боли, пощечины, хватание, бросание, удушение, запугивание, неоказание помощи и т.п. Крайней формой физического насилия являются пытки, причинение тяжкого вреда здоровью, нанесение травм, несовместимых с жизнью.

Психологическое или эмоциональное насилие проявляется в вербальных (словесных) оскорблениях, шантаже, высказывании угроз, контроле над жизнью жертвы, в том числе в социальных сетях, над кругом ее общения, ее распорядком дня, принуждении к совершению каких-либо действий, разрушении личных вещей жертвы и т.п. Формы поведения насильника могут значительно отличаться в зависимости от условий, в которых он находится. В связи с этим сложно сказать, какие непосредственно действия или комбинация действий имеют признаки психологического насилия.

Психологическая тирания может выражаться в нескончаемых замечаниях, которую насильник называет обычной критикой, язвительные шутки, любые высказывания, которые унижают жертву. Здесь же различные запреты относительно встреч с друзьями или родственниками, выхода на работу и так далее. Другие проявления: демонстрация силы без физического воздействия.

Отдельным подпунктом можно выделить – газлайтинг. Слово берет свое начало со времен выхода киноленты «Газовый свет» (1944). В картине демонстрируется как один человек, селит сомнения в адекватности другого, не подтверждает реальность происходящих событий, и тем самым доводит его до безумия.

То есть, отрицание реальности в реальной жизни может выглядеть так:

1. «Я никогда не говорила такого, ты выдумываешь», «Тебе это показалось», «Такого никогда не было» (отрицания фактов).

2. «Ты не можешь злиться на меня», «Ты думаешь, что тебе плохо, но это не так» (отрицание эмоций).

Сексуальное (половое) насилие – это принуждение к половому акту или иным сексуальным действиям посредством применения угроз, силы и подавления воли жертвы. Сексуальное насилие обладает повышенной латентностью, в том числе и потому, что интимная сфера традиционно не является объектом обсуждения в нашей стране. Чаще всего оно используется наряду с другими видами насилия.

В обществе преобладает мнение, что изнасилование в браке не является преступлением. Проблема коренится в бытующих гендерных стереотипах: брак зачастую расценивается как наделение мужчин безусловным правом на сексуальные отношения с женщиной и на применение силы в случае ее нежелания вступить в сексуальный контакт.

Экономическое насилие может заключаться в отказе от содержания членов семьи, в строжайшем контроле над расходами членов семьи, утаивании собственных доходов, трате насильником семейных денег только на собственные нужды, самостоятельном принятии большинства финансовых решений и т.п.

Причинами экономической зависимости супруги могут являться рождение ребенка и уход за ним, запрет супруга на работу, кризис и безработица, дискриминация на рынке труда и т.п. Однако жертвой насилия может стать и работающая супруга, не

имеющая возможности тратить заработанные деньги по своему усмотрению и на собственные нужды.

Чаще всего домашнее насилие состоит из повторяющихся инцидентов разных видов насилия (физического, психологического, сексуального и экономического), реже из одного вида.

В домашнем насилии тяжкие телесные повреждения – это редкость, а вот убийства на бытовом уровне происходят в 70% случаев, если в семье присутствует тиранья. Причем совершают убийство иногда и жертвы, в процессе самозащиты, после чего их обвиняют в превышении полномочий и отправляют отбывать наказание.

Другая важная особенность домашнего насилия, отличающая его от других видов насилия, состоит в том, что обидчик и жертва связаны родственными или иными близкими отношениями. Домашнее насилие может исходить от супруга, партнера, бывшего супруга, родителей, детей, других родственников, жениха и т.д. Это усугубляет психологическую травму, получаемую жертвой насилия.

Проблема насилия в семье привлекает все большее внимание общества. Согласно данным здравоохранения, а также прессы, в значительной части семей сложился образ жизни, для которого насильственные межличностные отношения становятся нормой, передаются от одного поколения к другому.

Опрос о домашнем насилии на 2019-2020 год в Украине прошли 2,5 тыс. респондентов: над 964 человек домашнее насилие осуществляли их родители или другие родственники, над 150 человек продолжают совершать и по сей день, над 559 человек домашнее насилие совершали партнеры, с которыми они состояли в отношениях, над 187 человек насилие в паре продолжается и сейчас, и лишь над 199 человек никогда не подвергались домашнему насилию [2].

В России, по данным на 2019-2020 год, порядка 77,1 млн женщин. При расчете в 16 млн пострадавших получается, что от насилия страдает каждая пятая. Этот показатель высчитан на основе данных отчета «Репродуктивное здоровье населения России 2019-2020», подготовленного Росстатом при поддержке Фонда ООН в области народонаселения, а также отдела репродуктивного здоровья Центра по контролю и профилактике заболеваний (CDC) [3].

19 % женщин, опрошенных в рамках исследования Благополучие и безопасность женщины от ОБСЕ, считают, что половой акт без ее согласия считают оправданным, если это происходит в браке или между партнерами, живущими вместе. Однако мы не должны вычеркивать и тот вариант, в котором от насилия страдают и мужчины тоже. И мужчине психологически сложнее признаться в том, что его бьет женщина.

Одна из самых ярких иллюстраций для этой проблемы – дело сестер Хачатурян, получившее широкую огласку в мировых СМИ. В июле 2018 года в Москве трое сестер Хачатурян возрасте 17, 18 и 19 лет убили собственного отца, Михаила Хачатуряна. Впоследствии рассказывали, что отец регулярно обижал их, совершал по отношению к ним насильственные действия.

В деле Галины Каторовой, которая убила мужа, когда тот при свидетелях пытался ее задушить, Апелляционный суд вынес оправдательный приговор, то в деле Кристины Шидуковой (которая ударила мужа ножом при попытке выбросить ее в окно) коллегия присяжных в Геленджике вынесла обвинительный вердикт, и суд приговорил ее к восьми годам лишения свободы по обвинению в умышленном убийстве.

Именно такое трагическое развитие событий и должен предотвратить закон о домашнем насилии. Если он, наконец, будет принят, то жертвы насилия смогут обратить на себя внимание правоохранителей еще до того, как их убьют, усадят в инвалидное кресло или отправят в тюрьму.

В Украине же обстоит совершенно другая ситуация. 7 декабря 2017 года был принят Закон «О предотвращении и противодействии домашнему насилию». В рамках

закона создано особое подразделение полиции «Полина», занимающееся исключительно проблемами в семье. Сотрудники «Полины», опираясь на нормы нового закона, прямо на месте могут вынести срочное запрещающее предписание, по которому обидчику до 10 дней нельзя будет приближаться к жертве. Предписание может содержать одну из трех обязанностей – обидчик обязан будет покинуть место проживания или пребывания потерпевшего лица, запрет на вход и пребывание в месте проживания потерпевшего лица, запрет в какой-либо форме контактировать с потерпевшим лицом. Важным моментом является то обстоятельство, что ограничение применяется вне зависимости от имущественных прав на жилье. Фактически полиция может выселить собственника квартиры без решения суда. За нарушение защитного предписания обидчику грозит уголовная ответственность в виде общественных работ от 50 до 240 часов или арестом на срок до 6 месяцев, ограничением свободы до 5 лет или лишением свободы до 2 лет, достаточно будет всего трех сообщений в полицию.

В прочих странах ситуации отличаются, и в большинстве из них отношение к домашнему насилию более ожесточенное. Например, если в США человек будет уличен в домашнем насилии, его будут судить даже в случае, если жертва внезапно заберет заявление.

После звонка в полицию, оперативники прибывают в течение пяти минут. Учитывая, что домашнее насилие периодически приводит к летальному исходу – это достаточная причина, чтобы немедленно выехать на вызов. К слову, нередко нарушителями оказываются эмигранты, не привыкшие к такой реакции правоохранительных органов.

По приезду, полиция осматривает пострадавшую (в 96% жертвой является женщина) на предмет кровоподтеков, синяков и так далее. Осматривается жилище на предмет разрушений (стены и мебель, проломленные кулаком и т.д.). В случае обнаружения чего-то подобного, абьюзера арестовывают – следующие сутки он проводит в тюремной камере. За это время проходит слушание суда, даже если жертва вдруг решит забрать заявление.

Зачинщик домашнего насилия обязательно проходит курс терапии, в своем доме ему жить запрещено, пока не истечет срок наказания. Жертва может оформить «order of protection», обозначающий, что она не хочет получать от обидчика звонки или электронные письма. Также ему запрещается приближаться к ней на расстояние 20 метров. Задержанный обязан выполнять все условия, указанные в «order of protection». Такие защитные ордера, аресты заносят в специальное криминальное досье, и впоследствии это влияет на карьеру, получение гражданства и прочие сферы [4].

По нашему мнению, одной из основных проблем в сфере домашнего насилия продолжает оставаться слабое нормативно-правовое регулирование данного вопроса.

Для того, чтобы устранить данную проблему необходимо совершенствовать законодательство. На сегодняшний день, по меньшей мере, в сорока странах мира имеются те или иные законы, противодействующие домашнему насилию, проанализировав опыт этих стран мы пришли к выводу о целесообразности введения следующих изменений в законодательстве ДНР в области противодействия домашнего насилия:

1) внести изменения в ч.2 ст. 106, ст. 112, ст. 113, ст. 114, ст. 115, ст. 116, ст. 117, ст. 133, ст. 134 УК ДНР с указанием на деяние, совершенное в отношении членов семьи жены, сожительницы; супруга, сожителя; родителей; детей и иных членов семьи, находящихся на иждивении.

2) разработать законопроект о профилактике домашнего насилия для защиты потерпевших, в котором указать механизм борьбы с домашним насилием, отрегулировать отношения, связанные с созданием системы профилактики насилия в домашней сфере, оказанием услуг пострадавшим от такого насилия, ввести охранные ордера запрещающие агрессору приближаться к пострадавшему человеку на

определённое расстояние, преследовать его или её, а в ряде случаев ещё и обязывающий агрессора покинуть совместное жильё, предоставление пострадавшему от домашнего насилия бесплатного убежища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире /Под ред. Этьенна Г. Круга и др./ Пер. с англ. – М: Издательство «Весь Мир», 2003. – 376 с.
2. Статистика вот: домашнее насилие – новости Украины. URL : <https://ny.ua/ukraine/events/statistika-vot-domashnee-nasilie-novosti-ukrainy-50044260.html> (дата обращения : 7 февраля 2020г.)
3. Закон о домашнем насилии: защита от агрессии или развал семьи. URL: <https://news.rambler.ru/other/43109784-zakon-o-domashnem-nasilii-zaschita-ot-agressii-ili-razval-semi/?updated> (дата обращения: 7 февраля 2020г.)
4. Домашнее насилие : понятие, кто страдает, в чем причина бытового насилия, основные признаки и виды, как бороться и куда обращаться – Социальная психология – URL: <https://psylogik.ru/154-domashnee-nasilie.html> (дата обращения 7 февраля 2020г.)

PROBLEMS OF PREVENTION OF DOMESTIC CRIMES IN MODERN SOCIETY

Annotation. This paper considers the problem of domestic violence in modern society. The types of domestic violence have been identified, statistics on Russia and Ukraine are provided, and amendments to the legislation of the DPR in the field of combating domestic violence are proposed.

Keywords: domestic violence, family relationship, pressure, bodily harm, death,.

Solovyova A.

Scientific adviser: Merkulov S., Ph.D. in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail:solovevaanastasea@gmail.com

УДК 343.79

ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Соловьева Д.Р.

*Научный руководитель: Семькина Л.А., к.ю.н, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с целью такого уголовно-наказуемого деяния, как легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем. Рассмотрены основные характеристики цели – право владение, пользование и распоряжения, которые указаны в качестве обязательного элемента преступлений, предусмотренных статьями 190, 191 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики. Выявлены основные проблемы применения рассмотренных характеристик цели в связи с противоречиями в отраслях права.

Ключевые слова: легализация, цель, право владения, право собственности, распоряжение.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 190, 191 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), характеризуется прямым умыслом и специальной целью. [1, с. 78-79] В связи с вполне достаточной регламентацией субъективных признаков указанного преступления, проблем в их определении при квалификации действий лица возникать не должно. Однако на практике у правоприменителя все же возникают сложности, что может повлечь за собой нарушение основополагающих принципов уголовного права.

Субъективная сторона легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем характеризуется специальной целью – придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, которые приобретены преступным путем. В данном случае, цель является обязательным признаком субъективной стороны. Только при наличии у лица намерения придать правомерного вида права собственности, приобретенных преступным путем денежным средствам, будет наступать ответственность за легализацию денежных средств. Что же следует понимать под «приданием правомерного вида владению, пользованию и распоряжению» при легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем?

Букарев В.Д. обращает внимание на то, что все действия виновного лица при отмывании «грязных» денег в обязательном порядке должны быть направлены на придание таким деньгам правомерного вида. Например, если при вложении «грязных» денег в недвижимость либо при покупке на эти деньги иностранной валюты намерения лица направлены на защиту денежных средств от инфляции, либо это является выгодным вложением капитала, лицо не будет подлежать уголовной ответственности, так как состав преступлений, предусмотренных статьями 174, 174-1 УК РФ (статьи 190, 191 УК ДНР) отсутствует [2, с. 42].

С этой позицией не соглашается Емцева К.Э, которая акцентирует внимание на невозможности установления в ходе практической деятельности иной цели у лица при совершении им финансовых операций и других сделок, кроме как придания правомерного вида права собственности на указанное имущество. Автор указывает, что не следует недооценивать такие действия лица с «грязными» деньгами, как вложение их в недвижимость, поскольку выданный документ, подтверждающий право собственности на указанное имущество, представляет собой правомерный вид владения, пользования и распоряжения денежными средствами, добытыми преступным путем. В противном случае, у правоприменителя возникать ситуация, складывающиеся при расследовании угона транспортных средств Емцева К.Э. пишет: «Если принять позицию В.Д. Букарева, то может получиться, как с угоном автотранспортного средства – дескать, я вкладываю деньги или совершаю иную сделку не с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, добытым преступным путем, а совсем в других целях, вот, например, чтобы сохранить свои сбережения от инфляции. Докажите-ка обратное!» [3, с. 54].

В связи с разночтением содержания цели как элемента субъективной стороны рассматриваемого преступления среди теоретиков, Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 32 от 07.07.2015 г. «О судебной практики по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее – Постановление), которое должно было внести больше ясности как для ученых, так и для практиков.

Так, согласно пункту 10 Постановления под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174-1 УК РФ (статьи 190 и 191 УК ДНР), следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него. Данная цель может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества

и обеспечение возможности его свободного оборота. Такая цель может проявляться, в частности:

– в приобретении недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши и т.п. при условии осознания и сокрытия виновным преступного происхождения денежных средств, за счет которых такое имущество приобретено;

– в совершении сделок по отчуждению имущества, приобретенного преступным путем (в результате совершения преступления), в отсутствие реальных расчетов или экономической целесообразности в таких сделках;

– в совершении финансовых операций или сделок с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные в соответствующих финансовых операциях и сделках денежные средства и иное имущество приобретены преступным путем (в результате совершения преступления);

– в совершении внешнеэкономических финансовых операций или сделок с денежными средствами и иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), осуществляемых при участии контрагентов, зарегистрированных в офшорных зонах;

– в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа, в том числе принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств [4, с. 5-6].

Несмотря на судебное толкование состава преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ (статьи 190 и 191 УК ДНР) вопросов относительно понятий, включенных в содержание цели легализации доходов, приобретенных преступным путем, меньше не стало.

Правомочия, которые включены в содержание цели «отмывания» денег и иного имущества, приобретенных преступным путем, в большей степени, носят гражданско-правовой характер и заимствованы из области гражданского права. Согласно статье 319 Гражданского кодекса, действующего на территории Донецкой Народной Республики на основании ч. 2 ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики, собственник владеет, пользуется и распоряжается своим имуществом по своему усмотрению.

Алексеев С. С. указывает, что «триада» вышеуказанных правомочий раскрывает особенности статуса собственника с юридической стороны, а также абсолютность и исключительность его прав как общедозволительных [5, с. 35].

Кроме того, названные правомочия в своей совокупности исчерпывают все предоставленные собственнику возможности. Право владения – обеспеченная законом возможность обладать вещью, господствовать над ней. Право пользования характеризуется возможностью извлекать из вещи полезные свойства. Под правом распоряжения понимается обеспеченная возможность лица определять юридическую судьбу вещи.

Также, в теории гражданского права право собственности принято рассматривать в объективном и субъективном смысле. В субъективном смысле оно заключается в имеющейся у собственника юридически обеспеченной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. В объективном же смысле право собственности понимается как система правовых норм, регулирующих отношения по поводу владения, пользования и распоряжения собственником принадлежащей ему вещью [6, с. 78].

Таким образом, в научной литературе подробно раскрыта сущность каждого правомочия, составляющего право собственности. Исходя из этого, при квалификации деяний по статьям 190, 191 УК ДНР следовало бы учитывать характеристику права владения, пользования и распоряжения имуществом, предусмотренную теорией гражданского права, поскольку самим УК ДНР ничего не говорится по этому поводу. Для того, чтобы разобраться с этим вопросом, обратимся к Постановлению, указанному ранее.

Так, в пункте 10 Постановления указано, что пол целью придания правомерно вида владению, пользованию и распоряжению имуществом следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него. То есть, положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно правомочий, составляющих цель легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, противоречат характеристике, закрепленной теорией гражданского права. Например, в пункте 10 указывается, что цель легализации (отмывания) может проявляться в приобретении недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши и т. п. при условии осознания и сокрытия виновным преступного происхождения денежных средств, за счет которых такое имущество приобретено; отчуждении имущества, приобретенного преступным путем, при отсутствии реальных расчетов или экономической целесообразности совершения таких сделок. То есть, Пленум считает возможным расценивать данные действия как направленные на легализацию (отмывание) лишь при условии сокрытия источника происхождения денежных средств, а не придания им правомерно вида владения, пользования и распоряжения, т. е. права собственности, перемещая данную стадию на действия, связанные с распоряжением преступно приобретенными денежными средствами, выраженные в приобретении имущества.

Рассмотрим еще одну разновидность придания правомерно вида имущества, приобретенного преступным путем, которая указана в Постановлении – финансовые операции или сделки по обналечиванию денежных средств, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе с использованием расчетных счетов фирм-«однодневок» или счетов физических лиц, не осведомленных о преступном происхождении соответствующих денежных средств. Операции по обналечиванию денежных средств происходят через специального субъекта, – финансовые организации, – что, в свою очередь, устраняет связь между имуществом и лицом, совершившим легализацию. Отсюда вытекает и отсутствие наличия признаков цели совершения легализации незаконно приобретенного имущества, поскольку устраняется только источник незаконного происхождения.

Таким образом, судебная практика, которая направлена на устранение различных пробелов и коллизий в праве, в данном случае, только усугубляет ситуацию и ставит в затруднительное положение правоприменителя, что влечет за собой ошибки в квалификации преступных деяний. Кроме того, понятие «сокрытия», которое употребляется в Постановлении не раскрыто в полной мере и является понятием более объемным. Возникает вопрос о том, что следует считать сокрытием, если мы знаем, что сделка как способ легализации (отмывания) может быть направлена лишь на установление, изменение или прекращение гражданских права и обязанностей, в то время как для наличия рассматриваемого состава нас интересует лишь ситуация, связанная с незаконным возникновением прав на преступно приобретенное имущество.

Термин «сокрытие» буквально означает сохранение в тайне от других лиц какого-либо предмета или информации. В связи с этим сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота, по сути, может означать что угодно, исходя из буквального толкования, а именно утаивание, сохранение в тайне, неразглашение информации и т. д. В таком случае, круг возможных действий становится неограниченным [6, с. 349].

Преступления, предусмотренные статьями 190, 191 УК ДНР, по своей сущности являются достаточно сложными процессами, в связи с чем возникают сложности и при установлении цели легализации движимых вещей.

Приобретая движимое имущество одним из преступных способов, лицо приобретает фактическую возможность владеть им. В. А. Белов отмечает, что владение в гражданском праве выступает, как минимум, в четырех значениях, каждое из которых

настолько специфично, что выделить из них одно общее весьма затруднительно. Первым значением владения является то, что оно одно из правомочий собственника вещи, т. е. рассматривается как правомочие, позволяющее собственнику господствовать над вещью, осуществляя над ней физическое обладание. Второе значение заключается в том, что на основе владения вещами сконструированы различные ограниченные вещные права. Третье, установление господства, обретение фактической власти над вещью – характерный и необходимый элемент для первоначальных и производных способов приобретения права собственности. Например, если говорить о производных способах, то только договора о переходе права собственности от одного лица к другому недостаточно для возникновения права собственности у приобретателя, оно возникает лишь с передачей владения вещью на основании этого договора. Последнее, четвертое значение владения – это абстрактное, взятое вне зависимости от наличия или отсутствия субъективных гражданских прав обладание, фактическое господство над вещью. Такое владение является наиболее сложным для объяснения цивилистическим феноменом. В. А. Белов отмечает, что для изучения конструкции владения в этом спектре, не имеют особого значения юридические качества владения, приводя пример о том, что владение вора ничем не отличается от владения собственника или арендатора [7, с. 59].

Наиболее приемлемый подход по определению права владения, на наш взгляд, является установление фактического господства над вещью. Такое положение вещей воспринимается окружающими как действительное право собственности лица на имущество, даже если оно незаконно завладело им, в силу своей неочевидности.

В качестве примера можно привести следующий случай из судебной практики. Органами предварительного следствия Х. обвинялся в совершении финансовых операций с денежными средствами, приобретенными им в результате незаконного сбыта наркотических средств, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами. Из материалов уголовного дела следует, что Х. в период осуществления незаконного сбыта наркотических веществ оформил на свое имя и активно использовал в своей преступной деятельности виртуальный счет онлайн-кошелек Bitcoin, на который получал как участник организованной преступной группы криптовалюту в качестве оплаты своей деятельности по закладке наркотических средств в тайники на территории Республики Крым. Криптовалюту Х. конвертировал в рубли и через платежную систему Qiwi переводил на принадлежащую ему банковскую карту. Получив денежные переводы, Х. обналечивал их в банкоматах на территории Республики Крым и использовал для оплаты текущих расходов на личные нужды.

Рассмотрев уголовное дело в отношении Х., суд указал, что доказательства, подтверждающие совершение им указанных финансовых операций, не свидетельствуют о виновности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ст. 174-1 УК РФ (статья 191 УК ДНР). Как было указано судом, для наличия данного состава преступления необходимо совершение не просто финансовых операций или сделок с имуществом, полученным преступным путем, а действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей и придание им видимости законности (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг и пр.). Это обстоятельство отличает уголовно наказуемую легализацию от основного преступления, совершаемого с использованием финансовых институтов, целью которых является конспирация как способ получения дохода от незаконного оборота наркотиков для личных нужд, что охватывается диспозицией ст. 228-1 УК РФ (ст. 263 УК ДНР).

Таким образом, Х. осуществлял финансовые операции с денежными средствами, приобретенными им в результате совершения преступления, как было отмечено судом, в целях конспирации. В связи с этим, имея фактическую возможность владеть преступно приобретенными денежными средствами, Х. переводил их с одного счета на другой, не придавая им, таким образом, законного вида. [8].

Таким образом, учитывая все вышесказанное, приходим к выводу, что легализация – это процесс приобретения права на имущество, на которое в результате совершения предикатного преступления не было приобретено. Для установления в деяниях лица такого признака указанного преступления, как цель в виде придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению незаконно приобретенными доходами, необходимо собрать достаточные доказательства, подтверждающие законный характер происхождения имущества, приобретенного им в результате совершения преступления, и владения им, что будет приравниваться к наличию у виновного права собственности, т. е. возможности владеть, пользоваться и распоряжаться, что создаст уверенность у окружающих в законности любых действий с этим имуществом. К таким доказательствам следует относить: приобретение права собственности в результате заключения лицом фиктивного договора купли-продажи с преступно приобретенным имуществом; владение и пользование имуществом не в результате каких либо сделок, а в результате действий, которые могут выступать основанием законного владения и пользования имуществом, например, в результате перечисления денежных средств на счет лица, не осведомленного о такой деятельности, с последующим обналичиванием денежных средств. В результате этого лицо устраняет свою связь с преступно приобретенными денежными средствами, поскольку снимает их с чужого счета, без ведома его владельца. В связи с этим источник происхождения денежных средств будет известен только ему.

Кроме того, правоприменителям следует учитывать общие нормы гражданского права, характеризующие такие правомочия, как владение, пользование и распоряжение имуществом, что позволит устанавливать правильную, законную и справедливую квалификацию деяний виновного лица за преступления, предусмотренные статьями 190, 191 УК ДНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики от № ВС 28-1 от 19.08.2014 (в ред. 17.12.2019 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]- URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 02.02.2020).
2. Букарев В.Д. Некоторые аспекты квалификации субъективных признаков состава легализации (отмывания) доходов, приобретенных преступным путем [Текст]/ В.Д.Букарев // Российский судья. – М.: Юрист. – № 5.- 2006. – С.41-43
3. Емцева К. Э. Содержание цели в субъективной стороне легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем [Текст]/ К.Э. Емцева // Вестник Краснодарского университета МВД России. – № 2 (16). – 2012. – С. 53-56.
4. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятое от 07.07.2015 г. № 32 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 1) / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]- URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8442/> (дата обращения 02.02.2020).
5. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. [Текст]/ С.С. Алексеев. – М.: Норма. – 2007. – 240 с.
6. Ибрагимов Р. Т. Право собственности в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина [Текст]/ Р.Т. Ибрагимов // International Scientific Review. -2016. – № 5 (15). – С. 77–80.
7. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. [Текст] / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт., – 2016. – Т. 2. – 1009 с.

8. Приговор Ялтин. гор. суда от 20 сент. 2017 г. по материалам дела № 1-336/2017 / Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jaXgKwxvzvUY/> (дата обращения 02.02.2020)

PURPOSE AS AN ELEMENT OF THE SUBJECTIVE PARTY OF LEGALIZATION OF MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL WAY

Annotation. This article discusses issues related to the purpose of such a criminal offense as the legalization of money and other property acquired by criminal means. The main characteristics of the goal are considered – the right to possession, use and orders, which are indicated as a mandatory element of the crime provided for in Articles 190, 191 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic. The main problems of the application of the considered characteristics of the goal are identified in connection with contradictions in the branches of law.

Keywords: legalization, purpose, ownership, ownership, disposal.

Solovyova D.

Scientific adviser: Semykina L., Ph.D. in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: solovyova201497@yandex.ru

УДК 343.615.3

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Стародубов Р.Р.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос об уголовной ответственности за вред, наносимый спортсменами во время соревнований, с разными формами вины. Проанализированные данные и следующий из них вывод может оказать помощь законодателям в решении данного вопроса на практике.
Ключевые слова: Уголовная ответственность, спортсмен, спортивные мероприятия, особый субъект, согласие потерпевшего.

В настоящее время ведется активное продвижение здорового образа жизни. Одним из видов поддержания такого образа – занятие спортом. Пропаганда спорта ведется сейчас всеми доступными на данный момент способами – с помощью СМИ на ТВ, радио или интернет-ресурсах, в учебных заведениях различного уровня – от младших классов школ до старших курсов университетов. Безусловно, развивать у населения любовь к спорту, желание им заниматься – это полезное, и даже нужное занятие. Однако есть и другая – негативная сторона данного вопроса – травмы спортсменов. Их можно условно разделить на две группы: те, которые были получены по вине самого спортсмена, например, из-за неправильного использования спортивного инвентаря, и те, которые были получены в результате действий другого спортсмена – умышленных или по неосторожности. Данные деяния будут рассмотрены различными спортивными комитетами – ФИФА, ФИБА, МФХЛ, Олимпийским комитетом, и, конечно, будут приняты меры соответственно совершенному деянию. Однако у данных организаций и комитетов нет полномочий применять к лицам санкции, которые соответствуют санкциям статей за совершенное деяние, предусмотренные уголовным законодательством того или иного государства – в зависимости от места проведения соревнований и национальности спортсменов. В таком случае дискуссионным является вопрос применения на практике норм, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации (далее – РФ).

Уголовный кодекс РФ не предусматривает отдельные условия уголовной ответственности за причинение вреда на спортивных мероприятиях. Согласно части 1 статьи 14 Уголовного кодекса РФ – «Преступлением признается виновно совершенное общественно-опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания», а значит и ответственность спортсменов за причинение вреда на соревнованиях должна наступать в равной степени как и для обычных людей вне спортивных состязаний. Однако можно заметить, что на практике нормы уголовного законодательства в случаях причинения вреда во время проведения спортивных состязаний – не применяются. Есть достаточно случаев в истории, когда спортсмены получали средней тяжести, тяжкие повреждения или даже погибали по вине других спортсменов, но к ним не применялись меры уголовного законодательства.

Целью данного исследования является анализ проблемы применения норм уголовного права к спортсменам, причинившим вред другому лицу во время проведения спортивных соревнований, в РФ и других странах, и, на основе полученных результатов, разработки способа регулирования данной проблемы, с целью устранения несоответствий норм уголовного законодательства и реальной практики его применения.

подавляющее большинство обычных людей, а также многие профессиональные юристы придерживаются определенной позиции, суть которой заключается в том, что в условиях проведения соревнований, за причиненный вред, спортсмены не должны подвергаться уголовной ответственности. Оправдывая такую позицию, как правило, приводятся следующие аргументы:

1. «Спортсмен осознанно соглашается на риск причинения ему вреда или даже смерти.» Также, иногда упоминают некий «договор» или «контракт». Если же обратится к уголовному законодательству, то можно сделать вывод, что роль играют лишь компоненты, составляющие объективную сторону преступления, а место, обстоятельства и иные условия влияют лишь на размер ответственности, однако не могут её полностью исключить [1, с. 2].

2. Некоторые ученые ссылаются на ч. 1 ст. 41 Уголовного кодекса РФ – «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно-полезной цели». Общественно-полезная цель в данном случае – непосредственно пропаганда спорта, развитие молодежи и общества в целом в данном направлении. Однако, проанализировав ч. 2 этой же статьи, можно сделать вывод, о том, что, если общественно-полезная цель могла быть достигнута действиями, не связанными с риском, совершенные действия не считаются обоснованным риском [2, с. 1].

3. Данный аргумент лежит в сфере уголовного процесса: «Возбуждение уголовного дела по факту совершенного деяния происходит только по заявлению потерпевшего лица». Однако и это является неверной информацией. Согласно ч.2 ст.21 УПК РФ: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». То есть, можно сделать вывод, что уполномоченные органы обязаны реагировать на деяние соответствующими мерами. Таким образом, все основные аргументы лиц, выступающих против уголовного преследования спортсменов, виновных в нанесении вреда здоровью другим спортсменам во время соревнований, не имеют под собой никаких нормативно-правовых обоснований [3, с. 3].

Переходя к формам вины – умыслу и неосторожности, следует выделить некоторую особенность, связанную с видом спорта:

Так, например в футболе, тяжкий вред здоровью можно нанести как умышленно, так и по неосторожности. Таких примеров очень много, как за рубежом, так и в

отечественном футболе. Например, в матче «Авангард» – «Динамо», защитник первой команды Сергей Бодак при отборе мяча нанес открытый перелом Юрию Тишакову, после чего последний вынужден был завершить профессиональную карьеру футболиста вследствие полученной травмы. Уголовное дело тогда возбуждено не было. Известный случай, случившийся в Англии – нападающий «Рединга» Стив Хант, пытаясь нанести удар по мячу нанес вратарю противоположной команды Петру Чеху черепно-мозговую травму в виде сотрясения мозга и вдавленного перелома черепа. Несмотря на иную правовую систему в Англии, у них этот вопрос также не урегулирован, соответственно никаких санкций к нападающему «Рединга» применено не было. Если говорить о нанесении тяжкого вреда здоровью умышленно, то самый известный случай произошел снова в Англии – игрок клуба «Манчестер Юнайтед» Рой Кин преднамеренно нанес игроку противоположной команды открытый перелом ноги, о чем сам позже заявил в интервью. Пострадавший вскоре вынужден был завершить карьеру футболиста из-за полученной травмы. Игрок клуба «Манчестер Юнайтед» не понес никакого наказания. Приводя подобные примеры, мы преследуем цель показать, что может быть и в Российской Федерации, если не урегулировать вопрос ответственности спортсменов за совершенные во время состязаний действия [4, с. 3].

Кроме футбола, хоккея, баскетбола и иных видов спорта, которые хотя и предполагают контактную борьбу, но суть их все же состоит в другом, есть и виды спорта, основной целью которых является нанесение увечий противнику, например – бокс. Произошедший недавно громкий случай с гибелью российского боксера Максима Дадашева был освещен большинством СМИ, ведь он погиб именно вследствие вреда, причиненного ему на ринге – тяжелая черепно-мозговая травма. И это не единичный случай – ранее уже были подобные происшествия: Роман Симаков погиб в результате кровоизлияния в мозг, произошедшего вследствие неоднократных ударов по голове со стороны его противника. В связи с этим, возникает вопрос о том, как квалифицировать данные деяния. С одной стороны – неосторожность, ведь лицо не преследовало целью убийство и даже не предполагало о наступлении подобных последствий, хотя должно было и могло их предусмотреть. С другой стороны – лицо умышленно наносило вред здоровью сопернику – пусть даже и в спортивных целях. Многие ученые до сих пор спорят о субъективной стороне подобного рода деяний и не приходят к единому выводу, потому что законодателем данные случаи конкретно не описаны, что позволяет различным юристам трактовать нормы, отвечающие за эту область, по-разному [5, с. 4]. И это только случаи, которые получили огласку благодаря СМИ, а множество бойцов по всему миру, и, в частности, в РФ, получают тяжкий вред здоровью на менее масштабных состязаниях, и эти случаи остаются без внимания общественности и правоохранительных органов. Некоторые лица, которые наносят вред сопернику, зачастую делают это специально, запрещенными приемами, зная, что ничего кроме дисциплинарной ответственности в спортивной сфере им за это не будет. Именно поэтому, данный вопрос требует скорейшего урегулирования законодателем, для того чтобы избежать дальнейшие увечья и смерти на ринге и разграничить умысел и неосторожность и установить ответственность за умышленные деяния.

В отличие от РФ, вопрос причинения вреда спортсменами во время соревнований урегулирован во многих странах мира, таких как США, Япония, Германия, Бразилия и иные [6, с. 3]. Рассмотреть, как это работает, можно на примере уголовного права США. Ввиду того, что правовая система Соединенных Штатов отличается от правовой системы Российской Федерации, как такового единого уголовного кодекса у них нет, однако есть федеральные законы, которые регулируют некоторые аспекты общественных отношений и имеют силу во всех штатах. Положение одного из таких законов отвечает за вопрос правового регулирования причинения вреда спортсменами во время соревнований. Статья 2.11 Раздела 18 Кодекса США дает нам понятие

«Согласие»: «Согласие потерпевшего на поведение, вменяемое в вину как посягательство, или на его результат, является основанием для защиты, если такое согласие исключает какой-либо из элементов этого посягательства или предотвращает причинение вреда или зла, предупреждение которого имеет в виду закон, определяющий это посягательство». Согласно пункта «б» части 2 данной статьи: «В случаях, когда поведение вменяется в вину как посягательство потому, что оно причиняет телесное повреждение или создает угрозу его причинения, согласие на такое поведение или на причинение такого повреждения является основанием для защиты, если такое поведение и повреждение являются разумно предвидимым риском, с которым связано совместное участие в законных соревнованиях по атлетике или спортивных состязаниях». То есть законодатели в Соединенных Штатах предусмотрели возможность наступления случаев, перечисленных в нашей работе, и подобных им, и чтобы в какой-то степени предупредить участников, закрепили на законодательном уровне отсутствие ответственности за нанесение вреда здоровью на соревнованиях и прочих спортивных мероприятиях.

Уголовное законодательство РФ не должно отставать от других стран, где вопрос, поднятый в этой работе, давно урегулирован. Исходя из проанализированных данных, можно предложить два варианта решения проблемы:

1. Ввести в уголовное законодательство понятие «Согласие», и обозначить в объективной стороне необходимые для его применения обстоятельства.

2. Ввести в уголовное законодательство норму, подобную уже существующим в Главе 8 Уголовного кодекса РФ: «Не является преступлением причинение вреда оппоненту или другому лицу во время проведения спортивного мероприятия, то есть при контактной борьбе или ином игровом моменте». Также, следует уточнить, что: «Умышленное причинение вреда оппоненту является преступлением и будет квалифицировано по статье, признаки объективной стороны которой охватывают совершенное деяние».

Принятие любой из предложенных мер может урегулировать вопрос, который обсуждают юристы на протяжении многих лет, и это действительно важно, ведь спорт – это важная составляющая системы развития молодежи по всей стране, и он должен поддерживаться государством во всех аспектах его развития, в том числе и в правовом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безручко Евгений Валерьевич Причинение вреда здоровью при занятиях спортом: вопросы уголовно-правовой оценки // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichinenie-vreda-zdorovyu-pri-zanyatiyah-sportom-voprosy-ugolovno-pravovoy-otsenki> (дата обращения: 28.10.2019).
2. Безручко Евгений Валерьевич Причинение вреда здоровью при занятиях спортом: вопросы уголовно-правовой оценки // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichinenie-vreda-zdorovyu-pri-zanyatiyah-sportom-voprosy-ugolovno-pravovoy-otsenki> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Варданян А.В., Безручко Е.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №2 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-otsenka-prichineniya-vreda-zdorovyu-cheloveka-pri-provedenii-sportivnyh-sostyazaniy> (дата обращения: 28.10.2019).
4. М. С. Ченская Уголовно-правовые последствия причинения вреда в спорте в Англии и Уэльсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. №24 (735). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-posledstviya-prichineniya-vreda-v-sporte-v-anglii-i-uelse> (дата обращения: 30.11.2019).
5. Сорокина Т.С. Общественно опасные деяния, совершаемые в сфере профессионального спорта // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-opasnye-deyaniya-sovershaemye-v-sfere-professionalnogo-sporta> (дата обращения: 30.11.2019).

6. Иванов Валентин Дмитриевич, Райн Максим Андреевич Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за причинение вреда здоровью или смерти при занятиях спортом // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-prichinenie-vreda-zdorovyu-ili-smerti-pri-zanyatiyah-sportom> (дата обращения: 30.11.2019).

CRIMINAL RESPONSIBILITY OF ATHLETES FOR CAUSING DAMAGE DURING THE PERFORMANCE OF SPORTS COMPETITIONS

Annotation. This paper addresses the issue of criminal liability for harm caused by athletes during competitions with various forms of guilt. The analyzed data and the following conclusion can help legislators to solve this problem in practice.

Keywords: criminal liability, athlete, sporting events, special subject, victim's agreement.

Starodubov R.

Scientific adviser: Timoshenko N., Ph.D. in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: sromanmail@yandex.ru

УДК 347.2/.3

АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Степанюк Т.В.

*Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов приобретения права собственности в рамках гражданского законодательства Донецкой Народной Республики. Кроме того, автором изучается классификация оснований возникновения права собственности по Гражданскому кодексу ДНР. Все основания возникновения права собственности в данной статье разделены на первоначальные и производные. В соответствии с этим критерием проведен анализ отдельных способов приобретения права собственности. Исследованы основания прекращения права собственности.

Ключевые слова: приобретение права собственности, прекращение права собственности, приобретательная давность, сделка, находка, наследование, реквизиция, конфискация.

С 1 июля 2020 года вступает в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики, который призван реализовать закрепленную в ст.ст.5, 28 Конституции Донецкой Народной Республики гарантию права собственности [1].

В связи с этим, необходимым является изучение оснований возникновения и прекращения права собственности, как важнейших составляющих института права собственности. Они позволяют собственнику имущества осуществлять свою правомочность в полном объеме, или прекращают право собственности навсегда в случае его уничтожения.

Возникновение права собственности у одного собственника может быть логическим следствием его прекращения у другого собственника (например, в случае отчуждения имущества), что свидетельствует о трансформации субъектного состава правоотношений собственности.

Основания приобретения права собственности не раз становились предметом исследования ведущих ученых юристов, таких как: С. С. Алексеев, В. С. Толстой, В. Б. Исаков, В. А. Красавчиков и др. Цель данной статьи – современный анализ

оснований возникновения и прекращения права собственности в рамках Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики.

Как основания возникновения, так и основания прекращения права собственности, по своему содержанию следует отнести к юридическим фактам. То есть, конкретным жизненным обстоятельствам, которые влияют на возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Кроме юридических фактов, к предпосылкам возникновения и прекращения права собственности относятся нормы права, регулирующие эти основания и правосубъектность участников правоотношений собственности. Нормы права выражены в соответствующих нормативно-правовых актах Гражданского кодекса, а элемент правосубъектности ставит определенные требования к правоспособности и дееспособности владельцев. По волевому признаку юридическими фактами-основаниями могут быть как действия, так и события.

Например, действием-основанием для возникновения права собственности в рамках гражданского законодательства ДНР может стать заключение сделки по приобретению имущества, а смерть владельца становится событием-основанием для прекращения его права собственности. Действиями, в результате которых возникает или прекращается право собственности, могут быть как юридические поступки, так и юридические акты, в зависимости от того, намеревался ли владелец своими действиями создать юридические последствия. Примером этому может служить нахождение чужой потерянной вещи (юридический поступок) или заключение договора купли-продажи (юридический акт).

Общепризнанным в научной литературе принято считать разграничение оснований возникновения права собственности на первичные и производные. Подобный подход существует еще со времен римского права. Однако встречается и мнение о том, что разделение способов приобретения права собственности по разным критериям не имеет практического значения. В частности, Мейер Д.И. указывал на то, что «...само разделение оказывается потому праздным, излишним, даже вредным потому, что различие в юридических понятиях всегда дает повод думать о различии в юридических определениях, а если этого нет, то различие ведет только к ошибочному представлению» [2, с. 326].

С подобным скептицизмом мы не можем согласиться, поскольку разделение способов приобретения права собственности, необходимо при разрешении судами Донецкой Народной Республики споров о праве собственности на улучшенное арендатором имущество в рамках ст. 732 ГК ДНР [3].

Таким образом, определение особенностей первичных и производных оснований возникновения права собственности, представляет большой интерес.

К первичным можно отнести основания, при которых право собственности возникает в первый раз либо независимо от воли предыдущего владельца. Среди первичных оснований можно выделить: создание новой вещи; присвоение общедоступных даров природы; приобретение права собственности на бесхозную вещь; переработку вещи; приобретательную давность; находку; задержание бездомного домашнего животного; нахождение клада.

Порядок приобретения собственности по вышеуказанным первичным основаниям регламентируется рядом статей главы 14 Раздела 2 Гражданского кодекса. Правовые нормы этих статей в своих гипотезах устанавливают юридические факты, которые служат основаниями возникновения права собственности, а в диспозициях описываются действия претендента на право собственности, в зависимости от которых он становится либо не становится владельцем. Также в диспозициях иногда устанавливаются сроки, по истечению которых происходит переход права собственности. Тем самым осуществляется защита предыдущего владельца и предостережение от возможных злоупотреблений со стороны новых собственников.

Например, возникновение права собственности на основании находки регламентируется ст.ст.286-288 ГК ДНР. Возможные действия после нахождения имущества и ответственность за утрату находки устанавливается в ч.6 ст.286 ГК ДНР. Статья 287 ГК ДНР, в свою очередь, определяет сроки и условия, при которых возникает право собственности у лица, которое отыскало находку. А статьей 288 регламентируются обязательства, возникающие у собственника, который потерял вещь, при ее возвращении.

Вопросы, связанные с приобретательной давностью, актуальны не только с точки зрения гражданского права, но и с позиции практики ее правоприменения. Интерес к данному правовому институту поясняется двумя факторами: неопределенностью его правовой природы и недостаточной урегулированностью в Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики.

Законодатель отнес указанный институт гражданского права к числу способов возникновения права собственности наряду с приобретением права на находку и хранением. Однако, институт приобретательной давности настолько специфичен и отличается от других, что порождает интерес и вызывает много сложностей.

Подобное положение приобретательной давности в юридической науке можно оправдывать тем, что в советской цивилистике царила презумпция «государственной собственности», а потому считалось нецелесообразным говорить о приобретательной давности, поскольку с ее помощью нельзя приобрести право собственности на вещь.

Однако, современными учеными-цивилистами С.А. Сухановым, К.Толстым и В.И. Цикало неоднократно подчеркивалась необходимость законодательного закрепления приобретательной давности, что в свою очередь поспособствовало формированию цивилизованного гражданского оборота [4, с.34].

Производными можно назвать такие основания, при которых возникновение права собственности связано исключительно с волей предыдущего владельца. Среди производных оснований можно выделить: сделки, направленные на передачу имущества в собственность; приватизация, а также наследование. При производных способах, к новому собственнику переходит весь комплекс обязанностей, которым обладал предыдущий владелец.

В статье 200 Гражданского кодекса ДНР законодатель закрепил понятие сделок, где под сделкой понимаются действия физических и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Кроме того, идя по пути классического подхода к классификации сделок, ранее обозначенного в законодательствах постсоветских стран (Российская Федерация, Украина, Республика Беларусь), Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики подразделяет сделки на односторонние, двух-или многосторонние (договоры).

В понимании ст. 201 ГК ДНР, односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Для заключения договора необходимо выражение согласованной воли двух сторон (двусторонняя сделка) либо трех или более сторон (многосторонняя сделка).

К сделкам, по которым имущество переходит в собственность, можно отнести: договор купли-продажи, займа, мены и дарения.

В случае наследования наследники после смерти наследодателя получают имущество в собственность путем принятия наследства. При этом, воля предыдущего владельца, проявляется в составлении завещания или даже в его не составлении, и в последствии наследодатель соглашается с наследованием по закону [5, с. 128].

Глава 16 ГК ДНР посвящена вопросам прекращения права собственности, и в отличие от оснований возникновения, данный список является неисчерпывающим.

Так, ч. 1 ст. 294 ГК ДНР установлено, что право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от

права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

Основания прекращения права собственности можно также разграничить по волевому признаку. Так, по воле владельца, право собственности прекращается при: отчуждении собственником своего имущества, отказе от права собственности и уничтожении имущества.

Следует сказать, что возникновение права собственности по производным основаниям является последствием его прекращения по воле предыдущего собственника, то есть эти основания являются корреспондирующими и отвечают друг другу. К примеру, для предыдущего собственника, приобретение права собственности по заключенному соглашению купли-продажи, происходит вместе с прекращением права собственности на данное имущество [6, с.56].

Исходя из положений статьи 295 ГК ДНР, отказ от права собственности осуществляется лицом посредством объявления об этом либо при совершении других действий, определенно свидетельствующих о его устранении от владения, пользования и распоряжения без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Право собственности прекращает своё действие, вне зависимости от воли, в случаях, когда: отчуждение недвижимого имущества происходит в связи с принудительным отчуждением земельного участка для государственных или муниципальных нужд (изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд (статья 300), на него обращено взыскание по обязательствам собственника, отчуждение объекта незавершенного строительства происходит в связи с прекращением действия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности (статья 299), при выкупе бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, домашних животных (статьи 301 и 302); при обращении по решению суда в доход Донецкой Народной Республики имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, при обращении по решению суда в доход Донецкой Народной Республики денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, в отношении которых в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики о противодействии терроризму лицом не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения. А также при прекращении юридического лица, смерти собственника либо прекращении права собственности на имущество, которое по закону не может принадлежать этому лицу, в случае реквизиции и конфискации.

Таким образом, в большинстве перечисленных оснований, происходит прекращение права исключительно частной собственности. То есть, когда собственниками являются физические или юридические лица. Имущество по этим основаниям чаще всего переходит в государственную (муниципальную) собственность, за исключением случаев, когда юридическое лицо прекращает свою деятельность, а владелец физическое лицо умирает, либо обращается взыскание на его собственность. Тогда новым собственником могут стать субъекты частного права [7, с.66].

Следует также изучить вопросы реквизиции и конфискации. Реквизицией, исходя из положений статьи 303 ГК ДНР, является изъятие имущества в интересах общества по решению государственных органов в случае стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой собственнику стоимости имущества.

Как мы видим из анализа указанной нормы, обязательное условие реквизиции – это предварительное или последующее полное возмещение стоимости имущества его собственнику [8, с.95].

Под конфискацией законодатель понимает безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (ст.304 ГК ДНР).

В отличие от реквизиции, конфискацию можно считать деликтным изъятием имущества, поскольку она применяется по решению суда в случае совершения собственником правонарушения и стоимость имущества в этом случае не возмещается [9, с.102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Принята Постановлением № 1-1 от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/konstitutsiya>. – Дата обращения: 12.02.2020. – Загл. с экрана.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право – 3-е Изд., испр. – М.: «Статут», 2003. – 831 с.
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Принят Постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 года. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaudeyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki>. – Дата обращения: 12.02.2020. – Загл. с экрана.
4. Толстой В.С. Понятие и значение односторонних сделок в советско-гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ В.С. Толстой. – М., 1966. – 346 с.
5. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве / В.Б.Исаков. – М.: Юрид. лит., 1984.
6. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. ст. – М.: Статут, 2001. – С. 54-68.
7. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М.: Госюриздат, 1958. – 221 с
8. Мичурин Е.А. Гражданское право: учеб. пособие / Е. А. Мичурин. – Х.: Юрsvит, 2006. – 675 с.
9. Кириченко Т. Приобретение права собственности на недвижимое имущество // Юридический вестник Украины. – 2006. – № 47.

ANALYSIS OF THE GROUNDS FOR THE EMERGENCE AND TERMINATION OF PROPERTY RIGHTS UNDER THE CIVIL LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. the Article is devoted to the study of ways to acquire property rights in the framework of the civil legislation of the Donetsk people's Republic. In addition, the author studies the classification of the grounds for the emergence of property rights under the civil code of the DPR. All grounds for the origin of property rights in this article are divided into original and derivative. In accordance with this criterion, the analysis of individual methods of acquiring property rights was carried out. The grounds for termination of property rights are investigated.

Keywords: acquisition of property rights, termination of property rights, acquisition prescription, transaction, discovery, inheritance, requisition, confiscation.

Stepanyuk T.

Scientific adviser: Efremova A., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: stepanyuk.t@bk.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ: ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС И ГАРАНТИИ

Стороженко А.А.
Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Аннотация. В данной работе раскрывается значение понятия «интерес» с позиций различных областей знания, проводится отграничение понятий «субъективное право» и «законный интерес», выступающий в качестве гаранта правового статуса личности.

Ключевые слова: законный интерес, гарантии, правовой статус.

Современная теория права трактует законный интерес в виде самостоятельного правового явления, который выступает объектом правовой охраны на одной ступени с субъективным интересом. [1, с. 67]. Все же, невзирая на то, что схожее определение можно встретить во многих учебниках по теории права, неоднозначно трактует понятие и его взаимосвязь со смежными правовыми категориями специальная юридическая литература.

Дискуссию о проблемах соотношения законного интереса с другими категориями правового статуса личности, в основном, такими, как субъективные права и юридические обязанности произвела на свет определенная точка зрения, в которой утверждается, что законный интерес является самостоятельным объектом правовой охраны.

В основном законный интерес в праве рассматривается в виде формы выражения и закрепления правовых разрешений, составляющих содержание субъективного права человека наряду с правовыми возможностями. Такая формулировка привела к мыслям о наличии или отсутствии у категории «законный интерес» регулятивных свойств (регулярности, планомерности, упорядоченности).

Исследование подталкивает к необходимости рассмотреть обе позиции относительно толкования законного интереса.

Перед тем как приступить к анализу законного интереса как явления правовой действительности, следует разобрать находящееся в центре изучаемого явления определение понятия «интерес». «Интерес» можно считать общенаучным понятием, так как данная категория находит свое применение не только в юриспруденции, так же в ряде смежных наук таких как: экономика, психология, социология, философия и др.

В экономике используется определение интереса, которое имеет отраслевую специфику, более узкую направленность, чем философское и социологическое определение. Экономический интерес – это совокупность объективных мотиваций, связанных со стремлением индивидов удовлетворить свои первичные и последующие – материальные и духовные – потребности. Экономисты трактуют интерес как главную движущую силу материального и экономического прогресса [2, с. 92].

Психология трактует «интерес» как феномен человеческого сознания, который выражается в концентрации мыслей и стремлений индивида, сформулированных под их воздействием на определенный предмет или явление. Социология дает характеристику, определяя «интерес» как определенное свойство индивида или социальной общности (класса, нации, профессиональной, демографической группы и т. д.) которая влияет на социальное поведение в обществе и определяет его вероятные социально значимые действия [3, с. 92]. Философия раскрывает понятие «интерес» как причину явлений социальной действительности, силу, непосредственно предшествующую началу и развитию событий, достижений. Интерес к философской интерпретации выступает как стимул для действий социальных групп и индивидов.

Невзирая на тот факт, что различные науки вывели самостоятельные трактовки понятия «интерес», можно прийти к выводу, что в целом они тождественны и делают

акцент на основные признаки интереса как явления, выражающегося в стремлении индивида или группы индивидов удовлетворить потребность, которая и является именно «интерес».

Впервые понятие интерес в юриспруденции, был рассмотрен в качестве основы права немецким ученым Р. Иерингом. По его мнению, интересы субъектов социального взаимодействия (субъектов права) представляют собой содержание права в целом [4].

Многие авторы и современные правоведы стараются придерживаться более объективной трактовки понятия «интерес». Интерес, согласно этому подходу, формируется под влиянием внешних, по отношению к субъектам права, явлений, существующих общественных отношений. Таким образом, интерес определяется внешними социальными обстоятельствами, а не внутренним правовым сознанием индивида.

Субъективная природа интереса как социального явления является заслугой психологической школы права. Существует также чем-то похожая точка зрения, в которой нет отрицания субъективной, и объективной природы интереса как правового явления. Составляющие элементы интереса, независимо от воли индивида, является его объективным фактором, но форма интереса формируется под влиянием субъективного сознания индивида и является выражением его (субъективной) воли. Данная точка зрения не получила большой поддержки в юридической науке, так как мнение многих авторов сошлись в том что она была лишней, во-вторых, объективность интереса означает, что он независим от сознания людей, следовательно, его формирование под влиянием субъективных факторов невозможно.

В различных исследованиях категория «интерес» отождествляется с категорией «потребность». Эту точку зрения можно считать правильной. На наш взгляд, положения, согласно которым понятия «интерес» и «потребность» трактуются как совершенно разные по своей природе явления, неверны. Формулировки этих определений дают недвусмысленные основания для вывода о том, что природа рассматриваемых явлений является обобщенной. Потребность – это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности. Интерес, по сути, является выражением потребности. Таким образом, потребность определяет формирование и содержание интереса, а интерес выступает в качестве движущей силы для удовлетворения потребности.

Чтобы разобрать сделанный вывод о взаимосвязи понятий «интерес» и «потребность», следует представить процесс трансформации потребности в интерес более подробно. Следует отметить, что этот процесс непосредственно связан с процессом развития общественных отношений, процессом становления общества.

Общественные интересы формируются одновременно с развитием общества. Интересы возникают в тот момент, когда человек перестает быть только биологическим существом, становится социальным субъектом-частью общества. Присутствие индивида в обществе служит отправной точкой для возникновения новых типов потребностей, которые не существовали и не могли возникнуть, если бы индивид не был частью общества. Возникновение новых потребностей объясняется сложностью социальных отношений, на которые оказывает влияние развитие социальной структуры общества и разделение труда. Таким образом, разделение труда и развитие общественных отношений являются предпосылками формирования общественных потребностей. Вследствие, прогрессирования социальных структур идет удовлетворение таких первичных индивидуальных потребностей человека, как питание и т. д., появляется необходимость вступления в соответствующие социальные отношения с другими членами общества.

Учитывая вышеперечисленное можно предположить, что социальная обусловленность является одним из признаков «интереса», второй признак

представляет собой факт, что интерес произрастает из потребностей по мере развития общественных структур.

В общественном интересе не могут преобладать одновременно два свойства индивидуальное и групповое по своей изначальной природе, из-за того что его субъектами являются индивиды, а также группы людей, которых объединяет какое либо отличие, или же все члены общества. Благодаря этому, можно считать справедливой точку зрения о возможности классификации интересов на индивидуальные и групповые, классовый, национальный, универсальный. В итоге можно выделить, что одним из признаков «интереса» является его социальная обусловленность; вторым признаком интереса является то, что интерес возникает из потребности по мере развития социальных структур.

Причина трансформации понятия «интерес» в понятие «общественный интерес» проясняется с определенной точки зрения, а так же сложности общественных структур и необходимости их нормативного регулирования. Для развивающегося общества социально значимые интересы попадают в сферу правового регулирования, которое осуществляется путем их четкого закрепления (регулирования), признания, защиты и охраны.

Отсутствует нормативное определение понятия «законный интерес», что в свою очередь приводит к существованию различных мнений по поводу его толкования, это понятие и его место в системе явлений правовой действительности. Сделаем акцент на некоторых точках зрения относительно содержания понятия «законный интерес».

Н.В. Витрук определял законный интерес как возможность (законное право) индивида пользоваться социальными благами [5]. Невзирая на это данная возможность, по мнению Н.В. Витрука, выражается в полномочиях носителя или носителей законного интереса действовать определенным образом, требовать определенного поведения от третьих лиц, а также обращаться в компетентные органы и учреждения за защитой в случаях, когда третьи лица не уполномочены вмешиваться в законные действия, носители интересов. Исходя из этого, определение правового интереса в толковании Н.В. Витрука полностью совпадает с содержанием субъективного права.

Слабой стороной определения выступает то, что, исходя из его формулировки, невозможно выделить правовые признаки законного интереса как правового явления, что, в свою очередь, не позволяет выделить его из смежных категорий, в частности, уже упомянутого субъективного права.

Таким образом, мы можем выделить то, что субъективные права и законные интересы не совпадают по своей сути и структуре. Так же их идентичность не определяется тем, что субъективные права и законные интересы отличаются правовой вседозволенностью. Первая – это особая вседозволенность, обеспеченная особой юридической необходимостью других лиц. Если правовая вседозволенность не имеет или не нуждается в юридически необходимом поведении других лиц как средстве ее обеспечения, можно сделать вывод что она не возводится законодателем в ранг субъективного права.

В итоге мы приходим к тому, что законный интерес представляет собой правовую вседозволенность, которая, в отличие от субъективного права, имеет характер правового стремления. Невзирая на это законный интерес также может рассматриваться как известная возможность, но эта возможность в основном является социальной, фактической, а не юридической. Она отражает только вседозволенность поступков и ничего больше. Определение А. В. Малько заслуживает большего внимания. Которое определяет законный интерес как отраженный в объективном законе или вытекающий из его общего смысла и в правовом разрешении, гарантируемом государством, выражающийся в желании субъекта использовать конкретное социальное благо, а также в ряде случаев добиваться защиты от компетентных органов в целях удовлетворения своих потребностей, не более того [6, с. 362-380].

Схожей точки зрения придерживается А.А. Ерошенко, следуя которой законный интерес считается юридически обусловленным стремлением субъекта к достижению конкретных благ, обладание которыми допускается государством и обеспечивается посредством предоставления субъективных прав и обязанностей индивидов [7].

Следуя сформулированному определению А. В. Малько и А. А. Ерошенко которое помогает обозначить определенные признаки законного интереса как социально-правового явления:

1) законный интерес – это право пользоваться определенными социальными благами, разрешенными государством;

2) законный интерес обеспечивается действиями компетентных органов и охраняется государством в лице этих органов.

В целом данные признаки являются верными, но все же проявляются определенные недостатки, так как ни в одном из них не упоминается судебная защита прав законных интересов граждан.

В законном интересе преобладают качества объективного общественного интереса. Взаимосвязь просматривается в том, что было упомянуто ранее, интерес становится законным в результате его правового оформления, то есть нормативного закрепления. Законный интерес представляет собой специфическое понятие, кроме этого характеризуется последовательностью специфических признаков или обозначений.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что законный интерес – это категория, позволяющая нам объединить в совокупность все интересы личности, которые по тем или иным причинам не опосредствованы в субъективных правах, но, безусловно, имеют весомое значение: как для общества, так и для самой личности. При помощи такого инструмент как «законный интерес», гораздо удобнее государству предоставлять свою защиту, касательно интересов лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 2013.- С.720.
2. Романов В. Н. Исследование социально-экономических процессов в современной России: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2009. – С.120.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2018. – С. 528.
- 4.Завьялов Ю.С. Взгляды Р. Иеринга на государство и право // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1140553> (дата обращения: 17.09.2019). – Загл. с экрана.
5. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности : монография / Н.В. Витрук. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – С. 448.
6. Субочев В. В. Законные интересы: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 380.
7. Ерошенко А. А. Личная собственность граждан // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1364503> (дата обращения: 19.09.2019). – Загл. с экрана.

LEGAL INTEREST AS AN ELEMENT OF GUARANTEEING THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL

Annotation. This paper reveals the meaning of the concept of «interest» from the positions of various fields of knowledge, and differentiates the concepts of «subjective right» and «legitimate interest», which acts as a guarantor of the legal status of an individual.

Keywords: legal interest, guarantees, legal status.

Storozhenko A.

Supervisor: Krasnonosov E., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: antonst2020@mail.ru

ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Таразанова К.С.

*Научный руководитель: Беляева М.А., ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе раскрывается сущность законного представительства несовершеннолетних. Ставится вопрос о выделении специального правового статуса «законный представитель несовершеннолетнего».

Ключевые слова: представительство; несовершеннолетний; представитель несовершеннолетнего; законный представитель; физическая и психическая зрелость; родитель; опекун; попечитель; защита прав и интересов несовершеннолетних; орган опеки и попечительства; материальные и процессуальные права

На территории Донецкой Народной Республики гражданин приобретает все свои законные права, начиная с достижения совершеннолетия, а именно, когда ему исполнится 18 лет. До достижения этого ограничительного возрастного предела, права человека и уровень ответственности несколько ограничен и лицо не может в полной мере отвечать за свои действия. Однако бывают ситуации, когда ребенок должен взаимодействовать либо выступать с ответом перед различными государственными учреждениями, в том числе и в суде. В данном случае законодательство предусматривает, что интересы несовершеннолетнего будет защищать его законный представитель. Законными представителями несовершеннолетнего считается физическое или юридическое лицо, которое обязано защищать интересы своего подопечного в учреждениях, где он сам не может представлять свои интересы, а так же отстаивать свои права в силу своего возраста, к примеру, если лицо является обвиняемым, свидетелем либо жертвой по уголовному делу.

Основными законными представителями являются его родители, которым не нужно доказывать это, поскольку они являются ими по факту рождения ребенка. В случае утраты несовершеннолетним лицом родительского попечения, права и обязанности его родителей возлагаются на лиц их замещающих – приемные родители, опекуны, попечители, организации для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечительства, а так же органы опеки и попечительства.

Общие положения о представительстве были разработаны в гражданском праве, и справедливости ради, следует отметить, что представительство изначально не столько служило защите прав, сколько помогало более эффективно осуществлять правоспособность обладающим дееспособностью лицам, поскольку последние, не обременяя себя активными действиями для приобретения субъективных прав, могли осуществлять их посредством действий представителя, то есть представительство появилось как универсальная правовая форма посредничества [1]. Признаками такого представительства считаются:

1) совершение одним самостоятельным субъектом права юридических действий от имени и в интересах другого субъекта, иначе говоря, оказание юридического содействия представителем в приобретении и реализации субъективных прав и обязанностей для представляемого;

2) сама возможность, содержание и пределы указанного содействия определяются полномочием – субъективным правом представителя;

3) в процессе осуществления полномочия представитель действует по отношению к третьим лицам, но в результате для представителя не возникает правовых последствий по отношению к третьим лицам [2].

Множество проблем, возникающих в данной сфере на современном этапе, остаются неисследованными либо дискуссионными, законодательная база о

представительстве также недостаточно разработана и требует совершенствования. Между тем, представительство является весьма эффективным средством в механизме решения проблемы защиты прав и интересов граждан и юридических лиц.

В настоящее время институт представительства известен ряду отраслей права, в том числе гражданскому, гражданскому процессуальному, семейному и другим, что определяется огромным значением представительских отношений в различных областях общественной жизни.

Потребность в нем возникает не только тогда, когда сам представляемый в силу закона (например, из-за отсутствия дееспособности либо возраста) или конкретных жизненных обстоятельств (например, из-за болезни, командировки, занятости и т.д.) не может лично осуществлять свои права и обязанности. В целом ряде случаев к услугам представителей прибегают ради того, чтобы воспользоваться специальными знаниями и опытом представителя, сэкономить время, средства и т.п. Деятельность большинства юридических лиц вообще немыслима без постоянного или хотя бы эпизодического обращения к представительству (работа продавцов и кассиров, функционирование филиалов и представительств, представительство в суде и т.п.) [3] Объем полномочий представителя определяется содержанием правовой связи между ним и доверителем. Представляемым может быть не только гражданин (с момента рождения), но так же и юридическое лицо (с момента возникновения в установленном порядке).

В данной статье будет рассмотрено представительство несовершеннолетнего лица. Согласно ч.2 ст. 6 Семейного Кодекса Украины (далее – СК Украины), несовершеннолетним считается ребенок в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. [4] Представляемый в этом случае не выбирает самостоятельно представителя, а представительство является обязательным и не зависит от воли представляемого.

Как и любой другой гражданин, несовершеннолетний в соответствии с законом может быть участником правоотношений. Имеется два варианта такого участия:

- самостоятельное вступление в гражданское правоотношение в качестве одной из сторон сделки или стороны в судебном разбирательстве (истец или ответчик) или третьего лица при наличии полной гражданской и гражданской процессуальной дееспособности;
- представление и защита прав и законных интересов несовершеннолетнего его законными представителями, которые, в свою очередь, вправе поручить ведение дела в суде другому лицу, избранному ими в качестве представителя, например адвокату.

Законодательство не дает определения термина «законные представители», а упоминает лишь виды таких представителей и их правомочия. Так, согласно Гражданскому процессуальному кодексу Украины (далее – ГПКУ Украины) права, свободы и интересы малолетних лиц возрастом до четырнадцати лет, а также недееспособных физических лиц и лиц, дееспособность которых ограничена, защищают в суде соответственно их родители, усыновители опекуны или другие лица, определенные законом.[5]

Основной целью представительства является защита прав и интересов несовершеннолетнего. Это обусловлено тем, что несовершеннолетний не обладает достаточной физической и психической зрелостью, которая необходима ему для самостоятельного приобретения, осуществления и защиты своих материальных и процессуальных прав.

Итак, для совершения сделок представитель наделяется представляемым определенными полномочиями, которых он должен строго придерживаться, круг полномочий представителя определяется волей представляемого.

Но, как известно, воле несовершеннолетнего не придается юридического значения, в силу своей недееспособности он не может посредством собственного волеизъявления избрать себе представителя, наделить его определенными

полномочиями и определить цели представительской деятельности. Все это за него делает Закон. Закон определяет представителей несовершеннолетних, называя ими родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей.

Закон же возлагает на последних обязанность по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, наделяя для ее выполнения соответствующими полномочиями.

Именно законодательное определение круга представителей несовершеннолетних, наделение их соответствующими полномочиями «в силу закона», обусловило возникновение применительно к представительству несовершеннолетних термина «законное представительство». Анализируя указанные выше нормы, нетрудно заметить, что законодатель связывает законное представительство несовершеннолетних с защитой их прав и законных интересов, которая возлагается на родителей (замещающих их лиц), а родителей (замещающих их лиц) называет при этом законными представителями. Такая позиция законодателя приводит к тому, что выражения «законный представитель» несовершеннолетних и «родители, опекуны, попечители», «законное представительство» несовершеннолетних и «защита» их прав и интересов используются как синонимы. Полагаем, что это не совсем правильно. Термин «защита» имеет различное содержание в зависимости от обстоятельств его применения, а по поводу использования в юридической практике термина «правовая защита» ведется дискуссия. Но и законодатель не имеет единой позиции в изложении содержания термина «защита». С одной стороны, он признает за гражданами право по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им правами (гражданскими, семейными), в том числе правом на защиту этих прав, а также устанавливает особый порядок защиты «нарушенных» или «оспариваемых» прав – судебный или административный и способы защиты, т.е. защита трактуется законодателем как деятельность специальных органов.

С другой стороны, законодатель допускает возможность самозащиты прав различными способами (ст. 19 ГК Украины) [6], то есть в понятие защиты включается деятельность самого субъекта по осуществлению своего субъективного права на защиту и, следовательно, защита субъективных прав происходит без участия юрисдикционных органов. Применительно к законному представительству несовершеннолетних это выражается в формулировке ч.2 ст.154 СК Украины: «Родители имеют право обращаться в суд, органы государственной власти, органов местного самоуправления и общественных организаций за защитой прав и интересов ребенка, а так же нетрудоспособных сына, дочери как их законные представители без специальных на то полномочий»

Но, как нам кажется, законодатель, используя термины «защита прав и законных интересов ребенка родителями (замещающими их лицами)» и «законное представительство несовершеннолетних» вкладывает в их содержание особый смысл. Объединяя в лице родителей, опекунов и попечителей функции воспитателей и представителей своих детей, закон связывает удовлетворение материальных и культурных потребностей ребенка с его воспитанием. Возлагая на родителей (замещающих их лиц) обязанность по воспитанию и образованию, а также защите прав детей (подопечных), законодатель отмечает, что родители не только обязаны, но и имеют право воспитывать и защищать своих детей. Наделяя же родителей (замещающих их лиц) правом на воспитание и защиту прав и интересов своих детей (подопечных), закон лишь очерчивает границы полномочий родителей по реализации представленных им прав в отношении детей, определяет приоритетные интересы в воспитании детей и защите их прав, сам же процесс воспитания, его конкретные методы, а также необходимость реализации конкретных имущественных прав несовершеннолетнего зависят от усмотрения родителей (замещающих их лиц), от их

воли. Поэтому можно сделать вывод, что родители (заменяющие их лица) как законные представители при совершении действий, направленных на защиту прав и интересов своих детей (подопечных), все-таки выражают свою волю, и нет оснований в данном случае прибегать к фикции, говоря, что родитель или опекун выражает ту волю, которую выразил бы несовершеннолетний, если бы такой волей обладал.[7]

Конечно, волевые акты родителей «находятся в прямой зависимости от интересов подопечного и закрепляющей их государственной воли, выраженной в законе»[8], но они носят самостоятельный, не зависящий от воли представляемого ими несовершеннолетнего характер. Выполняя возложенную на него законом обязанность защищать права и интересы своего ребенка, родитель одновременно собственными волевыми актами осуществляет свое право. То есть закон предоставляет родителям (заменяющим их лицам) право определять конкретные личные и имущественные потребности (интересы) детей, возникающие в процессе их воспитания, и выражать их в отношениях с третьими лицами.

Исходя из вышесказанного, предлагаем ввести в статью 39 ГПК Украины («Законные представители») понятие законного представительства несовершеннолетних, которое бы звучало так: «Законным представителем несовершеннолетнего является лицо, которое обладает семейно-правовым статусом родителя, усыновителя, опекуна или других лиц, определенных законом, на которых по закону возложены специальные права (обязанности) по представительству и защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних во всех органах, учреждениях и организациях, в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, а так же надзору за поведением несовершеннолетнего, и несущее в случаях и в порядке, предусмотренных законом, полную или субсидиарную имущественную ответственность по сделкам, совершенных с участием несовершеннолетнего, а так же вред, причиненный совершеннолетним третьим лицам.»

Так же предлагаем выделить отдельным пунктом в данную статью следующее: «Родители не вправе представлять (читай – «определять», «выражать») интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия». Дополнение ГПК Украины данным положением является целесообразным и необходимо для защиты прав и интересов несовершеннолетних, ведь на практике очень часто возникают спорные моменты между родителями и детьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Невзгодина Е.Л. Представительство по советскому гражданскому праву. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – 156 с.
2. Розенберг Я.А. Представительство в советском гражданском процессе: Учеб. пособие. – Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1974. – 132 с.
3. Величкова О. Проблемы законного представительства несовершеннолетних // Цивилист. 2007. № 4. С. 79.
4. Ромовская С. В. Семейный кодекс Украины: Научно-практический комментарий. – М.: Издательский Дом «Ин Юре», 2003.
5. Гражданский процессуальный кодекс Украины. – Харьков: Рубикон, 1997. – 384 с.
6. Гражданский кодекс Украины: Научно-практический комментарий. – Изд. 3-е, с изменениями на 1.05.2000. – Харьков: Одиссей, 2000. – 848 с
7. Баранов А. М. Законное представительство: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2008. № 1. // СПС «Консультант Плюс».
8. Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право: учебник. Т. 1. М.: Проспект, 2009. 361 с.

LAWFUL REPRESENTATION OF MINORS

Annotation. This work reveals the essence of legal representation of minors. The question of the allocation of special legal status «legal representative of a minor» is raised.

Keywords: representation; minor; minor's representative; lawful representative; Physical and mental maturity; parent; trustee; trustee; Protection of the rights and interests of minors; The guardianship and guardianship authority; Substantive and procedural rights

Tarazanova K.

Scientific adviser: Belyayeva M., Assistant
Donetsk National University
E-mail: karina.tarazanova1999@mail.ru

УДК 343.23

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Тимошевский М.А.

*Научный руководитель: Бардашев Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. На основе изучения и анализа законодательных актов, историко-правовых источников и иных документальных материалов проследить пути становления и развития института уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовное право, наказание, преступление.

Преступность в современном мире уже длительное время является серьезной социальной проблемой. Основным уголовно-правовым методом противостояния с этим негативным явлением является институт уголовного наказания.

Уголовное наказание является одним из центральных институтов уголовного права, а также основным способом реализации задач, возложенных на правосудие, где выражаются основания и пределы уголовной ответственности, содержание и направление уголовной политики государства, а также другие стороны борьбы с преступностью.

Изменения в жизни никогда не начинаются случайно, а происходят на ранее заложенном фундаменте с учетом сформировавшегося образа жизни, обычаев и традиций. Без учета этих особенностей нельзя понять построение системы наказаний и ее изменения в истории уголовного права[1].

Наказание – мера принуждения, негативная оценка государством на совершенное лицом противоправного деяния. Нет преступления без наказания, равно как без преступления нет наказания. В этом находит отражение принцип неотвратимости ответственности за каждое совершенное преступление. Характер наказания и его тяжесть должны соответствовать характеру и тяжести совершенного преступления. Поэтому противопоставление этих понятий, а также спор о том, является ли наказание признаком преступления, лишены логического смысла.

В юридической литературе и действующем законодательстве понятие наказания трактуется по-разному и неоднозначно, что привело к ряду споров и разногласий. В настоящее время необходимо по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся понятия, которые относятся к институту уголовного наказания и сравнить их с опытом, накопленным в уголовном праве зарубежных государств.

При всей вариативности вопросов, рассматриваемых в ходе создания и применения уголовного закона, два предмета обсуждения являются основными: на чем базируется уголовная ответственность, т. е. за что необходимо наказывать, и от чего зависят объемы ответственности, т. е. как наказывать [2].

Большинство стран в отличие от Донецкой Народной Республики и Российской Федерации в уголовном законодательстве не закрепляет определение наказания. Исходя из уголовной политики государства, системы наказаний и исторического аспекта необходимо исходить при определении формулировки наказания. Особое значение на современном этапе становления государства и права приобретает дальнейшее совершенствование института наказания, с учетом особенностей исторического опыта, что и обуславливает актуальность представленного исследования.

Целью уголовного наказания, закрепленного в уголовном законодательстве в соответствии с Конституции Российской Федерации, состоит в том, чтобы сделать из правонарушителя человеком, не нуждающимся в государственном правовом принуждении [3].

По своей сущности и тяжести наказания в уголовном законодательстве разные. В любой классификации наказания, наличие различных систем, рассмотренных в историческом аспекте, в общем случае зависит от общественного государственного строя, в котором они формировались.

Институт наказания Российского государства в период многих веков претерпел множество количество преобразований в связи с развитием уголовного права и государства в целом, но все эти изменения связаны с появлением новых видов наказания, но при этом их цель не менялась, а карательная деятельность государства являлась классово определенной.

Об этом можно судить по следующим правовым документам по истории русского права, сохранившимся до настоящего времени: Русская Правда (Краткая, Пространная и Сокращенная), Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Уложение 1649 года и др. В период абсолютной монархии в России, появляются источники военно-уголовного права: Воинский Артикул 1716 года и Морской устав 1720 года В дальнейшем, создаются и принимаются, и другие нормативные акты регламентирующие порядок и особенности применения уголовных наказаний, в частности – Уголовное уложение 1903 года [4].

Уголовное законодательство Российской империи на пороге Октябрьской революции имело отлаженный механизм правосудия, хотя и содержала некоторые феодальные и сословные пережитки, а также возможность определенной предвзятости судей.

Падение Российской империи и приход советской власти открыл за собой новую уголовно-правовую систему. В декабре 1919 г. Наркомат юстиции принял Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, ставшие первой попыткой обобщить изданные декреты, постановления съездов Советов и судебную практику первых лет существования нового государства. Был введен ряд наказаний, располагая их от наименее тяжкого до наиболее строгого: внушение, общественное порицание, принуждение к действию (пройти курс обучения, «перековки») и т. д. [5].

УК РСФСР 1926 года, появившийся в связи с образованием СССР, принятием Конституции СССР и Основных начал уголовного законодательства, по сути, стал преемником Уголовного кодекса 1922 года, поэтому получил название УК РСФСР 1922 года в редакции 1926 года, установил более полный перечень наказаний. Постепенно, перечень наказаний, неоднократно дополнялся, а в 1936 году судам было предоставлено право применять к лицам, совершившим наиболее опасные преступления, лишение свободы в виде заключения в тюрьму.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. оказала существенное влияние на уголовное законодательство, в нормы которого, в частности, было включено новое понятие – «фашистские преступники и их пособники»

В 1958 году были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые внесли существенные изменения в систему уголовных наказаний. Так, были исключены объявление врагом трудящихся, удаление из пределов СССР, лишение избирательных прав.

Новое уголовное законодательство Уголовного кодекса в РСФСР 1961 году предусматривал ведение новый вид наказания: увольнение от должности и возложение обязанности загладить причиненный вред.

Подводя итог, можно сделать вывод, что уголовное наказание сформировавшиеся в период советской власти, его основные принципы и цели не претерпели серьезных изменений. На данный момент, среди ученых нет существенных противоречий в вопросе о понятии и сущности системы уголовных наказаний.

Появление новых видов преступлений в современном мире, изменение социально-экономических и политических факторов, усложнение уголовного законодательства требует более трепетного подхода в выборе меры и виды наказания, а также изменение всей системы наказания, ориентируюсь на исторический опыт и современный мир.

Исследование в работе привело к определенным общим выводам. Все это можно резюмировать в следующем. Рассмотрели систему наказаний в уголовном праве. Ранее действовавший УК РСФСР 1960 году, как и УК УССР предусматривал до начала коренных изменений, происходящий в государстве и обществе, 9 видов наказаний. После чего, произошли изменения в системе наказаний. Были включены новые виды наказания, в том числе обязательное привлечение осужденного к труду с лишением свободы[6].

В ст. 32 УК РСФСР 1922 года предусматривалось 10 видов наказаний и высшая мера наказания – расстрел (ст. 33); в ст. 20 УК РСФСР 1926 года – 14 наказаний и исключительная мера наказания – расстрел (ст. 21); в УК РСФСР 1960 года – 12 видов наказаний и исключительная мера наказания – смертная казнь (ст. 23); в УК РФ 1996 года. в редакции ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 года предусматривается 12 видов наказаний; в УК ДНР 2015 года предусматривается 14 видов наказаний и исключительная мера наказания смертная казнь; в УК Украины предусматривается 12 видов наказаний [7].

Наказания, предусмотренные уголовным законом за совершение преступлений, разные по своему содержанию и тяжести, поэтому в УК РФ и ДНР они помещены в определенном порядке, образуя в целом систему наказаний. Следует заметить, что любая классификация наказаний, наличие различных систем, рассмотренных в историческом аспекте, в общем случае зависит от общественного государственного строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белогриц-Котляревский, Л. С. Понятие уголовного права и основание наказания: Вступ. лекция, чит. в Демид. юрид. лицее 7 февр. 1883 г. [Текст] / Л. С. Белогриц-Котляревского. – Ярославль: тип. Губ. правл., 1883. 28 с.
2. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение и законотворчество [Текст] / А. Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – М.: ИЗИСП, 2006. – № 1. 243 с.
3. Рыбак, М. С. Эволюция системы уголовного наказания в России [Текст] / М. С. Рыбак // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов: Изд-во СГАП. – 2007. – № 6(58). 243 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. – 14.04.2014. – № 15.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) в ред. от 20.07.2016 [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

6. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 года № 1-ФЗ: принят ГД РФ 8 января 1997 г. (с изм. и доп.; в ред. от 05.04.2017 № 66-ФЗ) // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. – 21.01.1997. – № 3.
7. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики №27-2 от 17.08.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/>
8. Алексеев, Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время [Текст] / Ю. Г. Алексеев; АН СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отд.; под ред. Н. Е. Носова. – Ленинград: изд. «Наука», 1980. 243 с.
9. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях. Биографический очерк и пер. проф. М. М. Исаева [Текст] / Ч. Беккариа. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. 464 с.
10. Комментарий к уголовному законодательству Петра I // Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9 томах. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма [Текст] / отв. ред.: А. Г. Маньков; под общ. ред.: О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. В. М. Лебедев. – 14-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. 1077 с.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL PUNISHMENT

Annotation. Based on the study and analysis of legislative acts, historical and legal sources and other documentary materials, trace the ways of formation, development, legal regulation of the institution of criminal punishment.

Keywords: criminal law, punishment, crime.

Timoshevsky M.

Scientific adviser: Bardashevich N., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: mixa-bartsl@mail.ru

УДК 347.734

О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИФИНИЦИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Толчеев Н.П.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассмотрено понятие банковского надзора на основе правового анализа научных работ и нормативно-правовых актов Донецкой Народной Республики, а также сформулирована собственная дефиниция исследуемого феномена. В работе проанализирована правовая действительность банковского надзора в Донецкой Народной Республике и предложены пути решения основных проблем в данной отрасли.
Ключевые слова: банковский надзор, центральный банк, банковская система, банковское регулирование, экономические показатели.

В современном мире эффективная банковская система является одним из фундаментальных атрибутов развитого государства. Банковские учреждения не только аккумулируют значительные денежные средства, стимулируя рост экономических показателей государства, но и выступают в роли платежных агентов, благодаря которым как физические, так и юридические лица могут поддерживать экономические связи, даже находясь на достаточно большем территориальном расстоянии друг от друга. Донецкая Народная Республики, как демократическое государство, не может оставаться в стороне от общемировых тенденций, в связи с чем на территории

государства создана и достаточно активно развивается банковская система.

Стоит отметить, что стабильность банковской системы является не только модным веянием современности, но и необходимым атрибутом экономического благосостояния и безопасности государства в целом и отдельных его граждан в частности. Подчеркнем, что наиболее эффективным инструментом поддержания стабильности банковской системы в государстве на сегодняшний день является развитый институт банковского надзора, что и служит основополагающей необходимостью исследования данного феномена.

В энциклопедии банковского дела указано, что банковский надзор – это одна из функций государства, которая заключается в создании системы норм, регламентирующих и регулирующих деятельность банков, определяют ее общие принципы, порядок банковского надзора, ответственность за нарушение банковского законодательства.

Любунь А.С. определяют банковский надзор как систему мероприятий, с помощью которых центральный банк обеспечивает стабильное, безопасное функционирование банков и предотвращает дестабилизирующие процессы в банковском секторе.

По мнению Мищенко В.И., регулирования банковской деятельности направлено, прежде всего на создание соответствующей правовой базы. Во-первых, это разработка и принятие законов, регламентирующих деятельность банков. Во-вторых, принятие учреждениями, уполномоченными государством, положений, регламентирующих функционирование банков в виде нормативных актов, инструкций и директив.

Орлюк А.П. рассматривает банковское надзор как одну из форм государственного управления, представляющую собой систему мероприятий, с помощью которых государство через центральный банк (или другой уполномоченный орган) обеспечивает стабильное и безопасное функционирование банков, а также предупреждает дестабилизирующие процессы в банковском секторе.

Достаточно похоже определения предоставляет Пасечник В.В., который отмечает, что под банковским надзором подразумевают разработку и издание уполномоченными органами подзаконных нормативно-правовых актов, регламентирующих виды и способы банковской деятельности

Мы же предлагаем, сформулировать понятие банковского надзора следующим образом, банковский надзор – это деятельность специально уполномоченного публично-правового органа, как правило центрального банка, направленная на защиту интересов вкладчиков и кредиторов и поддержание стабильности финансовой системы государства. Банковский надзор на современном этапе является неотъемлемым элементом государства, и представляет подсистему финансовой системы.

Хотим поддержать мнение Х.И. Мюллер, который заметил, что «цена плохого или неадекватного надзора в рыночной экономике чрезвычайно высока, следовательно, стоит направить значительные средства на эту деятельность, даже несмотря на то, что результат качественного надзора нельзя измерить количественно, и он поэтому не является наглядным». [1]

Центральным органом банковского надзора в Донецкой Народной Республике является Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики. Как отмечено в части 1 статья 59 Закона Донецкой Народной Республики «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики»: «Центральный Республиканский Банк является органом регулирования и надзора в банковской и финансовой сферах. Центральный Республиканский Банк осуществляет надзор за соблюдением банковского и финансового законодательства, нормативных правовых актов Центрального Республиканского Банка кредитными организациями и некредитными финансовыми организациями (их обособленными подразделениями),

субъектами платежных систем.».

Государственное регулирование деятельности банков осуществляется Центральным Республиканским Банком Донецкой Народной Республики в формах административного, а также индикативного регулирования. Составляющими административного регулирования Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики является

- регистрация банков и лицензирование их деятельности;
- установление требований и ограничений относительно деятельности банков;
- применение санкций административного или финансового характера;
- надзор за деятельностью банков;
- предоставление рекомендаций о деятельности банков.

Индикативное регулирование содержит установление обязательных экономических нормативов, а именно:

- определение норм обязательных резервов для банков;
- установление норм отчислений в резервы на покрытие рисков от активных банковских операций;
- определение процентной политики;
- рефинансирования банков, корреспондентских отношений;

Обосновано полагаем, что одной из главных целей Правительства Донецкой Народной Республики и Центрального Республиканского Банка Донецкой Народной Республики является совершенствование банковского надзора путем развития содержательных составляющих, а также постепенной гармонизации со стандартами Российской Федерации и международного права. Современная система банковского надзора в Донецкой Народной Республики должна развиваться с учетом принципов эффективности, разработанных Базельским комитетом по вопросам банковского надзора, а также с учетом современной международной практики. Ориентация на вышеуказанные правовые системы позволит выстроить более эффективную систему регулирования и надзора, способную противостоять не только мировым кризисам, но и экономическим санкциям, которым подвержены данные территории в силу факторов обусловленных военной действительности.

Анализируя основные мировые тенденции развития банковского надзора, можно выделить следующие концептуальные сдвиги, которые, на наш взгляд, могли бы найти должное отражение в нормативно-правовых актах Донецкой Народной Республики:

во-первых, переход на риск-ориентированный подход в банковском надзоре, где риски выступают основным источником финансовой нестабильности государства и требуют создания соответствующих систем мониторинга и управления;

во-вторых, обеспечение транспарентности функционирования основных участников движения капитала, в том числе банков, путем повышения уровня публичности раскрытия информации;

в-третьих, смещение акцентов методических основ банковского надзора с чрезмерного государственного регулирования и вмешательства в банковской бизнес на усиление самоорганизации и ответственности субъектов рынка в оценке рисков. [2]

Также, основополагающим вектором развития института банковского надзора в Донецкой Народной Республики сегодня, на наш взгляд, является формирование системы регулирования и надзора (контроля) за деятельностью всех организаций, оказывающих финансовые услуги, исходя из принципа пропорциональности предъявляемых требований системной значимости организаций и уровню принимаемых ими рисков. Целью предотвращения кризисов в банковской и финансовых системах является оправданной, так как не исключает возможности банкротства отдельных кредитных организаций в правовых условиях компенсации потерь вкладчикам, справедливого возмещения кредиторам, возложения

имущественной ответственности на владельцев и менеджеров таких кредитных институтов. Способом достижения данной цели является сбалансированное ограничение рисков, возникающих в процессе осуществления кредитными организациями банковской деятельности. Риск-ориентированный надзор особое внимание уделяет вопросам идентификации и оценки рисков, прежде всего рисков, имеющих системную природу.

С теоретической точки зрения определения главной цели банковского надзора в Донецкой Народной Республике можно рассматривать со следующих позиций:

1) В глобальном смысле. Это укрепление доверия к банковской системе со стороны общества, повышение надежности и стабильности банковской системы;

2) В локальном смысле. Это обеспечение финансовой надежности действующих субъектов банковской системы и защиты интересов их клиентов и вкладчиков.

3) В потенциальном. Банковский надзор должен стимулировать построение эффективной и конкурентной банковской системы, которая удовлетворяет потребность общества в качественных финансовых услугах. Повышение конкуренции в банковском секторе экономики Донецкой Народной Республики и, как следствие, предотвращение сосредоточению экономической власти в одних руках. [6]

Итак основной целью банковского надзора в Донецкой Народной Республике является своевременное реагирование на нарушения и негативные тенденции в деятельности банков для нормализации их работы, укрепления финансового состояния, поддержания стабильности и развития банковской системы в целом.

Банковский надзор в Донецкой Народной Республике строится на организационно-правовых и правовых принципах. В свою очередь правовые принципы условно можно подразделить на общеправовые, универсальные и специальные. [3] Так в Конституции Донецкой Народной Республики содержится общеправовой принцип банковского надзора, согласно которому: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В свою очередь согласно ч. 2 ст. 59 Закона Донецкой Народной Республики «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики», что целью регулирования и надзора является обеспечение стабильности банковской и финансовой систем Донецкой Народной Республики, защита интересов вкладчиков и кредиторов, которые в свою очередь могут являться физическими лицами-гражданами Донецкой Народной Республики. Таким образом, Конституция возлагает на государство обязанность соблюдать и защищать признанные им права и свободы человека; тем самым одновременно определяют пределы публичной власти, границы усмотрения государства, которые не могут им быть преодолены без риска утраты своей легитимности. Одной из целей банковского надзора, как уже отмечалось, является защита интересов вкладчиков и кредиторов, т.е. в том числе физических лиц – граждан Донецкой Народной Республики.

На сегодняшний день основным принципом совершенствования системы регулирования банковской деятельности и банковского надзора является дальнейшее внедрение в повседневную деятельность подходов и методов, которые ориентированы на выявление проблем в деятельности банка на ранних стадиях их возникновения, с целью предотвращения этим проблемам и избежания кризисных явлений или смягчения их влияния на экономику. [4] Это предполагает сосредоточение главного внимания на оценке рисков и качества управления ими с позиций их потенциального влияния на устойчивость банка.

Кроме того, международная практика осуществления банковского надзора не статична – она постоянно развивается, дополняется новыми методами и подходами, обновляется ее инструментарий. Отметим, что Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики предоставляет значительное внимание этим процессам

с целью изучения возможностей внедрения новых подходов и дальнейшего совершенствования системы банковского надзора в Донецкой Народной Республике.

Обобщение мировых тенденций развития банковского надзора с организационной (институциональной) точки зрения дает основания для соблюдения принципа превалирования «Экономической сущности над формой». На наш взгляд, ключевой проблемой банковского надзора является не организационные несовершенства, а содержательные – методологические основы и инструментарий осуществления банковского надзора.

В условиях усиления экономической и финансовой интеграции Донецкой Народной Республики в Российскую Федерацию, важное значение приобретает единство правил ведения банковского бизнеса для всех его участников, основанной на унифицированных нормах государственного регулирования и надзора. [5] Это стало возможным благодаря функционированию Базельского комитета по банковскому надзору и регулированию, целью деятельности которого, прежде всего является сближение принципов и подходов банковского надзора и регулирования в банках как главных субъектов финансово-кредитных отношений в условиях международного движения капитала, что на наш взгляд, трудно воплотить до окончания боевых действий на территории Донецкой Народной Республики и полного признания государственности Донецкой Народной Республики международным сообществом.

Безусловно, работа, осуществляемая Центральным Республиканским Банком Донецкой Народной Республики является очень масштабной и ответственной, при этом ее успешное выполнение позволит поднять банковский надзор в Донецкой Народной Республики на качественно новый уровень. Отметим, что прогрессивный банковский надзор – это залог эффективности отечественной банковской системы, ее надлежащего функционирования, прежде всего – содействия экономическому развитию государства и увеличению благосостояния его граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мюллер Х. Й. О банковском надзоре в странах с рыночной ориентацией // Деньги и кредит. – 1990. – № 3. – С. 55.
2. Батырева С. В. Современные надзорные и контрольные функции центральных банков : монография. М., 2011. С. 17.
3. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М., 1995. С. 60. М
4. Тихомиров Ю. А. О проблемах банковского надзора // Университетский вестник СПбГУ. – 2014. № 8. – С. 3.
5. Байтин. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4.
6. Лукашева Е. А. Общественное право – сущностный элемент правовой системы // Правовая система социализма: понятие, структура, социальные нормы / под ред. А. М. Васильева. Кн. 1. М., 1986. С. 73.

THE PROBLEMS OF DEFINING DEFINITION AND THE PRESENT STATE OF BANK SURVEILLANCE ON THE EXAMPLE OF THE DONETSK PEOPLES REPUBLIC

Annotation. In this paper, the concept of banking supervision is considered on the basis of a legal analysis of scientific works and regulatory legal acts of the Donetsk People's Republic, and its own definition of the phenomenon under study is formulated. The paper analyzes the legal validity of banking supervision in the Donetsk People's Republic and suggests ways to solve the main problems in this area.

Keywords: banking supervision, central bank, banking system, banking regulation, economic indicators.

Tolcheev N.

Scientific adviser: Tsyba E., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: tpntpn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СУТИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИНДИКАТИВНОГО МЕТОДА БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Толчеев Н.П.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе приведен анализ международной практики, с позиции документов Базельского Комитета, в сфере применения индикативного метода банковского надзора и его перспектив в Российской Федерации.

Ключевые слова: банковский надзор, индикативный метод, банковское регулирование, финансовая система, Базельский комитет.

В настоящее время банковская система в Российской Федерации переживает тяжелые времена, ведь за последние несколько лет были признаны неплатежеспособными достаточно большое количество субъектов рынка. В связи с чем возникла необходимость усовершенствования института банковского надзора в общем и особенно его структурной части – индикативного регулирования.

Для грамотного совершенствования отечественных методов индикативного банковского регулирования рационально исследовать практику государств с развитой банковской системой и проанализировать уровень имплементации имеющихся международных стандартов в исследуемой сфере. Этот тезис и формирует цели и задачи исследования.

Исследованием этого вопроса занимались такие ученые как: П. Нобель, Н. П. Златина, И. И. Дьяконов, В. В. Коваленко, В. В. Лановой, однако отсутствие комплексного взгляда на проблему обуславливают необходимость дальнейшего исследования.

В связи с интернационализацией деятельности банков возникла необходимость создания органа, который занимался бы созданием единых векторов развития банковского регулирования в мире. С этой целью в 1975 году был основан Базельский комитет по банковскому надзору или «Комитет Кука» назван в честь основателя идеи организации международного банковского надзора Питера Кука, директора Банка Англии. [11] Первоначально в Комитет входили представители центральных банков стран с развитой финансово-правовой системой (США, Япония, Канада, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия и Швейцария), однако позже, после изменения геополитических обстоятельств, к нему присоединились страны постсоциалистического блока и другие.

Ознакомление с базой рекомендаций Комитета следует начать с Основным принципов эффективного банковского надзора, принятых в 1997 году. Основными принципами следует считать минимальные стандарты надежной наблюдательного банковской практики, имеющие универсальное применение [10]. Принципы не является документом, предъявляемым к государствам императивные требования, их относят к так называемому мягкого права, а затем их положения применяются исключительно по усмотрению государств. Кроме того, государства с целью достижения эффективного банковского регулирования и надзора в их юрисдикции имеют право использовать любые дополнительные меры по своему рассмотрению. Из Основных принципов и других документов Базельского комитета следует, что понятие «надзор» и «регулирование» понимаются как тождественные и практически не разделяются.

Основные принципы эффективного банковского регулирования состоят из двух частей: положение, обязанностей и функций надзора; пруденциальных положений и

требований. Непосредственный интерес для исследования индикативного банковского регулирования в Украине составляют некоторые особенности пруденциального регулирования в документе, которые целесообразно рассмотреть по сравнению с реально существующими условиями в нашем государстве.

Ознакомление с положениями Основных принципов следует начать с принципа 16, касающийся адекватности капитала. Согласно ему, надзорный орган должен установить разумные и необходимые требования к капиталу банков, отражающие взятые на себя банком риски в контексте рыночных и макроэкономических условий [10]. Чтобы условия этого принципа считались выполненными, государству или регулятору банковских отношений следует принять нормативные акты, которые бы обязывали банк постоянно следить за требованиями к капиталу и соблюдать их; установить требования к адекватности капитала в соответствии с системной важности банка и тому подобное. В Украине требования к адекватности капитала содержатся в ст 30, 31, 35 Закона Украины «О банках и банковской деятельности» и Инструкции о порядке регулирования деятельности банков в Украине.

Также важным является принцип 17, касающийся кредитного риска. Соответствии с его требованиями центральный банк или другое учреждение, которое выполняет функции надзорного органа, должна определить уровень осуществления управления кредитным риском банками. В Украине разработана достаточно эффективная система управления кредитными рисками, в том числе требования НБУ относительно обязательных резервов банков по кредитным операциям, установление нормативов кредитных рисков [8, с. 105].

Принцип 18 устанавливает, что законодательством должны быть предусмотрены требования достаточности объемов банковских резервов и выявления и управления проблемными активами. Проблемными следует считать активы, предоставленные используются в договорах займа или кредита и задолженность по возврату которых превышает 90 дней [3]. Этот принцип в Украине выполняется через создание специализированных фондов проблемных активов и создание резервного фонда банка в соответствии со ст. 36 ЗУ «О банках и банковской деятельности».

Еще одной основным принципом, что касается индикативного банковского регулирования в Украине является принцип 24 – риск ликвидности. Согласно его содержанию, надзорный орган устанавливает целесообразны и соответствующие требования к ликвидности банков, должны отражать потребности банка в ликвидных средствах. [10] Инструкции о порядке регулирования деятельности банков в Украине установлены нормативы ликвидности (Н4, Н5, Н6).

Другими важными документами в сфере регулирования банковской деятельности является «Международная конвергенция и нормативов требований к капиталу» или Базель I; «Международная конвергенция и нормативов требований к капиталу: новые подходы» или Базель II; и самые требования к регулированию банковской деятельности – Базель III. Каждый из этих документов не отменяет действие предыдущих, однако добавляет к ним новые положения или вносит изменения. Базель I, который еще называют Соглашением о капитале, был принят в 1988 году. Основной целью этого документа было увеличение резервов капитала банков, особенно тех, которые занимаются своей деятельностью на международной арене, с целью создания буферного капитала, повышает возможность банка противостоять негативным последствиям банковской деятельности. Кроме того, Базель I установил разделение капитала банка на основной (капитал первого уровня) и дополнительный (второго уровня). Стоит отметить, что этому требованию соответствует статья 30 Закона Украины «О банках и банковской деятельности», в которой устанавливается структура регулятивного капитала.

Также Соглашением о капитале установлено методику оценки кредитного риска и поставлено требование, согласно которой собственный капитал банка должен

составлять не менее 8 %.

В 2004 году были приняты Новые соглашения о достаточности капитала, основанные на «трех столбах»: требования к минимальному капиталу банка; контроль надзора; рыночная дисциплина [9, с. 352]. В контексте исследования индикативного регулирования банковской деятельности в Украине важно отметить, что размер минимального капитала банка должен оцениваться в соответствии с трех категорий риска: кредитного, операционного, рыночного. В 2009 году было создано новое соглашение о банковском регулировании Базель III, которые должны начать вводиться постепенно – 2013 – 2019 Главной задачей этого документа стало повышение качества, совершенства и структуры банковского капитала. Стоит заметить, что установление новых требований регулирования банковской деятельности вызвало неоднозначную реакцию в странах с развитой банковской системой. Возникла ситуация, когда такие государства как Швейцария могут поставить в свои банки более строгие требования, чем те, которые содержатся в Соглашении, а другие (ФРГ, Франция), напротив, настаивают на их уменьшении. Основными отличиями Базель III от Базель II в отношении индикативного регулирования банковской деятельности следует считать:

- Увеличение требований к капиталу первого уровня: минимальный – 6, необходимый 8,5 (против 4 в Базель II).
- Регулятивный капитал минимальный – 8; необходим – 10,5.

Специалисты утверждают, что в долгосрочной перспективе от внедрения Базель III выигрывают все [7, с. 92], однако в краткосрочной – могут возникнуть трудности.

Также для исследования возможных направлений совершенствования Украинский методов индикативного регулирования банковской деятельности целесообразно будет рассмотреть некоторые аспекты опыта стран с развитыми банковскими системами.

При исследовании практики регулирования банковской деятельности в развитых странах особое внимание следует обратить на Федеральную резервную систему США и ее методы ведения денежно-кредитной политики, поскольку тенденции финансово-правового развития в этом государстве значительным образом влияют на стабильность банковских систем всего мира.

Исследователи отмечают, что наиболее активно в США применяются такие методы индикативного регулирования как: осуществление процентной политики; установление норм обязательного резервирования; операции на открытом рынке [6].

Федеральная резервная система США, выполняя свои функции кредитора последней инстанции, осуществляет операции по рефинансированию банков по нескольким видам учетной ставки, в зависимости от разновидности кредита. Различают следующие виды ставок: первичная – для финансово крепких банков; вторичная – для менее стабильных; «Сезонное кредитование» – для банков, успешность функционирования которых зависит от определенных обстоятельств (находятся в с / х местности; курортной зоне и т.д.).

После финансовой реформы 2003 процедура рефинансирования в США была упрощена, ведь к тому банки могли использовать этот способ поддержания ликвидности лишь при условии невозможности привлечь средства иным образом, создавало для них ощутимые проблемы. Вместе с тем следует заметить, что банки не слишком активно используют возможность осуществления рефинансирования силу специфики американских банковских отношений, где такие действия, в глазах клиентов, могли бы рассматриваться как слабость учреждения. Учетная ставка в США не играет такой значительной роли как в Украине. Преимущество здесь предоставляется ставке ФРС по целевым фондам по которой заключаются сделки на открытом рынке. Учетная ставка играет роль «верхней границы» краткосрочных ставок на межбанковском рыке, которые определяются через операции по целевой ставке [12].

По норм обязательного резервирования, то их устанавливает исключительно Совет директоров ФРС в пределах допустимых законом. Средства, которые банки вносят для бронирования находятся на специальных депозитных счетах в Федеральном Резервном Банке. Минимальная величина резервирования составляет 15200000. Долларов США [4].

Наиболее важную роль, среди других видов индикативного регулирования в США, предоставляется осуществлению операций на открытом рынке. Этот факт также подтверждается тем, что в структуре ФРС создан отдельный комитет по операциям на открытом рынке. Операции на открытом рынке используются ФРС для двойной цели: стимулирование экономики путем покупки ценных бумаг в банках, увеличивает их кредитные возможности; осуществления сдерживающего влияния на экономику, путем продажи банкам краткосрочных казначейских векселей.

В отличие от банковской системы ЕЦБ и других стран (в том числе и Украины), к операциям на открытом рынке в финансово-правовой доктрине США относят только операции купли-продажи ценных бумаг.

Стоит также отметить, что законодатель США уделяет внимание регулированию деятельности системно важных банков с целью нивелирования угрозы со стороны системных рисков. Важность контроля за этой сферой подтвердила ситуация, возникшая в конце 2008 года с одним из крупнейших инвестиционных банков США – Lehman Brothers. Организация объявила о своем банкротстве и органами надзора не было учтено риска распространения, как следствие – банкротство одного банка привело к усилению мирового финансового кризиса 2008 года. [1]

После подписания Маастрихтского договора в банковской сфере Европейского Союза начались активные интеграционные процессы направлены на поддержание стабильности банковских систем стран-членов. С этой целью в 1998 году был создан Европейский Центральный Банк (ЕЦБ).

Основными инструментами индикативного банковского регулирования Европейского Центрального Банка являются: осуществление операций на открытом рынке, формирования резервных требований, [13] установления процентных ставок. Методы ЕЦБ преимущественно направлены на среднесрочную перспективу.

Операции на открытом рынке, осуществляемых ЕЦБ разделяют на следующие категории:

- Основные операции по рефинансированию. Видеграют ключевую роль в системе операций на открытом рынке. Они осуществляются через национальные центральные банки-участники ЕЦБ в децентрализованном порядке;
- Долгосрочные операции по рефинансированию. Предназначены для обеспечения банковской ликвидности сроком до трех месяцев
- корректирующие операции. Они связаны либо с «загрузкой» дополнительных, или «отгрузке» лишних объемов ликвидности; [5]
- Структурные операции. Предназначены для изменения объемов ликвидности ЕЦБ в долгосрочной перспективе.

Как и в других банковских системах, ЕЦБ требует от банков и других кредитных учреждений формировать минимальные резервы в виде депозитов на его счетах. Интересен порядок исчисления суммы резервирования, которая зависит от базы расчета, умножается на соответствующий норматив (выделяют два: положительный норматив и нулевой).

Евросистема имеет достаточно лояльную политику по формированию резервов и не желает создавать избыточное давление на банковскую деятельность, обусловило создание механизма компенсации. Кроме того, в ЕЦБ существует процедура увольнения банков или других кредитных учреждений от формирования обязательных резервов, если:

- Субъект имеет специальные функции и требований по обязательному резервированию может создать препятствия для функционирования всей системы;

- Начата процедура реорганизации. [2]

ЕЦБ контролирует ликвидность банковской системы с помощью базовой плавающей ставки по основным операциям рефинансирования.

В общем, ЕЦБ может определять следующие ставки:

- Базовую;

- по кредитам овернайт (кредиты со сроком возврата до конца следующего дня);

- По депозитам овернайт.

Целесообразно также обратить внимание на процедуру банковского регулирования в таких странах как: Британия и Федеративная Республика Германия, которые хоть и входят в единую банковскую Евросистему, но все же имеют некоторые особенности.

Центральную роль в банковской системе Великобритании играет Банк Англии. Великобритания входит в число стран, в которых нет требования относительно минимального объема резервирования. Хотя, стоит отметить, что такой показатель существовал на уровне 1,5% в период с 1971 по 1980 годы, однако был отменен. Отсутствие минимального размера необходимых резервов компенсируется повышенными требованиями к адекватности капитала.

Отношения по поводу процентных ставок в банковской системе Великобритании строятся по принципу, согласно которому не так важен способ поддержания ликвидности, как Банку Англии эту ликвидность поддерживать. Краткосрочный характер регулирования ликвидности в Великобритании вызывает тот факт, что участники каждый день должны обращаться за средствами в Банк Англии, что, в свою очередь, делает его эффективным регулятором банковских отношений. Основной является ставка по операциям репо, устанавливающий пределы операций на межбанковском рынке.

Банковское регулирование в Федеративной Республике Германия осуществляется Немецким федеральным банком (и девятью его территориальными отделениями в каждой из земель) и Федеральным ведомством банковского надзора. Спецификой банковского регулирования ФРГ было то, что в 2008 году был принят Закон о стабилизации финансовых рынков, ключевым элементом которого стало создание Стабилизационного финансового фонда для поддержания ликвидности финансовых организаций, управление которым осуществляет специальная юридическое лицо публичного права. В общем, развитие исследуемого института ФРГ происходил в пределах общеевропейских тенденций, включая контроль за банковскими холдинговыми компаниями и уменьшения системных рисков.

Международные акты изданы Базельским комитетом по банковскому надзору устанавливают единые стандарты индикативного банковского регулирования, включая требования относительно качества и количества капитала, банковских резервов и тому подобное. Для развития российской банковской системы было бы разумно осуществить комплексное и рациональное принятие требований соглашения данного документа.

Регуляторы банковских отношений стран с развитой финансовой системой эффективно применяют такие виды индикативного регулирования банковской деятельности как: установление процентных ставок, проведения грамотной политики рефинансирования, установление нормативов резервирования. Банковские регуляторы предпочитают отдельным видам регулирования в зависимости от его целей, финансово-правовых аспектов банковской системы, собственного исторического опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Case study: The collapse of Lehman Brothers: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investopedia.com/articles/economics/09/lehman-brothers-collapse.asp>

2. Credit institutions: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/mr/html/credit.en.html>
3. Non-performing assets: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economictimes.indiatimes.com/definition/non-performing-assets>
4. Reserve requirements: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/reservereq.htm>
5. Денежно-кредитная политика ЕЦБ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/monetarypolicy2004ru.pdf>
6. Денежно-кредитные системы зарубежных стран: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.if.ua/book/17/1422.html>
7. Златина Н. Динамика международных организаций в сфере банковского надзора и их влияние на правовое регулирование банковского надзора в Украине и других странах Европы / Н. Златина // Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Юридические науки. – 2011. – Вып. 86. – С. 90-93.
8. Кривцун М. И. Управление рисками коммерческого банка / И.М. Кривцун, А.И. Уголок // Регион. экономика. – 2008. – № 4. – С. 104-108.
9. Нобель П. Швейцарское финансовое право и международные стандарты / пер. сангл. М.: Волтерс Клувер, 200 С. 352.
10. Основные принципы эффективного банковского надзора (основные Базельские принципы): [Электронный ресурс] / НБУ. – Режим доступа: <http://www.bank.gov.ua/doccatalog/document?id=45251>

TO THE QUESTION OF THE LEGAL ESSENCE AND PROSPECTS OF THE INDICATIVE METHOD OF BANK SURVEILLANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper presents an analysis of international practice, from the perspective of the documents of the Basel Committee, in the application of the indicative method of banking supervision and its prospects in the Russian Federation.

Keywords: banking supervision, indicative method, banking regulation, financial system, Basel Committee.

Tolcheev N.

Scientific adviser: Tsyba E., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: tpntpn@yandex.ru

УДК 347.65/.68

СУБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Торобцев А.Г.

*Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются субъекты наследственных правоотношений, в особенности правовой статус государства, как наследника по закону. Проведен сравнительный анализ положений законодательства Российской Федерации и норм Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики, который вступит в силу 1 июля 2020 года. Установлены проблемные аспекты и возможные пути их решения.

Ключевые слова: субъекты, наследственные правоотношения, наследодатель, наследник.

Актуальность и проблематика исследуемой темы в основном связана с вопросами, которые поднимаются в научной литературе. Одни авторы считают, что необходимо расширить круг субъектов наследования по закону, а также ставят перед собой цель упразднение института выморочного имущества и устранение государства от наследования по закону. Всех субъектов наследственных отношений можно условно разделить на три группы:

- 1) наследодатели;
- 2) наследники;
- 3) лица, содействующие в наследовании.

Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики не закрепляет норму, которая бы определяла, кто же является наследодатель, но бесспорно мы можем сказать, что это физическое лицо, в отношении которого зафиксирован факт смерти. По мнению Н.В. Рубцовой, наследодателем по закону может быть правоспособное физическое лицо, которые как обладает, так и не обладает гражданской дееспособностью, в том числе и индивидуальный предприниматель как субъект предпринимательской деятельности. [1, с. 96] Нам кажется, что приведенное в пример определение термина наследодатель является некорректным, поскольку не имеет значение в наследственных правоотношениях имело ли лицо статус субъекта предпринимательской деятельности или нет, это не влияет на его статус, как субъекта наследственных отношений. В данном случае, уместно было бы рассматривать наследодателя, как физическое лицо, имущество которого после его смерти переходит к другим лицам, таким образом, осуществляется правопреемство. Главным юридическим фактом является смерть физического лица, на наш взгляд именно в этот момент он приобретает статус наследодателя.

Говоря о таком субъекте, как наследник, то следует сказать, что его роль в наследственных правоотношениях производна от наследодателя. Наследник – основной и активный участник, поскольку он обеспечивает динамику наследственных правоотношений, реализуя своё право на наследование. Его право заключается в том, что, как правильно отметил В.И. Серебровский, приобретение наследства наследником не происходит автоматически, а исключительно по его собственной воле. [2, с. 46] С.П. Гришаев определяет наследника как «лицо, к которому переходят права и обязанности наследодателя в результате наследственного правопреемства». [3, с. 34]

Л.Ю. Грудцына отмечает, что наследник – это лицо, которое призывается к наследованию в связи со смертью наследодателя. Она говорит, что в качестве наследника может выступать любой субъект гражданского права: гражданин, юридическое лицо, государство в целом. При этом социальные образования признаются наследниками, если они существуют на момент открытия наследства [4, с. 57].

Мы же полагаем, что существующие на сегодняшний день определения термина «наследник» в полной мере не отражают его правовой статус. Являемся сторонниками мнения, что право на наследование наследник получается автоматически, с момента открытия наследства, однако реализация его право и собственно приобретение статуса наследника он приобретает, когда реализует данное ему право, то есть примет наследство.

В качестве иных лиц, роль которых в наследственных отношениях, заключается в содействии, могут выступать нотариус, исполнитель завещания. Деятельность этих субъектов прямо направлена на соблюдение необходимой процедуры, которая предписана законом и, безусловно, на соблюдение и исполнение воли наследодателя, в пределах допустимого.

Возвращаясь к вопросу наследников, хотелось бы глубже изучить данный вопрос на примере законодательства Российской Федерации и Донецкой Народной Республики. Согласно положениям Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, установлен исчерпывающий перечень наследников, которыми могут быть:

1. граждане, находящиеся в живых в день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства;
2. юридические лица, существующие на день открытия наследства, могут быть наследниками только по завещанию;

3. к наследникам по завещанию могут призываться Донецкая Народная Республика, муниципальные образования, иностранные государства и международные организации, а к наследованию по закону – Донецкая Народная Республика, муниципальные образования. Стоит отметить, что именно в ч. 3 ст. 1246 в условиях наследования по закону Донецкой Народной Республики и её муниципальных образований устанавливается отсылка к статье 1281 настоящего Кодекса. Положения статьи 1281 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики закрепляет право государства на выморочное имущество. Аналогичное положение норм закрепляет и законодательство Российской Федерации, за исключением своих особенностей.

Это единственный способ, при котором государство и муниципальное образование могут выступать наследником по закону. Считаю необходимым более подробно рассмотреть этот момент, поскольку проблема определения статуса государства как участника наследственных отношений является актуальной темой исследования. Несмотря на то, что Гражданский кодекс закрепляет право государства и муниципального образования на наследование по закону, тем не менее, статья, указывающая на очереди наследования по закону, не включает в перечень субъектов государство. Безусловно, политика государства, направлена на то, чтобы имущество переходило в собственность лицам, которые соединены родственными узами с умершим наследодателем и для нас, очевидно, что современное право признает, что государство не является основным участником наследственных правоотношений. Исходя из норм гражданского законодательства, очевидно, что государство наследует по закону лишь в том случае, если все наследники отказались принять наследство.

Наличие одной статьи, которая регламентирует переход имущества умершего к государству, по нашему мнению, является недостаточным. Научные споры ведутся по поводу признания государства в качестве наследника, на наш взгляд именно по причине отсутствия четко установленного статуса государства в наследственных правоотношениях. Донецкая Народная Республика пошла по пути развития с целью интеграции в Российскую Федерацию, в связи с чем, мы наблюдаем данную проблематику и в законодательстве Российской Федерации. Позиция законодателя в Российской Федерации заключается в том, что государство, обладая статусом наследника, приобретает выморочное имущество посредством наследования, это закрепляется в статье 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Значение наследования выморочного имущества заключается в устранении возможного существования бесхозяйного имущества после смерти лица, потому как это может привести к незаконному приобретению и использованию такого имущества. Институт выморочного имущества, помимо указанных нарушений, способствует защите прав кредиторов наследодателя, право требования, которых должно быть удовлетворено независимо от наличия или отсутствия наследников. Государство в данном случае является субъектом, который своим непосредственным участием в наследственных правоотношениях способствует реализации тех целей, которые заложил законодатель в институт выморочного имущества.

Однако в учебной литературе ведутся дискуссии относительно необходимости существования государства при наследовании выморочное имущество. Пока законодатель стоит на позиции того, что только государство имеет право и в какой-то степени даже обязано принять выморочное имущество в свою собственность, находятся такие авторы, как В.П. Павлова, которая выражает идею расширить спектр наследников, с целью пресечения тенденции к приобретению имущества статуса выморочного.

В.П. Павлова предлагает концепцию собственности, которая на её взгляд позволяет устранить недостойных наследников с позиции унаследованных навыков обращения с имуществом, предотвращая тем самым неэффективное использование

принадлежавшей наследодателю вещи теми лицами, которые, не имея достаточных навыков, приобрели имущество по завещанию. Следствием изложенного является возможность почти беспредельного увеличения числа наследников по закону. Такое расширение круга лиц определяется тенденцией к всемерному освобождению государства от управления, каким бы то ни было имуществом. Данная концепция, предложенная В.П. Павловым, очевидно, будет способствовать стремительному сокращению численности выморочного имущества. Рассматривая концепции В.П. Павловой, мы пришли к выводу, что это не является целесообразным и практически применимым, а лишь создает ряд дополнительных вопросов, на которые на сегодняшний день в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации не найдётся ответов. [5, с. 33]

Нам вполне понятна позиция законодателя, и мы считаем её разумной, объясняется это, как мы уже упоминали ранее, необходимостью предотвращения порчи, уничтожения и хищения наследственной массы со стороны третьих лиц по отношению к имуществу, поскольку не редко встречается имущество, которое представляет собой большую ценность. При этом законодатель считает, что государство, обладая таким имуществом, может из этого получить выгоду и доход в пользу всех граждан, а не только для индивидуальных лиц. [6, с. 26]

Говоря о правовом положении государства, как наследника выморочного имущества, следует отметить и ряд особенностей, которые оправдывают отсутствие государства, как субъекта наследования по закону в статье Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики устанавливающей очереди наследования. Мы наблюдаем за тем, как законодатель, признавая государство в качестве наследника, не приравнивает его к остальным участникам наследственных правоотношений, поскольку установлено, что для приобретения выморочного имущества не требует принять наследство, не установлены сроки о принятии наследства, а также нормы, предусматривающие принятие наследства после истечения установленного срока, к тому же у государства нет права отказаться от выморочного имущества.

Таким образом, Логвин Р.Б. приходит к выводу, с которым мы солидарны, он считает, что указанные выше особенности наследования выморочного имущества государством раскрывают особый статус государства как наследника по закону. [7, с. 15] Поэтому следует вывод, что Донецкая Народная Республика – это наследник по закону, который не относится ни к одной из очередей наследования и его право на наследование по закону возникает исключительно тогда, когда нет больше ни одного субъекта, который желал бы принять наследство. Как государство, так и выморочное имущество имеет особый статус в рамках правового поля нашего государства, который приобретает исключительно при соблюдении законодательного установленных условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубцова Н.В. Предпринимательская деятельность и ее целевая установка // Правовое поле современной экономики. 2015. №12. С.95 – 102.
2. Серебровский В.И. Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 46-53.
3. Гришаев С.П. Наследственное право. – М.: Проспект, 2011. – 181с.
4. Грудцына Л.Ю. Справочник наследника. – М.:ЮСТИЦИНФОРМ, 2007. – 279 с.
5. Бегичев А.В. Генетические предпосылки владения имуществом как преимущественный фактор наследственных правоотношений. // Нотариус. 2016. № 8. С.33.
6. Кириллова Е.А. Выморочное имущество как собственность Российской Федерации. // Нотариус. 2012. № 5. С.25-26.
7. Логвин Р.Б. Государство как субъект наследственного права / Р.Б. Логвин // Законность и правопорядок в современном обществе. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2016. – С. 13–16.

SUBJECTS OF HEREDITARY RELATIONS IN THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article discusses the subjects of inheritance relations, in particular the legal status of the state as an heir by law. A comparative analysis of the provisions of the legislation of the Russian Federation and the norms of the Civil Code of the Donetsk People's Republic, which will enter into force on July 1, 2020, is carried out. The problematic aspects and possible solutions are identified.

Keywords: subjects, inheritance relations, testator, heir.

Torobtsev A.

Scientific adviser: Efremova A., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: skymops@gmail.com

УДК 343.614

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Усатова А.А.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н. доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье проведен уголовно-правовой анализ состава статьи 111 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики «Доведение до самоубийства». Поднимается проблема самоубийств несовершеннолетних, совершенных вследствие угроз или иных форм доведения до самоубийства через сеть Интернет. Разработаны предложения направленные на совершенствование отечественного законодательства об уголовной ответственности за доведение до самоубийства.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, самоубийство несовершеннолетних, Интернет, группы смерти, кибербуллинг.

Конституция Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), а именно статья 14 провозглашает, что человек имеет право на жизнь. Статья 15 Конституции ДНР закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность [1, ст. 14-15]. Данные права также охраняется Уголовным Кодексом Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [2].

В настоящее время опасность поджидает человека не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве. Посредством интернета люди могут не только коммуницировать и обмениваться информацией, но также совершают серьезные преступления. В частности, Интернет играет особую роль в формировании культа самоубийства.

Актуальность работы заключается в том, что на некоторых сайтах сети Интернет таких как: «ВКонтакте», «Twitter» и «Instagram», идет активная пропаганда суицида, в сообществах размещаются сообщения, фотографии и видеозаписи, содержащие изображения или аудиозаписи самоубийства или к тому подталкивающие, подробно описываются способы и методы ухода из жизни. Так, скандально известные «группы-смерти», созданные в социальных сетях, склоняют несовершеннолетних к совершению групповых самоубийств. Кроме того, проблема состоит в том, что на практике доведение до самоубийства является сложнораскрываемым составом преступления.

Под самоубийством (суицидом) понимается умышленное лишение себя жизни. На сегодняшний день оно видится одним из наиболее сложных социальных явлений, требующим внимательного подхода и изучения. По данным, которые были опубликованы 2 сентября 2019 Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ)

ежегодно более 800 тысяч человек кончают жизнь самоубийством, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Как фиксирует ВОЗ, суицид является одной из ведущих причин смерти среди молодых людей в возрасте 15-29 лет в глобальных масштабах. В Российской Федерации (далее – РФ) самоубийства без преувеличения можно назвать национальной катастрофой. По данным ВОЗ, РФ занимает 17 место в мире по числу самоубийств в единицу времени [3].

Целью данной статьи является краткий анализ признаков доведения до самоубийства, исследование проблем воздействия сети Интернет на поведение несовершеннолетних, а также предложения направленные на совершенствование действующего уголовного законодательства ДНР.

В настоящем Уголовном Законе ДНР, а именно в статье 111 закреплена ответственность за доведение до самоубийства, которое неоднократно было предметом рассмотрения в уголовно-правовой литературе. Однако, на данный момент, всё ещё остаются некоторые проблемные вопросы, которые представляют интерес для дальнейшей разработки предложений по совершенствованию норм уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства, что в конечном итоге будет способствовать снижению уровня отрицательного влияния на подростков сети Интернет, включая такие последствия, как доведение до самоубийства и покушение на самоубийство.

Отдельные правовые аспекты доведения до самоубийства и разработку путей предупреждения самоубийств изучали и разрабатывали такие ученые как С. В. Бородин, А. В. Бриллиантов, Ф. Р. Сундуков, Г. Н. Борзенков, А. И. Коробеев, В. Е. Лоба, А. А. Пионтковский, А. И. Рарога, Н. С. Таганцева и др.

При проведении данного исследования предоставляют интерес такие случаи самоубийств, когда желание лица уйти из жизни формируется извне, образуются ситуации, подталкивающие к совершению самоубийства. Такие действия подпадают под состав ст. 111 УК ДНР – «Доведение до самоубийства».

Для этого рассмотрим такие элементы данного состава преступления как объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. В теории уголовного права ученые единогласно отмечают, что непосредственный объект преступления содержится в конкретной статье Особенной части УК ДНР. Однако, при его определении в доведении до самоубийства мнения разделились, исходя из чего непосредственным объектом указанного деяния считают:

- 1) жизнь человека [4, с. 12];
- 2) право на жизнь [5, с. 123];
- 3) общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни [6, с. 48-50];
- 4) охрану жизни человека [7, с. 74].

Указанные точки зрения имеют право на существование, поскольку суть каждой из них заключается в том, что приоритетом выступает жизнь человека. Но на основании анализа способов совершения данного преступления возможно выделить дополнительный объект, которым является человеческое достоинство потерпевшего, на которое оказывается негативное влияние в ходе совершения виновным лицом преступления, что и приводит впоследствии к факту совершения суицида.

Объективная сторона преступления характеризуется весьма активными действиями виновного, которые носят провоцирующий характер. Однако возможно и бездействие, но оно находится в причинной связи с самоубийством потерпевшего. Способы совершения доведения до самоубийства указаны в диспозиции статьи 111 УК ДНР и осуществляются путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.

При этом, для квалификации преступления данной категории, письменная или устная выражения данных угроз не имеет значения, так как они могут быть выражены лично, через окружающих или социальные сети.

Так, гражданин А. в течение длительного времени угрожал своей матери расправой, гражданка К. воспринимала его угрозы достаточно серьёзно, опасаясь осуществления данных угроз, испытывала нравственные страдания, так, что в конечном итоге приняла решение покончить с собой [8].

Вторым указанным способом является осуществление жестокого обращения, при этом оно выступает в качестве оценочного понятия, выражающегося в совершении определенных физических действий, которые образуют самостоятельные составы преступления, либо в бездействии в отношении потерпевших. Кроме того, жестокое обращение характеризуется неоднократным или систематическим совершением противоправных деяний. Представители правоохранительных структур под жестоким обращением понимают оставление без пищи, тёплой одежды, систематическое унижение, оскорбление, истязание, нанесением им побоев и т.д.

Так, супруг систематически подвергал жену избиениям и унижениям, вследствие чего она покончила с собой.

Третьим способом является унижение человеческого достоинства, выражающееся в оскорблениях, клевете, высмеивании и издевательствах. Так, данный способ доведения до самоубийства является системным, т.е. совершение неоднократных действий. По этой причине единичные случаи унижения достоинства не будут образовывать состава преступления доведение до самоубийства.

Так, жительница района в Московской области стала проживать с семьёй сына и на протяжении нескольких лет унижала свою невестку, предлагала ей уйти из жизни, склоняла её к суициду, чем довела её до психического напряжения, после которого та совершила самоубийство [9].

В связи с тем обстоятельством, что субъективная сторона преступления выступает одним из самых сложных элементов состава преступления по причине того, что отражает внутреннее психическое состояние субъекта в момент совершения им уголовно-наказуемого деяния, в настоящее время отсутствует единообразное толкование этого аспекта как в теории уголовного права, так и в судебно-следственной практике при рассмотрении уголовных дел, возбуждённых по ст. 111 УК ДНР.

Субъективная сторона доведения до самоубийства представляется достаточно сложной. В диспозиции ст. 111 УК ДНР форма вины не раскрывается, что позволяет судить о том, что указанное общественно опасное деяние может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. В теории уголовного права встречаются различные точки зрения учёных по вопросу субъективной стороны доведения до самоубийства, а судебно-следственная практика, как правило, указывает на умышленную форму вины [10].

Также, следует отметить, что в уголовно-правовой литературе окончательно не решён вопрос относительно того, по достижению какого возраста человека можно признавать потерпевшим от доведения до самоубийства. Некоторые авторы (А. В. Бриллиантов, Ф. Р. Сундуков и др.) считают, что в качестве такового может признаваться любое физическое лицо независимо от его возраста [11]. А. А. Цыркалюк в качестве потерпевшего от рассматриваемого преступления рассматривает только психически здоровое и достигшее 14-летнего возраста лицо [12]. Также в науке уголовного права ряд авторов считают, что доведение до самоубийства малолетнего ребёнка или психически больного, не отдающих отчёта в своих действиях, следует квалифицировать как убийство путём опосредованного причинения смерти (к примеру, Г. Н. Борзенков, А. И. Коробеев и др.). Однако анализ судебной практики показывает, что доведение до самоубийства малолетнего не признаётся в качестве убийства. Так, согласно практике Российской Федерации, именно по ст. 110 УК РФ (ст. 111 УК ДНР) квалифицировал действия виновного Т. Большесосновский районный суд Пермского края. Судом установлено, что Т. на протяжении года умышленно жестоко обращался и

систематически унижал человеческое достоинство своего 12-летнего сына Д., который предпринял попытку покончить жизнь самоубийством путём повешения, но свои действия до конца не довёл, так как верёвка под массой тела порвалась.

До недавнего времени ст. 111 УК ДНР была единственной, в рамках которой осуществлялась правовая регламентация ответственности за доведение до самоубийства.

Законом ДНР «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики и в статью 124 Уголовно-процессуального Кодекса Донецкой Народной Республики» принятым Постановлением Народного Совета 27 сентября 2019 года были внесены дополнения в действующий УК ДНР в отношении данного состава, а также были введены две новые нормы. Во вновь определенную законодателем группу посягательств теперь входит не только доведение до самоубийства, но и склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 111¹ УК ДНР), а также организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 111² УК ДНР).

Появление дополнений в УК ДНР новыми составами преступлений обусловлено увеличением числа самоубийств, а также частотой использования сети Интернет в качестве средства доведения до самоубийства в отношении несовершеннолетнего лица. Нововведение также повысило уголовную ответственность за данные действия в лиц, которые находятся в беспомощном состоянии, в материальной или иной зависимости от виновных, я беременных, двух или более лиц, я при осуществлении данных действий группа лиц по сговору или организованной группой. К той же ответственности должны быть подвергнуты за публичные выступления, в СМИ и различных телекоммуникациях.

Более детально следует остановиться на вопросе доведения до самоубийства несовершеннолетних с использованием сети Интернет. Поскольку несовершеннолетние находятся в группе риска для совершения многих преступлений. В силу психоинтеллектуальных особенностей, формирования личности, незрелости мышления, тяге ко всему новому, выражения протеста внешнему миру они являются наиболее подверженными влиянию извне. В связи с чем обоснована криминализация побуждения и доведения до самоубийства несовершеннолетних.

Развитие современных технологий привели к тому, что к сети Интернет подключаются все больше семей. Многие родители недооценивают опасность бесконтрольного доступа несовершеннолетних в сеть Интернет. Во многих семьях родители не устанавливают строгий контроль за посещением сайтов. Вместе с тем произвольное посещение сайтов и создание личных профилей в социальных сетях несет в себе скрытую угрозу виктимизации несовершеннолетних.

Одной из таких угроз является присоединение несовершеннолетнего к так называемым «группам смерти». О группах, пропагандирующих суицид в социальной сети «ВКонтакте», заговорили еще в 2012 г.: это было связано с самоубийствами детей и подростков, на страницах которых после их гибели обнаруживали суицидальный контент. Однако по-настоящему общественное внимание привлекла статья под названием «Группы смерти», опубликованная в «Новой газете» в 2016 году. Среди этих групп самыми популярными являются: «Синий кит», «4:20», «Море китов», «F57». Безобидные, на первый взгляд, хэштеги в «Инстаграм», такие как «Синий кит», «Тихий дом», «Я в игре» и «Разбуди меня в 4:20», являются не чем иным, как ссылкой, перейдя по которой, пользователь попадал либо на нужную страницу, либо на страницу сообщества, из которого он уже не мог выйти.

Также появились такие новые способы психического воздействия на несовершеннолетних, как буллинг (запугивание) и кибербуллинг (киберзапугивание). Кибербуллинг – это травля, совершаемая с помощью электронной коммуникации и направленная на то, чтобы подорвать эмоциональное и психическое состояния жертвы.

Феномен кибербуллициды (от англ. cyberbullicide) уже на протяжении нескольких лет является предметом исследований, проводимых зарубежными криминологами. В частности, эксперты американского исследовательского центра кибербуллинга (The Cyberbullying Research Center) определяют кибербуллицид как «самоубийство, совершенное косвенно или напрямую в результате онлайн-агрессии».

Установлена закономерность, при которой жертвы запугивания чаще всего реализуют или предпринимают попытки реализовать суицидальные мысли, чем те несовершеннолетние, которые не сталкивались с онлайн-запугиванием. В процессе кибербуллинга применяются разнообразные формы психического насилия: угрозы убийством, угрозы насильственных действий по отношению к жертве либо ее близким, угрозы истреблением имущества родных и близких, угрозы распространения компрометирующих их сведений, аудио- и видеоматериалов либо иных сведений, разглашения которых пострадавшая сторона не желает, шантаж, клевета, оскорбление, внушение. Также распространены такие виды травли, как создание страниц с целью шантажа или порочащих действий, публикация фотографии подростка, его номера мобильного телефона, а также объявления о том, что он якобы оказывает сексуальные услуги. В то же время довести до самоубийства лицо можно и иными способами, например, путем уговоров, предложений, обещаний, дачи советов и т. д.

Возникновение кибербуллинга связано с вольностью написания сообщений в Сети и их анонимностью. Большинство пользователей скрываются за различными псевдонимами, и этим пользуются агрессоры, атакуя жертву в расчете на безнаказанность.

Главной площадкой для кибербуллинга являются социальные сети. Это связано с их большой популярностью среди молодежи и соответственно огромным числом пользователей. Среди наиболее известных – «ВКонтакте», «Twitter» и «Instagram».

В зарубежной литературе также исследуются случаи прямого или косвенного самоубийства в связи с онлайн-агрессией и издевательства в сети Интернет. Как отмечают психологи, зачастую издевательства и киберзапугивание связаны с депрессией, низкой самооценкой, чувством безнадежности и одиночества у подростка, что в свою очередь представляет собой комплекс всех известных суицидальных факторов. Хотя личные издевательства и киберзапугивание имеют одинаковый эффект, жертвами кибербуллинга может стать более широкий круг несовершеннолетних в силу того, что до жертвы можно легко добраться в любом месте и в любое время через мессенджеры, социальные сети, мобильные телефоны и электронную почту. Названное обстоятельство значительно увеличивает частоту противоправных действий в отношении несовершеннолетних, находящихся в сети Интернет онлайн.

Кибербуллинг может иметь формы флейминга, хеппислепинга, хейтинга.

Флейминг – это обмен короткими эмоциональными высказываниями между двумя и более людьми; чаще всего комментарии, на публичных сайтах. Иногда превращается в затяжной конфликт.

Название «хеппислепинг» закрепилось за видеороликами, снятыми на мобильный телефон, с записями реальных сцен избиения. В Сети, где их могут просматривать тысячи людей, без согласия жертвы.

Хейтинг – намеренное унижение человека, отторжение подростка социальной группой. Чем в большей степени он исключается из взаимодействия, тем ниже падает его самооценка.

Кибербуллинг характерен для развитых стран Северной Америки, Европы и Азии, которые отличаются высоким уровнем распространения и развития Интернета. Однако это явление присутствует и среди российской молодежи. В настоящее время Россия входит в пятерку стран по уровню кибербуллинга среди школьников. Около половины опрошенных подростков в возрасте от восьми до 17 лет сталкивались с кибербуллингом.

Крайняя форма кибербуллинга – кибербуллицид, трактуемый как «суицид, произошедший вследствие столкновения с прямой или косвенной агрессией онлайн» [13, с. 80]. Подобной деятельностью занимаются группы и сообщества в социальных сетях, направленные на доведение пользователей, в большинстве своём подростков, до самоубийства с использованием методов психического воздействия на них.

Подавляющее число участников Интернет-сообществ, пропагандирующих суицид в социальных сетях, являются несовершеннолетними. При этом лица, организующие такие сообщества или напрямую склоняющие своих жертв к самоубийству, как правило, понимают, что имеют дело с детьми и подростками, более того, целенаправленно работают именно с такой аудиторией, чей возраст не позволил бы объективно оценить ситуацию и противостоять оказываемому психическому насилию.

Выводы. На наш взгляд осознание виновным лицом факта несовершеннолетия потерпевшего значительно повышает общественную опасность исследуемого деяния. Вследствие этого, мы считаем, что указание в ст. 111 УК ДНР на признак «заведомого» знания виновным о факте несовершеннолетия потерпевшего способствовало бы более качественной реализации нормы на практике.

К сожалению, на внесение изменений в законодательство и принятие любых новых законов требуются время, анализ и обобщение практики, а времени сегодня на такие острые вопросы практически нет. Правда, правоохранительными органами в этом направлении принимаются определенные усилия. Например, по их предложению в соцсети «ВКонтакте» заблокировано более 600 тыс. страниц с подозрительными хештегами. Однако, этого недостаточно, над этой проблемой нужно работать более основательно и оперативно, включая совершенствование способов и средств воздействия на подрастающее поколение, формирование личности подростка в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики. (С изменениями, внесенными Законами. от 27.02.2015 года № 17-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 17. 12. 2019 принят Постановлением Народного Совета ДНР от 19. 08.2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (дата обращения: 15.01.2020).
3. Самоубийство // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения // URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Лысак Н. Ответственность за доведение до самоубийства / Н. Лысак, Д. Лопаткин // Законность. 2006. № 3. С. 12
5. Аюпов В.Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 123.
6. Бородин С.В. Преступления против жизни. М. : Юрист, 1999. 356 с.
7. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 448 с.
8. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 29.01.2020)
9. Судебная практика по ст. 110 УК РФ . // URL:: <http://advokat-malov.ru/voprosyi-i-otvetyi/ugolovnoe-pravo/statya-110-uk-rf-dovedenie-do-samoubijstva.html> (дата обращения: 29.01.2020)
10. Буряковская Е.В. Доведение до самоубийства: квалификация по субъективным признакам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 89–94.
11. Бавсун М.В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Криминалистика. 2019. № 1 (26). С. 11-15.
12. Куц И.Н. К вопросу о доведении до самоубийства или до покушения на него несовершеннолетнего // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сборник научных статей по итогам работы второго международного круглого стола. Шахты, 2019. С. 83-84.
13. Краснова К.А. Противодействие кибербуллициду как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юристы-Правоведь. 2017. № 3. С. 78-84.

INCITEMENT TO SUICIDE USING THE INTERNET: THE CRIMINAL LEGAL ASPECT

Annotation. The article provides a criminal-legal analysis of the article 111 of the Criminal Code of the Donetsk people's Republic «Incitement to suicide». The problem of suicides of minors committed as a result of threats or other forms of incitement to suicide via the Internet is raised. Proposals aimed at improving the domestic legislation on criminal liability for incitement to suicide have been developed.

Keywords: incitement to suicide, suicide of minors, Internet, death groups, cyberbullying.

Usatova A.

Scientific adviser: Karpenko L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: anna69alexandrovna@gmail.com

УДК 343.16

ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Фарафонова В.А.

*Научный руководитель: Ушакова К.С., ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматривается отказ прокурора от обвинения как институт уголовно-процессуального права и как деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве, а также описаны уполномоченные лица, которые могут выступать в качестве государственного обвинителя. Помимо этого, на основе литературы уголовного права и нормативно-правовой базы Донецкой Народной Республики (в частности, на базе Уголовно-процессуального кодекса) проанализированы причины, способствующие отказу от обвинения. Также охарактеризованы действия государственного обвинителя в рамках судебного процесса в случае его отказа от обвинения. Нами были рассмотрены случаи, когда государственный обвинитель не вправе отказаться от обвинения в судебном процессе. Указаны этапы уголовного процесса, на которых государственному обвинителю возможно отказаться от обвинения.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, отказ от обвинения, судебный процесс.

Формированию обвинения предшествует продолжительная процессуальная деятельность органов предварительного расследования в ходе досудебного производства по уголовному делу. До того, как обвинение примет свой окончательный вид, оно может трансформироваться как в благоприятную, так и в негативную для обвиняемого сторону на данном этапе судопроизводства закон ничем не ограничивает полномочия органов предварительного расследования по изменению обвинения.

В судебном производстве полномочия стороны обвинения по отношению к предмету рассмотрения дела судом определены иначе. Государственный обвинитель сохраняет за собой право распоряжаться предметом уголовного процесса (обвинением), определяя его содержание, но при этом свобода его действий ограничена установленными законом рамками.

Направление прокурором в суд уголовного дела с утвержденным им обвинительным заключением, означает выдвижение перед судом государственного обвинения. Суд, по инициативе прокурора, должен решить основной вопрос уголовного дела – о виновности или невиновности обвиняемого лица и о назначении либо не назначении ему уголовного наказания. Поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу, должностное лицо органа прокуратуры выступает в качестве государственного обвинителя.

Целью данной работы является исследование последствий отказа государственного обвинителя от обвинения, проанализировать предложения об

устранении пробелов в законодательстве относительно вопроса о том, кто должен поддерживать государственное обвинение в случае нового рассмотрения уголовного дела в суд первой инстанции, в случае отмены постановления о прекращении уголовного дела, вынесенного на основании отказа государственного обвинителя от обвинения.

В судебном производстве довольно часто встречаются случаи, когда государственный обвинитель в силу открывшихся обстоятельств вынужден отказать от предъявляемого обвинения. Таковыми причинами являются следующие:

- 1) изменение показаний участниками судебного производства;
- 2) выяснение ранее неизвестных обстоятельств по уголовному делу;
- 3) признание ранее полученных доказательств недействительными и др.

Дело в том, что перед судебным процессом государственный обвинитель исследует материалы уголовного дела, формирует соответствующие выводы о виновности подсудимого, основываясь только на свои внутренние убеждения.

В рамках судебного заседания осуществляется непосредственное рассмотрение доказательств (в том числе и те, которые подтверждают его невиновность). В связи с этим утверждения о виновности могут не только измениться, но и пропасть вовсе.

Согласно юридическим источникам, под отказом от обвинения понимается отречение от обвинительного тезиса и прекращение обвинительной деятельности государственного обвинителя в случае несостоятельности утверждения о виновности подсудимого в рамках рассматриваемого уголовного дела, а также прекращение его уголовного преследования частично или полностью [1, с.132].

По мнению В.Ф. Крюкова, отказ государственного обвинителя в судебном процессе необходимо трактовать как негативное выражение собственного отношения к обвинению в виде отрицания его законности и обоснованности, мотивируя это невозможностью продолжения обвинительной деятельности в адрес подсудимого, сообщение о полном или частичном прекращении вынесения обвинения по уголовному делу [2, с.75].

В соответствии с точкой зрения А.А. Леви, отказ государственного обвинителя от предъявляемого обвинения не способствует моментальному прекращению судебного разбирательства. Суд вправе продолжить судебное следствие, выслушать прения сторон, а после вынести верное на свой взгляд решение [3, с.41].

Стоит сказать, что данное суждение является не совсем корректным, поскольку в случае отказа государственного обвинителя от обвинения данные обязательства возлагаются на суд, что противоречит принципу состязательности сторон (суд должен придерживаться нейтралитета).

Л.В. Головкич более категоричен в своих высказываниях. По его мнению, отказ обвинения, как и его изменение, считается теоретически несостоятельным действием, не обладающим правом на проверку в виде отдельного процессуального института.

Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее УПК ДНР) предусматривает основания для отказа государственного обвинителя от обвинения. Об этом свидетельствуют ст.110, 229 УПК ДНР, в соответствии с которыми уголовное дело или уголовное преследование подсудимого прекращается [4].

Следовательно, в качестве отказа государственного обвинителя от обвинения понимаются структурные элементы отказа от обвинения, его причины, правовые основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования в случае отказа от обвинения. Примечательно, что государственным обвинителем в судебном процессе может быть, как прокурор или заместитель прокурора, подписавший обвинительное заключение (обвинительный акт), так и иное лицо уголовного процесса.

Необходимо отметить, что различают такие причины для отказа от обвинения, как:

- 1) в ходе судебного разбирательства утрата убедительности собранных по делу доказательств;
- 2) выявление в рамках судебного разбирательства новых доказательств или новых обстоятельств;
- 3) были определены нарушения процессуального закона или был установлен односторонний обвинительный подход и др.

П.П. Рукавишников рассматривает такие причины отказа от обвинения, как:

- 1) правонарушения и ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования;
- 2) ошибочная оценка государственным обвинителем материалов уголовного дела;
- 3) появление в ходе судебного следствия новых доказательств, изменение обстоятельств дела [5, с.240].

Согласно УПК ДНР, причинами для отказа государственного обвинителя от обвинения являются следующие:

- 1) отсутствие события преступления (ст.110 УПК ДНР);
- 2) отсутствие в деянии состава преступления (ст.110 УПК ДНР);
- 3) непричастность обвиняемого к совершению преступления (ст.229 УПК ДНР);
- 4) прекращение уголовного дела по основаниям, закрепленными в обозначенном нормативно-правовом акте (ст.229 УПК ДНР).

Стоит сказать, что перечисленные причины, кроме последней, среди исследователей уголовного права не вызывают явных возражений, поскольку они объединены общей составляющей – «отсутствие события», «отсутствие состава», «непричастность». Что касается последней, то в данной норме нет непосредственного основания для отказа от обвинения.

Согласно УПК ДНР, государственный обвинитель не может отказаться от обвинения, если этим будут нарушены правила о подсудности или обязанности проведения предварительного следствия (ст.291 УПК ДНР). В данном случае государственный обвинитель должен подать ходатайство о возвращении дела на дополнительное расследование.

В случае отказа от обвинения государственный обвинитель вынужден прокомментировать свое решение, поскольку он:

- 1) своим решением затрагивает права потерпевшего – влечет за собой прекращение уголовного дела;
- 2) прокурор и его обвинение выступает в качестве основы решения, принимаемое судом (в данной ситуации, без письменного текста отказа решение суда является не в полной мере обоснованным);
- 3) судья должен предоставить отказ от обвинения государственного обвинителя потерпевшему и иным участникам судебного разбирательства.

Поскольку государственный обвинитель является государственным представителем, то у него отсутствует личная увлеченность в осуждении невиновного. В связи с этим, в случае отказа от обвинения, он руководствуется публичным интересом недопустимости привлечения к уголовной ответственности и осуждению невиновных.

Институт отказа прокурора от обвинения редко применяется на практике, так как влечет за собой серьезные процессуальные последствия, а для самого государственного обвинителя, в случае необоснованного и незаконного отказа, дисциплинарное взыскание.

Как показывает анализ судебной практики, обжалование судебных решений, принятых в связи с отказом прокурора от обвинения, происходит чаще всего по инициативе потерпевшей стороны, а не вышестоящим прокурором. Данный факт свидетельствует о том, что отказ в предъявлении обвинения является не произвольным

предположением прокурора, а результатом тщательного изучения материалов уголовного дела и всесторонней оценки доказательств.

Важно отметить, что отказ от обвинения возможен только в стадиях уголовного процесса, предусматривающих проведение судебного следствия и исследование доказательств по делу, то есть, с учетом ныне действующего законодательства, в суде первой инстанции, а также при производстве по уголовному делу в суде апелляционной инстанции.

Таким образом, отказ государственного обвинителя от обвинения базируется на основе положений УПК ДНР. Причинами могут быть как выявление новых обстоятельств по делу, так и признание недопустимыми ранее полученных доказательств, а также при выявлении существенных противоречий в доказательствах стороны обвинения.

Изложенное приводит к выводу о целесообразности письменной фиксации отказа государственного обвинителя от обвинения или от изменения обвинения и оформления указанных решений в виде отдельного документа (представления).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев С.Н. Некоторые аспекты отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции / С.Н.Бабаев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2012. – №1. – С.132-142.
- 2.Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В.Ф.Крюков. – Курск, 2010.
- 3.Леви А.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения /А.А.Леви // Законность. – 2006. – №6. – С.41-43.
4. Уголовно Процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики: (утвержден Постановлением Совета Донецкой Народной Республики № 240-ИНС от 24.августа 2018 г) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
- 5.Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве / П.П.Рукавишников. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 240с.

SOME PROBLEMS OF REFUSAL BY THE STATE ACCOUNTANT FROM ACCUSING THE CRIMINAL PROCESS

Annotation. The article discusses the prosecutor's refusal from the prosecution as an institution of criminal procedure law and as the activity of the public prosecutor in the trial, it also describes authorized persons who may act as a public prosecutor. In addition, based on the literature of criminal law and the regulatory framework of the Donetsk People's Republic (in particular, on the basis of the Code of Criminal Procedure), the reasons contributing to the refusal of the prosecution are analyzed. Also described are the actions of the public prosecutor in the trial if he refuses to charge. We have considered cases where the public prosecutor is not entitled to refuse the charge in the trial. The stages of the criminal process are indicated at which it is possible for the public prosecutor to refuse the charge.

Keywords: public prosecutor, prosecutor, refusal of a charge, lawsuit.

Farafonova V.

Scientific adviser: Ushakova C., Assistant
Donetsk National University
E-mail: farafonova.valera@mail.ru

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Федосеева Я.О.

*Научный руководитель: Каблов Д.С., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данном исследовании рассмотрен генезис государственной службы. В том числе, определены этапы становления государственной службы в соответствии с историческим развитием государства и гражданского общества. Установлено, что на территории Донецкой Народной Республики данный институт находится на стадии систематического развития.

Ключевые слова: государственная служба, история, государство, генезис, государственный служащий.

Актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что для дальнейшего развития государственной службы Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) необходимо изучить историю ее становления и развития. Генезис данного правового явления представляет не только научно-теоретический интерес, но и практическую значимость, поскольку его изучение в той или иной исторической эпохе характеризуется соответствующими положениями. Целесообразно учитывать исторический опыт, в том числе генезис государственной службы, для дальнейшего развития современного государства.

Государственная служба в виде профессиональной деятельности лиц является историческим аспектом и возникла в тот момент, когда началось формирование государства. Равным образом, ДНР находится в условиях построения правового государства. Как результат, необходимо должное внимание уделить генезису становления государственной службы.

Проведя анализ литературы, в которой освещаются вопросы исторического развития государственной службы, то следует отметить, что разработке теоретических положений посвятили свои работы: Е. С. Авдеенко, Е. С. Баранова, А. П. Виноградов, М. М. Дикажев, В. А. Тонких, а также ряд других.

История отечественной государственной службы насчитывает пять периодов, среди которых необходимо выделить:

1. Зарождение системы государственной службы в период Древней Руси (V–XII в.).
2. Формирование и развитие системы государственной службы в Московском государстве (XIII – XV века).
3. Институционализация государственной службы в период императорской России (XVII – XVIII века).
4. Развитие государственной службы в советский период (1922-1991 года).
5. Становление современной системы государственной службы (1991год – настоящее время).

Главным ориентиром функционирования возможных институтов государства является государственное управление, которое осуществляется при помощи государственной службы. Государство и государственная служба являются взаимосвязанными социально-правовыми феноменами, что связано с невозможностью осуществления государственного управления без профессиональной деятельности государственных служащих [1, с.44].

Генезис государственной службы берет свое историческое начало со времен раннего периода становления государства. В указанный исторический период государственная служба строилась на принципах вассалитета [2, с.310].

Под вассальными отношениями в историческом аспекте принято понимать отношения между двумя юридически значимыми сторонами. Важной стороной в

этой системе отношений являлась дружина. В соответствии с нормами Русской правды (XI век), дружинники пользовались привилегиями, поскольку имели статус особой категории людей [2, с.310].

В тоже время, а именно начиная с XI века, начала просматриваться тенденция, при которой дружинники имели собственность. С XII века им предоставлялись волости для управления и кормления, а это привело к тому, что дружинники в большем объеме приобретали функции хозяйственной деятельности. Что касается управления на местах, то оно осуществлялось местными князьями и их администрацией [1, с.44].

Конец XII века в периодизации государственной службы характеризуется тем, что на смену дружинной организации управления пришло дворянство.

В период раздробленности (XII-XIII века) абсолютно каждое княжество представляло собой суверенное политическое образование. В состав княжеской и вотчинной администрации входили военные, административные, финансовые, судебные, хозяйственные и другие органы. Высшие, наиболее значимые должности занимали бояре, а иные – дворяне. Материальное обеспечение при такого рода отношениях было за счет выделения части доходов от управления или пожалование земель в наследственную собственность [3, с.62].

Переходя к следующему этапу исторического развития и становления государственной службы, то целесообразно отметить, что совершенно иная система ее организации датировалась на период Московского государства, то есть, начиная с XIII по XV века.

Такое положение напрямую связано с историей, а именно с нашествием со стороны татаро-монгол. Не смотря на то, что управление сохранилось в руках русских князей, тем не менее, наследственность в передаче власти была утеряна. В этот исторический период князей назначали ханы.

Выделение государственного управления, а также появление многочисленного слоя государственных служащих произошло в XV-XVII веках, а именно под влиянием централизованного русского государства и формирования самодержавия [1, с.46].

Примечательно, что в период XV-XVI веков в рамках формирования централизованного государства, государственная служба была ориентирована на укрепление государства, совершенствование общественных отношений, повышение эффективности системы управления. Как результат, государственная служба должна была решать стратегические и основополагающие задачи, чтобы максимально полно обеспечить стабильность при развитии гражданского общества, существовавшего в то историческое время [2, с.310].

Необходимо обратить внимание, что с XVI века начала проследиваться тенденция роста влияния дворянства на систему государственной службы. Тем самым, именно дворяне включали в свой состав переходивших на государственную службу из высшего сословия (боярство) и из средних (городовые дворяне). Основная деятельность дворян была направлена на военную службу.

Начиная с XVII века, колоссальное влияние на систему функционирования государственной службы оказала смута, в которой дворянство принимало активное участие. В итоге появилось стремление к переходу от прежних традиций и формированию необходимых новых [3, с.62].

Государственная служба изначально включала в себя государственную гражданскую, государственную военную и так называемую придворную государственную службу. Главным событием, которое придало службе государственное предназначение, стал утвержденный Петром Первым 24.01.1722 года «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных» [3, с.63].

Указанный документ впервые сформировал единую государственную службу. Согласно Табелю взамен различных служб, существовавших в то время все вводимые

чины были разбиты на 14 классов (рангов). Где низшим был 14-й, а, соответственно, высшим – 1-й класс (ранг). Каждый чиновник, который получил чин 8-го класса, становился потомственным дворянином. Чины с 14-го по 9-й тоже давали дворянство, но только личное.

Профессиональные качества, личная преданность и выслуга в сочетании определяли возможность для продвижения по службе. Каждый служащий соответствовал четкой иерархической структуре власти (по вертикали) и руководствовался в своей деятельности строгим и точным предписанием закона, регламентом и инструкцией. Любой высший чин мог быть присвоен только после прохождения через всю цепочку низших чинов [4, с.65].

Подобного рода система государственной службы требовала специального управления персоналом. Такая необходимость обусловлена подбором и специальной подготовкой кадров для государственной службы, поскольку превышала пределы образования в тот период.

Подготовка кадров для нового государственного аппарата стала осуществляться в специализированных учебных заведениях. Степень квалификации определялась не только чином, но и образованием, а также специальной профессиональной подготовкой. Данная система государственной службы просуществовала ориентировочно до 1917 года [3, с.63].

После октябрьской революции 1917 года в России началось формирование новой централизованной системы государственной власти на базе аппарата партии большевиков, что ознаменовало существенные изменения в функционировании абсолютно всей системы управления государством.

Корпус государственных служащих состоял из двух основополагающих частей: новая, управленческая бюрократия, и старая, которая постепенно упразднялась. Повсеместно проводилась подготовка квалифицированных управленческих кадров [3, с. 66].

После окончания гражданской войны и образования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), что датируется на 1922 год, многие черты государственного управления претерпели изменения. Сущность сводилась к тому, что вся власть сосредоточивалась в руках вождя, а именно – главы правящей коммунистической партии. Важнейшими задачами партийных органов были подбор, воспитание и расстановка кадров [5, с.41].

В итоге был создан четкий механизм отбора, воспитания и проверки управленческих кадров. Была введена категория номенклатуры. Она представляла собой перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые рассматривались и утверждались партийными комитетами.

Руководящие посты могли занимать только члены партии, которые рекомендовались соответствующими партийными комитетами. В СССР все контролировалось государством, численность бюрократии постоянно росла [1, с.46].

Соответствующая система государственной службы в Украине начала формироваться с провозглашением независимости в 1991 году на основе прежнего советского управленческого аппарата. Началось формирование национальной законодательной базы, где были сформулированы нормативные правовые основы и принципы государственной службы, определен статус государственных служащих, а также с создания системы подготовки и повышения квалификации управленческих кадров.

Вместе с тем, были приняты концептуальные нормативные правовые акты, регламентирующие отношения в рамках государственной службы, а также регулирующих службу в силовых и правоохранительных органах государства [6, с.235].

В 2014 году с образованием ДНР начался новый этап развития государственной службы. Прежде всего, становление государственности предполагает образование штата государственных служащих.

Так, основополагающий нормативный правовой акты, регламентирующий общественные отношения в рамках государственной службы, был принят органом законодательной власти в первые годы образования ДНР, что подтверждает значимость и важность института государственной службы.

Правовое регулирование государственной службы в ДНР осуществляется согласно с Конституцией ДНР, а также Законом ДНР «О системе государственной службы ДНР» от 03.04.2015 года.

Так, в соответствии с частями 1 и 4 статьи 25 Конституции ДНР граждане ДНР имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Также граждане ДНР имеют равный доступ к государственной службе [7].

Что касается Закона ДНР «О системе государственной службы ДНР» от 03.04.2015 года, то настоящим Законом в соответствии с Конституцией ДНР определяются правовые и организационные основы системы государственной службы ДНР, в том числе системы управления государственной службой ДНР [8].

Примечательно, что указанный нормативный правовой акт был принят в 2015 году и регулирует общественные отношения в сфере государственной службы. Это говорит о его значимости для действующего законодательства. Кроме того, в настоящий Закон вносились единственные изменения в 2016 году, которые касались включения государственной оперативно-спасательной службы и ее последующего регулирования.

Государственная служба в ДНР продолжает совершенствоваться в связи с принятием нормативных правовых актов, решением новых задач, которые стоят перед государством и интенсивным развитием общественных отношений.

Подводя итог вышесказанному, целесообразно отметить, что определив генезис государственной службы, а также выделив пять основных этапов ее развития становится очевидным, что каждый этап характеризуется активной динамикой формирования и совершенствования деятельности института государственной службы.

Определение генезиса государственной службы дало основания полагать, что данный институт имеет многовековую историю становления. Каждый исторический период представляет собой уникальный этап в формировании государственной службы и профессионального аппарата государственных служащих.

Таким образом, на сегодняшний день, развитие государственной службы продолжается, что объясняется развитием общественных отношений, а также совершенствованием правового государства и гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дикажев М. М. Государственная служба России: становление и развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №2. – С. 44-47.
2. Тонких В. А. Государственная служба в Российской Федерации: история и современность // Молодой ученый. – 2017. – №15. – С.310-312.
3. Авдеенко Е. С. Государственная служба как сфера профессиональной деятельности // Вестник Омского университета. – 2016. – №4. – С. 62-66.
4. Виноградов А. П. Предыстория «Табеля о рангах» // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – №4. – С. 65-70.
5. Баранова Е. С. История становления государственной службы в России в постсоветский период // Право и законность: вопросы теории и практики. – 2018. – №1. – С. 40-43.
6. Скоропад А. В. Особенности реформирования законодательства Украины о государственной службе на пути к европейским стандартам // Вестник государственного и муниципального управления. – 2013. – №4. – С.235-242.

7. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya> (дата обращения: 19.01.2020). – Загл. с экрана.

8. О системе государственной службы Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики принят Постановлением Народного Совета ДНР от 03.04.2015 г. № 32-ІНС [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-sluzhbe> (дата обращения: 19.01.2020). – Загл. с экрана.

GENESIS OF THE PUBLIC SERVICE

Annotation. This study examined the genesis of public service. In particular, the stages of the formation of public service are determined in accordance with the historical development of the state and civil society. It is established that in the territory of the DPR this institution is at the stage of systematic development.

Keywords: public service, history, state, genesis, public servant.

Fedoseeva Ya.

Scientific adviser: Kablov D., Ph.D. in Law

Donetsk National University

E-mail: fedoseeva2408@mail.ru

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Фоций А.С.

*Научный руководитель: Каблов Д.С., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Исследуются характерные черты миграционных процессов и на этой основе в рамках системы иммиграционного контроля формулируются особенности их административно-правового регулирования.

Ключевые слова: Административно-правовое регулирование, особенности, миграция, общественные отношения.

Многовековой подход к формированию Российской Федерации говорит о решающих факторах, которые определяли как ее собственную судьбу, так и ее влияние на мировую цивилизацию. Одним из этих этапов является геополитическое событие, которое создало много проблем на постсоветском пространстве и было связано с распадом Советского Союза в 1991 году.

После распада СССР в условиях надвигающегося финансового спада, трудности в социально-политической, демографической и многих других сферах обострились, что поставило российское общество в критическую ситуацию. А поскольку миграция является социальным явлением, она также входит в круг социальных проблем, которые необходимо регулировать. В конце XX века органами государственной власти были приняты определенные меры, их содержание выражалось в комплексе взаимосвязанных организационно-правовых воздействий государственных органов на миграционные процессы.

Продуктивное урегулирование миграционных процессов является одним из политических приоритетов государства. Несомненно, обеспечение социальной стабильности, межнационального общества и гармонии в государстве, напрямую зависит от профессиональных, продуманных действий в миграционной области. Изучение современных миграционных процессов показывает, что борьба с нелегальной трудовой миграцией возможна несколькими способами, для этого необходимо:

повышение ответственности работодателей, которые принимают иностранцев без надлежащей регистрации и не хотят тратить деньги на основные социальные гарантии; упрощение порядка выдачи разрешений на работу; совершенствование системы квот (с учетом 14 профессиональных категорий); и введение ежемесячного патента для найма физических и юридических лиц для трудовых мигрантов из стран, с которыми у России открыты границы [1].

С этой целью в 2014-2016 годах российское правительство разработало меры по привлечению квалифицированных трудовых мигрантов в Россию. Эти меры направлены на обеспечение того, чтобы трудящийся-мигрант получал базовые знания русского языка в стране, проходил профессиональную подготовку для трудоустройства на конкретном рабочем месте и были созданы условия для привлечения квалифицированных специалистов в Российскую Федерацию.

Следует отметить, что законодатель признает в качестве квалифицированного специалиста, иностранных граждан, имеющих определенный опыт работы, определенные навыки и имеющий достижения в конкретной сфере деятельности, если условия привлечения его на работу в Российской Федерации требуют от него получать заработную плату (вознаграждение) в размере двух и более миллионов рублей на срок не более одного года.

Стоит также отметить, что изменения, произошедшие на постсоветском пространстве в области международных отношений, социально-экономической и политической сферах, а также упрощение процедуры въезда в страну, привели к росту нелегальной миграции в Россия [2].

Глобальный приток различных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства оказывает все большее влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в России, так же происходит влияние на социальную сферу, а криминальная ситуация в стране накаляется. Так, с 2016 года более 18 миллионов человек въехали на территорию Российской Федерации, более 2,5 миллионов человек привлечены к административной ответственности. Иностранные граждане и лица без гражданства в России совершили 92 тысячи преступлений.

Иммиграционные процессы в России имеют как положительные, так и отрицательные стороны. К первой группе относится так называемая возвратная иммиграция – желание этнических русских и других русских титульных национальностей, проживающих в СНГ и воспринимающих Россию как свою историческую родину, вернуться на свою территорию для постоянного проживания. Так же к положительной стороне можно отнести приток на территорию России легальных трудовых мигрантов, имеющих профессии, востребованные на российском рынке труда и готовые к адаптации к жизни в России.

К негативным аспектам миграционных процессов, можно отнести формирование ориентации миграционных потоков в российские регионы без учета национальных интересов; потеря бюджетов на разных уровнях из-за отсутствия налоговых поступлений, связанных с формированием теневого оборота финансовых ресурсов при использовании труда нелегальных мигрантов; повышение уровня криминализации [3].

Концепция иммиграционного контроля, разработанная в Российской Федерации, достаточно эффективна, хотя для ее полноценного функционирования необходимо решить ряд проблем. Прежде всего, необходимо обеспечить полный контроль за выполнением законодательства, регулирующего миграционные процессы. Благодаря усилению контрольно-надзорной деятельности подразделение иммиграционного контроля способно радикально изменить ситуацию, сократив количество мигрантов с нерегулируемым правовым статусом.

Иммиграционный контроль необходим для охвата всех крупных строительных, жилищно-коммунальных и промышленных объектов, которые используют главным

образом иностранную рабочую силу, а также средних и мелких работодателей, обычно нанимающих нелегальных рабочих, с тем чтобы вывести их из неформального сектора, чтобы создать простые условия их регистрации, оплату госпошлин и налогов.

Во-вторых, эффективность иммиграционного контроля во многом зависит от уровня взаимодействия с органами внутренних дел, поскольку у последних есть дополнительные возможности для предотвращения каналов нелегальной миграции; сотрудничая с органами прокуратуры и судами, которые иницируют и рассматривают уголовные дела, связанные с организацией нелегальной миграции, а также случаи административной депортации.

Огромное значение для повышения эффективности учета и государственного контроля по предупреждению незаконной миграции приобретает развитие современной информационной инфраструктуры, в том числе внедрение средств автоматизации, которые являются важным компонентом совершенствования системы Центрального банка данных для регистрации иностранных граждан, временно пребывающих или постоянно проживающих в Российской Федерации. Четкий контроль и развитие современной информационной структуры, имеет большое значение для повышения учета и государственного контроля с целью избегания нелегальной миграции, что позволит повысить привлекательность страны для благоприятной категории мигрантов, а также снизит вероятность ухудшения криминальной ситуации в регионах массового переселения мигрантов [4].

В настоящее время существует специальное программное обеспечение «Мигрант» его техническая поддержка используются в рамках единой базы данных для регистрации иностранных и российских граждан, а также лиц без гражданства, что позволяет своевременно и точно выявлять угрозы общественной и национальной безопасности.

Ведется работа по улучшению автоматической идентификации отпечатков пальцев. Данная работа предусматривает автоматизацию государственной регистрации отпечатков пальцев, идентификации личности, что позволит повысить уровень национальной безопасности Российской Федерации за счет максимально эффективного мониторинга миграционной ситуации, выявить нелегальных мигрантов и других лиц, которые незаконно въехали в страну, а также сформировать и ввести единый автоматизированный банк биометрических данных на основе современных информационных технологий в интересах МВД России и других заинтересованных ведомств.

Изучение практики показало, что при выполнении функции государственной регистрации было взято более 670 тысяч отпечатков пальцев, установлено около 3 тысяч человек, у которых не было документов, а также были выявлены лица использовавшие чужие паспортные данные во время их пребывания в розыске.

В рамках формирования системы ADIS-МВД планируется внедрение стационарных и мобильных регистрационных и оперативных контрольно-пропускных пунктов, имеющих широкую практическую деятельность территориальных органов МВД России. Это программное обеспечение позволит сформировать электронное досье для каждого иностранного гражданина, историю его пребывания в стране и, при необходимости, незамедлительно отреагировать на появление информации о лицах, пребывание которых нежелательно [5].

Приоритетное направление деятельности, которое нацелено на повышение эффективности иммиграционного контроля с целью обеспечения общественной и национальной безопасности, в настоящее время сводит к минимуму негативные последствия нелегальной миграции. Формулировка целей и принципов иммиграционного контроля для обеспечения общественной и национальной безопасности является одним из основных приоритетов его правовой структуры.

Целью формирования единой концепции иммиграционного контроля является достижение условий, обеспечивающих регулирование иммиграции в национальном масштабе, а также реализация комплекса мер по предотвращению нелегальной иммиграции в государство. Эта цель достигается путем определения причины въезда иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих или намеревающихся прибыть в Россию, в том числе лиц, ищущих убежища, а также определения правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на ее территории, с учетом интересов Российской Федерации и защиты прав мигрантов.

Задача иммиграционного контроля заключается в выявлении и пресечении административных правонарушений в сфере миграции, подготовке материалов о депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, проведении иммиграционного контроля, а именно проверке организаций, получивших право на выдачу приглашений иностранных граждан, работодателей, привлекающие иностранную рабочую силу, и места жительства иностранных граждан, указанные в их заявлениях [6].

В заключение следует отметить, что в условиях устойчивой тенденции к увеличению числа иностранных граждан и лиц без гражданства нелегальная миграция и связанные с ней процессы являются долгосрочными факторами, которые оказывают существенное влияние на общественную и национальную безопасность. Также необходимо дальнейшее совершенствование системы иммиграционного контроля, которая должна охватывать все сферы общественных отношений. Понятие миграционной политики государства должно быть закреплено в виде миграционного режима как части общего правового режима, представляющего собой систему административно-правового регулирования взаимодействия субъектов и государства при реализации их правового статуса, а также деятельность органов государственной власти, направленная на регулирование миграционных отношений и обеспечение общественной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми: Сб. док/ Сост. В.С. Овчинский. -М: ИНФА-М, 2004.300с.
2. См.: Прудникова Т.А. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как фактор предупреждения незаконной миграции // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2016. № 1. С. 203.
3. Ст. 13.2 «Особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами» (ФЗ № 109 от 18 июля 2006 г. в ред. от 7 марта 2017 г.)
4. Лялякин особенности миграционных процессов, происходящих в России: Труды Академии управления МВД России №3. МД007.26 с.
5. Мукомель В Л Миграционная политика России: постсоветские контексты. М, 2005. -230 с.
6. Красинец Е.С. Торюканова Е.В. Нелегальная миграция в России – 2009. – 103 с.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE

Annotation. The characteristic features of migration processes are investigated and, on this basis, the features of their administrative legal regulation are formulated within the framework of the immigration control system.

Keyword: Administrative and legal regulation, features, migration, public relations.

Foshiy A.

Scientific adviser: Kablov D., Ph. D.

Donetsk National University

E-mail: fashi19997@gmail.com

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Харченко Д.С.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается принцип добросовестности в гражданском праве, как один из важнейших гражданско-правовых принципов. Установлено примерное понимание добросовестности как в отечественном, так и в зарубежном правовом порядке. Сделано предложение об увеличении степени судейского усмотрения при разрешении гражданских дел в связи с использованием принципа добросовестности.

Ключевые слова: добросовестность, субъективная добросовестность, объективная добросовестность, законодатель.

Принцип добросовестности является одним из основополагающих принципов гражданского права. Он действует как между равными субъектами в частном праве, так и между субъектами власти и подчинения в публичном праве. Однако не всегда принцип добросовестности считали необходимым, даже в Германии существовали критики принципа, назвав норму, в которой он отражался «пустой или мертвой». И уже теперь мы понимаем, что принцип добросовестности имеет значение не только в рамках гражданского права, но и для всей правовой системы, так как в большей степени право публичное берет наработки и понятия права частного нежели наоборот. Стоит отметить, что еще в начале XX века принцип добросовестности не во всех правовых порядках служил общим принципом, а чаще всего упоминался ситуативно, как например в Итальянском гражданском кодексе отвечал за исполнение обязательств, толкование договора, а также за ведение переговоров.

Цель исследования – рассмотреть принцип добросовестности и его применение в гражданском праве.

Добрая совесть (*bona fides*, *Treu und Glauben*, etc.), по этимологическому смыслу, таит в себе такие элементы, как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении [1, с. 132]. Вместе с тем, принципом доброй совести выражается связанность, согласованность отдельных частных интересов, а также частного интереса с интересом целого; подчинение каждого равномерно идее общего блага, поскольку она проявляется или отражается на отношении между данными лицами. Если упростить, то добросовестность можно трактовать как соответствие масштабу правового поведения, предполагаемого для любого участника оборота. Например, верность своему слову, не злоупотребление правом, соответствие собственного поведения тому которое требуется от контрагента. В римском праве (*bona fides*) было выражением типичных качеств участника правовой системы – порядочного человека, тот с кем можно иметь дело, на кого можно положиться (*vir bonus*).

Мы часто сталкиваемся с добросовестностью в гражданском праве, например «добросовестный приобретатель», «недобросовестная конкуренция», «добросовестное использование изобретения, полезной модели, промышленного образца», «добросовестное поощрение» и т. д. Также мы часто можем наблюдать указание на недобросовестное поведение должника или кредитора при исполнении обязательств в исковых заявлениях.

Исследователи отмечают, что по прошествии значительного времени после принятия Германского гражданского уложения и Швейцарского гражданского уложения нормы о добросовестности приобрели в судебной практике значение так

называемых открытых норм, закрепляющих позволение судам делать то, что они всегда делали и делают в любом случае, а именно уточнять, дополнять и модифицировать право, т.е. развивать его в соответствии с насущными нуждами современности [2, с. 4]. Специфика открытых норм заключается в том, что их гипотеза абстрактна и получает определенность только в результате конкретизации данных отдельного дела.

И на наш взгляд такой подход является правильным и должен преобладать в практике судов, потому как принятие НПА – есть процесс длительный по сравнению с принятием судебных решений. Можно предположить, что подобный смысл заложен в ч. 5 ст. 12 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК), согласно которой если законом установлены правовые последствия недобросовестного или неразумного осуществления лицом своего права, считается, что поведение лица является добросовестным и разумным, если иное не установлено судом [3].

Кроме того, справедливо будет отметить абзац второй п. 9 Постановления пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О свободе договора и ее пределах», в котором разъясняется следующее: «В тех случаях, когда будет установлено, что при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента». Кроме того, так как никто не вправе извлекать из своего недобросовестного поведения преимущество, закон, защищая слабую сторону договора, позволяет ей заявить о ничтожности таких условий либо заявить о недопустимости применения таких условий.

Стоит помнить, что любое оружие в неумелых руках может быть опасно. Противников свободного судейского усмотрения всегда было достаточно, например И.А. Покровской описывал германский принцип добросовестности при исполнении обязательств (§ 242 ГГУ) в 1917 г.: «Мы попадем на наклонную плоскость, по которой неизбежно докатимся до полного судейского контроля над всей областью оборота с точки зрения совершенно субъективных и произвольных представлений о «справедливости», «социальном идеале» и т.д. [4, с. 124]. И нельзя не согласиться с тем, что допущение такого широкого простора для судейского усмотрения было бы чудовищным «моральным хакари» со стороны закона. Однако эти слова были написаны, когда принцип доброй совести был только включен в Германское гражданское уложение, с того момента прошло достаточно времени для апробирования судейского усмотрения. Стоит отметить, что в Российской Федерации ВАС максимально пользовался этим правом суда и, по сути, разрабатывал гражданско-правовые институты «создавал право», что не присуще судебной власти.

Как отечественные, так и зарубежные специалисты выделяют по меньшей мере два основных значения термина «добросовестность»: в субъективном и объективном смысле.

Добросовестность в субъективном смысле по тексту кодекса чаще всего встречается в следующей формулировке «не знал и не должен был знать». По мнению того же профессора Егорова А.В., формулировка «должен был знать» является в определенной степени вменением, то есть что он мог в действительности не знать, однако на его месте это знал бы любой средний человек в таких же условиях [2, с. 5]. В германском праве формулировка, посвященная субъективной добросовестности звучит следующим образом: «не знал вследствие грубой неосторожности». Это означает, что усредненный участник оборота знал, однако я вследствие своей грубой небрежности не

знал о тех либо иных обстоятельствах. Приведем следующий пример директор акционерного общества согласно плану закупок может совершать сделки сумма которых составляет до 1 миллиона рублей, все что выше требует согласования с акционерами, контрагент заключает сделку сумма которой составляет 2 миллиона рублей. В этом случае можно ли утверждать, что контрагент должен был знать о существующем ограничении? На наш взгляд, конечно же нет, контрагент должен был знать, только в том случае если любое лицо выходящее на рынок знает о таких ограничениях, поэтому в этом случае более удачным будет закрепление уже в новом Гражданском кодексе формулировку «не знал вследствие грубой неосторожности».

Мы в свою очередь более подробно остановимся на добросовестности в объективном смысле или как писал И.Б. Новицкий, «объективное мерило» поведения.

Если задастся вопросом, что же такое добросовестность в понимании законодателя, то этого определения мы найти не сможем. Все заключается в том, что добрая совесть есть максимально абстрактное явление, которое нельзя выразить в четком и ясном для всех понятии. Что именно понимается под *Treu und Glauben*, легче оценить чувством, нежели охватить рассудком и формулировать как определенное понятие. Добросовестность служит сдерживающим механизмом в случае, когда личный эгоизм одного индивида начинает выступать препятствием в жизни социума. Неправильно будет усматривать в добросовестности предписание возлюбить ближнего своего больше, чем себя, как это было у И.Б. Новицкого. Например, можно ли считать добросовестным поведение кредитора, который пришел получить исполнение по обязательству в день указанный в договоре, однако сделал это в 2 часа ночи, а в дальнейшем, не получив исполнения обратился в суд с иском об исполнении обязательства по договору и возмещении убытков? На наш взгляд, нет, так как в этом случае личный эгоизм взял верх и, в связи с этим никакой просрочки должника и возникновения права на иск не последует. Другой пример связан с просмотром реестра залогов, например прежде, чем купить машину, контрагенту необходимо посмотреть в реестр и проверить не находится ли эта машина в залоге, потому что в случае покупки машина будет виндигирована, а он признан недобросовестным приобретателем. Такой промер особо распространен в Российской Федерации. Таким образом, при заключении любой сделки стороне по договору необходимо проверять реестр залогов. Что на наш взгляд, а также взгляд некоторых российских ученых является неправильным и тормозит оборот.

М.М. Якубчик в своей работе «Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом» пишет: «Добросовестность всегда неизбежно присутствует в любом гражданском обороте, потому что, не доверяя своим контрагентам, даже при самом разработанном правовом механизме защиты гражданских прав участники гражданского оборота вряд ли могут вести дела, а доверяя им, неизбежно желают, чтобы доверие не было напрасным, в том числе и в случае, если оно оправдывается через судебное решение». Нельзя не согласиться с этими словами, ведь даже если прямо в тексте закона не отражен принцип доброй совести, без него не обойтись и именно им будут руководствоваться участники оборота и суд. Мы должны в определенной степени доверять своим контрагентам, однако при заключении сделок мы скорее всего обеспечим свои требования [5, с. 103].

Некоторые исследователи указывают на некий «стандарт добросовестности» действующий на определенной территории, имеется ввиду совершение определенного перечня действий достаточного для данной территории, например при покупке автомобиля заглянуть в реестр заложенного имущества и т.д. На наш взгляд такое определение только больше запутает участников оборота, нам известно лишь применение обычаев делового оборота, которые в одной области являются общепринятыми, а в другой нет.

Учитывая все вышесказанное можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, более удачным и правильным на наш взгляд будет закрепление в тексте нового Гражданского кодекса формулировки «не знал вследствие грубой неосторожности», чтобы исключить объективное вменение «должен был знать».

Также невозможно вывести определение добросовестности в силу того, что данная категория является максимально абстрактной. Кроме того, добросовестность является сдерживающим фактором для лиц, которые ставят свои интересы выше социума. Более правильным подходом мы видим позволение судам, как писалось ранее, делать то, что они всегда делали и делают в любом случае, а именно уточнять, дополнять и модифицировать право, т.е. развивать его в соответствии с насущными нуждами современности. Общие оговорки, какой является и добросовестность можно приветствовать, можно относиться к ним критически, однако нельзя не признать, что право не может существовать без творческой работы суда. Признаком действия принципа добросовестности является преодоление судами строгости права со ссылкой на добросовестность. Обосновать это можно тем, что принятие закона – это процесс долгий, судебная практика является более мобильной и быстрореагирующей на изменение общественных отношений. Например, уменьшение размера штрафных санкций по инициативе суда, перерасчет размера штрафных санкций, если суд сомневается в их правильности, либо применение последствий недействительной сделки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 124-281.
2. Егоров А. В, Принцип добросовестности. Первые шаги реформы // Правовое понимание. –2013. – №2. – С. 4-10.
3. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 года // Офіційний вісник України. – 2003. – № 11. – Ст.461.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.,1998. – 327 с.
5. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. – 2012.– № 10. – С. 102-107.

PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Annotation. This paper considers the principle of good faith in civil law, as one of the most important civil law principles. An approximate understanding of good faith has been established both in the domestic law and order and in foreign ones. A proposal has been made to increase the degree of judicial discretion in resolving civil cases in connection with the use of the principle of good faith.

Key words: good faith, objective good faith, legislator.

Kharchenko D.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk National University

Email: dddsh@ukr.net

ПОНЯТИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Черникова А.В.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье проанализировано нормативное регулирование института суррогатного материнства на примере законодательств различных государств. С помощью сравнительно-правового метода выявлены наиболее оптимальные пути регламентации договора суррогатного материнства в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение, бесплодие, генетические родители, in vitro.

Многотысячелетняя история существования человечества показывает, что первостепенной его целью является продолжение рода. Данное положение имеет библейские истоки. Так, Бытие 27-28 Главы 1 Ветхого Завета гласит: «27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. 28. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» [1].

Однако как тысячи лет назад, так и на сегодняшний день, главным камнем преткновения к продолжению человеческого рода является бесплодие. Большая медицинская энциклопедия трактует данный термин, как «неспособность зрелого организма производить потомство» [2, с. 123]. Стремление к продолжению рода породило несколько нетипичные способы воспроизведения потомства. Одним из наиболее актуальных путей воспроизведения репродуктивных функций человека на сегодняшний день является суррогатное материнство.

Цель исследования – провести сравнительно-правовой анализ суррогатного материнства в различных государствах.

Определяя значение термина «суррогатное материнство», следует сказать о том, что оно подразумевает под собой вспомогательную репродуктивную технологию, заключающуюся в пересадке и имплантации в организм генетически посторонней женщины оплодотворенной яйцеклетки матери, неспособной к зачатию и вынашиванию плода.

Первое упоминание о суррогатном материнстве содержится в ранее указанном нами Ветхом Завете. Бытие 16 повествует о супружеской чете, Авраме и Саре, которые по причине бесплодия женщины не могли стать родителями. В качестве суррогатной матери для них выступила служанка Сары, Агарь, родившая Авраму сына – Измаила [1].

В данном случае речь идет о «традиционном» суррогатном материнстве, когда биологическими родителями являются «заказчик» – отец и суррогатная мать.

Обращаясь к толкованию понятия суррогатного материнства в современном смысле, Бурдо Е.П. определяет его как лечебный метод, с помощью которого полученные посредством экстракорпорального оплодотворения эмбрионы переносятся с целью последующего вынашивания в матку женщины, которая не имеет генетической связи с переносимым эмбрионом [3, с. 56].

Так как суррогатное материнство представляет собой неразрывное сочетание юриспруденции с медициной, считаем целесообразным обратиться к научной медицинской литературе для трактовки отдельных медицинских терминов. Экстракорпоральное оплодотворение относится к вспомогательным репродуктивным технологиям и представляет собой метод преодоления бесплодия, основой которого

является искусственное, то есть лабораторным путем, оплодотворение женской яйцеклетки, способствование ее развитию и последующее помещение сформировавшегося эмбриона в полость матки.

Семинаский И.Ж. указывает на то, что данный метод в Российской Федерации впервые был разработан в Научном центре акушерства, гинекологии и перинатологии Российской академии медицинских наук. Первый успешный случай экстракорпорального оплодотворения в России произошел в 1986 году [4, с. 77].

На сегодняшний день суррогатное материнство получило свое нормативное урегулирование посредством возможности заключения договора о предоставлении услуг суррогатного материнства.

Так как данный вид осуществления репродуктивной функции человека далек от так называемого «традиционного», мировое сообщество разделилось на «pro et contra» мнение относительно допустимости применения суррогатного материнства и предоставление ему правовой регламентации.

На сегодняшний день в мире существует несколько категорий государств, имеющих различную позицию по отношению к применению суррогатного материнства. Так, в Австрии, Франции, Швеции, Германии, Норвегии, а также в некоторых отдельных штатах США, суррогатное материнство запрещено на законодательном уровне. Причем ответственность возлагается не только на родителей, как биологических, так и суррогатной матери, но и на врачей, оказывавших посредничество в предоставлении данной услуги. Так, например, второй параграф Закона «О репродуктивной медицине» Австрии устанавливает, что воспроизводство потомства с медицинской помощью разрешено только в браке или в сожителстве, подобном браку (то есть фактическом браке). Третий параграф регламентирует, что для репродукции с медицинской точки зрения могут использоваться только яйцеклетки и сперма супруга или партнера [5].

В отношении использования мужских и женских половых клеток в законе устанавливается запрет, который препятствует существованию института суррогатного материнства в Австрии. Так, сперма третьей стороны может использоваться для искусственного медицинского воспроизводства потомства, если супруга или партнер не способны к зачатию. Что касается использования женских клеток, то в данном случае закон устанавливает существенное ограничение, согласно которому яйцеклетки и жизнеспособные клетки могут использоваться только той женщиной, из которой они происходят.

Гражданский кодекс Квебека 1991 года содержит статью 541, в соответствии с которой любое соглашение, согласно которому женщина обязуется производить потомство или рожать ребенка для других людей, является абсолютно недействительным [6].

Однако, в ряде стран, таких как Испания, Дания, Израиль и Великобритания, суррогатное материнство разрешено, если оно не будет носить коммерческой цели.

Так, Закон Израиля 1996 года «О договорах о вынашивании ребенка» под предметом данного договора подразумевает соглашение между биологическими родителями ребенка и суррогатной матерью, в соответствии с которым она дает согласие на зачатие путем пересадки оплодотворенной семенем будущего отца яйцеклетки, а также на последующее вынашивание ребенка и передачу его будущим родителям после его рождения [7]. Данный Закон также устанавливает, что суррогатной матерью имеет право стать женщина, проходившая процесс родов до четырех раз. На наш взгляд, немаловажным фактом ограничения права на использование института суррогатного материнства является его санкционирование только для гетеросексуальных пар, то есть традиционных разнополых супругов.

Для того, чтобы заключить данный вида договора в Израиле, необходимо получение согласия специализированного органа – Комиссии по утверждению

договоров о вынашивании ребенка, состоящей из двух врачей-специалистов в области гинекологии и новорожденных, терапевта, психолога, социального работника, лица, обладающего знаниями в области юриспруденции, а также представителя религии, исповедуемой сторонами договора, и представителя общественности.

Стеблева Е.В. также указывает на то, что суррогатная мать принадлежит гражданству Израиля, а также «не имеет генетического родства с ребенком, не связана родством ни с одним из названных (генетических) родителей и принадлежит к той же религии, что и названная мать» [8, с. 86].

Российская Федерация, Украина, Беларусь, Казахстан, а также некоторые штаты в США (несмотря на значительные различия в законодательстве отдельных субъектов) являются государствами, в которых суррогатное материнство как правовой институт имеет место к существованию не только в качестве некоммерческого репродуктивного суррогатного материнства, но и с целью получения прибыли за предоставление услуг суррогатной матери, то есть – достижение коммерческой цели.

Наиболее лояльное законодательство, регламентирующее суррогатное материнство в США принадлежит следующим Штатам: Калифорния, Коннектикут, Нью Хэмпшир, Деллавер, Мэн, Орегон, Невада и Род Айленд. При этом в отдельной категории штатов, таких как Луизиана, Вашингтон, Мичиган суррогатное материнство законодательно запрещено [9].

Как указывает Миллер О.В.: «Одним из главных достоинств нормативно правовой базы США в области суррогатного материнства является разработанный в 1988 году Единообразный закон «О статусе детей, зачатых нетрадиционным путем», где провозглашается, что дети являются высшей ценностью и главным приоритетом правовой охраны независимо от способа их зачатия и рождения» [10, с. 94].

Так как в Донецкой Народной Республике, находящейся на этапе формирования собственной нормативной базы, на основании Постановления № 9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики, действует законодательство Украины, считаем допустимым обратиться к нормативным актам данного государства, регулирующим институт суррогатного материнства [11].

Правовая регламентация института суррогатного материнства в Украине заключается в нормах Семейного кодекса Украины, Приказа Министерства юстиции Украины «О внесении изменений в Правила регистрации актов гражданского состояния в Украине» (далее – Приказ) и Порядка применения вспомогательных репродуктивных технологий в Украине, утвержденного приказом Министерства здравоохранения Украины (далее – Порядок).

В Семейном кодексе вопросам суррогатного материнства посвящена часть 2 статьи 123, регулирующая порядок определения происхождения ребенка, который был рожден в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе, и суррогатного материнства. Отцом и матерью ребенка, зачатого с помощью вышеуказанных технологий, который путем переноса эмбриона в тело другой женщины был выношен и рожден ею, в соответствии с данной нормой признаются супруги, которым принадлежал биологический материал, необходимый для зачатия *in vitro* [12].

Семейный кодекс также содержит в себе положения статьи 139, согласно которой в случае заключения договора суррогатного материнства, оспаривание факта материнства не допускается.

Согласно указанному нами ранее Приказу, вследствие рождения ребенка, зачатого по договору суррогатного материнства, государственная регистрация этого ребенка производится по заявлению супругов, являющихся заказчиками по данному договору [13]. Для этого необходимо предоставить документ, подтверждающий

рождение ребенка суррогатной матерью, заявление о ее согласии на указание заказчиков родителями ребенка. В данном случае, на основании статьи 209 Гражданского кодекса Украины, требуется нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства, а также справка о генетическом родстве родителей-«заказчиков» с плодом. Родителями ребенка записываются супруги-«заказчики» [14].

Украинское законодательство также содержит Порядок применения суррогатного материнства как вспомогательной репродуктивной технологии. Согласно данному Порядку, условиями для проведения данной процедуры являются: наличие медицинских показаний, наличие необходимых документов, предусмотренных законодательством Украины, наличие генетической связи между будущими родителями и ребенком, отсутствие непосредственной генетической связи между суррогатной матерью и ребенком (кроме случаев, когда ней является близкая родственница будущих родителей).

Порядком устанавливается перечень медицинских показаний, в соответствии с которыми может быть использовано суррогатное материнство, противопоказания для использования данного метода вспомогательных репродуктивных технологий, а также алгоритм осуществления, перечень документов, необходимых как супругам-«заказчикам», так и суррогатной матери. Помимо этого, нормативно регулируется случай рождения ребенка суррогатной матерью, родителями которой являются иностранцы. В данном случае на них возлагается обязанность оповещения о месте временного проживания до оформления необходимых документов для выезда ребенка за границу [15].

В целом, на наш взгляд, законодательство Украины несколько поверхностно регламентирует существование института суррогатного материнства, не устанавливает корреспондирующие права и обязанности сторон в отношении друг друга, а также нормативно не определяет правовые последствия договора суррогатного материнства.

Институт суррогатного материнства Российской Федерации регламентируется рядом нормативных актов: Семейным кодексом России, Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан» (далее – ФЗ), Приказом Министерства здравоохранения России «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – Приказ Минздрава).

Согласно части 4 статьи 51 Семейного кодекса супруги-«заказчики», согласие которых было дано с целью имплантации эмбриона для вынашивания суррогатной матерью, могут быть записаны как родители ребенка только с согласия этой женщины [16]. В данном случае договор суррогатного материнства содержит требования статьи 158 Гражданского кодекса России о порядке заключения соглашений в письменной форме [17]. После того, как данная запись была сделана в свидетельстве о рождении ребенка, и биологические родители, и сама суррогатная мать теряют право на опаривание материнства и отцовства.

Непосредственное определение суррогатного материнства дается законодателем Российской Федерации в указанном нами ФЗ. Согласно части 9 статьи 55: «Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» [18].

Также данная статья устанавливает требования, которым должна соответствовать суррогатная мать. Ней должна быть женщина от двадцати до тридцати пяти лет, которая имеет хотя бы одного здорового ребенка. Обязательным условием является

наличие медицинского заключения, свидетельствующего об «удовлетворительном состоянии здоровья». Законодатель также указывает на необходимость получения согласия данной женщины на медицинское вмешательство, а при наличии у нее супруга – и его согласия на заключение данного договора.

Приказ Минздрава содержит отдельный раздел, посвященный нормативному урегулированию договора суррогатного материнства. В нем также дается определение понятия суррогатного материнства, содержащее в себе конкретизацию по поводу наименования потенциальных родителей термином «генетические». Также устанавливаются требования к суррогатной матери, которые дублируют положения ФЗ.

Помимо этого, Приказом Минздрава регламентируется перечень показаний к применению суррогатного материнства. В случае наличия у суррогатной матери заболеваний, включенных в Перечень противопоказаний, норма Приказа указывает на противопоказание для переноса эмбрионов.

Отдельное внимание уделяется участию суррогатной матери «в лечении бесплодия ВИЧ-инфицированных потенциальных родителей», которое является допустимым в случае «ее информированного добровольного согласия, полученного после консультации врачом-инфекционистом Центра по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями и предоставления ей полной информации о возможных рисках для ее здоровья».

Приказ также детализирует порядок проведения экстракорпорального оплодотворения для достижения целей договора суррогатного материнства [19].

Подводя итоги вышесказанному можно сделать следующие выводы. Как мы можем наблюдать из анализа законодательства вышеуказанных государств, суррогатное материнство в Украине и в Российской Федерации нуждается в более детальной регламентации прав и обязанностей сторон договора о суррогатном материнстве. Помимо этого, считаем, что необходимо уделить более детальное внимание правовым последствиям договора, в особенности ответственности сторон в случае нарушения его условий. Относительно прав детей, рожденных таким способом, можно судить о том, что их права приравнены к правам детей, рожденных «традиционным» способом.

Таким образом, как один из способов воспроизведения репродуктивных технологий в целях повышения демографического уровня государства, институт суррогатного материнства может быть внедрен в законодательство Донецкой Народной Республики с учетом изложенных в данной работе положений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветхий Завет. Глава 1. Бытие: 27-28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/1/> (Дата обращения: 27.01.2020).
2. Большая медицинская энциклопедия в 35 томах. Том 3. / Под ред. Н.А. Семашко. – М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1928. – 398 с.
3. Бурдо Е.П. Понятие суррогатного материнства и его правовое регулирование // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – № 4. – 2014. – С. 54-56.
4. Семинский И.Ж. Экстракорпоральное оплодотворение: медицинские и социальные аспекты // Иркутск: Сибирский медицинский журнал. – С. 75-79.
5. Fortpflanzungsmedizingesetz – FmedG sowie Änderung des allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuches, des Ehegesetzes und der Jurisdiktionsnorm. (NR: GP XVIII RV 216 AB 490 S. 69. BR: AB 4255 S. 553.). Datum 1992.06.04. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10003046> (Дата обращения: 28.01.2020).
6. CCQ-1991 – Code civil du Québec. À jour au 10 décembre 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legisquebec.gouv.qc.ca/fr/showdoc/cs/ccq-1991> (Дата обращения: 28.01.2020).
7. ה"התשנ"ו-11996 (היילוד ומעמד הסכם אישור) עוברים לנשיאת הסכמים חוק. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.health.gov.il/legislationlibrary/poriut_05.pdf (Дата обращения: 28.01.2020).
8. Стеблева Е. В. Правовое регулирование института суррогатного материнства за рубежом // «Российская юстиция», 2009. – № 7. – С. 84-89.

9. Суррогатное материнство в США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rodivusa.com/meditsina/stati/142-surrogatnoe-materinstvo-v-ssha.html> (Дата обращения: 28.01.2020).
10. Миллер О.В. Суррогатное материнство: особенности нормативного правового регулирования в РФ и США // Международный научный журнал «Инновационная наука». – №6. – 2015. – С. 194-195.
11. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении Законов на территории ДНР в переходной период» № 9-1 от 2 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru> (Дата обращения: 30.01.2020).
12. Семейный кодекс Украины № 402-VII от 04.07.2013, ВВР, 2014, № 20-21, ст.708. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14> (Дата обращения: 30.01.2020).
13. Приказ Министерства юстиции Украины «О внесении изменений в Правила регистрации актов гражданского состояния в Украине» № 1154/5 от 22.11.2007, принятый Министерством юстиции Украины от 18.10.2000, № 52/5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0719-00> (Дата обращения: 30.01.2020).
14. Гражданский кодекс Украины (ВВР), 2003, № 40-44, ст.356, (ред. № 1170-VII от 27.03.2014, ВВР, 2014, № 22, ст.816). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (Дата обращения: 30.01.2020).
15. Порядок применения вспомогательных репродуктивных технологий в Украине, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Украины № 787 от 09.09.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0719-00> (Дата обращения: 30.01.2020).
16. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения: 30.01.2020).
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 30.01.2020).
18. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (Дата обращения: 30.01.2020).
19. Приказ Министерства здравоохранения России «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 30.08.2012 г. № 107н (ред. от 01.02.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595/ (Дата обращения: 30.01.2020).

THE CONCEPT OF SURROGATE MOTHERHOOD

Annotation. The article discusses examples of regulatory regulation of the institution of surrogacy on the example of the legislation of various states. Using comparative legal methods, the most optimal ways of regulating a surrogate motherhood agreement in the Donetsk People's Republic have been identified.

Keywords: surrogacy, in vitro fertilization, infertility, genetic parents, in vitro.

Chernykova A.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: anastasia1310s@mail.ru

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА НЕУСТОЙКУ

Чигарев Д.А.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию оснований возникновения права на неустойку в системе гражданско-правовых видов обеспечения исполнения обязательств. Выявлены основания возникновения права на неустойку на примерах законодательств Украины, Российской Федерации, а также Донецкой Народной Республики и Республики Беларусь.

Ключевые слова: неустойка, исполнение обязательств, кредитор, проценты, штраф.

Сегодня, в условиях перехода к рыночной экономике растет вероятность невыполнения должником своих обязательств. Причиной невыполнения может быть прямая недобросовестность должника, определённые обстоятельства, вследствие которых он не смог выполнить обязательства, отсутствие последовательной законодательной политики, вина третьих лиц, которые не исполнили в свою очередь обязательства перед должником и другие причины.

Эффективное развитие экономики любой страны в определенной степени зависит от надлежащего исполнения договорных обязательств субъектами хозяйственной деятельности. И именно в арсенале гражданского права есть такой инструментарий, который позволяет обеспечить нормальное функционирование основных целей экономики.

Среди правовых средств влияния на субъектов гражданско-правовых отношений особое место занимают виды обеспечения исполнения обязательства, наиболее часто встречающимся из которых является неустойка.

Неустойка – один из традиционных, наиболее распространенных видов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве. Она применяется как в отношениях между юридическими лицами, так и в отношениях, которые возникают между юридическими и физическими лицами.

Неустойка изменяла свою правовую форму в зависимости от этапа исторического развития. Впервые рассматриваемый институт гражданского права появился еще в римском праве. Как материально-правовой институт неустойка обосновалась в XIX веке.

Недостаточность теоретической разработанности, существование значительного количества дискуссионных теоретических и практических вопросов относительно оснований возникновения права на неустойку обуславливают необходимость исследования неустойки в системе гражданско-правовых видов обеспечения исполнения обязательств.

Цель данного исследования: выяснить основания возникновения права на неустойку на примерах законодательств Украины, Российской Федерации, Республики Беларусь, а также Донецкой Народной Республики.

Разработкой проблем правового регулирования видов обеспечения исполнения обязательств и в частности неустойки занимались известные учёные-правоведы, а именно: М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Т.В. Бондар, В.К. Райхер, О.С. Йофре, В. С. Якушев, Б.М. Гонгалюк, О. И. Гелевей, Е.О. Харитонов.

Согласно ч. 1 ст. 550 Гражданского Кодекса Украины (далее – ГК Украины) право на неустойку возникает независимо от наличия у кредитора убытков, причиненных невыполнением или ненадлежащим исполнением обязательства [1]. Из комментариев ст. 330 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] также

следует, что право требовать уплаты неустойки (притязание на неустойку) возникает при неисполнении или ненадлежащем исполнении обеспеченного неустойкой обязательства. Аналогично может быть прокомментирована ст. 399 Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики [3], исходя из схожего правового регулирования со ст. 330 ГК РФ. Следует также отметить аналогичное правовое регулирование ст. 311 Гражданского Кодекса Республики Беларусь. Из определения следует, что неустойка не всегда выступает санкцией за нарушение обязательства. Это связано с тем, что в науке гражданского права выделяют такие условия гражданско-правовой ответственности: противоправное нарушение лицом возложенных на него обязанностей и субъективных прав других лиц; наличие вреда; причинная связь между противоправным поведением правонарушителя и наступившими последствиями; вина правонарушителя.

Наличие в совокупности всех указанных выше условий, по общему правилу, позволяет привлечь лицо к гражданско-правовой ответственности. Отсутствие убытков (вреда) как следствие действия лица не дает возможности характеризовать его поведение как правонарушение. Однако, несмотря на это, неустойка подлежит уплате в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. При этом она должна считаться не мерой ответственности, а лишь правовым следствием нарушения обязательства. Ч. 2 ст. 550 ГК Украины закрепляет правило, согласно которому проценты на неустойку не начисляются. Это касается, прежде всего, денежной неустойки, поскольку проценты в соответствии со ст. ст. 536, 625 ГК Украины оплачиваются или за пользование чужими деньгами, или в случае просрочки исполнения денежного обязательства. То есть ст. 550 ГК Украины устанавливает, что:

– денежное обеспечительное обязательство по уплате неустойки не может быть обеспеченно неустойкой;

– за пользование денежной неустойкой уплата процентов, предусмотренных за пользование чужими деньгами, не осуществляется.

В комментариях к ст. 395 ГК РФ указано, что под процентами нормами ГК РФ подразумевается неустойка (ст. 811 ГК РФ), то есть – проценты, которые начисляются на не возвращённые в срок денежные средства, если другого не предусмотрено договором/законом для заёмщика. При этом такие проценты взимаются независимо от оплаты за пользование деньгами. Подобная норма содержится и в ст. 856 ГК РФ. Но здесь следует учесть, что отсылочная позиция данных статей указывает лишь на механизм начисления процентов, игнорируя остальные положения ст. 395 ГК РФ. Аналогично, на наш взгляд можно прокомментировать ст. 496 ГК Донецкой Народной Республики, исходя из схожего правового регулирования.

Ч. 3 ст. 550 ГК Украины устанавливает, что кредитор не имеет права на неустойку, если должник на основании ст. 617 ГК Украины не отвечает за нарушение обязательства. Аналогично, ч. 2 ст. 399 ГК Донецкой Народной Республики, ч. 2 ст. 330 ГК РФ, ч. 2 ст. 311 ГК Республики Беларусь устанавливает, что кредитор не вправе требовать уплаты неустойки, если должник не несет ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

В ст. 617 ГК Украины установлено, что лицо, нарушившее обязательство, освобождается от ответственности за нарушение обязательства, если оно докажет, что это нарушение произошло вследствие случая или непреодолимой силы. Аналогично, ч. 3 ст. 502 ГК Донецкой Народной Республики, ч. 3 ст. 401 ГК РФ, ч. 3 ст. 372 Республики Беларусь указывают, что лицо, не исполнившее должным образом взятое на себя обязательство, может освобождаться от ответственности только в том случае, если докажет, что это было невозможно ввиду обстоятельств непреодолимой силы.

Целесообразно отметить, что в науке гражданского права под случаем понимают событие, которое могло наступить, но не было предотвращено должником

исключительно потому, что он не мог его предусмотреть и предотвратить в связи с внезапностью наступления. Под непреодолимой силой понимают событие, которое должник не смог бы предотвратить средствами, которыми он располагал в этот момент, даже если смог бы его предугадать.

Кредитор не имеет права на неустойку только в случае невыполнения или ненадлежащего исполнения обязательства вследствие случая или непреодолимой силы. Данное правило является новым для гражданского права Украины, поскольку ст. 179 ГК УССР 1963 г. предполагалось, что неустойка не подлежала уплате в результате виновного поведения кредитора. В соответствии с ГК Украины вина кредитора не является основанием для невозможности взыскания неустойки. Ст. 616 ГК Украины прямо закрепляет, что при нарушении обязательства по вине кредитора размер неустойки соответственно уменьшается судом. Ст. 404 ГК РФ указывает на то, что если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответственности должника. Суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению. То есть ст. 404 ГК РФ предусматривает уменьшение ответственности должника, а не полное освобождение от ответственности. Ст. 505 ГК Донецкой Народной Республики имеет схожее правовое регулирование со ст. 404 ГК РФ, а также ст. 375 ГК Республики Беларусь.

Поскольку неустойка не всегда является ответственностью за гражданское правонарушение, поэтому применение ч. 3 ст. 550 ГК Украины не может осуществляться в случае, когда нарушение обязательства не повлекло убытков кредитору. Это вытекает также из того, что в данном случае речь вообще не идет об ответственности должника. Вместе с тем, только невозможность последней является основанием для утраты кредитором права на получение неустойки. Поэтому, если нарушение обязательства произошло вследствие случая или непреодолимой силы, но не причинило для кредитора убытков, он получает право на неустойку, ведь она при этом будет считаться следствием нарушения обязательства, а не санкцией за гражданское правонарушение.

Взыскания неустойки в принудительном судебном порядке может осуществляться в сокращенный срок. Данное положение вытекает из ст. 258 ГК Украины, в которой установлена исковая давность по взысканию неустойки сроком в один год. Предъявить иск о выполнении основного обязательства в натуре, в том числе и об уплате денег, можно в течение трех лет (ст. 257 ГК Украины), а требование о взыскании неустойки может быть выдвинуто относительно последнего года невыполнения основного долга в пределах срока общей исковой давности. ГК РФ определяет неустойку, как способ обеспечения договорных обязательств, а также устанавливает предельно допустимый срок, в течение которого она может быть истребована. Срок исковой давности по взысканию неустойки, согласно 196 ст. ГК РФ, составляет три года. Данный срок в соответствии со ст. 200 ГК РФ рассчитывается с даты, когда гражданин смог узнать или должен был узнать о том, что его законные права нарушены. Если в договоре установлено конкретное время исполнения обязательств, срок давности по ним начинает течь тогда, когда их исполнение заканчивается. Аналогичное правовое регулирование имеют ст.ст. 255, 259 ГК Донецкой Народной Республики.

В зависимости от источника установки большинство специалистов традиционно разделяют неустойку на:

– законную, то есть установленную в нормативном акте – в законе или в ином правовом акте;

– договорную, которая устанавливается непосредственно в нормах договора, заключенного между сторонами [4, с. 62].

Так, В.К. Райхер по источникам возникновения предлагал вместо традиционного двухчленного, трехчленный способ деления неустойки, а именно:

- неустойка, возникающая непосредственно из закона (законная неустойка);
- неустойка, возникающая исключительно из договора (договорная неустойка);
- неустойка, возникающая из сочетания двух юридических оснований: из закона и осуществляющего это предписание договора («законно-договорная неустойка») [5, с. 121-122].

Ранее, под законной понималась неустойка, установленная как законом, так и другим правовым актом, содержащим нормы гражданского права [6, с. 56]. В настоящее время, как отмечает М.И. Брагинский, к законной неустойке относится только неустойка, предусмотренная законом. По мнению В. В. Витрянского, законная неустойка не может признаваться способом обеспечения обязательства, потому никоим образом не «привязана» к какому-либо конкретному обязательству или к конкретным сторонам, вступающим в обязательство, а поэтому не может служить для целей обеспечения его выполнения [7, с. 534-535].

Однако, необходимо указать, что законный характер неустойки свидетельствует именно об источнике ее происхождения. Стороны, вступая в обязательство, которое обеспечено законной неустойкой, осознают, что в случае нарушения обязательства необходимо будет выплатить неустойку. Это стимулирует их к надлежащему исполнению обязательства. С момента возникновения любого обязательства, которое обеспечено законной неустойкой, оно автоматически прикрепляется к конкретному обязательству и его сторонам.

Законная неустойка возникает независимо от желания или нежелания субъектов обязательства. Основное обязательство, которое обеспечивается неустойкой, может возникнуть как из договора, так и из закона, но с возникновением основного обязательства начинает действовать обеспечительная сила законной неустойки, то есть возникновение основного обязательства автоматически порождает дополнительное обязательство об уплате неустойки [8, с. 36].

Законная неустойка является императивной по своей природе и подлежит взысканию независимо от ссылки на нее в договоре. Законная неустойка определяется в денежной сумме. Данное правило связано с тем, что размер законной неустойки касается обязательств, которые связаны с обязательствами юридических лиц, и для упрощения процедуры взыскания неустойки она, соответственно, и определяется в унифицированной, приемлемой для субъекта хозяйствования денежной сумме.

Под законной неустойкой понимают такую неустойку, которая не только непосредственно установлена для определенных правоотношений законом, который определяет ее размер и условия ее взыскания, а и правовое действие которой наступает непосредственно в силу этого закона, независимо от воли контрагентов, то есть, независимо от того было ли между сторонами соглашение о неустойке или нет [9, с. 10].

Договорной является неустойка, которая устанавливается договоренностью сторон. Она может включать два варианта:

- обязанность взыскания неустойки предусмотрена законом, а размер устанавливается договоренностью сторон;
- в договоре определяется неустойка и ее размер [10, с. 366].

Д. И. Мейер отмечал, что договорная неустойка чаще всего устанавливается в тех случаях, когда нарушение прав одной из сторон неисполнением договора, не влечет за собой значительный ущерб для кредитора. Кредитор теряет юридический интерес к исполнению. Установление договорной неустойки также обусловлено тем обстоятельством, что не всегда есть возможность однозначно определить вред. Например, нарушение сроков строительства, обычно влечет убытки для заказчика, но

вычислить их размер составляет определенные трудности. Поэтому заказчик, упрощает процедуру возмещения возможных убытков и в договоре определяет сумму, которая должна его удовлетворить на случай непорядочности должника [11, с. 185].

Договорная неустойка как вид обеспечения исполнения гражданско-правового обязательства должна соответствовать следующим условиям:

- размер, границы и порядок вычисления должен быть четко определен сторонами;

- размер неустойки должен соотноситься с размером законной неустойки, которая обеспечивает выполнение аналогичных обязательств;

- выбранный вид неустойки должен наиболее эффективно стимулировать контрагента к исполнению обязательства надлежащим образом;

- установленная сторонами договорная неустойка должна обеспечивать надлежащее выполнение всех элементов будущего обязательства и быть органично согласована между собой.

В пределах договорной неустойки К. О. Граве выделял два ее вида:

- факультативную;

- обязательную [12, с. 10].

О. С. Иоффе также разделял договорную неустойку на отдельные виды:

- договорно-добровольную, которая формируется по инициативе участников обязательства;

- договорно-обязательную, которая появляется в договоре как следствие выполнения сторонами императивных требований правовой нормы [13, с. 479].

В.С. Якушев к договорной неустойке относит также неустойку, размер которой устанавливается законодателем, однако стороны, воспользовавшись предоставленным им правом, изменили размер неустойки [14, с. 402].

О. И. Гелевей ставит под сомнение обоснованность классификации договорной неустойки на договорно-обязательную и договорно-добровольную. Автор считает, что правовая природа неустойки, обязательность которой предусмотрена в нормативном акте, зависит от двух обстоятельств. Если законодатель определил основания взыскания неустойки и ее размер, такая неустойка является законной и подлежит взысканию, независимо от того, содержится ли она в договоре. Если в нормативном акте обязанность определить размер неустойки возлагается на стороны, а контрагенты это требование проигнорировали, то, соответственно, ответственность за нарушение условий договора наступить не может, поскольку такой договор не может считаться действительным, так как отсутствует одно из его существенных условий – ответственность за невыполнение обязательства [15, с. 10].

В науке гражданского права предлагается следующая классификация неустойки как вида обеспечения исполнения обязательств:

- законная – обязательность включения в договор, а также ее размер предусмотрен непосредственно в нормативном акте;

- нормативная – основания взыскания неустойки и ее размер стороны определяют в договоре. Предельный максимальный (минимальный) размер неустойки определен законодательством;

- нормативно-договорная – условие о необходимости включения неустойки указано в нормативном акте, а ее размер и основания взыскания стороны должны указывать в самом договоре;

- договорная неустойка – неустойка, предусмотренная исключительно договором и никаких ограничений в ее взыскании не предусмотрено;

- судебная – основания взыскания и размер такой неустойки устанавливаются судом, который рассматривает преддоговорный спор между сторонами.

Проанализировав нормы законодательства Российской Федерации, Украины, Республики Беларусь, а также Донецкой Народной Республики, относящиеся к исполнению обеспечения исполнения обязательств, касающиеся оснований права на возникновение неустойки нельзя не отметить схожесть правового регулирования российского, белорусского законодательств и законодательства Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цивільний кодекс України: Коментар / За заг ред. Є.О. Харитонова, О.М. Калітенко. – Одеса: Юридична література, 2003. – 1080 с
2. Гражданский кодекс Российской Федерации с комментариями. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://grazhskod.ru/chast-pervaya/razdel-3/podrazdel-1/glava-23/paragraf-2/statya-330-gk-rf/kommentarii>
3. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 30.01.2020).
4. Зобов'язальне право: теорія і практика: Навч. посібник для студентів юрид. вузів і фак. ун-тів / За ред. О.В. Дзери. – К.: Юрінком Інтер, 2000. – 910 с.
5. Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 250 с.
6. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств: вопросы теории и практики. – М.: Статут, 2002. – 222 с.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
8. Константинова В.С. Правовое обеспечение хозяйственных обязательств.- Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. – 120 с
9. Граве К.А. Договорная неустойка в советском праве. – М., 1950. – 135 с.
10. Харитонов Е.О., Саниахметова Н. А. Гражданское право: Учебное пособие. – К.: А.С.К., 2002. – 832 с.
11. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 1997. – 290с.
12. Брагинський М. И. Хозяйственный договор: каким ему быть? – М.: Экономика, 1990. – 175 с.
13. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.
14. Советское гражданское право. Учебник в 2-х томах. / Под ред. О.А. Красавчикова. – Т. 1. – М. Высш. шк., 1985. – 544 с.
15. Гелевей О.І. Неустойка як вид забезпечення виконання зобов'язання: Дис. ... канд. юрид. наук / О. І. Гелевей – К., 2003. – 197 с.

GROUND FOR THE RIGHT TO A PENALTY

Annotation. the Article is devoted to the study of the grounds for the right to a penalty in the system of civil law types of enforcement of obligations. The grounds for the right to a penalty are clarified using examples of the legislation of Ukraine, the Russian Federation, as well as the Donetsk People's Republic and the Republic of Belarus.

Key words: Penalty, the performance of the obligations, creditor, interest, penalty.

Chigariyev D.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: dmitriy.aleksandrovich.88@bk.ru

ОБ ОБЯЗАННОСТИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА ПО УПЛАТЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ

Чумаченко М.М.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье показаны особенности налогового правонарушения как основания привлечения налогоплательщика к ответственности в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике. Обосновано, что основным принципом налогового законодательства выступает принцип неотвратимости наступления определенной законом ответственности в случае нарушения налогового законодательства. Обоснована необходимость совершенствования налогообложения субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: налог, юридические лица, налоговое законодательство, налоговая система, правовое регулирование, субъект налогового права

На разных этапах исторического развития общества и государства обязанности по уплате налогов предоставлялась разная содержательная нагрузка. Однако всегда неизменной оставалась актуальность выяснения налоговой обязанности человека и гражданина в правовом статусе лица. Так, в древние времена освобождение от обязанности по уплате налогов рассматривалось как ограничение прав. В Древней Греции и Риме низший класс был освобожден от налогов, и потому его представители не были полноправными гражданами. В Риме, по Законам Сервия Тулия, шестой класс тоже не платил налоги, а потому имел мизерное влияние в центуристских собраниях [1].

Основным принципом налогового законодательства выступает принцип неотвратимости наступления определенной законом ответственности в случае нарушения налогового законодательства. Отмеченный принцип является одним из нескольких аспектов верховенства права, которое, в свою очередь, содержит такие составляющие, как: 1) законность (под которой понимается также то, что никто не может быть наказан, иначе как за нарушение раньше принятого и определенного закона, и при этом сам закон не может быть нарушен безнаказанно); 2) правовая определенность (юридические нормы должны быть ясными и точными, недопустимость обратного действия норм закона и их исполнимость); 3) запрещение своеволия; 4) доступ к правосудию, которое обеспечивается независимыми и беспристрастными судами; 5) соблюдение прав человека; 6) недискриминация то равенство перед законом («универсальная подчиненность» всех и каждого закона)[2].

Единственным основанием привлечения к юридической ответственности любого вида является наличие состава правонарушения.

Налоговыми правонарушениями являются противоправные деяния (действие или бездействие) налогоплательщиков, налоговых агентов, и/или их должностных лиц, а также должностных лиц контролирующих органов, которые привели к невыполнению или неподобающему выполнению требований, Налоговым кодексом и другим законодательством, контроль за соблюдением которого возложен на контролирующих органы. Далее в статьях 117-128 приводится перечень составов налоговых правонарушений.

Статья 106 НК РФ устанавливает, что налоговым правонарушением признается виновное совершенно противоправное деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и других лиц, за которое налоговым законодательством установлена ответственность. Более того, статья 110 УК РФ различает формы вины при осуществлении налогового правонарушения. Так, виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, которое

совершило противоправное деяние преднамеренный или из неосторожности. Отсутствие вины лица в осуществлении налогового правонарушения является обстоятельством, которое делает невозможным привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения (ст. 109 НК РФ). Статьей 111 НК РФ предусмотрены обстоятельства, которые делают невозможной вину лица в совершении налогового правонарушения. Обстоятельства, которые смягчают или обременяют ответственность при совершении налогового правонарушения, устанавливаются судом или налоговым органом, который рассматривает дело, и учитываются при применении налоговых санкций. Таким образом, в НК РФ законодатель заложил принципы усмотрения. «В нашем сложном обществе необходимая определена свобода усмотрения со стороны государственных должностных лиц, но при этом такое усмотрение не должно быть бесконтрольным и нельзя позволять принимать произвольные или неумные решения (таким образом, сама природа права наполняется как процедурным, так и субстантивным содержанием)».

Виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, которое совершило противоправное деяние преднамеренное или по неосторожности. Отсутствие вины лица в осуществлении налогового правонарушения является обстоятельством, которое делает невозможным привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения (ст. 109 НК РФ).

У уполномоченного субъекта возникает в первую очередь обязанность привлечь правонарушителя к юридической ответственности. Он имеет право действовать только в пределах этой обязанности, которая выступает для него как императив. Правоприменитель не имеет право избирать: притягивать или нет нарушителя к юридической ответственности, он обязан привлечь его к ответственности. Юридическую ответственность можно рассматривать как правоотношения, которые возникают между правонарушителем и государством (компетентными органами). Такое понимание ответственности выходит из обязанностей, которые полагаются на правонарушителя, и обязанностей государства (компетентного органа) с привлечением субъекта к юридической ответственности [3].

Согласно действующему законодательству налоговые органы налагают следующие административные штрафы:

- на должностные лица налогоплательщика, виновных в отсутствии налогового учета, бухгалтерского учета, ведении его с нарушением установленного порядка, неподаче аудиторских выводов, предусмотренных законодательством, а также платежных поручений на перечисление надлежащих к уплате налогов или обязательных платежей штраф, не предоставляют документацию для проверки, информацию о выплаченных доходах физическим лицам, не позволяют обследовать служебные помещения, то есть не выполняют требования работников ФНС;

- на должностных лиц, которые выплачивали доходы работающим, но не перечисляли в бюджет определенную сумму налога на доход, не сообщали или несвоевременно сообщали ФНС ;

- на граждан – субъектов предпринимательской деятельности, за несвоевременную подачу декларации или занесение неправильных данных в данную декларацию;

- на граждан, которые занимаются предпринимательской деятельностью без государственной регистрации или специального разрешения (лицензии), если данное разрешение предусмотрено законодательством;

- уклонение гражданина от уплаты соответствующих налоговых платежей и сборов и (или) физического лица, являющегося плательщиком страховых взносов от их уплаты (ст. 198);

- уклонение организации от уплаты сборов и налогов, которые должны быть уплачены согласно законодательству.

- уклонение налогового агента от исполнения своих обязанностей;
- сокрытие имущества или денежных средств, за счет которых должно осуществляться взыскание налоговых платежей.

Когда налогоплательщик рассматривает неправильное применение или злоупотребление отдельными требованиями Законов по вопросам налогообложения, на его решение будут влиять такие факторы:

- размер суммы, которую он собирается получить в результате разработанной схемы уклонения от налогообложения;
- вероятность того, что неправильное применение или злоупотребление будет установлено документальной проверкой;
- серьезность наказания – уплата штрафных (финансовых) санкций, административная ответственность или судебное преследование, которое может привести к осуждению [4].

Следовательно, чем выше риск быть пойманным и оплатить штраф, тем выше у налогоплательщика уровень добровольного согласия выполнять налоговые обязательства.

Законодательством устанавливается административная и уголовная ответственность налогоплательщика за неуплату или несвоевременную оплату налоговых платежей. Вопрос о выделении отдельного вида ответственности – финансово-правовой как отдельного вида ответственности, является в настоящее время дискуссионным. Налогоплательщик на защиту своих прав только при условиях определенности налога.

Требовать выполнения очерченной правовыми нормами юридической обязанности вне установленной меры является нарушением закона. В то же время нарушение, то есть невыполнение юридических обязанностей, также является основанием для юридической ответственности [5].

Понимание правовой природы ответственности за нарушение налогового законодательства непосредственно связано с решением пакета практических вопросов. Так, в соответствии со ст. 61 Конституции ДНР, запрещается привлечение лица к одному виду ответственности за одно и то же правонарушение дважды. Известно, что применение к лицу правонарушителя мер ответственности за нарушение налогового законодательства при некоторых обстоятельствах может совмещаться с применением уголовной или административной ответственности. В таких случаях упомянутая норма Конституции не будет нарушена в том случае, если рассматривать финансово-правовую ответственность как отдельный вид ответственности. Кроме того, дискуссионным является вопрос зачисления пени к мероприятиям ответственности за нарушение налогового законодательства.

Разграничение финансово-правовой и административной ответственности позволяет дать ответ на вопрос: правомерным ли является применение общих норм, которые регулируют административную ответственность и закрепленные в Кодексе законов об административных правонарушениях, к ответственности за нарушение налогового законодательства? Ответ на этот вопрос тем более важен, что, по мнению специалистов, процедура привлечения к административной ответственности предоставляет больше гарантий лицу, которое подозревается в совершении правонарушения.

Санкции, применяемые к плательщику налогов применяются уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами в особом процессуальном порядке, имеют преимущественно денежный характер, зачисляются в соответствующий бюджет или централизованный фонд с целью обеспечения государственных доходов и других интересов, наказания нарушителя и предотвращения в будущем отклонений в поведении, которое регулируется налоговой нормой».

Плательщиками сборов и налогов физические лица и организации признаются, на которых, возложена обязанность уплачивать сборы и налоги.

Согласно п.1 и 9 ч.1 ст 23 НК РФ плательщики налогов должны в соответствии с законодательством о сборах и налогах налоги, и исполнять иные обязанности.

Правовая природа установления налоговой обязанности налогоплательщика в финансово-правовом смысле имеет публично частный характер. Плательщик налогов в силу п. 1 ст. 45 НК РФ должен своевременно и самостоятельно исполнить обязанность, связанную с уплатой соответствующего налога. В случаях, которые определены НК РФ, обязанность по уплате налога досрочно может быть исполнена участником консолидированной группы плательщиков налогов.

Развитие правового регулирования ответственности за нарушение налогового законодательства должно происходить в направлении более четкого отделения финансово правовой ответственности, ответственности за нарушение налогового законодательства в частности, от других видов юридической ответственности. Внедрение соответствующих реформ будет способствовать повышению уровня соблюдения обязанностей, установленных налоговыми нормами, ведь именно благодаря мероприятиям юридической ответственности последние получают признак общеобязательности, которая обеспечена государственным принуждением.

Законодательством устанавливается административная и уголовная ответственность налогоплательщика за неуплату или несвоевременную оплату налоговых платежей. Вопрос о выделении отдельного вида ответственности – финансово-правовой как отдельного вида ответственности, является в настоящее время дискуссионным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон ДНР «О налоговой системе». Принят Постановлением Народного Совета ДНР 25 декабря 2015 г. URL: <http://dnr-live.ru/zakon-dnr-o-nalogovoy-sisteme/> (Дата обращения 23.02.20)Бахарева Т. В., Докальская В. К. Налоговый контроль как основной элемент системы налогового администрирования [Текст] / Т.В. Бахарева, К.В. Докальская // Молодой ученый. – 2015. – №24. –380с.
2. Лихачев С.В., Коробейникова К.В. Порядок привлечения работников к дисциплинарному взысканию в виде увольнения //В сборнике: Актуальные проблемы административного, финансового и трудового права сборник научных статей по итогам работы круглого стола. Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – С. 14-19.
3. Алиев Г.Х. Налоговый контроль и оценка его эффективности на современном этапе [Текст]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10- Налоговое право; Финансовое право/Алиев Гамид Хабибович.- Махачкала, 2014. - 155с.
4. Гринкевич А.М., Лабунец Ю.Е. Налоговый контроль финансовых потоков деятельности налогоплательщика // Сибирская финансовая школа. – 2019. – № 1 (132). – С. 52-57.
5. Каитова Д.Х.Д. Актуальные проблемы налогового контроля в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2019. – № 1 (239). – С. 106-107.

ON DUTY OF TAXPAYER ON PAYMENT OF TAXES AND COLLECTIONS

Annotation. In the article the features of tax offence as grounds of bringing in of taxpayer are rotined to responsibility in Russian Federation and Donetsk Folk Republic. It is grounded, that principle of inevitability of offensive of certain a law responsibility comes forward basic principle of tax legislation in the case of violation of tax legislation the necessity of perfection of taxation of small business entities is Grounded.

Keywords: tax, legal entities, tax legislation, tax system, legal regulation, tax legal subject

Chumachenko M.

Scientific adviser: Tsiba E., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: mydonmikhail@gmail.com

О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Шалаев В.В.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье показаны особенности правового режима государственной тайны в законодательстве Российской Федерации и Донецкой Народной Республике. Определены особенности правового режима государственной тайны в условиях информатизации общества. Обоснована необходимость совершенствования правового регулирования режима государственной тайны в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: налог, правовое регулирование, государственная тайна, информатизация

Информатизация общества способствует быстрому увеличению массивов информации. Однако эффективно использовать ее могут только те предприятия и организации, которые оперативно реагируют на изменения и, в том числе для защиты секретной информации.

Акцентирование внимания на вопросах обеспечения режима секретности обусловлено рядом факторов. Среди них основополагающими можно выделить два. Первый следует рассматривать в аспекте противодействия попыткам нарушить режим секретности документов, с соблюдением и правильным применением законов. Второй следует рассматривать в контексте соблюдения информационных прав и интересов человека, общества и государства, в том числе в сфере предоставления информации.

Современная ситуация в ДНР является сложной, за последние годы резко возросло количество попыток нарушить режим защиты государственной тайны. Именно в это непростое время в ДНР выявлены факты шпионажа и передачи государственной тайны, особенно военного характера, в частности, – сбор информации криптографического и технического характера.

В настоящее время обеспечение режима секретности документов играет важную роль, поскольку деятельность любого государства содержит направления работы, связанные с отнесением информации к государственной тайне, ее засекречиванием и охраной с целью защиты жизненно важных интересов государства в сфере обороны, экономики, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка, разглашение которых может нанести ущерб национальной безопасности страны [1].

Поэтому рассмотрение этой темы является своевременным и актуальным.

Самым распространенным считается определение понятия правового режима как определенного сочетания правовых средств регулирования, опосредованного императивным методом юридического влияния, который проявляется в том, что субъекты правоотношений занимают юридически неравные позиции. Необходимость наличия института правового режима секретности, обусловлена тем, что:

– во-первых, режимное регулирование в данной сфере создает условия для формирования специального порядка деятельности государственных органов, предприятий, организаций в сфере работы с секретной информацией, существование которых необходимо как для устойчивого решения задач в области обеспечения безопасности государства;

– во-вторых, публичное управление в сфере работы с секретной информацией в современных условиях требует особых регулятивных свойств правового режима его обеспечения;

– в-третьих, в рамках правового режима работы с секретной информацией субъекты правоотношений имеют возможность эффективно взаимодействовать,

заранее определить легальный порядок действий каждого из них, что, в свою очередь, способствовать уменьшению проявлений противоправных действий в этой сфере;

– в-четвертых, правовой режим работы с секретной информацией помогает объединить и дифференцировать правовые и организационные меры, образующих данный режим, в зависимости от характера регулируемых общественных отношений, целей и задач, стоящих перед государственными органами исполнительной власти в сфере работы с секретной информацией [2].

Руководители государственных органов дел, отдельные работники, владеющие информацией профессионального, оперативного, делового, служебного и иного характера, самостоятельно определяют режим доступа к ограниченной информации, но не устанавливают для нее системы защиты и не обеспечивают ее надлежащую конфиденциальность [3].

Самым распространенным считается определение понятия правового режима как определенного сочетания правовых средств регулирования, опосредованного императивным методом юридического влияния, который проявляется в том, что субъекты правоотношений занимают юридически неравные позиции

Режим секретности – это установленный в соответствии с требованиями Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 (ред. от 08.03.2015) «О государственной тайне» и иных изданных в соответствии с ним нормативно-правовых актов единый порядок обеспечения охраны государственной тайны [2].

Согласно ст. 1 Закона РФ «О государственной тайне», государственная тайна – это сведения, защищаемые государством, в различных сферах деятельности. распространение которых может привести к нанесению ущербом безопасности РФ. Правовой режим имеет определенную цель правового регулирования, определяет направление регулирования, характер и построение правового режима. Целью мер по обеспечению государственной тайны является устранение противоправных действий, причин и условий, которые приводят к утечке и распространение ограниченной информации, а также ликвидация проявлений противоправного доступа к секретной информации [5].

Сущность правового обеспечения режима секретности заключается в регулировании вопросов обеспечения режима секретности. Правовую основу в сфере охраны государственной тайны составляет система правовых норм, с помощью которых государство организует обеспечение охраны секретной информации, определяет ее субъектов, параметры и компетенцию их деятельности.

Основные мероприятия, которые обеспечивают функционирование правового режима государственной тайны и создают надлежащие условия для функционирования режима секретности, заключаются в выполнении задач и функций, предусмотренных законодательными актами в сфере защиты и сохранения секретной информации. Отнесение сведений к государственной тайне и их засекречивание предусматривает введение для сведений, составляющих государственную тайну, ограничений и на доступ к их носителям и на их распространение [6].

Материальные носители секретной информации подразделяются на следующие виды: 2) предметы, сведения о которых составляют государственную тайну; 1) документы, в которых содержится государственная тайна; 3) иные материальные носители секретной информации [7].

В законодательстве отсутствует унифицированное понятие секретного документа, хотя нормативно закреплены определения содержат указание на его сущность и основные функции. При этом основные функции документа в нормативно-правовых актах определяются однозначно, а его сущность характеризуется как через понятие «информация», так и через понятие «материальный носитель, содержащий информацию». Документ определяется как информация, зафиксированная на материальном носителе, основной функцией которого является сохранять и передавать

ее во времени и пространств. Основными функциями документа является сохранения и передача информации во времени и пространстве [8].

Правовой режим секретности можно определить как определенное сочетание правовых средств регулирования, опосредованного императивным методом юридического влияния, который проявляется в том, что субъекты правоотношений занимают юридически неравные позиции

Уровень секретности зависит от степени опасности разглашаемых сведений и ответственности, которую может понести разглашающий. Совсем необязательно, что человек, так или иначе рассказывающий посторонним лицам государственную тайну, должен быть привлечен к ответственности [9]. Здесь многое зависит от:

- времени, которое прошло с момента получения секретных сведений
- собственно уровня секретности информации.

На документы, содержащие хоть сколько-нибудь секретную информацию или государственную тайну ставят следующие отметки, называемые грифами: секретно, совершенно секретно, особой важности, «несекретно» и ДСП («для служебного пользования»). Лицо, которому был предоставлен допуск и доступ к государственной тайне и реально был знаком с ней, может быть ограничен в праве выезда на постоянное место жительства в иностранное государство до рассекречивания соответствующей информации, но не более чем на пять лет с момента прекращения деятельности, связанной с государственной тайной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006. – 29 июля.
2. Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 «О государственной тайне (ред. от 29.07.2018) //Собрание законодательства РФ», 13.10.1997, N 41, стр. 8220-8235
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – 29 июля.
4. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3283
5. Коробейникова К.В. Защита конфиденциальной информации в эдо и архивном хранении // Защита информации. Инсайд. 2019. № 4 (88). – С. 4-7.
6. Быкова, Т.А. Делопроизводство: Учебник / Т.А. Быкова, Л.М. Вялова. - М.: ИНФРА-М, 2013. – С.36-40.
7. Сынкova Е.М. Правовые и организационные аспекты оценки деятельности управленческого персонала // В сб.: Актуальные проблемы административного, финансового и трудового права сборник научных статей по итогам работы круглого стола. Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. – С. 24-28.
8. Коробейникова К.В. о юридической силе электронных документов в судопроизводстве// Защита информации. Инсайд. 2018. № 4 (82). – С. 74-77.
9. Сынкova Е.М., Киут Д.И. К проблеме правового регулирования формирования кадрового состава, служебной дисциплины ответственности государственных служащих //В сб.: Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности материалы VI Международной научной конференции. Донецк, 2019. –С. 58-60.

ON LEGAL REGIME OF STATE SECRET

Annotation. In the article the features of the legal mode of state secret are rotined in the legislation of Russian Federation and Donetsk Folk Republic. The features of the legal mode of state secret are certain in the conditions of informatization of society. The necessity of perfection of the legal adjusting of the mode of state secret is grounded for the legislation of Donetsk Folk Republic.

Keywords: tax, legal adjusting, state secret, informatization, responsibility, secrecy.

Shalaev V.

Scientific adviser: Tsiba E., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: admfinpr@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Шарофост Н.А.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассмотрены фактические брачные отношения: природа возникновения и их сущность, поднимается вопрос о наследовании лиц, состоящих в таких отношениях и их законодательного закрепления.

Ключевые слова: фактический брак, семья, брак, супружеский союз.

Семья – это центральный институт семейного права. С каждым днём, в современном мире, количество фактических брачных отношений растёт, если раньше такие отношения запрещались, то сейчас они становятся наиболее распространенным социальным явлением, которые получают все меньше общественного осуждения. В связи с этим возникает множество проблем, достигнуть решения, по которым не так просто. Именно поэтому данная тема является актуальной.

Цель данного исследования: проанализировать особенности правового регулирования фактических брачных отношений.

Для начала следует отметить, что изучением данного вопроса занимались такие ученые-юристы, как Малкин О.Ю., Геллер М.В., Чигрина Е.В., Косарева И.А., Афанасьева И.В., Мыскин А.В. и другие. Благодаря их исследованиям были решены многие проблемные вопросы, возникающие при прекращении фактических брачных отношений, сформировались основные идеи и концепции, которые помогают совершенствовать законодательство в данной сфере.

Фактические брачные отношения являются одним из видов совместного проживания мужчины и женщины, а также ведения общего домашнего хозяйства. Отличием данных отношений от супружеского союза является то, что отсутствует государственная регистрация брака.

Обратимся к истории возникновения этих отношений. В начале XX века, в России, начали появляться первые нормативно-правовые документы в сфере семейного права, к которым также относится «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», содержащий в себе нормы, регулирующие брачно-семейные отношения [1]. Законодательный орган вполне осознавал, что в данный момент нужно было внедрить реформы, но противопоставление брака церковным союзам само по себе исключило возможность внедрения реформ, которые позволяли регулировать данные отношения, а также закреплять их правовую силу. Чигрина Е.В., опираясь в своей работе на высказывание Свердлова Г.М., считала, что признание фактически брачных отношений при постоянной борьбе за гражданские браки могло значить и признание церковных союзов, что противоречило целям советской власти [2, с. 1109].

Сейчас мы можем увидеть, что число фактических браков растет. СМИ стало называть эти отношения «гражданский брак», мужчина и женщина живут вместе, рожают и воспитывают детей, ведут совместное хозяйство, но по каким-то причинам не регистрируют свои отношения официально.

Первым современным государством, которое узаконило фактические брачные отношения, стала Швеция. За сожителем признается право на совместную опеку над детьми друг друга; право не свидетельствовать друг против друга в суде; закрепляет режим совместной собственности. Следует отметить, что главным отличием от брака

является то, что фактические супруги не имеют обязанность материально поддерживать друг друга, они не являются законными наследниками, а также им не разрешается усыновление детей.

В Нидерландах, главным условием таких отношений, является то, что они обязательно должны быть оформлены в письменном виде. Заключается соглашение между сожителями, которое влечёт определённые правовые последствия. Государство предоставляет широкий перечень гарантий и льгот для фактических супругов. К ним относятся: пенсионное обслуживание, льготное налогообложение, доступ к методам искусственного оплодотворения и многие другие. При всём том, сожители не имеют права на общую фамилию и наследование по закону.

В Украине отношения данного вида не признаются формой брака. Под ними понимаются супружеские отношения, которые не зарегистрированы в ЗАГСе. Так же, опираясь на исследования многих учёных, можно сказать, что общество до сих пор не сформировало конкретных представлений о сущности фактического брака.

С течением времени происходят изменения, как в законодательстве, так и в стране в целом, что вносит свои изменения в сложившуюся ситуацию.

Рассматривая статистику США, можно увидеть, что большинство населения, находящихся в таких отношениях, является молодежь в возрасте до 21 года. А вот люди среднего возраста считают, что именно официальный брак укрепляет семейные отношения.

Из всего этого следует, что на законодательном уровне необходимо закрепить некоторые правовые аспекты фактического брака, особенно, имущественные отношения. Однако, при появлении нового института сожительства не должно падать значение зарегистрированного брака.

Для начала нужно законодательно закрепить такой термин, как «фактический брак». По этому поводу возникает множество споров учёных-юристов, они выступают против такой формулировки, считая её неверной, так как в ней содержится два противоправных между собой элемента: «брак» относится к правовому полю, а «фактический» – он имеет противоположное значение, т.е. идёт своего рода противопоставление [3, с. 611]. Поэтому в научной литературе мы можем увидеть такие формулировки: «внебрачная семья», «консенсуальный брак», «внебрачное сожительство». Но следует отметить, что все учёные признают данный вид отношений.

Краснова Т.В. даёт следующее определение фактическому браку – это «незарегистрированный союз, проживающих совместно и не состоящих в браке мужчины и женщины, добровольный и равноправный, характеризующийся устойчивостью, наличием общего хозяйства, взаимной заботы друг о друге» [4, с. 55]. В этом определении мы можем увидеть, что преимуществом выступает необязательное наличие общих детей.

Сущностью брака является то, что супруги несут как моральную, так и юридическую ответственность друг перед другом. Для современного общества фактический брак является более доступной возможностью, чтобы пожить вместе, получить опыт, пройти через многие трудности совместной жизни, но при этом находиться в независимых и самостоятельных отношениях. По мнению многих психологов, самый оптимальный срок для такого сожительства 2-3 года. Этого времени достаточно, чтобы партнёры могли в дальнейшем перейти на следующую стадию отношений, то есть зарегистрировать брак в ЗАГСе. Данный вид отношений изучается как фаза, которая предшествует заключению официального брака. Поэтому все проблемы, возникающие на данной стадии, являются поводом для сомнений. Именно по этой причине в фактически брачных отношениях в основу положена психологическая неготовность мужчины и женщины нести ответственность за семью, детей, неспособность состоять в крепких отношениях и справляться с трудностями, которые

нередко возникают в семейных отношениях. Заключение официального брака требуется уже в тех случаях, когда супруги желают урегулировать юридический аспект отношений, однако в данном случае затрагиваются и психологические аспекты [5, с. 22].

Шершеневич Г.Ф. считал, что юридические аспекты необходимы и являются целесообразными в сфере имущественных отношений супругов [6, с. 35]. В настоящее время семейное законодательство регулирует имущественные отношения супругов, но оно не затрагивает фактические брачные отношения. Очень часто в данных отношениях женщины являются экономически зависимыми, так как они ведут домашнее хозяйство, занимаются воспитанием детей, но при этом не обладают собственным заработком. Рассматривая судебную практику, можно увидеть, много случаев обращения женщин, которые длительное время состоят в фактическом браке, с требованием раздела совместно нажитого имущества, совместного бизнеса, однако не во всех случаях суд принимает решение в пользу женщины. Нередки случаи, когда супруги приходят к мировому соглашению, при этом договорившись о разделе имущества. В большинстве случаев женщины остаются без средств существования, так как не имели собственного заработка. Антокольская М.В. полагает, так как фактические брачные отношения не приравниваются к официальному зарегистрированному браку, то за ними требуется признавать определенные правовые последствия в сфере имущественных отношений [7, с. 70-73].

Альбикив И.Р. считает, что согласно отечественному законодательству, граждане, состоящие в фактическом браке, имеют право наследовать имущество в некоторых случаях: основываясь на завещании, т.к. завещатели обладают правом распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению, а также при признании сожителя к наследованию как нетрудоспособного иждивенца [8, с. 14-15].

Следует отметить, что как в процессе фактических брачных отношений, так и при их завершении, закон стоит на стороне зарегистрированного брака. Так как большинство факторов зависит от моральных качеств граждан, что не даёт гарантию избежать различные конфликты и неприятности. Чаще всего в таких отношениях состоят, мужчина и женщина, которые полностью доверяют друг другу. Но нередки случаи, когда эти отношения заканчиваются разрывом, возникают не очень приятные ситуации, одна из них, это раздел имущества. Так как граждане в таких отношениях не являются обладателями прав и обязанностей супругов, то приобретенное в данный период имущество, никак не делится между лицами после окончания подобных отношений. Также при фактических брачных отношениях невозможно наследование в порядке очередности, предусмотренной главой 65 «Наследование по закону» Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики [9]. На данный момент, ГК ДНР при определении круга наследников по закону исходит из семейных и родственных связей наследодателя. Согласно ч. 1 ст. 1272 ГК ДНР наследниками первой очереди являются дети, супруг и родители наследодателя. Считаю целесообразным в проекте Семейного кодекса ДНР закрепить понятие фактических брачных отношений, а в ст. 1272 ГК ДНР внести следующие изменения: добавить в первую очередь наследников, кроме супругов, детей и родителей наследодателя еще одну категорию – «мужчина или женщина, проживающие в фактических брачных отношениях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16.09.1918 // Собрание законодательства ВЦИК – 1918.
2. Чигрина Е.В. О проблемах регулирования фактически брачных отношений / Е.В. Чигрина // Известия БГУ. – 2015 – №6 – С.1108-1113.
3. Сухарева А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 858 с.

4. Краснова Т. В. Гражданский брак и фактическое супружество / Т. В. Краснова // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 53–57.
5. Толстая А. Д. Фактический брак: перспективы правового развития / А. Д. Толстая // Закон. – 2005. – № 10. – С. 21–29.
6. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Статут, 2005 – 471 с.
7. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву. – М.: Юристъ, 2002 – 336 с.
8. Альбикив И. Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения / И. Р. Альбикив // Семейное и жилищное право. – 2015. – № 2. – С. 14–15.
9. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 29.01.2020).

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ACTUAL MARRIAGE RELATIONS

Annotation. This article discusses the actual marriage relationship: the nature of the origin and their nature, the question of inheritance and legislative consolidation of relations of this kind is raised.

Keywords: actual marriage, family, marriage, spousal union.

Sharofost N.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: sharofost.natali@mail.ru

УДК 343.131.5

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ К ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦ

Шумайлова Ю.А.

*Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности применения меры пресечения, такой как заключение под стражу, в отношении отдельной категории лиц. Были установлены основные критерии отнесения лиц к отдельной категории, которой может применяться данная мера пресечения, и особенности её применения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, мера пресечения, заключение под стражу.

Одной из актуальных проблем современного права и правоприменительной практики остается процесс выбора и применения мер пресечения к определенной группе людей. В данном исследовании мы можем отнести к, так называемой, специальной категории, следующих лиц: несовершеннолетние, женщины, как беременные, так и имеющие несовершеннолетних детей, которые являются подозреваемыми или обвиняемыми.

Меры пресечения в уголовном судопроизводстве – принудительные меры, применяемые должностными лицами и судами в отношении обвиняемых, в исключительных случаях – в отношении подозреваемых, если в законе предусмотрены причины, целью которых является лишение их возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и судебных разбирательств, воспрепятствовать установлению истины по делу или продолжить преступную деятельность [1, с. 1].

Если рассматривать такую меру пресечения как содержание под стражей, необходимо уточнить, что, как и другие виды мер пресечения, она допускается только:

- 1) по уже возбужденному уголовному делу;
- 2) компетентным органом (государственным органом или должностным лицом в рамках их компетенции);

3) в отношении обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого);

4) если существуют уголовно-процессуальные основания.

Целью применения мер пресечения является создание условий, необходимых для пресечения попытки, обвиняемого или подозреваемого лица, от уклонения от расследования и судебного разбирательства, а также отбывания наказания и исключение возможности заниматься дальнейшей преступной деятельностью, а также, противостояние его попыткам воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе.

Следует отметить, что важной особенностью этой меры пресечения является то, что содержание под стражей является наиболее строгой по сравнению с другими мерами пресечения. При выборе меры пресечения необходимо учитывать следующие обстоятельства: тяжесть преступления, в совершении которого подозревается, обвиняется лицо, его возраст, состояние здоровья, семейное и материальное положение, вид деятельности, место жительства и иные характеризующие его обстоятельства.

Проблема преступности среди несовершеннолетних имеет особое значение, как во всем уголовном процессе, так и в работе дознавателей, следователей, прокуроров и судов.

Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних изложены в главе 36 Уголовно-процессуального кодекса ДНР. В соответствии с ч. 2 ст. 459 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) – лицо, которое на момент возбуждения уголовного дела не достигло 18-летнего возраста, является несовершеннолетним [2].

Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних – содержание под стражей, следует применять только в исключительных случаях, но Уголовно-процессуальный кодекс ДНР не раскрывает то, что следует понимать как «исключительные случаи». В связи с этим существует множество мнений по этому поводу в науке уголовного процесса.

Согласно мнению И.Л. Петрухина, к исключительным случаям следует отнести связь несовершеннолетнего с преступной средой, употребление наркотиков несовершеннолетним, бродячий образ жизни, судимость и т. д. [3, с.2].

Ф. Багаутдинов, в исключительных случаях, когда мера пресечения применяется к задержанию несовершеннолетних, применяются следующие обстоятельства: несовершеннолетний ранее совершил преступление или был привлечен к уголовной ответственности; несовершеннолетний должен быть изолирован от общества (несовершеннолетний ведет антисоциальный образ жизни, пристрастился к наркотикам, систематически совершает преступления и т. д.).

Л.К. Трунова отмечает, что для правильного и нравственно обоснованного решения вопроса о мере пресечения несовершеннолетнему необходимо учитывать обстоятельства, которые не подпадают под действие УПК, но имеют большое криминологическое значение:

1. мотивация к преступному поведению;
2. роль подростка в совершении преступления;
3. причины и условия совершения преступления;
4. условия жизни и образование несовершеннолетнего;
5. психическое развитие и психическое состояние подростка;
6. пре-криминальное и пост-криминальное поведение несовершеннолетних;
7. поведение подростка во время расследования.

Изучив уголовно-процессуальные нормы и мнение ученых, мы пришли к выводу, что при принятии решения о целесообразности применения мер пресечения в отношении задержанного несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), необходимо согласиться с мнением Л.К. Труновой, относительно необходимости

учитывать обстоятельства, которые не закреплены в УПК ДНР, но имеют большое значение для избрания данной меры пресечения.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что суды должны проявлять крайнюю осторожность при применении самых строгих мер пресечения в отношении несовершеннолетних в виде содержания под стражей, тщательно проверять обоснованность такой меры и применять её только в тех случаях, когда имеется достаточно оснований и фактов, свидетельствующих о невозможности применения иной меры пресечения, не связанной с лишением свободы несовершеннолетнего.

Также, необходимо учитывать особенности применения мер пресечения в виде содержания под стражей в отношении женщин, как беременных, так и имеющих несовершеннолетних детей.

Известно, что женщина имеет особый психосоматический статус, в том числе связанный с различными периодами кризиса в ее жизни (до и после менопаузального периода, ПМС, пренатальным и послеродовым психозами и т. д.).

Согласно мнению Н.А. Соловьевой, необходимо выделить четыре блока обстоятельств, определяющих постановку этой проблемы:

1) социальный статус, например, характеризующийся ранним браком, социальной ролью в обществе и семье, уровнем образования, участием в общественно-полезной деятельности, наличием или отсутствием семьи, детей и т. д.;

2) возрастной статус и периоды кризиса в жизни женщины, которые влияют как на предкриминальное, так и на посткриминальное поведение последней;

3) психосоматический статус, который включает в себя темперамент, характеристики других психических черт человека и течение психических процессов. Психосоматический статус часто тесно связан с возрастом, но не ограничивается последним.

4) категория дел (насилие или корысть), совершенных женщиной, и мотивация преступного поведения. Понятно, что любое обстоятельство может служить основанием для выбора конкретной меры пресечения. Однако в целом их наличие определяет особый подход при выборе меры пресечения. При проведении уголовного преследования в отношении женщины необходимо учитывать все обстоятельства и выбирать индивидуальный подход при выборе меры пресечения. [4, с.1].

Приемлемость такой меры пресечения для женщин, как содержание под стражей, всегда приводила к дискуссиям, которые в конечном итоге приводили к выводу о том, что эта мера пресечения должна применяться в исключительных случаях.

При задержании женщины необходимо учитывать возможные социально серьезные последствия, которые могут возникнуть во время ее содержания под стражей. Если женщина имеет несовершеннолетних детей, то лишение свободы их матери, даже на небольшой срок, приносит им вред.

Следует учитывать, что при задержании матери ребенок может оказаться на попечении чужих людей или может быть помещен в лечебное, либо в воспитательное учреждение, что, безусловно, отразится на психике ребенка. Мы исключаем случаи, когда речь идет о женщинах, совершающих противоправные деяния против своих детей.

Если женщина беременна, кратковременное задержание может повлиять на ее здоровье и здоровье не рожденного ребенка. Поэтому, решая вопрос о возможности задержания женщины, имеющей несовершеннолетних детей, или беременной женщины, следует исходить из возможности наступления негативных последствий не столько в отношении женщины, сколько в отношении ее детей.

Применение принудительных мер к женщинам с маленькими детьми или беременным женщинам возможно только в случаях совершения ими особо тяжких преступлений. В исключительных случаях эта мера может применяться к женщинам, совершившим тяжкие преступления, с учетом их личности. Если женщина

представляет особый социальный риск, то в отношении нее может рассматриваться вопрос о задержании за совершение тяжких преступлений.

Нецелесообразно применять предусмотренную меру к женщинам с несовершеннолетними детьми или беременным женщинам, совершившим преступления легкой или средней тяжести. Женщина, лишенная свободы, способности общаться с детьми, семьей, страдает физически и умственно, она страдает от множества других неудобств, связанных с жизнью и медицинским обслуживанием.

Мы считаем, что необходимо регулировать процедуру задержания для женщин, если она подозревается в совершении преступления. Задержание по подозрению женщины в совершении преступления, имеющей несовершеннолетних детей, должно применяться в исключительных случаях, при условии невозможности принятия иного решения.

В исключительных случаях содержание под стражей следует применять по подозрению в совершении преступления беременной женщины, при наличии заключения врача о возможности ее содержания в условиях изолятора временного содержания. Чтобы исключить психологическое воздействие на женщину, связанное с отсутствием безопасности в отношении ее детей, необходимо проинформировать женщину о местонахождении ее детей, прежде чем допрашивать в качестве подозреваемого. Допрос женщины подозреваемой, должен проводиться только с участием адвоката. Отказ от защиты не признается.

Решение о применении меры пресечения в отношении женщины должно быть неразрывно связано с решением о дальнейшей судьбе ее детей. По нашему мнению, сначала необходимо учитывать интересы детей малолетнего возраста, а затем оценивать целесообразность использования конкретной меры пресечения.

Поэтому необходимо изменить законодательство ДНР по данному вопросу, с целью улучшить условия содержания женщин, беременных женщин и женщин имеющих несовершеннолетних детей в местах содержания под стражей, а именно: создать улучшенные материально-бытовые условия, организовать оказание медицинской помощи соответствующего вида, установить повышенные нормы питания и вещевого обеспечения, не допускать ограничение продолжительности ежедневных прогулок беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малин П.М., Малина Е.А. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении некоторых категорий лиц // Общество и право. – 2003. С. 1-5.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 20.09.2018 г. (ред. по сост. на 08.10.2019).
3. Камардина А.А. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – С. 1-3.
4. Соловьева Н.А. Особенности избрания меры пресечения в отношении женщин // Власть. – 2009. – С. 1–3.

PECULIARITIES OF APPLYING THE PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF CONCLUSION UNDER GUARDING TO A SEPARATE CATEGORY OF PERSON

Annotation. This paper discusses the features of applying a preventive measure, such as detention, to a particular category of persons. The main reasons were identified for classifying individuals as a separate category to which this preventive measure can be applied, and their features.

Keywords: juvenile, preventive measure, detention.

Shumailova J.

Scientific adviser: Manivlets E., Candidate of law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: julia_sh2000@bk.ru

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ЛИЦА КАК ОБЪЕКТ ТОРГОВЛИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

Щедрина Д.С.

*Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.э.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Проведен анализ распространенных способов торговли и эксплуатации несовершеннолетних, рассмотрены законы Донецкой Народной Республики, устанавливающие ответственность за торговлю детьми, приведены статистические данные преступлений связанных с продажей и эксплуатацией людей, предложены ряд мер по реабилитации детей, в отношении которых совершено преступление предусмотренных статьей 129 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: торговля людьми, несовершеннолетние, торговля детьми, сексуальная эксплуатация, использование детского труда.

Свобода человека является самой главной ценностью в современном мире. Согласно ст. 15 Конституции Донецкой Народной Республики гласит, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность [1]. Актуальность статьи заключается в том, что серьезной социальной проблемой в современном мире является, такое преступление, как торговля людьми, чаще всего жертвами данного преступления становятся молодые женщины и дети. Несовершеннолетние лица в виду того, что являются менее защищенными, чем взрослые становятся жертвами торговли и эксплуатации и сталкиваются со злоупотребление власти в отношении себя, а в силу своего малолетнего возраста не могут защитить себя или попросить помощи.

Торговля людьми, в частности детьми в странах СНГ носит невообразимые масштабы, ни полиция, ни правозащитные организации не могут привести точных данных, сколько детей продается на территории страны и какое их количество вывозится за пределы страны для продажи. Основными причинами продажи детей является низкий уровень жизни населения, кризис института семьи, спрос на дешевый труд, трудные жизненные ситуации, когда ребенок не имеет документов или постоянного места жительства, либо постоянно подвергается насилию в семье, а также недостаточная правовая урегулированность вопроса связанного с защитой прав детей.

Организации Объединенных Наций приводит данные в соответствии, с которыми жертвами торговли людьми ежегодно становятся 700 тысяч женщин, детей и мужчин. Торговля людьми имеет характер организованной транснациональной преступности и по своей прибыльности не уступает наркоторговле и сбыту оружия, около шестидесяти миллионов долларов США составляет ежегодная прибыль от торговли людьми в современном мире [2].

Согласно статье 129 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики под торговлей людьми понимается: «купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение» [3]. Статья 2 Факультативного протокола к Конвенции по правам ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии содержит, следующие определения: «Торговля детьми означает любой акт или сделку, посредством которых ребенок передается любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или иное любое возмещение» [4].

В целом, детей, как объектов торговли людьми можно разделить на три возрастные группы:

1. К первой группе относят малолетние дети, младенцы. Данную категорию детей чаще всего продают с целью дальнейшего усыновления.

2. Ко второй группе чаще всего относятся дети, не достигшие половой зрелости, которые используют для попрошайничества или в качестве прислуги.

3. К третьей группе относят девочек подростков и мальчиков от 15 до 17 лет, которых чаще всего продают с целью дальнейшей сексуальной эксплуатации.

Выделяют основные формы, в которых проявляет себя торговля несовершеннолетними:

1. Торговля несовершеннолетними с целью коммерческой сексуальной эксплуатации (для организации детской проституции, для производства порнографии).

2. Торговля несовершеннолетними с целью эксплуатации их труда, в том числе детский труд в сфере производства и услуг (мытьё машин, работа в сельском хозяйстве, детский труд в домашнем хозяйстве и другое).

3. Торговля несовершеннолетними с целью попрошайничества.

4. Торговля несовершеннолетними для трансплантации органов и тканей.

5. Торговля несовершеннолетними с целью незаконного усыновления или удочерения.

Торговля детьми в целях секс эксплуатации является, самым тяжким преступлением в отношении несовершеннолетних детей. «В последнее время мальчиков, занимающихся проституцией, стало заметно больше, а девочки и девушки (подростки) значительно чаще подвергаются насильственным преступлениям сексуального характера», – подчеркивают Эксперты Социологического института РАН в Петербурге [5].

Также одной из основных причин торговли детьми в России, связана с ростом на секс услуги и порно индустрию с участием детей, возраст которых постоянно снижается. Так в России сотрудниками полиции были задержаны трое жителей Киевской области, которые снимали порно в котором участвовали девочки от 8 лет, а чуть позже сотрудниками правоохранительных органов была закрыта порно студия в Красноярске, где также в качестве актеров выступали дети.

Для того чтобы несовершеннолетний легче выполнял и принимал действия сексуального характера в отношении себя, детей не редко побуждают к употреблению алкогольных, наркотических и психотропных веществ. Это делается с целью того, что при алкогольном, наркотическом опьянении психическое состояние ребенка существенно изменяется, в последствии чего несовершеннолетнее лицо теряет способность к осознанно происходящего и не может контролировать свое поведение. Систематическое употребление алкогольных и наркотических веществ, приводит к тому, что у детей появляется зависимость, что повышает риск развития заболеваний и в последствии смерти детей.

Следующей формой эксплуатации является продажа детей с целью использования детского труда. Детским трудом считается труд, если работают дети, не достигшие установленного законом минимального возраста для приема на работу. Согласно Конвенции 1999 года о наихудших формах детского труда, опасной является: «работа, которая по своему характеру или условиям, в которых она выполняется, может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей» [6].

На данный момент в мире, по данным правозащитных организаций, проданные дети часто работают в сельском хозяйстве. Выявить случаи эксплуатации детского труда очень сложно потому, что оно крайне латентно. Детская психика неокрепшая связи, с чем ребенок попадает в психологическую зависимость от своего «хозяина». Часто это происходит с беспризорными или безнадзорными детьми, ребенок, которого стали одевать и кормить, испытывает благодарность и за это он готов работать и приносить доход.

В соответствии с Конвенцией МОТ о минимальном возрасте для приема на работу дети до 15 лет, а в некоторых странах и до 14 лет, не должны заниматься

постоянной работой. А дети до 13 лет, в некоторых странах до 12 лет не должны выполнять даже легкую работу [7]. Торговля детьми, не достигшими возраста установленного данной Конвенцией, считается наихудшей формой детского труда, потому что дети, ставшие жертвами такой торговли, особенно уязвимы. Любая эксплуатация детей, связанная с их торговлей, является наихудшей формой детского труда, необходимо принять меры по избавлению детей от подобных ситуаций, предоставлять им помощь для восстановления безопасной жизни, а также провести ряд мероприятий для дальнейшего предотвращения подобных действий в отношении таких детей [8]. Наиболее уязвимыми дети, в отношении которых было совершено преступления считаются потому, что они находятся вдали от дома, оторваны от родных, либо находятся в чужой стране или регионе, не имеют никаких денежных средств для того, чтобы вернуться домой, не зная местного языка и не имеют возможность получить помощь. Находясь в изоляции, дети обычно сталкиваются со злоупотребления властью в отношении себя, проданные дети находятся в полной зависимости от лиц которые полностью контролирующих их жизнь. Поэтому очень часто дети подвергаются риску сексуальной агрессии со стороны работодателя или других лиц, а также голода, избиения и других форм насилия и издевательства.

Следующей формой эксплуатации является торговля детьми, которых используют в попрошайничестве, а также в распространении наркотиков, воровстве, продаже краденого имущества. По данным журналистов в России дети-нищенки в возрасте 6-12 лет приносят самый большой доход своим хозяевам до 5000 рублей ежедневно, так же детям до 14 лет не грозит преследование со стороны полиции, чем и пользуются торговцы. [9].

На сегодняшний день по данным журналистского расследования выявлено, что даже младенцы могут оказаться проданными, и эксплуатируются женщинами-попрошайками для заработка денег. Такие дети, как правило, являются украденными, при этом младенцев, часто накачивают лекарствами, для того чтобы не кричали. В соответствии с принятыми правилами, если ребенок умирает попрошайка должна отработать время и только после этого ребенка выбрасывают. Отобрать такого ребенка полиция не в силах даже, если его внешние данные однозначно указывают на то, что ребенок ранее был украден, что является проблемой современного законодательства, нарушающие права детей. Например, рабское положение ребенка славянской внешности у цыганки, занимающейся попрошайничеством, невозможно доказать, если в ее паспорте вписаны дети подходящего возраста [10].

Первые три формы эксплуатации и торговли детьми являются наиболее массовыми, а механизмы такой эксплуатации встраиваются в нормальные экономические и социальные практики и существуют в социуме практически открыто.

Так как несовершеннолетние являются категорией лиц менее защищенной от посягательств на свои права и свободы, а также, менее защищенным слоем населения в отношении которых, чаще всего совершается такое преступление как торговля и эксплуатация, необходимо разработать ряд мер для предотвращения преступления в отношении таких лиц и обеспечить безопасность и благополучия для тех детей, в отношении которых уже было совершено данное преступление.

В международном праве на государство в области прав человека налагает важные и дополнительные обязанности, когда речь идет о выявлении детей, которые стали жертвами торговли людьми, а также об обеспечении их безопасности и благополучия. Основные правила вытекают из Конвенции о правах ребенка, согласно данной конвенции на первом месте всегда должно стоять наилучшее обеспечение интересов ребенка [11]. Государствам необходимо отдавать приоритет наилучшему обеспечению интересов ребенка, оказавшегося жертвой торговли людьми, над другими задачами, таким как регулирование иммиграции или поддержание общественного порядка.

Поскольку Конвенция распространяется на всех детей, которые находящиеся под юрисдикцией или контролем государства, дети, не являющиеся его гражданами и оказавшиеся жертвами торговли людьми, имеют право на такую же защиту, что и его граждане, во всех случаях, в том числе на защиту их частной жизни и физической и моральной неприкосновенности [12].

Таким образом, в Донецкой Народной Республики необходимо разработать ряд мер социальной реабилитации детей, в отношении которых было совершено преступление предусмотренных ст.129 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики.

К таким мерам необходимо отнести:

1. Психолого-медицинские – улучшение психологического состояния ребенка, поднятие его самооценки, прохождение медицинского осмотра, а также работа психолога с ребенком.

2. Социально- правовые – если потерпевшего планируют возвращать в семью или учреждение, которое будет осуществлять в отношении него функции опекуна, необходимо убедиться в том, что ребенок будет находиться в безопасности, а также убедиться в отсутствии вовлеченности в криминальную деятельность лиц, которым будет передан ребенок и отсутствия насилия в семье.

3. Экономико-трудоустройство – к таким мерам можно отнести наличие жилья, место учебы, работы лицам, достигшим 16 лет (по желанию лица), а также дальнейшего трудоустройства после окончания обучения.

Вышеперечисленные меры позволят создать в Донецкой Народной Республики механизм реабилитации жертв, которые пострадали от рук торговцев людьми. Даст возможность пострадавшим влиться в общество и чувствовать себя в безопасности. Поддержка государства будет играть решающую роль в обеспечении безопасности, и являть гарантом соблюдения прав таких детей. Дети в силу возраста и слабой психологической защиты травмируются намного сильнее, чем взрослые. Восстановление таких детей происходит намного тяжелее, и существует вероятность того, что до конца детская психика так и не восстановится. Даже если на первый взгляд, кажется, что ребенок смог пережить травмирующее событие, мы не можем знать, как это отразится в будущем, когда становление его личности уже пройдет. А также необходимо устранить недостатки и пробелы в законодательстве Донецкой Народной Республики в отношении прав ребенка и защиты от противоправных посягательств на свободу и личную неприкосновенность ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014// Официальный сайт Народного совета Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu.ru/konstitutsiya/> (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.
2. Осторожно торговля людьми. Как не стать ее жертвой// МВД России 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvd.ru/upload/site1/oper_up/booklet_trafficking_web_1.pdf (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.
3. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014// Официальный сайт Народного совета Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.
4. Факультативный протокол к Конвенции по правам ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25. 05.2000// Организация Объединенных Наций. Декларации и конвенции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.
5. Дворкин А.И. Настольная книга следователя: Расследование преступлений против личности.- Экзамен, 2007.-123с.
6. Конвенция «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» от 01.06.1999// Организация Объединенных Наций. Декларации и конвенции [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.

7. Конвенция МОТ «О минимальном возрасте для приема на работу» от 26.06.1973// Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900875> (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.

8. Учебное пособие по борьбе с торговлей детьми в целях трудовой, сексуальной и других форм эксплуатации – 2012- С. 18

9. «Аргументы и Фаты Москва» №8 25.02.2004 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aif.ru/archive/1715729> (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.

10. Е.В. Тюрюкановой. Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме // Москва.- 2006. С. 58

11. Конвенция «О правах ребенка» 20.11.1989// Организация Объединенных Наций. Декларации и конвенции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 04.02.2020) – Загл. с экрана.

12. Организация Объединённых Наций. Права человека и торговля людьми// Нью-Йорк и Женева. – 2014. – С. 9.

A MINOR AS AN OBJECT OF TRAFFICKING AND EXPLOITATION

Annotation. The analysis of common methods of trafficking and exploitation of minors is carried out, the laws of the Donetsk people's Republic that establish responsibility for trafficking in children are considered, and a number of measures for the rehabilitation of children who have committed a crime under article 129 of the Criminal code of the Donetsk people's Republic are proposed.

Keywords: human trafficking, minors, child trafficking, children, sexual exploitation, use of child labor, adoption of minors, begging, children's rights.

Shchedrina D.

Scientific adviser: Manivlets E., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: d.shedrina@gmail.com

УДК 336.22

О ПРОЦЕДУРЕ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Щекланова К.Э.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье показаны особенности правового регулирования процедуры обжалований действий должностных лиц в законодательстве Российской Федерации и Донецкой Народной Республике. Определены особенности правового статуса. Обоснована необходимость совершенствования правового регулирования процедуры обжалования действий должностных лиц в налоговом законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: обжалование, процедуры, правовое регулирование, должностные лица, органы государственной власти

Закрепление на уровне конституционных норм права на обжалование действий и решений органов государственной власти способствует укреплению демократических принципов, повышению гарантий защиты прав и свобод граждан. При таких обстоятельствах государство берет на себя обязанность обеспечить права граждан юридическими, экономическими, социальными и другими гарантиями.

Стабильность этих отношений, предупреждения и разрешения конфликтов в налоговой сфере является основой развития экономики страны. Следует отметить, что отдельные аспекты исследуемой проблемы в своих трудах затрагивали такие авторы, как Н.В.Кикабидзе, В.А. Парыгина, Е.М.Сынкова и др..

Цель статьи – всесторонний анализ права граждан на обжалование действий должностных лиц. Содержание права на обжалование тесно связано с обязанностью обеспечивать реализацию этого права. Однако, в Конституции ДНР право обжалования выражено в обобщенной форме – без конкретизации предмета, порядка и способов действий субъектов. Конкретные механизмы реализации права на обжалование должны быть определены нормами законодательства, которое должно обеспечить практическую реализацию конституционной нормы. В нормах налогового права такие механизмы определены не достаточно четко [1].

Важным признаком права на обжалование решений является тот факт, что оно выступает не просто как закрепленное в законодательстве субъективное право, а как действенная правовая гарантия защиты других прав и законных интересов. В частности, права собственности налогоплательщика, гарантированного в Конституции ДНР. Ведь неправомерные действия или решения органов налоговой службы могут нарушать это право – характерным признаком налога является переход права собственности на часть средств из собственности плательщика в собственность государства. В том случае, когда налоговый орган определяет обязательство плательщика оплатить определенную сумму средств в бюджет вопреки нормам законодательства, это является прямым посягательством на право собственности плательщика налога, а право на обжалование неправомерных действий и решений налоговых органов – это одна из основных гарантий защиты нарушенного права. Так же неправомерные действия или решения органов налоговой службы существенно ограничивают определенное в Конституции ДНР право на не запрещенную законом предпринимательскую деятельность.

Как справедливо утверждают ученые, право на обжалование действий и решений органов налоговой службы является абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым правом налогоплательщика. Для его реализации не нужно получение чьего-то согласия или издание любых актов управления [2].

Трудно не согласиться с тем, что эффективность защиты прав налогоплательщиков путем обжалования решений органов государственной налоговой службы зависит как от действий самого налогоплательщика, так и от правоприменительной деятельности налоговых органов, их должностных лиц, от принятия ими соответствующих решений. Процедура административного обжалования призвана обеспечить максимально быструю и полную реализацию права плательщика на обжалование решений органов налоговой службы, а ее осуществление следует рассматривать как одно из направлений развития юридических гарантий защиты прав налогоплательщиков.

Субъектом права на обжалование действий и решений органов государственной налоговой службы является непосредственно сам налогоплательщик, который подает жалобу лично или через уполномоченного представителя [3].

По нашему мнению, действующее налоговое законодательство, определяя субъектный состав лиц, которые имеют право на обжалование решений органов налоговой службы в административном порядке (ограничивая его исключительно налогоплательщиками), не учитывают и не обеспечивают право и охраняемые законом интересы других субъектов налоговых правоотношений, в частности, налоговых агентов и лиц, которые способствуют уплате налогов. В то же время некоторые нормы налогового законодательства предусматривает юридическую ответственность именно указанных субъектов.

Процедура административного обжалования решений органов налоговой службы должна базироваться на определенных принципах. Частично общие принципы сформулированы в нормативных актах, регулирующих правоотношения между налогоплательщиками и налоговыми органами [4].

Мы разделяем точку зрения, что основополагающим принципом обжалования решений налоговых органов в административном порядке является принцип законности. Он обеспечивает безусловное и точное выполнение и применение законов и других правовых актов, норм налогового законодательства.

Чрезвычайно большое значение имеет принцип публичности. Одно из его проявлений – возложение на соответствующий государственный орган полномочий вести производство по делу за счет государства, обеспечивать сторонам беспрепятственное пользование процессуальными правами и исполнять соответствующие обязанности. Этот принцип тесно переплетается с принципом гласности. В сфере реализации и защиты прав налогоплательщиков гласность является одним из основных условий обеспечения социальной справедливости. Гласность проявляется в открытом характере процедуры административного обжалования, в гарантированной возможности знакомиться с материалами дела. Реализация этого принципа, в свою очередь, предусматривает нормативное установление исключений, в частности, относительно вопросов, которые составляют государственную или коммерческую тайну.

С этими принципами в тесной взаимосвязи находится принцип материальной истины. Он выражается в обязанности органа Государственной налоговой службы во время рассмотрения жалобы налогоплательщика установить в процессе выяснения обстоятельств материальную истину, то есть настоящее состояние дел, и с этой целью изучить доказательства, от которых зависит принятие законного и обоснованного решения.

К общим принципам можно отнести принцип экономичности процесса, согласно которому орган Государственной налоговой службы должен рассмотреть жалобу налогоплательщика быстро, без задержек и промедлений, с максимально возможными меньшими расходами и затратами времени. Этому способствуют установленное законом ограничение срока рассмотрения жалобы.

Однако принцип экономичности не должен препятствовать полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела.

Правовое регулирование порядка обжалования плательщиками налогов решений органов государственной налоговой службы имеет большое значение. От того, насколько четко он регламентирован в законодательстве и применяется на практике, зависит способность налогоплательщика действительно реализовывать свое право на обжалование неправомερных решений налоговых органов и действий их должностных лиц, добиваться защиты и восстановления нарушенных прав.

Некоторыми авторами недооценивается значение процедуры административного обжалования и роль структурных подразделений органов налоговой службы, уполномоченных рассматривать жалобы налогоплательщиков в административном порядке. Исследование нормативных актов, которыми регулируется деятельность управления апелляций, дает основания сделать вывод о том, что в этот период указанные подразделения, ввиду их правовой природы, практически не могут, в полном понимании этого понятия, осуществлять защиту прав и законных интересов налогоплательщиков. Их реальной компетенцией фактически является досудебная оценка налоговых конфликтов.

С другой стороны, нельзя однозначно утверждать, что налогоплательщики, которые имеют сомнения относительно правомерности примененных к ним налоговыми органами финансовых санкций или административных взысканий, должны обращаться в первую очередь в отделы апелляций, где их жалобы будут обязательно объективно рассмотрены. Действующая процедура административного обжалования решений органов налоговой службы, наряду с позитивными чертами, имеет существенные недостатки, как правового регулирования, так и практического применения.

Негативно влияют на защиту прав налогоплательщиков нарушения, которые имеют место во время рассмотрения их жалоб из-за недобросовестного отношения должностных лиц к выполнению долга по соблюдению прав налогоплательщиков.

Ликвидация этих причин связана главным образом с повышением эффективности института юридической ответственности.

Кроме того, не способствует быстрой защите нарушенных прав установленное нормой закона правило, в соответствии с которым руководитель налогового органа, который рассматривает жалобу налогоплательщика, имеет право продлить срок рассмотрения жалобы. Применение указанного максимального срока на практике часто приводит к затягиванию сроков рассмотрения жалобы. Можно заметить, что интересы плательщика налога от этого не могут пострадать, ввиду несогласованности суммы налогового обязательства вплоть до окончания процедуры апелляционного согласования. Однако, как в интересах налогоплательщика, так и в интересах государства, нормы налогового права должны обеспечить быструю и эффективную защиту нарушенных прав, а не порождать волокиту.

Одним из самых существенных недостатков процедуры рассмотрения жалоб налогоплательщиков в административном порядке является, по мнению многих авторов, недостаточный уровень объективности органов налоговой службы при принятии решений по результатам рассмотрения жалоб, что вызвано ведомственным влиянием на должностные лица, уполномоченных рассматривать такие жалобы, их подчиненностью руководящим должностным лицам, которые решают в первую очередь фискальные задачи. Орган налоговой службы, в целом, и его должностные лица, в частности, заинтересованы в недопущении или в значительном ограничении количества отмененных решений по результатам процедуры административного обжалования, поскольку отмена решений, во-первых, негативно влияет на показатели налогового органа относительно доначисленных по результатам документальных проверок налогов и сборов (обязательных платежей) и примененных штрафных санкций, а во-вторых, влечет за собой, как правило, привлечение к дисциплинарной ответственности должностных лиц, виновных в принятии незаконного решения. Поэтому, учитывая указанные факторы, при принятии решений по результатам рассмотрения жалоб налогоплательщиков в административном порядке во многих случаях не придерживается принцип объективности, не применяется правило о конфликте интересов («все сомнения - в интересах налогоплательщика»), и даже если имеет место спорная, неоднозначная ситуация, жалоба налогоплательщика может остаться без удовлетворения.

Защита прав и законных интересов налогоплательщиков – это обязанность государства, которая вытекает из принципов, определенных в Конституции РФ. Механизм защиты прав налогоплательщиков должен базироваться на авторитете государства, его возможностях применять меры государственного принуждения к нарушителям таких прав с целью прекратить противоправные действия, возобновить нарушенное право. Государство может обеспечить выполнение своего долга по защите прав налогоплательщиков через государственные органы, которые уполномочены представлять государство в налоговых правоотношениях. Решение уполномоченного государственного органа должно носить обязательный характер, а действующая система административного управления фактически исключает обязательный характер решений органов, сформированных из числа негосударственных институций.

Необходимо постоянно совершенствовать систему административного обжалования решений и действий налоговых органов, процедуру рассмотрения жалоб налогоплательщиков уполномоченными государственными органами, обеспечив при этом законность, полноту и объективность рассмотрения жалоб.

Для расширения и повышения эффективности защиты прав налогоплательщиков необходимо существование как эффективной системы административного рассмотрения жалоб налогоплательщиков уполномоченными органами государственной исполнительной власти, так и судебного рассмотрения жалоб налогоплательщиков как наиболее важного инструмента защиты их прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон ДНР «О налоговой системе». Принят Постановлением Народного Совета ДНР 25 декабря 2015 г. URL: <http://dnr-live.ru/zakon-dnr-o-nalогоvoy-sisteme/> (Дата обращения 23.02.20) Бахарева Т. В., Докальская В. К. Налоговый контроль как основной элемент системы налогового администрирования [Текст] / Т.В. Бахарева, К.В. Докальская // Молодой ученый. – 2015. – №24. – 380с.
2. Лихачев С.В., Коробейникова К.В. Порядок привлечения работников к дисциплинарному взысканию в виде увольнения // В сборнике: Актуальные проблемы административного, финансового и трудового права сборник научных статей по итогам работы круглого стола. Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – С. 14-19.
3. Шейбас А.Д., Сынкova Е.М. Некоторые особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих Российской Федерации // В сборнике: Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. под общей редакцией С.В. Беспаловой. 2017. С. 330-332.
4. Коробейникова К.В. О правовом режиме конфиденциальной информации // В сборнике: Информационные технологии и системы в области документоведения и архивоведения Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2019 С.
5. Коробейникова К.В. Защита конфиденциальной информации в эдо и архивном хранении // Защита информации. Инсайд. 2019. № 4 (88). С. 4-7.

ON PROCEDURE OF APPEAL OF ACTIONS OF PUBLIC SERVANTS

Annotation. In the article the features of the legal adjusting of procedure of appeals of actions of public servants are rotined in the legislation of Russian Federation and Donetsk Folk Republic. The features of legal status are certain . The necessity of perfection of the legal adjusting of procedure of appeal of actions of public servants is grounded for the tax legislation of Donetsk Folk Republic.

Keywords: appeal, procedures, legal adjusting, public servants, public authorities

Scheklanova K.

Scientific adviser: Tsiba E., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: admfinpr@mail.ru

УДК 331.5-053.6

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Щипунова М.Н.

*Научный руководитель: Асеева Н.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается государственное стимулирование инвестиционной деятельности. Выявлены основные причины несовершенство законодательства в данной области не позволяющее в полной мере использовать предоставленные государством преференции и предложены способы решение данной проблемы с использованием научных методов являющихся необходимым элементом государственной политики.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиции, государственное стимулирование инвестиционной деятельности, налоговые льготы.

Основой современной рыночной экономики отдельных стран и мировой экономики в целом являются отношения, связанные с инвестированием в производство материальных и духовных ценностей. В процессе политических, экономических и социальных реформ, направленных на создание условий для устойчивого

экономического роста, ведущее место отводится инвестициям и инвестиционной деятельности.

В Донецкой Народной Республики в настоящее время законодательство об инвестиционной деятельности, находится в стадии разработки, поэтому целесообразно рассмотреть государственное стимулирование инвестиционной деятельности на примере Украины и Российской Федерации.

Так в соответствии с Законом Украины от 19 ноября 1991 года № 1560-ХІІ «Об инвестиционной деятельности» инвестициями признаются все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, которые инвестируются в объекты предпринимательской и иной деятельности, в результате чего создается прибыль (доход) или достигается социальный эффект.

Инвестиционная деятельность – это инвестирование и осуществление практических действий с целью получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Сфера инвестиционной деятельности не ограничивается бизнес-проектами, а ее результатом является только прибыль. Объектами инвестиций являются также организации социальной инфраструктуры региона – образования, науки, здравоохранения, культуры. [1, с. 53]

Основной задачей государственного регулирования инвестиционной деятельности является развитие экономической системы, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций, необходимых для модернизации и инновационного обновления экономики. Как показывает практика, наибольший успех достигается тогда, когда регулирование инвестиционной деятельности носит целенаправленный характер и является частью общей стратегии экономического развития. Это создает благоприятные условия для инвесторов, осуществляющих инвестиционную деятельность в наиболее важных для удовлетворения общественных потребностей направлениях, прежде всего в социальной сфере, техническом и технологическом совершенствовании производства, создании новых рабочих мест для граждан, нуждающихся в социальной защите, реализации открытий и изобретений в аграрном секторе, в реализации программ ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в производстве строительных материалов, в сфере образования, культуры, охраны культурного наследия, таким образом, формируется государственная инвестиционная политика, которая предусматривает создание реальных возможностей и условий для инвестирования, а также активное участие государства на инвестиционном рынке.

Государственное регулирование инвестиционной деятельности включает государственное управление инвестициями, а также регулирование условий инвестиционной деятельности и контроль за ее осуществлением всеми инвесторами и участниками инвестиционной деятельности. Традиционно существует две формы государственного стимулирования инвестиционной деятельности: прямая и косвенная. [2, с. 100].

Прямая форма заключается в прямом государственном финансировании инвестиционных программ и проектов, косвенная – в стимулировании частных инвестиций путем создания благоприятных условий в инвестиционном климате, в частности посредством налоговых льгот и государственных гарантий для рискованных инвестиций. Обе формы государственного финансового стимулирования инвестиционной деятельности используются во всех развитых странах, и соотношение между ними постоянно меняется в зависимости от целей и задач государства.

Косвенная форма оказывает влияние на повышение общего уровня инвестиционной активности частного сектора через формирование благоприятного инвестиционного климата. Такая форма способствует успешной реализации частных инвестиционных проектов и программ.

Одним из наиболее эффективных инструментов создания благоприятного инвестиционного климата является налоговая система, которая определяет уровень и структуру налоговой нагрузки. При этом стимулирующая функция налогов реализуется через систему налоговых льгот и преференций. Согласно действующему законодательству, существуют следующие методы налогового стимулирования инвестиционной деятельности [3, с. 1]:

- ускоренная амортизация основных средств, амортизационная премия для целей налогообложения прибыли;
- снижение ставки налога на прибыль, полученную от реализации инвестиционных проектов субъектами хозяйствования, реализующими инвестиционные проекты в приоритетных отраслях экономики;
- совершенствование порядка возмещения налога на добавленную стоимость путем введения автоматического возврата НДС;
- льготы по корпоративному подоходному налогу;
- налоговая льгота;

Одним из наиболее важных и эффективных инструментов стимулирования инвестиций является снижение ставки подоходного налога или освобождение от нее. Однако не все регионы готовы предложить такую налоговую льготу, особенно в регионах с низкой бюджетной обеспеченностью.

Так, от налогообложения по законодательству Украины освобождается:

1. Прибыль производителей биотоплива от продажи биотоплива.
2. Прибыль предприятий, полученная ими от хозяйственной деятельности по добыче и использованию газа (метана).
3. Угольные месторождения, прибыль, полученная от предоставления гостиничных услуг в пятизвездочных, четырехзвездочных и трехзвездочных отелях.
4. Прибыль, полученная от основной деятельности предприятий легкой промышленности, за исключением предприятий, производящих продукцию на толлинговом сырье.
5. Прибыль, получаемая от основной деятельности электроэнергетических компаний, вырабатывающих электроэнергию исключительно из возобновляемых источников энергии.
6. Прибыль, полученная от основной деятельности предприятий судостроительной отрасли.
7. Прибыль предприятий авиационной промышленности, полученная от основной деятельности, прибыль машиностроительных предприятий для агропромышленного комплекса.

А в Российской Федерации льготы по НДС наиболее интересны с точки зрения эффективности. В соответствии с пп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ освобождается от уплаты НДС реализация исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для электронных вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности по лицензионному договору.

Поэтому налоговые льготы и преференции оказывают определенное влияние на стимулирование инвестиционной деятельности организации. Следует отметить, что механизм практической реализации тех или иных налоговых льгот и преференций имеет ряд недостатков. Поэтому для того, чтобы эффективно стимулировать инвестиционную активность организации, необходимо устранить эти недостатки. Сегодня основной задачей повышения эффективности налоговых льгот и полной реализации потенциала их применения для инвестирования является применение научных принципов разработки и предоставления налоговых льгот [4, с. 68].

Во-первых, чрезмерное количество налоговых льгот может привести только к снижению налоговых поступлений в бюджеты и затруднению их проверки. С учетом наиболее эффективных налоговых льгот, с учетом мировой практики и российской специфики, это снижение ставки налога на прибыль, ускоренная амортизация, освобождение от уплаты инвестиционного налога, освобождение от уплаты налога на имущество.

Во-вторых, при разработке и включении налоговых льгот в налоговое законодательство важно руководствоваться принципом «выбора точки роста». Этот принцип включает в себя выбор наиболее приоритетных направлений экономического развития, и для каждого направления должны быть разработаны соответствующие налоговые льготы. Практика показывает, что наиболее эффективными стимулами являются целевые стимулы для конкретных инвестиционных проектов, отвечающих целям развития конкретных отраслей экономики или отдельных регионов.

В-третьих, налоговые льготы не должны предоставляться на неопределенный срок. Если цели развития определенной территории за счет применения стимулирующей налоговой льготы достигнуты, то налоговая льгота должна быть ликвидирована, если не расширена.

В-четвертых, важно соблюдать принцип адресных налоговых льгот. Обязательным условием предоставления налоговых льгот является предоставление налогоплательщиком отчета об использовании высвобожденных средств и о показателях, достигнутых в ходе реализации инвестиционного проекта. Например, в Российской Федерации специфика политики налогового стимулирования определяется федеральным устройством, что требует разработки принципов разграничения полномочий органов власти различных уровней в области установления льгот. Практика показывает, что налоговые льготы предоставляются в основном федеральным центром. В то же время федеральные власти имеют право устанавливать льготы не только по федеральным налогам, но и по налогам других уровней. Это может негативно сказаться на доходах региональных и местных бюджетов при отсутствии механизмов контроля за направлением использования представленных преимуществ, а также может обострить проблему их эффективного использования. Поэтому эффективная инвестиционная политика может быть реализована только в том случае, если меры регулирования инвестиционной деятельности дифференцированы не только на федеральном уровне, но и на региональном.

В последнее время возросла роль регионального уровня в политике налогового стимулирования инвестиционной деятельности. Эти явления можно считать положительными. Поэтому налоговые льготы и преференции оказывают определенное влияние на стимулирование инвестиционной деятельности. Во многом использование налоговых инструментов для стимулирования инвестиционных процессов заимствовано из зарубежной практики. Следует отметить, что существует ряд недостатков в механизме практической реализации тех или иных налоговых льгот и преференций. Поэтому для того, чтобы более эффективно стимулировать инвестиционную деятельность, необходимо на законодательном уровне целевые льготы, то есть для конкретных инвестиционных проектов. Также должен осуществляться постоянный контроль предоставленных государством стимулов, для устранения возможности злоупотребления правом субъектами инвестиционной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Э.С. Аллахярова, Г.А. Иванова, Ю.С. Нанакина. Особенности государственного регулирования и стимулирования инвестиционной деятельности в зарубежной и отечественной практике//Синергия.- 2017.-№2.- С.52-64.

2. В.В.Тараканов, А.А.Калашников. Механизм финансового стимулирования инвестиционной деятельности//Вестник Волгоградского государственного университета.-2016.-№1(34)
3. Министерство доходов и сборов Украины. Стимулирование инвестиционной деятельности, предусмотренное Налоговым кодексом Украины// Главное управление Миндоходов в Одесской области.- 2013.-С.1-4.
4. М.Н.Рустамзаде. Проблемы налогового стимулирования инвестиционной деятельности в России// Проблемы современной науки и образования.- 2017.-С.66-69.

PROBLEMS OF STATE INCENTIVES FOR INVESTMENT ACTIVITY

Annotation. This paper discusses government incentives for investment activity. The main reasons for the imperfection of legislation in this area, which does not allow the full use of the preferences provided by the state, are identified, and ways to solve this problem using scientific methods, which are a necessary element of state policy, are proposed..

Keywords: investment activities, investments, state incentives for investment activities, tax incentives.

Shipunova M.

Scientific Director: Aseeva N., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: illonna@yandex.ua

УДК 347.91/95

К ВОПРОСУ О НЕПРЕРЫВНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Якубенко Б.А.

*Научный руководитель: Ковалёв И.П., к.ю.н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматривается принцип непрерывности судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве. Анализируются предпосылки его возникновения, исторического развития и становления, сущность данного принципа и его практическое применение, а также внутреннее противоречие данного принципа с реалиями гражданского судопроизводства. Кроме того, обозначается место принципа непрерывности судебного разбирательства в правовой действительности Донецкой Народной Республики, Российской Федерации и Украины. В работе использованы исторический, логико-юридический, сравнительно-правовой, а также формально-логический методы.

Ключевые слова: непрерывность судебного разбирательства, гражданское судопроизводство.

Судебное разбирательство – это центральная стадия всего гражданского процесса, имеющая своей целью правильное, законное, справедливое и своевременное рассмотрение и разрешение дела по существу как главную задачу осуществления правосудия в целом. В данной стадии суд должен учитывать множество принципов гражданского процессуального права, в частности принцип непрерывности судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве. В широком смысле, принцип непрерывности судебного разбирательства означает необходимость суда осуществлять судебное разбирательство гражданских дел непрерывно, за исключением времени, предназначенного для отдыха. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его слушания суд не имеет права рассматривать другие дела, поскольку это может привести к неправильной оценке исследованных материалов дела и постановлению ошибочного судебного решения. Законодатель обосновывал необходимость существования принципа непрерывности в гражданском и уголовном судопроизводстве тем, что такой принцип должен был содействовать целостному восприятию судом, который осуществляет судебное разбирательство, всех обстоятельств гражданского и уголовного производства.

По задумке законодателя принцип играл ключевую роль для надлежащей оценки судом доказательств и принятия законного и объективного решения по делу. При этом, если в перерыве суд рассматривал другие гражданские, уголовные дела или дела об административных правонарушениях, рассмотрение данного гражданского дела начиналось сначала. Это правило именовалось принципом непрерывности судебного разбирательства и помещалось в ст. 160 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, а до этого – в ст. 35 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 года, однако принцип был изъят из обоих нормативно-правовых актов и сохранился только как теоретический принцип, не имеющий законодательного закрепления [1], [2, с. 56]. Однако некоторые практики считают, что такое исключение принципа было необоснованным и рекомендуют судам продолжать придерживаться определенной этим принципом парадигмы судопроизводства. Также во многих учебных и научно-практических пособиях этот принцип сохранился. О причинах такого исключения и дуализме мнений касательно непрерывности судебного разбирательства далее.

Прежде чем рассматривать противоречия и спорные моменты в сущности такого принципа, необходимо проследить его исторический путь в праве Древнерусского Государства, Российской Империи, Союза Советских Социалистических Республик, Российской Федерации, Украины и Донецкой Народной Республики. Впервые принцип непрерывности судебного разбирательства появляется в Псковской судной грамоте 1462 года в следующем виде: «Посаднику аль новому посаднику аль волостителю: как начал дело так и кончить его должно и повелевается, для отвращения волокиты токмо ненужной да скорейшего дела венца» [3, с. 108]. Таким образом, в древнерусском государстве уже существовал такой принцип, а непрерывности способствовал казуистический характер права, самостоятельное начало производства по делу и альтернативные способы защиты права (судебный поединок, испытание огнем и водой, и т. д.). Здесь наблюдается исключительная формализованность гражданского процесса, являющая собой рецепцию римского частного права, поскольку за выход из «особой комнаты» без вынесения решения на судью или чиновника (если он был судьей профессиональным, а не членом народного суда и рассматривал спор в здании суда) накладывались санкции вплоть до лишения должности. Существование принципа обосновывалось необходимостью оперативного и быстрого разрешения дела по существу, а также важностью того, чтобы судья полностью вникал в сущность одной жизненной ситуации, и как следствие, одного гражданского или уголовного дела и только после полного рассмотрения одного дела и вынесения по нему справедливого и объективного решения – приступал к следующему.

Развитие этот принцип получил в Уставе гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. В нем указывалось, что по окончанию судебного разбирательства (словесного состязания) суд удалялся в совещательную комнату (особую комнату) где, обсудив суть дело, выносили по нему решение [4, с. 112]. При этом суд не мог покинуть совещательную комнату до вынесения решения по делу, не говоря уже о рассмотрении других дел. Однако вопрос о непрерывности разбирательства решался таким же образом, как и ранее. Законодательство того времени не различало понятие отложения и перерыва в разбирательстве. Место продолжения судебного разбирательства после его отложения определял сам суд, а законодательные запреты на рассмотрение перерывах других дел в перерывах отсутствовали. Здесь законодатель пошел по пути смягчения острых углов принципа непрерывности судебного разбирательства, а равно устранения чрезмерно формальной процедуры такого разбирательства.

Гражданско-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1923 г. отменил принцип непрерывности судебного разбирательства, однако в кодексе широко применялось понятие отложения дела и, как

следствие, разбирательства[5, с. 735]. Так, статья 99 ГПК РСФСР гласила, что в случае признания судом необходимости личных объяснений неявившейся стороны он откладывает разбирательство, а статья 107, в свою очередь, регламентировала, что «откладывая дело, суд назначает срок для представления или проверки доказательств, а также, если возможно, и день нового заседания». Кроме того, судебное решение выносилось сразу непосредственно после «судоговорения» (судебного разбирательства), причём в ГПУ РСФСР 1923 г. у суда не было возможности вынесения резолютивной части предварительно, за исключением тех случаев, когда в силу сложности и комплексности дела, его анализ и вынесение по нему решения требует продолжительного времени, а равно любой формы предварительной подготовки. В этих случаях суд мог вынести соответствующее особое определение, которое он публично объявлял, предоставляя себе возможность отложить объявление решения на срок не свыше трёх дней.

В 1929 г. в новой редакции ГПК РСФСР было прописано, что при отложении вынесения решения судья обязан был объявить как минимум резолютивную часть решения в том же заседании, в котором дело было завершалось слушанием. Так, А. Г. Гойхбарг писал: «Допустив представление сторонами новых доказательств после начала разбора дела, суд может назначить срок для представления или для проверки этих доказательств (если они не могут быть представлены или проверены в том же заседании). Откладывая по этому поводу дело, суд, если возможно, назначает и день нового заседания для рассмотрения дела по существу». Таким образом, на момент 1929 года советское гражданско-процессуальное законодательство не закрепляло принципа непрерывности судебного разбирательства. Однако, уже в 1940-1950 годы можно встретить судебные решения, а также постановления пленума Верховного Суда СССР о необходимости соблюдения такого принципа [6, с. 75]. При чем если до этого момента такой принцип не был ключевым, то в тот период в судебной практике и учебных пособиях по гражданскому процессу он рассматривается как главенствующий, наряду с принципом состязательности и диспозитивности. Разумеется возникает вопрос о причине такого «вознесения» данного принципа. Можно привести две основных причины упрочения позиций данного принципа. Первой причиной можно назвать начало Великой Отечественной Войны и ранние послевоенные годы, когда при повышенном количестве преступлений, правонарушений и споров о праве, а равно небольшом количестве судей, было необходимо максимизировать эффективность и оперативность их работы. Другой интересный аргумент приводит М. А. Гурвич. Он писал, что такой принцип является прямой аналогией схожей нормы в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. При этом законодательство РСФСР не допускало прямой аналогии уголовного законодательства. Принцип непрерывности переживал свои лучшие года, ему было посвящено огромное количество научных работ и он так прочно вошел в правосознание юристов и ученых, что встречается в учебных пособиях до сих пор, несмотря на его недействительность, поскольку в ГПК Российской Федерации этот принцип существовал до 2017 года, а после был отменен. Законодательством же Украины, начиная с момента ее независимости, такой принцип не был предусмотрен вовсе. Как следствие, до момента принятия ГПК Донецкой Народной Республики, мы применяем ГПК Украины в котором данный принцип отсутствует [7].

Однако в этом плюсов едва ли не больше, чем минусов. Действительно, среди научного и юридического сообщества существует мнение, что исключение или вовсе отсутствие такого принципа негативно сказывается на судебной практике и гражданском судопроизводстве в целом. Рассмотрим их аргументы в поддержку вышеописанного принципа. В частности, законодателем принцип принимался для дисциплинирования участников гражданского судопроизводства, а равно с целью побудить судей рассматривать гражданские дела без необоснованных и ненужных отложений, не допуская проволочек и затягиваний делопроизводства. В случае соблюдения этого принципа, он может стать одной из гарантий обеспечения

рассмотрения гражданских дел в течение разумного срока. Однако это опровергается тем, что принцип не учитывает реального положения дел в судах, нагрузку судей, а также особенностей гражданского судопроизводства. Можно даже сказать, что в случае такого явного несоответствия реальности и нормы права может идти речь о фиктивности принципа, возможности применения его только «на бумаге», а не в реальном делопроизводстве, которое требует вдумчивого рассмотрения дела по существу, а соотношение количества судей и судов с количеством поступающих исковых заявлений и начатых делопроизводств диктует судьям необходимость одновременно рассматривать несколько гражданских дел [8, с. 42].

Однако на этом аргументы сторонников данного принципа не исчерпываются. Во-первых, поскольку из текста ГПК РФ исключено указание на то, что перерыв в судебном заседании объявляется исключительно для отдыха, можно прийти к выводу, что перерыв в судебном заседании может быть объявлен судом по любой, в том числе и надуманной, необъективной причине. Новая редакция ГПК РФ ответа на вопрос, в каких случаях суд объявляет перерыв, а в каких откладывает разбирательство дела, не дает. Само собой, это решается просто включением в ГПК или даже Пленумом ВС РФ соответствующих разъяснений о правовой природе и различиях между перерывом и отложением разбирательства по делу. Отсутствует, как таковая, необходимость из-за неточности в формулировках использовать несколько устаревший принцип непрерывности судебного разбирательства [9, с. 43].

Во-вторых, в новой редакции ГПК РФ не установлены какие-либо ограничения по поводу максимального срока перерыва в судебном заседании, из чего можно прийти к выводу, что суд вправе объявить перерыв в судебном заседании на любой срок в пределах общего срока рассмотрения дела, установленного в ст. 154 ГПК. Способ решения вышеописанных коллизий уже упоминался, поскольку разъяснения Пленума ВС РФ полностью бы исчерпали данные вопросы. Таким образом, само отсутствие принципа непрерывности судебного разбирательства в ГПК РФ не повлекло серьезных проблем или пробелов в праве, а лишь оставило необходимость в небольших разъяснениях. Теперь следует разобрать положительные последствия исключения такого принципа из законодательства Российской Федерации и его полного законодательного закрепления в нормативно-правовых актах Донецкой Народной Республики и Украины.

Прежде всего, из вышеописанного исторического анализа можно сделать вывод, что сам принцип является следствием аналогии или заимствования из уголовного процессуального права. Однако такая аналогия по отношению к гражданскому процессуальному праву является недопустимой и если принцип непрерывности судебного разбирательства по уголовным делам, на существовании которого в уголовном процессуальном праве настаивают представители судейского сообщества, то построение гражданского судопроизводства на механизме непрерывности судебного разбирательства вообще не только не допустимо, но и противопоказано. Судопроизводство по гражданским делам, а также судопроизводство по уголовным делам частного обвинения кардинально отличаются от судопроизводства по уголовным делам по преступлениям общей юрисдикции тем, что гражданские дела и уголовные дела частного обвинения возбуждаются самими судьями и качество их рассмотрения совершенно не сопоставимо с расследованием уголовных дел органами уголовного преследования под надзором органа прокуратуры, в том числе в силу особенностей правоотношений субъектов уголовного процесса и общественной опасности в деянии подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного [10, с. 26]. Кроме того, в Российской Федерации такой принцип был исключен и из Уголовно-процессуального кодекса, что еще раз подчеркивает его слабую применимость на практике.

Кроме того, принцип непрерывности судебного разбирательства предполагает скоротечное его завершение в день открытия производства по делу, что может

навредить объективности решения, поскольку суду нужно время для вдумчивого, правильного и справедливого рассмотрения дела по существу и вынесения такого же, мотивированного решения, а подгоняя суд можно добиться только улучшения судебной статистики, но никак не судебной практики, не говоря уже о защите прав граждан и осуществлению правосудия.

Таким образом, принцип непрерывности судебного заседания в нашей правовой действительности, к сожалению, может существовать и уже долгое время существует лишь на бумаге. Его осуществление на практике сопряжено с серьёзными сложностями, в частности существенная загрузка судей является решающим фактором в данном вопросе. Судьи будут вынуждены делать выбор, перед которым их нельзя ставить: стоит ли сейчас отойти от принципа непрерывности или нарушить права на судопроизводство в разумный срок лиц, участвующих в деле.

Принцип непрерывности судебного разбирательства исходит из нормы предельной нагрузки судей, разработанных в 1996 году [11]. К сожалению, на данный момент эти нормы ни в каком объеме не соответствуют реальному положению дел. Так, в соответствие с этими нормами на рассмотрение по существу одного гражданского дела у суда есть около семи с половиной часов (в среднем), что равняется около пяти-шести вдумчиво рассмотренных по существу гражданских дел в неделю. В нашей же правовой действительности у одного судьи может быть несколько десятков назначенных к рассмотрению дел в один день. Таким образом возникает ситуация, в которой запрет на рассмотрение других дел во время перерыва в судебном заседании судьями не соблюдается. При этом не желая заново начинать рассмотрение дела и снова исследовать доказательства после отложения дела, судья лишь формально уточняет у сторон, согласны ли те на продолжение разбирательства дела с того момента, на котором оно прервалось в прошлый раз.

Следует заметить, что в случае, когда законодательно закреплённая норма права на практике не действует, является «мертвой», то это пагубно влияет на развитие правовой системы государства в целом и судебной системы в частности. При текущей нагрузке судей и особенностях гражданского судопроизводства принцип непрерывности судебного разбирательства не действует и не может действовать. На наш взгляд существование такого принципа в гражданском судопроизводстве является противопоказанным и необоснованным, а также оказывающим негативное влияние на систему гражданского судопроизводства и нереализуемым на данном этапе правового развития общества в Донецкой Народной Республике, Российской Федерации и Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.
2. Советское гражданское процессуальное право: учеб. пособие / под ред. М.А. Гурвича. – М., 1957. – 215 с.
3. Василев И. И. Псковская судная грамота (1397–1467). – Псков, 1896. – 403 с.
4. Васильев С. В. Псковская судная грамота и Устав гражданского судопроизводства. Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. – М.: Квадрига. 2018. – 392 с.
5. Исаев И. А. История государства и права России и СССР. – М., 2016. – 802 с.
6. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 №1618-IV // Ведомости Верховной Рады. – 2004. – № 40-41. ст.492. (ред.)
7. Новый процессуальный кодекс как итог процессуальной реформы. // Стрельцова Е.Г. Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 3 – С. 42-45.
8. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2019. – 450 с.
9. Гражданский процесс / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2015. – 504 с.
10. Об утверждении норм нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных судов : Постановление Минтруда РФ, Минюста РФ от 27.06.1996 № 416/06-74-125

TO THE QUESTION OF THE CONTINUITY OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The article discusses the principle of the continuity of litigation in civil proceedings. The prerequisites of its occurrence, historical development and formation, the essence of this principle and its practical application, as well as the internal contradiction of this principle with the realities of civil proceedings are analyzed. In addition, the place of the principle of the continuity of the trial in the legal reality of the Donetsk People's Republic, the Russian Federation and Ukraine is indicated. In the work, historical, logical-legal, comparative-legal, as well as formal-logical methods are used.

Keywords: continuity of court proceedings, civil proceedings.

Yakubenko B.

Scientific advisor: **Kovalev I.**, Candidate of Law, Senior Lecturer

Donetsk National University

Email: Borya.yakubenko@mail.ru

УДК 342.718

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА

Яременко Д.А.

*Научный руководитель: Степанова Ю.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье проводится анализ становления института двойного гражданства на примере стран Постсоветского пространства, рассмотрены вопросы, связанные с причинами становления данного института. Делается вывод об определяющем воздействии внешних и внутренних факторов на формирование института двойного гражданства.

Ключевые слова: институт двойного гражданства, права человека, гражданство.

Со времен первого объявления о необходимости защиты прав человека, сделанного Ахеменидским шахом Курушем в 538 году до н. э., и до нашего времени данный вопрос остается одним из самых актуальных. С развитием общества появляются новые вопросы касательно обеспечения защиты прав человека в различных сферах его жизнедеятельности. История развития института двойного гражданства берет свое начало еще с Римской Империи, когда физическое лицо могло одновременно иметь правовую связь с двумя государствами, но при этом каждое из них имело право требовать от лица выполнения своих обязанностей по отношению к этому государству.

На современном этапе развития государств и развития глобализационных процессов на фоне расширения международных связей и облегчения заключения договоров, касающихся соглашений о двойном гражданстве лиц проживающих в этих государствах актуальным становится вопрос о распространении института двойного гражданства.

Для рассмотрения целесообразности существования института двойного гражданства стоит обратиться к опыту государств, где данный институт предусмотрен и изучить их правовую базу, регулирующую данные правоотношения.

Российская Федерация всегда стремилась быть демократическим государством, что является одним из факторов способствующих появлению у российских граждан возможности иметь двойное гражданство. Однако следует отметить, что данное право предоставляется гражданам со своего рода условием: при решении каких-либо юридических вопросов с участием физического лица с двойным гражданством будет приоритетно предполагаться, что такое лицо является гражданином Российской Федерации, если иное не предусмотрено Федеральными Законами.

Рассматривая вопрос, о двойном гражданстве необходимо очертить круг нормативных правовых актов, которыми регулируются правоотношения с участием бипатридов. Основными документами являются:

- Конституция Российской Федерации;
- Федеральный Закон «О гражданстве Российской Федерации»
- Постановление ВС РФ «О Декларации прав и свобод человека и гражданина».

Согласно статье 6 Конституции Российской Федерации Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения [1].

Особое внимание, с нашей точки зрения, заслуживают положения Федерального Закона «О гражданстве Российской Федерации». Так, в статье 6 данного закона предусмотрено, что гражданин Российской Федерации, имеющий, иное гражданство рассматривается, прежде всего, как гражданин Российской Федерации. В случае, если иностранный гражданин приобретает гражданство Российской Федерации это не является основанием для лишения его предыдущего гражданства [2].

Согласно части 2 статьи 62 Конституции Российской Федерации Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Таким образом, как видится, согласно Конституции Российская Федерация предоставляет право выбора своим гражданам в вопросе определения ими своего гражданства, и это никак не будет ущемлять их права.

Также следует сказать о немаловажном значении в правовом регулировании вопроса гражданства Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» и огромное значение для разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации, при определении демократических основ регулирования прав и свобод человека и гражданина. Так, согласно статье 5 ВС РСФСР «О Декларации прав и свобод человека и гражданина»:

– каждый имеет право на приобретение и прекращение гражданства в соответствии с законом РСФСР;

– гражданин РСФСР не может быть лишен гражданства Российской Федерации или выслан за ее пределы;

– гражданин РСФСР не может быть выдан другому государству иначе как на основании закона или международного договора РСФСР или СССР;

– Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами [3].

Определение гражданства детей считается одной из наиболее остроугольных и неоднозначных в решении проблем. Поэтому согласно ст. 24 Федерального Закона «О гражданстве Российской Федерации» ребенок приобретает гражданство Российской Федерации, если оба его родителя или единственный его родитель приобретают гражданство Российской Федерации. При этом если его родители утрачивают гражданство Российской Федерации, то ребенок так же утрачивает его, но лишь при условии, что ребенок не становится «лицом без гражданства». Данная норма позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации признается двойное гражданство как у физических лиц обладающих полной дееспособностью, так и у лиц с неполной дееспособностью, связанной с малолетством. Так, в ст. 12 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» предусмотрено, что ребёнок приобретает гражданство РФ в следующих случаях:

– если родители или единственный родитель имеют гражданство Российской Федерации;

– если один из родителей имеет гражданство российской федерации, а другой является лицом без гражданства;

–если один из родителей имеет гражданство российской федерации, а другой является иностранцем, но с условием, что ребенок родился на территории российской федерации;

–если ребенок был рожден на территории российской федерации, но его родители являются иностранными гражданами[2].

Стоит отметить, что существует исчерпывающий перечень случаев, когда лицу может быть отказано в приеме в гражданство, данный перечень закреплен в статье 16 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Следует отметить, что данная норма является лояльной и предусматривает отказ в получении гражданства лишь в случаях совершения лицом серьезных проступков. Кому может быть отказано в заявлении на получение гражданства Российской Федерации:

–если лицо выступает за насильственное изменение конституционных основ Российской Федерации;

–если лицо выдворялось за пределы Российской Федерации за предшествующие пять лет до подачи заявления;

–если лицо предоставило заведомо ложные сведения о себе или предоставило поддельные документы;

–находится на военной, правоохранительной службах иного государства;

–имеют непогашенную судимость.

Таким образом, напрашивается вывод о лояльности законодателя России относительно приобретения российскими гражданами еще одного гражданства. Поэтому граждане Российской Федерации в полной мере пользуются предоставленными возможностями [4, с. 157–161]. Главное, помнить, что на территории Российской Федерации все права и обязанности распространяются даже на бипатридов, а, следовательно, необходимо соблюдать сроки уведомления компетентных органов об изменении гражданского статуса, во избежание предусмотренных законом санкций.

Иной подход можно проследить в государствах с небольшой территорией и меньшим национальным составом, нежели чем в Российской Федерации. Вследствие прихода к власти представителей националистического движения в 1990 года, Республика Армения начала подготовку к этнополитическому самоопределению. На протяжении нескольких лет начиная, с 1988 года Республика Армения, начала сближение с Нагорным Карабахом, но вскоре стало ясно, что воссоединение с Карабахом является недостижимой целью, поэтому Республика Армения начала последовательную борьбу за этнополитическое самоопределение. Курс именно на это направление был обозначен еще Декларацией о независимости от 23 августа 1990 года, которая упраздняла Армянскую ССР и фактически провозглашала все атрибуты новой государственности. Следующим пунктом данной Декларации стало подтверждения суверенитета Республики Армении, а так же действие на всей её территории Конституции и законов Республики Армения.

С учетом многонациональности государства был внесен в Декларацию пункт 4, в котором устанавливалось гражданство Республики Армении для всех национальностей, которые постоянно проживают на ее территории. При этом новым правительством было сделано все, для упрощения процедуры получения гражданства. Гражданами признавались не только лица, проживающие на территории республики, но и родившиеся на территории Республики Армения, родившиеся за пределами республики, но имеющие хотя бы одного родителя гражданина Армении [5]. Но стоит отметить, что Конституция не допускала в Республике двойного гражданства [6].

Шагом, который фактически снял данный запрет, стало проведение референдума в 2005 году, в результате которого были проведены соответствующие конституционные изменения в данную норму. Более того, в Конституции Республики Армения появилась норма, оговаривающая, что права и обязанности лиц, имеющих два и более

гражданства, должны определяться законом. Именно этим объясняется необходимость внесения изменений в законодательство Армении. Соответствующие поправки в национальное законодательство были подготовлены партией Дашнакцутюн. Согласно данным поправкам армяне, которые утратившие своё гражданство, начиная с 1995 года имеют право на его восстановление, при этом без обязательного отказа от вновь приобретенного. Кроме того, граждане Республики Армения имеют право на получение иного гражданства без утраты гражданства Армении.

Для реализации права лиц, желающих получить гражданство Республики Армения, был подготовлен ряд требований:

- постоянное проживание на территории Армении в течении 3-х лет;
- свободное владение армянским языком;
- обязанность знать Конституцию Республики Армения.

Стоит отметить, что принятию гражданства сопутствует появление или лишение соответствующих прав и обязанностей: избирательное право, налогообложение, воинская обязанность. В сфере избирательного права, законодательством Республики Армения установлено, что все граждане, а так же лица, имеющие двойное гражданство, имеют право участвовать в избирательном процессе и отдавать свои голоса в поддержку заявленных кандидатов, при условии, что в этот день они находятся на территории Армении. Однако при этом лица, имеющие двойное гражданство не вправе избираться на пост президента республики и в Национальное Собрание. Также данные правила применяются при избрании судей Конституционного суда: лица, имеющие двойное гражданство не могут претендовать на должность судьи Конституционного Суда Республики Армения [7].

В сфере налогообложения можно сделать вывод, что требования, предъявляемые как к гражданам, так и к лицам, имеющим двойное гражданство, ничем не отличаются [8].

Что касается воинской службы, то тут все достаточно демократично. Так, если лицо, имеющее двойное гражданство проходило службу в иной стране не менее двадцати месяцев или не менее восемнадцати месяцев альтернативной службы, то оно освобождается от воинской повинности на территории Республики Армения. За 2008 год армянское гражданство получили 1410 человек, из которых 1350 – как второе гражданство, а 60 человек до этого являлись лицами без гражданства. Для сравнения отметим, что за предшествующие одиннадцать лет армянское гражданство получили 1735 человек. Значительное увеличение числа получивших гражданство Республики Армения связано с принятием в 2008 году Правительством Армении закона о двойном гражданстве. Эффективность действия законодательства в сфере гражданства дополнительно подтверждает тот факт, что за десять месяцев 2009 года двойное гражданство получили 3514 человек.

Рассматривая вопрос, о наличии института двойного гражданства в том или ином государстве необходимо разобраться с причинами его возникновения, потребность внедрения данного института в правовую составляющую государства может быть вызвана обстоятельствами напрямую независимыми от внутригосударственных факторов. Вопросы о гражданстве никогда не возникают на пустом месте. Чаще всего данные вопросы появляются вследствие общественно-мировых потребностей на фоне обострения внутривнутриполитической ситуацией. Все эти требования оказывают влияние на внутринациональное законодательство. Так вследствие массового переселения в Германию граждан Турции, а так же беженцев с Востока, в 2014 году был принят закон, предусматривающий возможность получения двойного гражданства лицами, которым уже исполнился 21 год, а также, чьи родители не являются гражданами Германии (необходимо уточнить, что закон Германии «О гражданстве» в редакции 1913 г. не предусматривал института двойного гражданства). В итоге, в новой редакции закона появилось несколько критериев для получения гражданства:

- проживание на территории Германии более 8 лет;
- получение школьного образования в Германии в течение 6 лет;
- наличие аттестата о школьном или профессиональном образовании, полученном в Германии.

Очевидно, что не для всех иностранцев указанные нововведения приемлемы и выполнимы (в отличие от германско-турецких династий, оказавшихся в выигрышном положении) [9, с. 304]. В целом, миграционные процессы, происходящие в Германии, имеют две стороны: с одной стороны наличие двойного гражданства является полной либерализацией в отношении мигрантов, которые ищут лучшей жизни. Развитие культурного обмена тесно связано с данными процессами, а каждый приезжий мигрант способствует расширению понимания других культурных ценностей среди коренных немцев. С другой стороны, и данное обстоятельство следует отнести к отрицательным факторам, значительное увеличение удельного веса мигрантов приводит к утрате коренных, национальных ценностей [10, с. 280].

Стоит ли считать, что Staatsangehörigkeitsgesetz (закон Германии «О гражданстве») стал в Европе некой точкой «либерального невозврата». В обозримом будущем данная инициатива вполне может выступить катализатором дальнейшей либерализации в вопросах выдачи европейского гражданства. Однако невозможно игнорировать процесс, идущий параллельно завоеваниям либералов: в Германии стремительно активизируются сторонники правых идей, в том числе выступающие за радикальное толкование последних. Некогда распространённое мнение, что правые и, в особенности, ультраправые идеи были окончательно скомпрометированы событиями середины XX в., демонстрирует всё более явную несостоятельность.

Говорить о торжестве правого лагеря, вне всяких сомнений, преждевременно. Но новый закон вполне может подготовить почву для новой парадигмы в долгосрочной перспективе, и убеждённость многих политиков в принципиальной невозможности такого перехода сделает его ещё более неожиданным и, возможно, болезненным для Европы и её партнёров [11].

Институт двойного гражданства не всегда необходим лишь государствам с высоким уровнем жизни, в которые стремятся переехать граждане иных государств для улучшения своего благосостояния или вследствие конфликтов, происходящих на их территориях. Примерами государств, которые учредили данный институт для укрепления правовых связей с коренными жителями являются Республика Молдова и Литовская Республика. Республика Молдова (далее по тексту Молдова) является одной из таких государств. Изначально двойное гражданство предусматривалось лишь в случаях подписания международных договоров между странами, но уже в 2003 году был проведен ряд конституционных изменений, направленных на расширение случаев получения двойного гражданства. Сейчас множественность гражданств допускается в соответствии с Органическим законом Республики Молдова «О гражданстве Республики Молдова», в частности:

- если ребенок приобрел гражданство Молдовы и иного государства автоматически при рождении;
- если лицо является гражданином Молдовы и иного государства, если это гражданство приобретено автоматически при заключении брака;
- если лицо является гражданином Молдовы и приобретает гражданство иного государства автоматически при усыновлении;
- если гражданство вытекает из международных договоров, участницей которых является Молдова;
- если отказ от гражданства другого государства или его утрата невозможны либо их нельзя обоснованно требовать;
- а также в других случаях предусмотренных законом [12].

Рассматривая постсоветские государства, стоит обратить внимание на Литовскую Республику. Так, в соответствии Конституцией Литовской Республики, а именно ч. 3 ст. 12 никто не может одновременно являться гражданином Литвы и другого государства. При этом закон «О гражданстве Литовской Республики» определяет, что гражданство Литвы не имеет ограниченного срока, и все лица, которые на момент 1940 года являлись гражданами или проживали на территории Литвы, а также их потомки остаются гражданами Литвы по настоящее время, даже с учетом оседлости в ином государстве. Очевидно противоречие между нормами основного закона Литвы и ее законами. На данное противоречие в своем Постановлении от 13 ноября 2006 обратил внимание и Конституционный суд Литовской Республики: в этих законодательных актах, регламентирующих двойное гражданство, были установлены привилегии для лиц коренной национальности, а значит, ущемлялись права и свободы граждан иной национальной принадлежности [13, с. 2].

Как следствие указанного решения Конституционного суда было принятие нового закона о гражданстве. В соответствии со статьей 7 Закона Литовской Республики от 2 декабря 2010 г. № XI-119 «О гражданстве Литовской Республики», литовским гражданам предоставляется право иметь двойное гражданство в следующих случаях: а) если лицо получило гражданство Литовской Республики и иного государства при рождении, и ему не исполнилось 21 года; б) если лицо было выслано или покинуло Литовскую Республику до 11.03.1990 г. и получило гражданство иного государства; в) если лицо получило гражданство иного государства автоматически при заключении брака; г) если лицу не исполнилось 21 год, он стал гражданином Литовской Республики путём усыновления до достижения им 18 лет; д) если лицо получило гражданство Литовской Республики в случае исключения, являясь гражданином иного государства; е) если лицо получило гражданство Литовской Республики имея статус беженца в Литовской республике [14].

Таким образом, мы видим, что развал СССР стал неким катализатором в процессе развития института двойного гражданства в государствах постсоветского пространства. Безусловно фактор распада государства не является единственным и решающим фактором развития данного института в новообразовавшихся государствах, но при этом нельзя и не отметить его значения, как определяющего и способствовавшего перелому в сознании граждан и политики новообразованных государств.

Таким образом, мы приходим к выводу, что две основные категории факторов играющих роль при учреждении института двойного гражданства в государствах по-разному влияют на темпы развития института. Наиболее значимым внутренним фактором является демография: при низких темпах прироста населения, возможен экономический кризис вызванный нехваткой денежных средств, получаемых с налогами от населения. Иным внутренним фактором является этнический, который является производным от демографического, но при этом может оказывать и самостоятельное воздействие. Определяющее воздействие этнического фактора характерно для государств с традиционными системами, к которым можно отнести, например, Республику Армения. Также не стоит забывать о внешних факторах (эмиграционные процессы), способствующих учреждению и развитию института двойного гражданства. Таким образом, мы не можем сделать вывод о преимущественном влиянии тех или иных факторов вследствие исторического развития государства, его географического расположения, а также тех причин, которые сыграли роль для учреждения данного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // СЗ РФ, 04.08.2014, N 31.

2. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон 31.05.2002 № 62-ФЗ от (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2019). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. – дата обращения 25.01.2020. – Загл. с экрана.
3. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РСФСР от 22.11.1991. № 1920-1. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/. – дата обращения 25.01.2020. – Загл. с экрана.
4. Белов, А.В. Двойное гражданство и проблема лояльности // Правоведение – №2. – 2002. – С.157-161.
5. О гражданстве Республики Армения: закон Республики Армения от 06.11.1995, № С-061-1-ЗР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2915. – дата обращения: 27.01.2020. – Загл. с экрана.
6. Конституция Республики Армения: принята всенар. голосованием 5 июля 1995 года (в ред. от 27 ноября 2005 года; в ред. от 6 декабря 2015 года) // <http://www.president.am/ru>: официальный сайт президента Республики Армения // URL: <http://www.president.am/ru/constitution>. – дата обращения 01.02.2020. – Загл. с экрана.
7. О правовом положении иностранных граждан в Республике Армения: Закон Республики Армения: от 17.07.1994 г. (с изм. от 2001 г.) № С-1075-1-ЗР-110. – [Электронный ресурс]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2922. – дата обращения 20.01.2020. – Загл. с экрана.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2020). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – дата обращения 25.01.2020. – Загл. с экрана.
9. Kelek N. Bittersüße Heimat: Bericht aus dem Inneren der Türkei. Goldmann, 2009. 304 S.
10. Tagesschau. Available at: <http://www.tagesschau.de> Koalition einigt sich beim Doppelpass. Available at: <http://www.tagesschau.de/inland/doppelte-staatsbuergerschaft100.html> (Accessed 10 January 2015). 280.
11. Салкина, М. С. Международное значение закона о двойном гражданстве в Германии // Вестник МГИМО [Электронный ресурс]. – 2015. – №2 (41). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-znachenie-zakona-o-dvoynom-grazhdanstve-v-germanii>. – Дата обращения: 05.10.2019.
12. О гражданстве Республики Молдова: Закон Республики Молдова от 02.06.2000 г. № 1024-ХМ. – [Электронный ресурс]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3258. – дата обращения 25.01.2020. – Загл. с экрана.
13. Худoley К.М., Худoley Д.М. Двойное гражданство в странах СНГ и Балтии // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynoe-grazhdanstvo-v-stranah-sng-i-baltii> (дата обращения: 06.02.2020).
14. О гражданстве: Закон Литовской Республики от 02.12.2010 г. № XI-1196 [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/9c2bc673c13911e682539852a4b72dd4?jfwid=32wfbf9o>. – дата обращения 28.01.2020. – Загл. с экрана.

THE INSTITUTION OF DUAL CITIZENSHIP AS A GLOBALIZING PROCESS FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Annotation. This paper examines the issue of the formation of the Institute of dual citizenship in the post-Soviet space, considering issues related to the reasons for the formation of this institution. The processes that contribute to the establishment of the institution of dual citizenship in the post-Soviet countries are identified.

Keywords: Institute of dual citizenship, human rights, citizenship.

Yaremenko D.

Scientific supervisor: Stepanova Yu., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail:

deoles.yaremenko@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
2020. – Вып. 12**

**Том 4
Юриспруденция**

Часть 2

Оригинал-макет подготовлен *А.К. Миронова*

Подписано в печать 25.02.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 25,07

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.